ХАРКІВСЬКЕ ОБЛАСНЕ ІСТОРИКО-АРХЕОЛОГІЧНЕ ТОВАРИСТВО
ХАРКІВСЬКИЙ НАЦІОНАЛЬНИЙ УНІВЕРСИТЕТ ім. В. Н. КАРАЗІНА

ПРОБЛЕМИ ІСТОРІЇ ТА АРХЕОЛОГІЇ УКРАЇНИ

Матеріали міжнародної наукової конференції,
присвяченої 10-річчю незалежності України

16–18 травня 2001 року

Харків
2001

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОГРАММА МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«Проблемы истории и археологии Украины» 5

ПАЛЕОЛИТ – БРОНЗА

С. И. Берестнев (Харьков)
К ВОПРОСУ О ФИНАЛЕ СРУБНОЙ ОБЩНОСТИ В ЛЕСОСТЕПИ ВОСТОЧНОЙ УКРАИНЫ 13

А. А. Бритюк (Луганск)
ФРАГМЕНТЫ ЛИТЕЙНОЙ ПОСУДЫ
С ЭНЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ НА СЕВЕРСКОМ ДОНЦЕ 13

Ю. В. Буйнов (Харьков)
О МАРЬЯНОВСКОЙ ЛИНИИ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ НАСЕЛЕНИЯ ЛЕВОБЕРЕЖНОЙ
ЛЕСОСТЕПНОЙ УКРАИНЫ И ПОЛЕСЬЯ БРОНЗОВОГО ВЕКА 15

Д. Л. Гаскевич (Київ)
ПРО ПОШИРЕННЯ У ПОЛІССІ НЕОЛІТИЧНИХ ПАМ'ЯТОК ДНІПРО-ДОНЕЦЬКОЇ КУЛЬТУРИ
(за даними крем'яного інвентаря) 16

Ю. Э. Демиденко (Симферополь)
ПРОБЛЕМЫ ОРИНЬЯКА И СЮРЕНЬ-I (КРЫМ) КАК ОПОРНЫЙ ПАМЯТНИК ОРИНЬЯКА ТИПА
КРЕМС-ДЮФУР ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ 17

А. Г. Кифишин (Мелитополь)
ПРОТОШУМЕРСКИЙ АРХИВ КАМЕННОЙ МОГИЛЫ (ШУНУН) XII–III тыс. до н. э. 18

И. Ф. Ковалева (Днепропетровск)
ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ПОЗДНЕМ ЭНЕОЛИТЕ
СТЕПНОГО ДНЕПРО-БУГСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ 19

В. В. Корнієнко (Київ)
АНТРОПОМОРФНА СКУЛЬПТУРА ДОБРАНІЧІВСЬКОЇ СТОЯНКИ 20

Д. П. Кравец (Артёмовск)
К ВОПРОСУ О СТРЕЛОДЕЛАХ ДОНЕЦКОЙ КАТАКОМБНОЙ КУЛЬТУРЫ 21

Л. Кулаковська (Київ)
ПАЛЕОЛІТИЧНІ КОМПЛЕКСИ СТОЯНКИ КОРОЛЕВЕ НА ТИСІ 22

Р. О. Литвиненко (Донецьк)
ДО ОЦІНКИ ДЖЕРЕЛЬНОЇ БАЗИ КУЛЬТУРИ БАГАТОВАЛИКОВОЇ КЕРАМІКИ (БАБИНО) 22

С. С. Лысенко, С. Д. Лысенко (Киев)
НОВАЯ НАХОДКА БУЛАВКИ КОМАРОВСКОГО ТИПА 23

В. А. Манько (Луганск)
ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ
НЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ У ОЗЕРА ТУБА 24

Б. Д. Михайлов (Мелитополь)
СЦЕНЫ «СВЯЩЕННОГО БРАКА» В ПЕТРОГЛИФАХ КАМЕННОЙ МОГИЛЫ
(поздний палеолит–ранняя бронза) 25

Ю. В. Панченко (Київ)
НЕОЛІТИЧНІ ДРІБНІ ВИРОБИ ЗІ СТЕАТИТУ 26

В. И. Пиоро (Киев)
ПОГРЕБЕНИЯ МАСТЕРОВ КАТАКОМБНОЙ КУЛЬТУРЫ В КУРГАНАХ ЛУГАНСКОЙ ОБЛАСТИ 27

З. Х. Попандопуло (Запорожье)
ЛИТЕЙНЫЕ ФОРМЫ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ 28

О. Я. Привалова, А. И. Привалов (Донецк)
НОВЫЕ ДАННЫЕ О ПАМЯТНИКАХ ЭПОХИ БРОНЗЫ В БАССЕЙНЕ РЕКИ КАЛЬМИУС 29

С. Н. Разумов (Донецк)
КРЕМНЕВЫЕ НАКОНЕЧНИКИ КОПИЙ И ДРОТИКОВ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ ЯМНОЙ
КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ 30

Ю. Я. Рассамакин (Киев)
КАМЕННЫЕ НАВЕРШИЯ КИЧКАССКОГО ТИПА КАК СВЯЗУЮЩЕЕ ЗВЕНО
ПОЗДНЕЭНЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ СРЕДНЕГО И НИЖНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ 31

В. И. Ревенко (Харьков)
РАННЕСРУБНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ У с. СТАРЫЙ МЕРЧИК 32

М. С. Сергеева (Киев)
ПЕРЕКРЕЩЕННЫЙ КРУГ («КОЛЕСО СО СПИЦАМИ») КАК СИМВОЛ 33

М. П. Сиволап (Черкаси)
СЕРЕДНЯ НАДДНІПРЯНЩИНА В СИСТЕМІ ПАМ'ЯТОК ЯМНОЇ КУЛЬТУРНО-ІСТОРИЧНОЇ ОБЛАСТІ 34

І. А. Сніжко (Харків)
ДЕЯКІ ПІДСУМКИ ДОСЛІДЖЕННЯ СЛІДІВ УТИЛІЗАЦІЇ МИСЛИВСЬКОЇ ЗДОБИЧІ НА АМВРОСІЇВСЬКОМУ КІСТКОВИЩІ 36

Д. В. Ступак (Київ)
КРЕМЕНЕОБРОБКА ЯНІСЛАВИЦЬКОЇ КУЛЬТУРИ УКРАЇНСЬКОГО ПОЛІССЯ 37

Г. Тощев (Запорожье)
ОБ ОДНОЙ ИЗ КУЛЬТУР ЭПОХИ РАННЕЙ БРОНЗЫ КРЫМА 37

С. В. Федяев (Часов-Яр)
К ВОПРОСУ О МИРЕ ДЕТСТВА СКОТОВОДЧЕСКИХ ОБЩЕСТВ БРОНЗОВОГО ВЕКА 38

В. В. Цимиданов (Донецк)
КРЕМАЦИЯ В СРУБНОЙ КУЛЬТУРЕ КАК СТАТУСНЫЙ ЗНАК 40

И. Т. Шатохин, А. В. Храмов (Белгород), О. И. Шумилов (Санкт-Петербург)
ОСОБЕННОСТИ РАСПОЛОЖЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ В ЗОНЕ МАГНИТНОЙ АНОМАЛИИ (на примере поймы р. Оскол) 41

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

Л. И. Бабенко (Харьков)
О ХАРАКТЕРЕ ПОГРЕБЕНИЙ С ВЕЩАМИ СКИФСКОГО ТИПА В ДОНЕЦКО-ДОНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ 42

А. В. Бандуровский (Харьков)
АНТИЧНАЯ СТОЛОВАЯ ПОСУДА ИЗ ЛЕВОБЕРЕЖНОЙ ЛЕСОСТЕПНОЙ УКРАИНЫ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ 43

Ю. Н. Бойко (Винница)
КЕРАМИКА ПОГРЕБЕНИЙ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ У с. КУПЬЕВАХА 43

С. Б. Вальчак, К. Б. Фирсов (Москва)
КОЛЛЕКЦИИ ИЗ РАСКОПОК И. А. ЗАРЕЦКОГО В СОБРАНИИ ГИМ 44

А. В. Гейко (Полтава)
ДО ПИТАННЯ ДОСЛІДЖЕННЯ ВІДБИТКІВ НА КЕРАМІЦІ СКІФСЬКОГО ЧАСУ 45

Д. С. Гречко (Харьков)
НОВЫЕ ДАННЫЕ О ПАМЯТНИКАХ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ ХАРЬКОВЩИНЫ 47

М. Н. Григорьянц, Г. В. Бейдин (Харьков)
О НАХОДКАХ ПРЕДМЕТОВ САВРОМАТСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В БАССЕЙНАХ СЕВЕРСКОГО ДОНЦА И ВОРСКЛЫ 47

Л. С. Ильюков (Ростов-на-Дону)
ОРИГИНАЛЬНЫЙ ТИП НАВЕРШИЯ ЖЕЗЛА СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ 48

Л. В. Карпенко (Київ)
ДЕЯКІ ПИТАННЯ ПОХОДЖЕННЯ СКІФСЬКОГО ЗВІРИНОГО СТИЛЮ 49

В. А. Косиков (Донецк)
О СЫРЬЕВОЙ БАЗЕ ОРУЖЕЙНИКОВ СТЕПНОЙ СКИФИИ (на материалах Чертомлыкского некрополя) 50

Б. А. Шрамко (Харьков)
К ВОПРОСУ ОБ ИКОНОГРАФИИ СКИФОВ 50

А. Л. Щербань (Полтава)
ОСОБЛИВОСТІ РОЗТАШУВАННЯ ПАМ'ЯТОК VIII–III ст. до н. е. ПОБІЛЯ ДИКАНЬКИ 51

О. М. Ярошкевич (Дніпропетровськ)
РОБОТА С. А. СЕМЕНОВА-ЗУСЕРА «СКИФСКАЯ ПРОБЛЕМА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКЕ (1692–1947)» У КОНТЕКСТІ ІСТОРІОГРАФІЇ СКІФОЗНАВСТВА 52

АНТИЧНЫЙ МИР

В. В. Абрамова (Запорожье)
ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНТАКТЫ ИЛЛИРИЙСКИХ ПЛЕМЕН в конце IV–начале III вв. до н. э. 54

Бани Мустафа Хассан (Иордания)
АНТИЧНОЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ИОРДАНИИ 55

Н. Н. Болгов (Белгород)
ЭВОЛЮЦИЯ ПОЗДНЕАНТИЧНОГО КОСТЮМА В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ
КАК ПРОЯВЛЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО КОНТИНУИТЕТА 56

А. М. Бутягин (Санкт-Петербург)
К ВОПРОСУ О ГРЕКО-ВАРВАРСКОЙ ТОРГОВЛЕ в VII–VI вв. до н. э. 57

Н. В. Галченко, Т. Н. Арбузова (Керчь)
ПЕРВООЧЕРЕДНЫЕ ЗАДАЧИ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ АНТИЧНОГО ГОРОДИЩА НИМФЕЙ 57

А. Л. Ермолин (Керчь)
ОХРАННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КУРГАНОВ В РАЙОНЕ с. ЗАВЕТНОЕ
(ЛЕНИНСКИЙ РАЙОН АР КРЫМ) 58

Д. В. Журавлев (Москва)
КРАСНОЛАКОВАЯ КЕРАМИКА ХЕРСОНЕСА первых веков н. э.
(предварительная информация) 59

В. М. Зубар (Київ)
ДО ІНТЕРПРЕТАЦІЇ ОДНІЄЇ СПОРУДИ НА ТЕРИТОРІЇ РИМСЬКОЇ ЦИТАДЕЛІ ХЕРСОНЕСА 61

О. М. Ильина (Харьков)
КУЛЬТ ГЕРАКЛА В ГОРОДАХ ЗАПАДНОГО ПОНТА В РИМСКИЙ ПЕРИОД 62

М. А. Колесников (Симферополь)
МЕТОД ГРУБОЙ ОЦЕНКИ ДИНАМИКИ РОСТА ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ
И ВОЗРАСТА ГРЕЧЕСКОЙ КОЛОНИИ ПО ПОЛНОЙ ПЛОЩАДИ ГОРОДИЩА 63

В. В. Крапивина (Киев)
О КОЛЛЕГИИ АГОРАНОМОВ В ОЛЬВИИ В ПЕРВЫЕ ВЕКА НАШЕЙ ЭРЫ 63

Е. С. Красюк (Донецк)
ВКЛАД АНТИКВАРИЗМА В ИЗУЧЕНИЕ АНТИЧНОСТИ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ в XVII–XVIII вв. ... 64

Т. Н. Крупа (Харків)
ОСОБЛИВОСТІ ХІМІКО-ТЕХНОЛОГІЧНИХ ДОСЛІДЖЕНЬ АРХЕОЛОГІЧНОГО ТЕКСТИЛЮ 66

В. А. Латышева (Харьков)
ЧЕРНОЛАКОВАЯ КЕРАМИКА ИЗ РАСКОПОК ПОСЕЛЕНИЯ ХЕРСОНЕССКОЙ ХОРЫ МАСЛИНЫ ... 67

С. Д. Литовченко (Харьков)
АРМЯНО-РИМСКИЕ ОТНОШЕНИЯ в 90-е гг. I в. до н. э. 67

А. П. Мартемьянов (Харьков)
СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ НИЖНЕЙ МЕЗИИ И ФРАКИИ
В СОВРЕМЕННОМ БОЛГАРСКОМ АНТИКОВЕДЕНИИ 68

К. Ю. Нефедов (Харьков)
ЛИСАНДР СПАРТАНСКИЙ И ЗАРОЖДЕНИЕ КУЛЬТА ПРАВИТЕЛЯ В ГРЕЧЕСКОМ МИРЕ 69

А. Г. Плешивенко (Запорожье), О. В. Фатеев (Никополь)
НОВАЯ КОЛЛЕКЦИЯ АМФОРНЫХ КЛЕЙМ КАПУЛОВСКОГО ГОРОДИЩА 70

О. А. Ручинская (Харьков)
К ВОПРОСУ О ТЕНДЕНЦИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ ГРАЖДАН
АНТИЧНЫХ ГОРОДОВ ЗАПАДНОГО ПОНТА 71

Ю. С. Рыжова (Севастополь)
СТЕКЛЯННЫЕ КУБКИ С РЕЛЬЕФНЫМ ОРНАМЕНТОМ В ВИДЕ БУТОНОВ
ЛОТОСА ИЗ ХЕРСОНЕСА 72

И. П. Сергеев (Харьков)
КРИЗИС III века И ПЕРИОДИЗАЦИЯ ИСТОРИИ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ 73

И. Е. Смирнова (Донецк)
ПОПЫТКА СТАТИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА КОМПЛЕКСОВ
ПАНТИКАПЕЙСКОГО НЕКРОПОЛЯ I–III вв. н.э. 73

Р. В. Стоянов (Киев)
К ВОПРОСУ О СКЛЕПАХ В НЕКРОПОЛЕ ХЕРСОНЕСА
КЛАССИЧЕСКОГО И ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ПЕРИОДОВ 75

Т. В. Убогая (Ростов-на-Дону)
ГЛИНЯНЫЕ ШТАМПЫ ИЗ ТАНАИСА
(К вопросу о религиозной жизни танаитов в первые вв. н. э.) 76

Н. Ф. Федосеев (Керчь)
ТЕАТР В ПАНТИКАПЕЕ 76

А. Г. Чередниченко (Харьков)
К ВОПРОСУ О ЛОКАЛИЗАЦИИ ПРАРОДИНЫ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ:
БАЛКАНЫ И ИНДОЕВРОПЕЙСКАЯ ПРОБЛЕМА 77

Д. Е. Чистов (Санкт-Петербург)
МАЛЫЕ ГОРОДА БОСПОРА в IV в. до н. э. 78

Чурилова Л. Н. (Днепропетровск)
ГОЛОВА ЖЕНСКОЙ СТАТУИ ИЗ БОСПОРА КИММЕРИЙСКОГО 79

А. В. Шевченко (Севастополь)
БОГИ-«СОТЕРЫ» ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО 80

Л. Г. Шепко (Донецк)
К ВОПРОСУ О ЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЯХ НА БОСПОРЕ в V–III вв. до н.э. 80

ВИЗАНТИЯ, ХАЗАРИЯ И КОЧЕВНИКИ

В. С. Аксенов (Харьков)
СТРУКТУРА СЕМЬИ У АЛАН БАССЕЙНА СЕВЕРСКОГО ДОНЦА
ПО ДАННЫМ КАТАКОМБНЫХ МОГИЛЬНИКОВ САЛТОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ 83

И. А. Антонова (Севастополь), С. Б. Сорочан, Т. Н. Крупа (Харьков)
ОПЫТ КОНСЕРВАЦИОННЫХ РАБОТ ХАРЬКОВСКОГО ОТРЯДА ЭКСПЕДИЦИИ «ЦИТАДЕЛЬ»
(НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЗАПОВЕДНИК «ХЕРСОНЕС ТАВРИЧЕСКИЙ») 84

К. Ю. Бардола (Харьков)
ОБ ЭТАПАХ НАЛОГОВОЙ ПОЛИТИКИ АРАБОВ в VII–VIII вв. 85

А. А. Белик (Харьков)
О САЛТОВСКО-ВЕНГЕРСКИХ КОНТАКТАХ в VIII в. ПО МАТЕРИАЛАМ ПОЯСНЫХ НАБОРОВ 86

В. Г. Бережанский (Киев)
ВОЕННОЕ ДЕЛО ХАЗАРСКОГО КАГАНАТА 87

С. Г. Бочаров (Симферополь)
ЗАМЕТКИ ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ ГЕНУЭЗСКОЙ ГАЗАРИИ XIV–XV веков 89

П. Г. Волченко (Донецк)
ВООРУЖЕНИЕ МОНГОЛЬСКИХ ВОЙСК В СЕРЕДИНЕ XIII ВЕКА 90

А. Г. Герцен, Н. А. Алексеенко (Севастополь)
ВИЗАНТИЙСКИЕ МОЛИВДОВУЛЫ ИЗ РАСКОПОК МАНГУП-КАЛЕ 90

А. Н. Домановский (Харьков)
ГОСУДАРСТВО И ОПТОВАЯ ТОРГОВЛЯ ПРОДОВОЛЬСТВИЕМ В ВИЗАНТИИ VIII–X вв.:
СКРЫТЫЕ МЕХАНИЗМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ 92

С. В. Дьячков (Харьков)
РАСКОПКИ «КОНСУЛЬСКОЙ ЦЕРКВИ» В ЧЕМБАЛО в 1999–2000 гг. 93

А. Дягилев (Екатеринбург)
РУСЬ И ДЕШТ-И-КИПЧАК: НАПРАВЛЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ X–нач. XVI в. 94

А. А. Иванов (Ростов-на-Дону)
К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРНО-ЭТНИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ
ПОГРЕБЕНИЙ ИЗ КУРГАНОВ С РОВИКАМИ ПО ДАННЫМ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА 96

А. В. Иванов (Севастополь)
ОБРАЗОВАНИЕ РАННИХ ГОРОДСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ И ЭТНИЧЕСКИЕ
ПРОЦЕССЫ В ЮГО-ЗАПАДНОЙ И ЮЖНОЙ ТАВРИКЕ X–XIII вв. 96

М. К. Кеда (Чернигов)
ИСТОРИЯ ВИЗАНТИИ В ТВОРЧЕСТВЕ М. ПЕТРОВА 97

Р. В. Костенко (Одесса)
ТУРЕЦКИЙ ХАДЖИБЕЙ-СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ПРЕДШЕСТВЕННИК ОДЕССЫ 99

Э. Е. Кравченко (Донецк)
ГОНЧАРНАЯ МАСТЕРСКАЯ СИДОРОВСКОГО ГОРОДИЩА 100

К. И. Красильников, Л. И. Красильникова (Луганск)
К ВОПРОСУ ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В СТЕПНОМ ПОДОНЦОВЬЕ в VIII–нач. X вв. 101

А. В. Крыганов (Сумы)
СОСТОЯНИЕ И ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ ВЕРХНЕСАЛТОВСКОГО
АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ПАМЯТНИКА 102

В. В. Литовченко (Харьков)
ВИЗАНТИЙСКАЯ ЗНАТЬ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ЛЬВА VI МУДРОГО 103

П. П. Лесничий (Днепропетровск)
ВКЛАД Д. И. ЯВОРНИЦКОГО В ИЗУЧЕНИЕ ПОЗДНЕКОЧЕВНИЧЕСКИХ
ДРЕВНОСТЕЙ СТЕПНОГО ПОДНЕПРОВЬЯ 103

В. В. Майко (Симферополь)
О МЕСТОРАСПОЛОЖЕНИИ ПРАВОСЛАВНОЙ ФУЛЛЬСКОЙ ЕПАРХИИ 104
Н. Е. Миненкова (Донецк)
ЛЕТОПИСНАЯ ТРАДИЦИЯ О ПЕЧЕНЕГАХ, ТОРКАХ, ПОЛОВЦАХ 105
Л. Ю. Пономарев (Керчь)
НОВЫЙ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЙ МОГИЛЬНИК В ОКРЕСТНОСТЯХ КЕРЧИ 106
С. М. Свистович (Київ)
ОРГАНІЗАЦІЯ ВІЙСЬКА ТОРКІВ 107
Г. Е. Свиступ (Люботин)
САЛТОВСКАЯ ОБОРОНИТЕЛЬНАЯ ЛИНИЯ МОХНАЧАНСКОГО ГОРОДИЩА 108
С. Б. Сорочан (Харьков)
РАННЕВИЗАНТИЙСКИЙ СЕКТОР УСЛУГ: СТРОИТЕЛЬНОЕ ДЕЛО (IV–IX вв.) 109
М. Л. Швецов (Донецк)
ПОГРЕБЕНИЕ 40 МОГИЛЬНИКА ЗЛИВКИ 110
В. Ю. Юрочкин (Симферополь), Е. Я. Туровский (Севастополь)
ЛЕКИФЫ С ЛИКАМИ СВЯТЫХ ИЗ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ
(К ВОПРОСУ ИДЕНТИФИКАЦИИ ОБРАЗОВ) 111

СЛАВЯНЕ И КИЕВСКАЯ РУСЬ

К. А. Аверьянов (Москва)
О ЗНАЧЕНИИ ТЕРМИНА «ТЬМА» ДРЕВНЕРУССКИХ ИСТОЧНИКОВ 113
А. В. Артемьев (Полтава)
К ВОПРОСУ О ФИЗИЧЕСКОМ СОСТОЯНИИ ЛЕТОПИСНЫХ СЕВЕРЯН ПОВОРСКЛЬЯ 115
Ю. Ю. Башкатов (Киев)
ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВО КИЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ 116
С. А. Безклубая (Москва)
ИСТОРИЯ КИЕВСКОЙ РУСИ В УКРАИНСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ 117
Г. В. Бейдин, М. Н. Григорьянц (Харьков)
НАХОДКИ ПРЕДМЕТОВ ВООРУЖЕНИЯ НА ПАМЯТНИКАХ ЧЕРНЯХОВСКОЙ
КУЛЬТУРЫ В БАССЕЙНАХ ВОРСКЛЫ И СЕВЕРСКОГО ДОНЦА 118
Т. М. Власова (Київ)
ВІКЕНТІЙ В'ЯЧЕСЛАВОВИЧ ХВОЙКА – ВИДАТНИЙ УКРАЇНСЬКИЙ АРХЕОЛОГ 119
С. А. Горбаненко (Киев)
ФРАГМЕНТЫ СЕРПОВ ИЗ ПОСЕЛЕНИЯ ЗАНКИ 120
М. В. Ельников (Запорожье)
К ВОПРОСУ ОБ ЭТНИЧЕСКОМ СОСТАВЕ НАСЕЛЕНИЯ НИЖНЕГО
ПОДНЕПРОВЬЯ В ЗОЛОТООРДЫНСКИЙ ПЕРИОД 121
В. В. Колода (Харьков)
КУЛЬТОВЫЕ КОМПЛЕКСЫ МОХНАЧАНСКОГО ГОРОДИЩА 122
М. В. Любичев (Харьков)
НАЗЕМНЫЕ ЖИЛИЩА ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ
ВЕРХНИХ ТЕЧЕНИЙ ВОРСКЛЫ И СЕВЕРСКОГО ДОНЦА 123
П. С. Михайлов (Киев)
ТЕХНОЛОГИЯ ПРОИЗВОДСТВА ИЗДЕЛИЙ
С ПЕРЕГОРОДЧАТОЙ ЭМАЛЬЮ В КИЕВСКОЙ РУСИ XII–XIII вв. 124
О. В. Сухобоков (Киев)
К СТОЛЕТИЮ РОМЕНСКОЙ КУЛЬТУРЫ: НОВЫЕ РАСКОПКИ ГОРОДИЩА МОНАСТЫРИЩЕ 125
С. Тараненко (Киев)
К ПРОБЛЕМАМ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО СТЕКЛОДЕЛИЯ ПО МАТЕРИАЛАМ КИЕВА 126
Р. М. Чайка (Львів)
ПРОБЛЕМИ ПОСЕЛЕННЯ ДУЛІБІВ В ТВОРЧОСТІ М. ГРУШЕВСЬКОГО 127
О. А. Щеглова (Санкт-Петербург)
«АНТСКИЕ» КЛАДЫ ХАРЬКОВЩИНЫ. ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ. 128

ИСТОРИЯ СЛОБОДСКОЙ УКРАИНЫ

Т. М. Безрукова (Харків)
КЛЕЙМА «ХАРЬКОВСКОЙ ФАБРИКИ «ТОВАРИЩЕСТВА ФАРФОРОВЫХ
И ФАЯНСОВЫХ ИЗДЕЛИЙ М. С. КУЗНЕЦОВА» В БУДАХ» 131

І. В. Бондаренко (Донецьк)
ОГЛЯД ПУБЛІКАЦІЙ ТОПОГРАФІЧНИХ ОПИСІВ ХАРКІВСЬКОГО НАМІСНИЦТВА
ОСТАННЬОЇ ЧВЕРТІ XVIII ст. 131

М. С. Вороніна (Харків)
ЖІНОЧА ПРОФЕСІЙНА ОСВІТА В ХАРКІВСЬКІЙ ГУБЕРНІЇ
у другій половині XIX— на початку XX ст. 133

И. В. Заика (Харьков)
СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПЕЧНЫХ ИЗРАЗЦОВ
ВЕРХНЕСАЛТОВСКОГО ГОРОДИЩА И СЕЛИЩА 133

О. В. Коваленко (Полтава)
ЗАКОНОМІРНОСТІ РОЗПЛАНУВАННЯ ВУЛИЦЬ ПІЗНЬОСЕРЕДНЬОВІЧНОГО МІСТА
(ЗА МАТЕРІАЛАМИ ПОЛТАВИ XVII–XVIII ст.) 135

О. В. Кравченко (Харків)
ЗВІТИ ПРО СТАН ХАРКІВСЬКОЇ ЄПАРХІЇ ЯК ДЖЕРЕЛО З ІСТОРІЇ ПРАВОСЛАВНОЇ ЦЕРКВИ
(друга половина XIX–поч. XX ст.) 136

В. В. Мирошниченко, Э. Е. Кравченко (Донецк)
ИЗРАЗЦЫ С ПОСЕЛЕНИЙ СРЕДНЕГО ПОДОНЦОВЬЯ II пол. XVII века
(ПОСЕЛЕНИЕ В УР. ЯВИР И СВЯТОГОРСКИЙ МОНАСТЫРЬ) 137

Н. С. Мартем'янова (Харків)
ПРОБЛЕМИ ОХОРОНИ ПАМ'ЯТОК ЦЕРКОВНОЇ СТАРОВИНИ В УКРАЇНІ (XVII – поч. XX ст.) 137

Я. В. МОТЕНКО (Харків)
РАДИКАЛІЗАЦІЯ СЕЛЯНСЬКОГО РУХУ ХАРКІВЩИНИ
ЯК НАСЛІДОК ПОЛІТИЧНОЇ КРИЗИ 1917–1920 рр. 138

С. О. Наумов (Харків)
ХАРКІВ ЯК ОСЕРЕДОК ПОЛІТИЧНОГО РУХУ В РОСІЇ (кін. XIX–поч. XX ст.) 139

І. С. Панченко (Харків)
ДІЯЛЬНІСТЬ ХАРКІВСЬКОГО УНІВЕРСИТЕТУ ТА РОЗВИТОК МУЗЕЙНОЇ СПРАВИ
(XIX–поч. XX ст.) 140

А. И. Папков (Белгород)
«ИЗМЕНА» КУРСКИХ ЧЕРКАС 13 августа 1641 года 141

В. О. Пірко (Донецьк)
КУЛЬТУРА СЛОБОЖАНЩИНИ КІНЦЯ XVIII ст. У ТВОРЧІЙ СПАДЩИНІ І. О. ПЕРЕВЕРЗЕВА 143

С. І. Посохов (Харків)
ПОЖЕРТВУВАННЯ І. Г. ХАРИТОНЕНКА НА СТУДЕНТСЬКИЙ ГУРТОЖИТОК:
ЕПІЗОД З ІСТОРІЇ ХАРКІВСЬКОГО УНІВЕРСИТЕТУ 144

В. В. Приймак (Суми)
ПУТИВЛЬСЬКИЙ ХРАМ (ЗА РОЗКОПКАМИ В. А. БОГУСЕВИЧА) 146

В. В. Скирда, С. В. Тарасенко (Харьков)
ВКЛАД СВЯЩЕННИКОВ ХАРЬКОВСКОЙ ЭПАРХИИ В РАЗВИТИЕ АРХЕОЛОГИИ КРАЯ 147

Л. А. Чувпило (Харьков)
ПРЕПОДАВАНИЕ ВОСТОЧНЫХ ЯЗЫКОВ В ХАРЬКОВСКОМ
ИМПЕРАТОРСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ (1805–1917 гг.) 148

О. О. Шкрібітько (Донецьк)
РОЗВИТОК ГОСПОДАРСЬКОЇ БАЗИ СВЯТОГІРСЬКОГО МОНАСТИРЯ
наприкінці XVI–XVIII ст. 149

ПАЛЕОЛИТ–БРОНЗА

С. И. Берестнев (Харьков)

К ВОПРОСУ О ФИНАЛЕ СРУБНОЙ ОБЩНОСТИ В ЛЕСОСТЕПИ ВОСТОЧНОЙ УКРАИНЫ

Вопрос о финальной стадии срубной общности в восточноукраинской лесостепи имеет особое значение в связи с проблемами этнического и культурного состава населения этого региона в позднейшем предскифском периоде и процессами формирования лесостепных культур раннего железного века. В настоящее время существует два основных подхода к указанному вопросу, базирующиеся на «короткой» и «длинной» хронологиях. Сторонники «короткой» хронологии считают, что в начале последней четверти II тыс. до н. э. срубные племена в массе покидают лесостепь и на освободившихся территориях развивается иное культурно-историческое образование, представленное памятниками малобудковско-бондарихинского типа. Приверженцы «длинной» хронологии полагают, что срубное население продолжает существовать и в начале раннего железного века, принимая непосредственное участие в формировании оседлых земледельческих культур скифского периода.

Вероятно, решение следует искать не в выявлении датированных поздних памятников, а в определении содержания и сущности масштабного культурно-исторического образования, объединяемого понятием «срубная культурно-историческая общность». В конце первой половины–середине II тыс. до н. э. в волго-донском регионе, включающем степную и южную часть лесостепной зон, вследствие интеграционных процессов складывается общность племен со сходными религиозными представлениями и близкой материальной культурой. По отношению к окружающему миру она выступает как единый социально-экономический не исключено, и как политический– организм, как явление суперэтноса. Развитие общности идет как в технологической, так и в этно-социальной сферах и сопровождается активными миграционными процессами. Значительное расширение территории обитания, направленность усилий коллективов вовне объективно приводят к ослаблению и постепенному распаду системы социально-экономических связей, цементировавших население обширного региона, к возобладанию центробежных тенденций. Вследствие этого становится возможным проникновение в пределы срубного ареала инокультурных компонентов, таких как памятники сусканского типа в Поволжье, памятники малобудковско-бондарихинского типа на Среднем Дону и в восточноукраинской лесостепи, которые, собственно, и знаменуют финал срубной культурно-исторической общности.

Распад срубной общности не означает массовой миграции ее населения. В восточноукраинской лесостепи постсрубный период характеризуют памятники типа Любовка–Васищево–Таранцево, сохраняющие многие черты материальной и духовной культуры предшествующего времени. Постсрубные группировки в конкретных территориальных регионах продолжают свое развитие, но это происходит в другой исторической обстановке и в иную историческую эпоху.

А. А. Бритюк (Луганск)

ФРАГМЕНТЫ ЛИТЕЙНОЙ ПОСУДЫ С ЭНЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ НА СЕВЕРСКОМ ДОНЦЕ

1. Для Восточной Украины и сопредельных территорий находки энеолитического времени, связанные с производством металлических изделий, да и самих медных предметов, очень редки. В Подонцовье они известны только для раннего периода эпохи бронзы. Ближайшие энеолитические находки — это браслеты из Мариупольского и Новоданиловского могильников, шило с Константиновского поселения. Выяснение химического состава ранних металлических изделий, равно как и роли их производства в структуре энеолитического общества, является дос-

таточно актуальной проблемой, разрешение которой связано с наработкой источниковой базы.

2. В результате раскопок последних лет на двух поселениях в культурных слоях эпохи энеолита были найдены фрагменты сосудов со следами литейных шлаков [Санжаров, Бритюк, Котова, Черных, 2000]. Оба памятника расположены в Кременском районе Луганской области, на западном берегу стариц Северского Донца. Первое поселение — Алешин ручей — расположено у озера Подпесочное. Найдены фрагменты двух сосудов дереивской культуры. Один высокогорлый горшок с орнаментом из горизонтальных рядов оттисков гребенчатого штампа. Второй, собственно со шлаковым наплывом, представлен фрагментами нижней части округлодонного сосуда, также украшенного оттисками гребенки. Сама керамика темно-коричневого цвета, плотная, хорошо обожженная. Шлак темно-коричневого цвета обнаружен на одном фрагменте, из нижней части тулова. Вторая находка — четыре фрагмента чаши с поселения Сосновая Роща из слоя с дереивской и квитянской керамикой. Внутренняя поверхность покрыта слоем темно-зеленого шлака. Тесто сосуда сильно пористое, легкое, пережженное, серого цвета.

3. Спектральный анализ находок был проведен в лаборатории испытательного центра ГРГП «Восток», г. Луганск. Причем, спектрограммы были получены не только для шлаков, но и для стенок сосудов, на которых они находились. Первоначально это делалось для выяснения фоновых показателей в керамическом тесте, с последующим предполагаемым отделением примесей от показателей самого «тела» шлака. Однако результаты оказались достаточно неожиданными. Ниже приведены данные анализа (х 0,0001 %).

	лаб. №	P	Pb	Cu	Mb	Ag	Zn	Au	As	Sn	Sb
Алешин Ручей											
стенка	520/1	150	2	10	0.5	0.3	20	1.5	0	0	0
шлак	520/2	300	2	10	0.3	0.7	30	0.5	0	0	0
Сосновая Роща											
стенка	530/1	100	10	1500	2	0.3	10	0	0	0	0
шлак	530/2	150	2	20	0.3	0.1	10	0	0	0	0
фон		70	2	3	0,2	0,1	10	0	0	0	0

Во всех четырех образцах (два шлака и две стенки) содержание меди превышало фон. Для чаши и шлака с Сосновой Рощи соответственно в шесть и 500 раз (0,15%). Шлак с черепка с Алешиного Ручья, как и сама стенка сосуда содержали в три раза больше меди, чем фоновые показатели. Кроме того, превышение наблюдалось и по другим металлам — свинцу (только Сосновая Роща) в 6 раз; молибдену в 1,5–10 раз; серебру в 3–7 раз; цинку (только Алешин ручей) в 2–3 раза; золоту (только Алешин Ручей). Интересно, что ни в одном образце не были обнаружены мышьяк, сурьма или олово. А также то, что показатели фосфора выше фоновых в 1,5–4 раза.

4. Можно сделать следующие предварительные выводы. Исследованные обломки сосудов, найденные на энеолитических поселениях Сосновая Роща и Алешин ручей, представляют собой остатки медеплавильного производства. Причем один сосуд был специально изготовлен для этой цели — широкая чаша с Сосновой Рощи. Во втором случае, судя по отсутствию шлака на фрагментах нижней части, для плавки использовалась средняя часть тулова бытового сосуда. Предназначены оба предмета, скорее всего, для выплавки меди из местных медистых песчанников, месторождения которых находятся в 40–50 км к югу от исследованных поселений [Татаринов, 1993]. Установить конечный продукт производства по шлакам, к сожалению, нет возможности. Однако показательно присутствие металлов — как твердоплавких (молибден, серебро, золото), возможно, сопровождавших медь в руде [Черных, 1976], так и легкоплавкого свинца, который мог быть специально добавлен в качестве легирующего элемента. Небезынтересно наличие в шлаках фосфора. Одним из вариантов повышенного содержания этого элемента может быть добавление в смесь руды и древесного угля костей животных.

Еще один вывод связан с тем, что имеет смысл подвергать спектральному анализу не только руду, шлак и металл, но и части сосудов, непосредственно соприкасавшиеся с расплавленной массой.

Ю. В. Буйнов (Харьков)

О МАРЬЯНОВСКОЙ ЛИНИИ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ НАСЕЛЕНИЯ ЛЕВОБЕРЕЖНОЙ ЛЕСОСТЕПНОЙ УКРАИНЫ И ПОЛЕСЬЯ БРОНЗОВОГО ВЕКА

Марьяновская культура была открыта М. Я. Рудинским и Я. Морачевским после раскопок в 1929 г. эпонимного поселения у с. Марьяновка (ныне Бунякино) Путивльского района Сумской обл. С тех времен и до наших дней происхождение этой культуры связывают с местным неолитом ямочно-гребенчатой керамики [Морачевский, 1930; Ильинская, 1961; Березанская, 1982; Некрина, 1991]. В результате многолетних исследований киевские археологи обосновали гипотезу о ее генетической связи с памятниками малобудковского типа, которые, в свою очередь, явились основой при сложении бондарихинской культуры. В итоге появилось название «марьяновско-бондарихинская культура» [Ильинская, Березанская, 1971]. Следуя господствующей в 50-х и 60-х годах гипотезе о финно-угорской принадлежности ямочно-гребенчатого неолита (ЯГН), ряд археологов высказал мнение о такой же этнической принадлежности племен марьяновско-бондарихинской культуры [Іллінська, 1971; Березанская, 1982; Отрощенко, 1997; Телегін, 1989].

Новейшие материалы в целом подтверждают генетическую связь между памятниками ЯГН — марьяновской культуры — малобудковского типа и бондарихинской культуры [Ильинская, 1969; Неприна, 1991; Синюк, 1997; Буйнов, 1994, 1999]. Однако в эту схему этнокультурного развития племен Левобережной Лесостепной Украины удалось внести и существенные коррективы. В частности, выяснилось, что около середины II тыс. до н. э. часть марьяновских племен переселилась из Левобережного Полесья в Левобережную Лесостепь: поселения и могильники у сел Лагери, Малая Рублевка, Червоный Шлях и г. Харьков [Буйнов, 2000]. Здесь они жили совместно с племенами срубной культурно-исторической общности, под влиянием которых начался процесс образования памятников малобудковского типа, из числа которых следует выделить памятники типа поселения Студенок–5. Последние характеризуются наличием круглодонных сосудов, ямочно-гребенчатой и «жемчужной» орнаментацией горшков с косо-сетчатыми узорами на «воротничковом» венчике и полуземлянок с длинным коридорообразным входом. Думается, что формирование студенокской группы памятников происходило в Доно-Волжском междуречье под влиянием приказанской, поздняковской культур, а возможно, и культуры с раннетекстильной керамикой. Именно в результате слияния памятников малобудковского, студенокского типа, при активном участии бережновско-маевской культуры срубной общности, произошло сложение бондарихинской культуры.

Оценивая роль марьяновских племен в этнокультурном развитии населения Левобережной Украины в эпоху бронзы, необходимо обратить внимание на их участие в процессе формирования еще одной археологической культуры — лебедовской. Многие исследователи проблем бронзового века неоднократно отмечали близость керамических памятников, украшений, орудий труда, традиций домостроительства и погребального обряда у племен бондарихинской и лебедовской культур [Березанская, 1976; Артеменко, 1987; Савчук, 1978]. Обычно это явление объясняли результатами их тесных взаимных связей и влияний. Не отрицая реальность таких контактов, считаем, что здесь имеются и более глубокие корни.

В первую очередь обращаем внимание на то, что лебедовская культура объединяет две хронологически раздельные, но генетически связанные группы памятников — собственно лебедовский и бобрицкий типы. Внимательное изучение керамики из поселений лебедовского типа (Лебедовка, Осташев, Хотяновка, Певцы, Плитовище и др.) позволило А. П. Савчуку сделать вполне обоснованный вывод, что все они имеют достаточно выразительные архаические черты, могут быть отнесены к середине II тыс. до н. э. и связаны с марьяновской культурой [Савчук, 1978]. На заключительном этапе бронзового века на их основе произошло сложение памятников бобрицкого типа, которые оказались в хронологическом и культурном отношении близки памятникам бондарихинского типа. Отмеченное позволяет утверждать наличие этнокультурного родства у лебедовско-бобрицких и малобудковско-бондарихинских племен, а также поставить под сомнение интерпретацию памятников первых из них в качестве позднего этапа сосницкой культуры [Артеменко, 1987].

Такое понимание этнокультурного развития населения Левобережной Лесостепи Украины и Полесья в бронзовом веке во многом объясняет причины сходства между милоградской и юхновской культурами раннего железного века южной полосы лесной зоны Восточной Европы [Седов, 1970]. Дело в том, что уже давно имеются веские основания для утверждения наличия генетической связи лебедовской культуры с милоградской культурой [Даниленко, 1956; Березанская, 1961; 1976; Мельниковская, 1967]. По многим признакам лебедовские памятники увязываются и с ранними юхновскими [Третьяков, 1966; Заверняев, 1964; Падин, 1966; Отрощенко, Куриленко, 1997]. В процессе сложения юхновской культуры весомую роль сыграли и

бондарихинские племена [Ильинская, 1961; 1969; Мельниковская, Сымонович, 1975]. Учитывая балтскую или славяно-балтскую принадлежность лебедовской, милоградской и юхновской культур, необходимо пересмотреть и этническую атрибутацию марьяновско-бондарихинских памятников. Как нам представляется, они отражают не финно-угорскую, а пробалтийскую линию этнокультурного развития и их создатели совместно с племенами лебедовской культуры образуют единую этнолингвистическую общность.

Д. Л. Гаскевич (Київ)

ПРО ПОШИРЕННЯ У ПОЛІССІ НЕОЛІТИЧНИХ ПАМ'ЯТОК ДНІПРО-ДОНЕЦЬКОЇ КУЛЬТУРИ
(за даними крем'яного інвентаря)

Історія дослідження дніпро-донецької культури (ДДК) налічує біля 50 років. За цей час погляди на неї значно трансформувалися. Зараз пам'ятки сходу та півдня окресленого Д. Я. Телегіним [1968, с. 9] дніпро-донецького ареалу багатьма дослідниками розглядаються в рамках інших культур — лисогубівської, донецької та азово-дніпровської, а півночі та заходу — німанської (Прип'ятське Полісся) [Чернявский, 1966, с. 67; 1979, с. 55; Исаенко, 1976, с. 58; Залізняк, Балакін, 1985, с. 42; Зализняк, 1991, с. 41; 1998, с. 192, Гаскевич, 2000] та верхньодніпровської (басейн Верхнього Дніпра та Сожу) [Тюрина, 1970, с. 40–52; Третьяков, 1975, с. 9–19; Калечиц, 1987, с. 119–123]. Не піддається сумніву власне «дніпро-донецький» характер пам'яток лише Лісостепового Подніпров'я і прилеглих до нього районів Полісся та Надпоріжжя, що приблизно відповідає території києво-черкаської культури, за О. М. Титовою [1992] та Д. Я. Телегіним [1992; Телегин, Титова, 1998, с. 8, 23]. Встановлення межі поширення ДДК у різні періоди неоліту неможливе без визначення чітких критеріїв приналежності до неї певних археологічних матеріалів, зокрема крем'яного інвентаря.

У ранньому неоліті кременеобробка пам'яток Лісостепового Подніпров'я має в цілому кукрекський характер (Малоперещепинська–2а) [Гаскевич, Гавриленко, 2000, с. 91]. Їй притаманні значний мікролітизм платівок, наявність виразних серій невеликих однобічних одноплощинних пласких та олівцеподібних нуклеусів, кукрекських вкладнів, платівок з притупленим краєм, відщепових різців з пласкими різцевими сколами, трапецій, серед яких переважають середньовисокі симетричні платівчасті, окремих відщепових стамесок. У Поліссі подібний характер має інвентар лише частини неолітичних пам'яток, розташованих в басейнах рік Здвиж, Тетерів, Уж (Лазарівка, Прибір–7а, Крушники, Тетерев–3, Завалівка) [Залізняк, 1977, с. 36–38; 1979; 1991, с. 42]. При цьому їх набори характеризуються більшою середньою шириною платівок, переважанням серед нуклеусів однобічних одноплощинних пропорційних та торцевих, наявністю поодиноких мікрорізців, яніславицьких вістер, високих трапецій, сокир, більшою долею серед різців відщепових, а серед скребачок кінцевих. Ці особливості пояснюються як характером місцевої крем'яної сировини, так і контактами дніпро-донецьких мешканців Полісся з населенням фінальномезолітичної яніславицької та неолітичної німанської культури. На Лівобережжі найпівнічніші знахідки кукрекських виробів зафіксовані на неолітичних стоянках басейну р. Трубіж (Борщів–Кут) [Костенко, Титова, 1988, с. 61].

В колекціях лісостепових пам'яток розвинутого неоліту (Пищики–2, Бузьки, Микільська Слобідка–2, –4, Романків) збільшується доля широких платівок, що знімалися виключно з однобічних одноплощинних нуклеусів. Основу мікронаборів становлять симетричні середньовисокі та у, меншій мірі, низькі трапеції на платівках. Платівки з притупленим краєм та кукрекські вкладні зникають. Натомість з'являються спочатку асиметричні трапеції та паралелограми, а згодом трапеції зі струганою спинкою. Доля різців, серед яких переважають кутові платівчасті, зменшується. У Поліссі комплекси, подібні до описаних, не виявлені. В цей час його Правобережжя заселено німанською, а Лівобережжя — струмільською людністю. Слабкий вплив населення ДДК Лісостепу призвів лише до незначних змін у наборах деяких німанських пам'яток (Прибірськ-3, Бородянка–4, Дібровка, Вижар, Юревичи–5), зокрема появи окремих трапецій зі струганою спинкою. На Лівобережжі найпівнічніша знахідка трапеції цього типу зафіксована над р. Білоус в околицях Чернігова [Рудинський, 1931, с. 163].

У пізньому неоліті в Лісостеповому Подніпров'ї повністю зникають мікроліти, поширюються двобічнооброблені пласкоретушовані вістря стріл та списів, великі ножі на широких платівках та платівчастих відщепах (Дереївка, Коробівка, Вишенки, Дубинка). На синхронних пам'ятках Полісся (Грині, Кам'янка, Пчелиця, Пустинка–5), матеріали яких містять також кераміку пізнього Трипілля,

культури лійчастого посуду, ямково-гребінцевої кераміки та знахідки, властиві поселенням верхньодніпровської і німанської культури [Неприна, 1966; Телегін, 1968, с. 123; 1971, с. 52; Третьяков, 1975, с. 17], крім цього, виявлені поодинокі різці та сокири, в т. ч. з пришліфованим лезом.

Таким чином, дніпро-донецький крем'яний інвентар у Поліссі був поширений лише на деяких ранньонеолітичних пам'ятках, які ми і відносимо до ДДК. Пізніше вони поступаються тут місцем стоянкам німанської та верхньодніпровської культури, набори яких містять лише окремі дніпро-донецькі знаряддя.

Ю. Э. Демиденко (Симферополь)

ПРОБЛЕМЫ ОРИНЬЯКА И СЮРЕНЬ–I (КРЫМ) КАК ОПОРНЫЙ ПАМЯТНИК ОРИНЬЯКА ТИПА КРЕМС-ДЮФУР ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Индустрии верхнего палеолита Европы, именуемые термином «ориньяк», утверждаются в таком статусе с 1906 г. Сейчас в Западной и Центральной Европе ориньяк определяют по присутствию кареноидных нуклеусов, скребков и резцов, высоких и плоских скребков «с носиком/плечиком», ориньякских пластин и пластинок дюфур, изделий из кости/рога, подвесок из зубов животных и ракушек моллюсков и датируют временем 37–36 — 27 тыс. лет назад. Есть комплексы «пре-ориньяка» времени 50–38 тыс. лет назад с редкими кареноидными скребками и ориньякскими пластинами в Центральной Европе. В период 22–17 тыс. лет назад выделяют комплексы «эпи-ориньяка» с частыми кареноидными скребками и/или резцами — эпи-ориньяк бассейна Дуная Центральной Европы, ориньяк V и бадегулиан Западной Европы.

По-другому происходит идентификация ориньяка в Восточной Европе. В начале 50-х годов археологи СССР под влиянием идей отличия палеолита Восточной Европы от палеолита Западной Европы отказываются от европейской терминологии при атрибуции индустрий верхнего палеолита, или предлагая стадии развития с местными их названиями под «шапкой» ориньякской, солютрейской, мадленской эпох, или выделяя локальные культуры. Победившая в понимании верхнего палеолита СССР в конце 60-х годов «культурная революция» привела к тому, что ориньяк здесь или совсем не выделяется, или отмечаются лишь «ориньякоидные» комплексы с зачастую неясным индустриальным статусом. Вследствие этого под вопросом оказалось присутствие ориньяка в Восточной Европе. Так ли это на самом деле и есть ли в Восточной Европе комплексы ориньяка, соответствующие общеевропейским индустриальным критериям — это те вопросы, которые являются одними из наиболее актуальных в проблематике верхнего палеолита Восточной Европы.

Первой, хотя и единичной, «ласточкой» здесь следует считать обоснование атрибуции находок слоев 2–3 Костенок–I «как только ориньякских без никаких «оид», являющихся «наиболее восточными проявлениями ориньякской цивилизации в Европе» [Sinitsyn 1993]. Раскопки 90-х годов и данные исследований 1879–1880 гг. и 20-х годов навеса Сюрень–I (Крым) позволяют утверждать, что по составу артефактов, структурированности жилых поверхностей археологических горизонтов и датировкам С14 ориньякские комплексы Сюрени–I являются не только самыми показательными в индустриальном плане и древними по абсолютному датированию индустриями ориньяка в Восточной Европе, но и должны использоваться в качестве опорных ориньякских «стандартов» для идентификации близких им комплексов региона [Demidenko et al. 1998; Демиденко 1998; 1999; 2000].

Индустрия нижнего слоя 20-х годов / пачки горизонтов «G» и горизонта «H» 90-х годов Сюрени–I и хронологически (интерстадиал арси — около 30 тыс. лет назад), и археологически (серийность «кареноидных» нуклеусов, немногочисленность, но типичность кареноидных скребков, единичность кареноидных резцов и преобладание угловых и боковых резцов над срединными, характерность альтернативных пластинок дюфур и острий кремс) относится к раннему ориньяку типа кремс-дюфур Европы. В Восточной Европе к этому типу ориньяка могут быть отнесены артефакты стоянки Чулек–I на Нижнем Дону и большая часть находок Каменномостской пещеры и Широкого Мыса, а также, вероятно, Ахштырской пещеры, слой 3а на Северном Кавказе. Комплексы находок среднего слоя 20-х годов / пачки горизонтов «F» 90-х годов Сюрени–I датируются финалом интерстадиала арси — около 30 тыс. лет назад или интерстадиалом мезьер — 29,3–27 тыс. лет назад и индустриально наиболее всего характерны серийностью кареноидных, высоких и плоских скребков «с плечиком/носиком», преобладанием среди резцов срединного и кареноидного типов, типичностью вентральных микропластин рок де комб и дорсальных микропластин псевдо-дюфур, что кор-

релирует их с поздним ориньяком типа кремсдюфур Европы. В Восточной Европе подобные комплексы ориньяка прослеживаются по неинситным артефактам микокских слоев Баракаевской и Монашеской карстовых пещер, находкам нижнего верхнепалеолитического слоя Губского навеса–I на Северном Кавказе и верхнепалеолитическим находкам среднепалеолитической стоянки Стинка–I в Среднем Поднестровье.

Дальнейший анализ памятников Восточной Европы с опорой на материалы Сюрени–I позволит решить многие проблемы по ориньяку и эпи-ориньяку региона, который, безусловно, должен включаться в круг территорий распространения ориньяка в Европе.

А. Г. Кифишин (Мелитополь)

ПРОТОШУМЕРСКИЙ АРХИВ КАМЕННОЙ МОГИЛЫ (ШУНУН)

XII–III тыс. до н. э.

1. После археологических раскопок Н. И. Веселовского, О. Н. Бадера, В. Н. Даниленко, М. Я. Рудинского и Б. Д. Михайлова на Каменной Могиле под Мелитополем в Приазовье было открыто 63 пещеры и грота со 130 панно — протошумерскими надписями XII–III тыс. до н. э. с ритуально-мифологическими содержаниями шумерских поэм.

2. Кроме панно, в четырех местах-хранилищах в песке были обнаружены 160 каменных табличек (кроме них 40 табличек-чуринг погибли во время войны), на которые ссылаются составители панно на потолках гротов Каменной Могилы. Эти таблички в конце имели подписи (как и шумерские глиняные таблички) серии, к которым они принадлежали. Например: «Табличка о странствии муравья», а на панно ссылка: «Согласно табличке о странствии шестиголового Козерога/Овцебыка» и т. п. По своему содержанию каждая такая табличка оказывалась копией **начала** и **конца** протонадписей пещер франко-кантабрийского палеолита или знаменитых уральских писаниц под Свердловском (Екатеринбургом).

3. Позже, на основании их, на потолках пещер и гротов Каменной Могилы (расположенных всего в один метр от пола) записывались ритуальные «события» на 130 панно писцами (змеелюдьми) «муг-гиг» (рожденных в темноте), никогда не видевших света.

4. В частности, из Франции, пещеры Лес-Камбарелес (XIV тыс. до н. э.) со стен 1-го изгиба была снята копия и затем переписана на панно пещеры Колдуна (в Ходе Бизона) № 52/8 (XII тыс. до н. э.), а потом еще раз переписана на козырьке входа в пещеру Мистерий муг-гогов (№ 36) на панно 48/А — самая знаменитая шумерская поэма «Энлиль и Нинлиль». При этом сама шумерская поэма дошла до нас в лакунах. Мы не знали даже имени 4-го сына Энлиля, Нанняр-ушмуги, которое хорошо сохранилось не только на панно Каменной Могилы (№ 34/А, № 19/С), но и в протонадписях Альтамиры и французских пещер палеолита. Кроме того, речь матери Нинлиль (Чатумдуг) и ее проклятье в протонадписи Лес-Камбарелес и панно Каменной Могилы не сохранились в шумерской поэме.

5. В Испании, в центральном плафоне пещеры Альтамиры на Красном панно бизонов засвидетельствована ритуальная поэма «Воскресение Энлиля», которая не сохранилась в шумерских архивах, но многократно повторялась на панно Каменной Могилы разными почерками писцов муд-гигов (№ 52/9; № 34/А; № 21; № 53), а также в святилище № 23 VII слоя Чатал-Гуюка в Малой Азии (надпись № 9; 6200 г. до н. э.) и т. п.

6. Под этим Красным панно бизонов Альтамиры (XV–XIV тыс. до н. э.) находится Зеленое панно с протонадписью и содержанием шумерской поэмы «Поучения Шуруппака» (т. е. библейскими 10 заповедями Моисея), которые затем 6 раз повторялись разными почерками на шести панно Каменной Могилы (№ 52/10; № 34/В; № 51/В; № 35; № 22; № 57/I и № 57/II)

7. Каменная Могила — действительно очень богатый протошумерский архив, в котором соединились воедино писцами муд-гигов и наследие протонадписей 70 французских и 50 испано-кантамбрийских пещер палеолита (т. н. библейских элоговистов), и несколько десятков уральских писаниц (т. н. ягвистов Библии), в результате создался тот гигантский компедиум **знаний** древности, из которого потом получила свое развитие шумеро-вавилонская, древнеегипетская, хетто-хуррийская, угарийо-библейская и древнегреческая мифо-ритуальная **мудрость**.

8. Однако самым поразительным оказался т. н. **Канон девяти надписей** Каменной Могилы (панно № 52/1–9 + 10; панно № 4 + № 39 + № 10 + № 29 + № 25/А + № 25/В + № 37/4 + № 34/А + № 34/В), в котором отразились суды протошумерских богинь Гатумдуг, Инанны, Ниндары, Ашнан, цариц Кисаль и Сальтуш (Нинпиль) и царя Ламара (на одной половине Канона) и страдания, смерть и воскрешение бога Энлиля (на другой половине). Этот Канон девяти надписей засвидетельствован на 27 ортостатах под Вербовкой возле Чигирина, которые в 1905 г. зарыл в землю (и посадил над ними лес) граф А. Бобринский, и на потолке пещеры Архундияс–Тарамы под Докучаевском на Донеччине и на панно 23 святилища в Чатал-Гуюке в Турции.

Отдельные надписи из Канона сохранились в с. Вилино (Крым), Гинча (Кавказ), Мезин (Украина) и даже в Нижнем Тагиле (Урал).

9. Другие ритуальные надписи на панно Каменной Могилы (в основом на юго-западе: панно № 15/16, № 9/3 и № 9/7) являются копиями и подражаниями протонадписям Пассажа в пещере Ласко (VIII–VII тыс. до н. э.).

10. «Исторические летописи» двух божественных династий («муравьев» и «червей» – панно № 52/6, № 52/7, № 25/А и № 25/В); в шумерском Джемдетнафе – PI–32 и PI–128) имеют уральские аналоги (1-я Бородинская скала и 2-я Бородинская скала), как и тотемное панно № 5 (3-я Бородинская скала — протонадпись и Исаковская скала — комментарий к ней).

11. Второй аналог всему архиву Каменной Могилы находится под Парижем в 49 гротах на запад от Фонтенбло, треть свода которого удалось прочитать (остальное еще не опубликовано). Но там надписи **первичны** по отношению к надписям панно Каменной могилы, поскольку в них имеется основная надпись обычного шрифта (аналогичного каменномогильскому) и мелкими насечками — комментариями над пиктограммами. В то время как на панно Каменной Могилы и надписи, и комментарии близких текстов переписаны в одном шрифте. Комментарий в Фонтенбло писал Сухур-шабгал, который на Каменной Могиле был обожествлен и носил титул «виночерпия» Инанны, являясь также составителем первого календаря в мире (3452 г. до н.э.)

12. Сложное панно на Каменной Могиле (№ 34/А, № 37/4, № 48/А, № 13, № 17, № 19, № 25/А, № 25/В, № 26, № 27, № 51/В и т.д.) написано «ковром» в единой слитограмме и синтагмы знаков располагались в нем меандровым способом (как на сосудах Буго-Днестровской культуры). Их сначала пришлось **расчленять**, сравнивая их по изоглоссам развития шумерограм словаря-силлабария А. Даймеля (1927, 1947), а потом соединять в синтаглимы, следуя меандрам Буго-Днестровской керамики для получения смысла текста. И если в шумерской практике было до 4–5 вариантов развития знака-шумерограмы, то в общем силлабарии архива Каменной Могилы таких вариантов было несколько десятков (до 70 в отдельных знаках), что говорит о длительном времени их развития.

13. На основании синтагм изоглосс знаков Каменной Могилы, беспрерывно переходящих разными почерками из одного панно в другое (при одном содержании текста), удалось **рассечь** на составные части фигуры лошадей, бизонов, вепрей, ланей, женщин и других образов-синтагм в протонадписях Лес-Камбаремс и Альтамиры и **отождествить** их с концами выведенных изоглосс-синтагм панно Каменной Могилы, в результате чего протонадписи пещер палеолита были легко прочитаны.

14. Последнее вызвало большой интерес среди петербургских шумерологов, поскольку перед ними раскрылись безграничные перспективы развития шумерологии в гигантском, еще не открытом мире первонадписей палеолита от Пиренеев до Урала. В этом я вижу непреходящее значение архива Каменной Могилы, позволяющего специалистам перейти от шумерских надписей к прашумерским протонадписям палеолита.

15. А то, что эти надписи действительно шумерские доказывают их грамматические показатели родительного, предложного, направительного, местного, эргативного падежей в имени, а также прошедшего и настояще-будущего времени в глаголах, — как в надписях панно Каменной Могилы, так и в протонадписях палеолита.

16. Кроме того, имеются веские данные **о начале** развития египетской иероглифики в протонадписях палеолита Альтамиры (XIV тыс. до н. э.) и их продолжение-переоформление в некоторых панно Каменной Могилы (панно № 26, 27 и т. п.).

И. Ф. Ковалева (Днепропетровск)

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ПОЗДНЕМ ЭНЕОЛИТЕ СТЕПНОГО ДНЕПРО-БУГСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

Вопрос о так называемых «импортах» из трипольской среды в степные культуры энеолита–раннего бронзового века являлся предметом исследования многих авторов, среди которых на первом месте должно быть названо имя Т. Г. Мовши [Мовша, 1984; 1997; 1998]. В несколько меньшей степени, но также достаточно часто рассматривались свидетельства обратного направления культурных связей — степные «импорты» в материальном комплексе Триполья [Даниленко, 1974; Мовша, 1961; 1984; 1997; 1998; Цвек, 1985; Dumitrescu, 1963 и др.]. Вместе с тем вопрос о характере фиксируемых взаимодействий, их эволюции во времени и пространстве не получил должного освещения.

На содержательном уровне взаимодействия могут носить различный характер: технологических инноваций, воздействия культурных стандартов и эталонов, интеллектуальных воздействий. Особая роль принадлежит феномену моды, распространение эталонов и стандартов которой диктуется факторами социальной психологии [Массон, 1989]. В силу сказанного особое значение приобретает «интерпретационная ступень исследования соотношения традиций и инноваций в изучаемых культурных процессах» [Массон, 1981]. В конкретном случае речь идет о выяснении характера взаимодействия позднетрипольского населения южного лесостепного пограничья междуречья Днепра и Буга с носителями постмариупольской и «нижнемихайловской» культур.

Территориальные границы распространения привлекаемых в исследовании памятников опре-

деляются междуречьями Днепра и Ингульца, Ингульца и Ингула; хронологические рамки — временем этапов CI — CII Триполья.

В настоящее время здесь исследован ряд курганов с погребениями постмариупольской и «нижнемихайловской» культур, подтверждающие их синхронность и тесное взаимодействие (Широкое, к. 1; Зеленый Гай, к. 6; Ингулец, «Дубовая Могила»; Чкалово, «Довгая Могила», к. «Бобушка» и др.). Вместе с тем очевидно культурное своеобразие как «нижнемихайловских», так и постмариупольских погребений, определяемое их взаимодействием с позднетрипольским населением томашевской и касперовской локальных групп [Мовша, 1984]. С последними связано преобладание скорченного на боку («земледельческого») обряда трупоположения в группе т.н. «нижнемихайловских» погребений, отличающихся также неустойчивым положением рук и ярко выраженным огненным ритуалом, вплоть до обугленности останков. В инвентаре единичными экземплярами представлена керамика томашевской группы позднего Триполья; степные формы близки «нижнемихайловским». Специфику постмариупольских погребений составляет присутствие в них антропоморфной пластики «серезлиевского» типа. Так, из 12 известных на сегодняшний день подкурганных погребений с пластикой 10 приходится на Днепро-Бугское междуречье; из них 7 произведены по «вытянутому», 2 — скорченному обряду. В одном случае позиция погребенного неясна. Мы склонны рассматривать происходящую из них пластику не как заимствование из трипольской среды готовых культурных эталонов (внетрипольская принадлежность подтверждается отсутствием не только прямых аналогий, но и исходных форм — Мовша, 1984; Ковалева, 2000), а в связи с творческим импульсом постмариупольских племен Днепро-Бугской территориальной группы, воспринявших в процессе взаимодействия с Триполем мировоззренческие концепции, требующие своего знакового выражения. При соприкосновении с традиционной культурой чуждой этнической среды последние изменяют форму и семантику, что следует из сопоставления с достоверно трипольской пластикой. Поэтому правомерно выведение рассматриваемых комплексов из числа позднетрипольских памятников «серезлиевского» типа. С населением постмариупольской культуры, оставившим подкурганные захоронения по вытянутому обряду, следует связывать активизацию распространения протоевропеоидного компонента в позднетрипольской среде.

Процесс дальнейшей культурной интеграции, отражающий движение взаимодействовавших в Днепро-Бугском регионе культур, проходящих через трансформацию к качественно новому состоянию [Арутюнов, 1985], фиксирует появление стратиграфически более поздних погребений животиловского культурного типа (Усть-Каменка, Саксагань, Баратовка, Ингулец).

Именно взаимодействие традиций, под которыми подразумевается самосохранение и воспроизводство культурообразующих признаков и инноваций, определяющих распространение новых культурных признаков, отражает сложный диалектический характер [Маркарян, 1978] культурогенеза конца энеолита — начала бронзового века. Изменение типов артефактов в данном контексте составляет «фактологический костяк процесса» [Массон, 1986].

В. В. Корнієнко (Київ)

АНТРОПОМОРФНА СКУЛЬПТУРА ДОБРАНІЧІВСЬКОЇ СТОЯНКИ

Добранічівська стоянка, відкрита у 1952 р., принесла цікаві знахідки зразків мистецтва пізньопалеолітичної людини, зокрема антропоморфної пластики. Саме аналізу останньої і присвячено доповідь.

Самим І. Шовкоплясом було опубліковано дві скульптури, виготовлені з бурштину та пісковику (уламок). Обидві зберігаються у Добранічівському музеї. Оскільки достатній опис цих предметів подано у публікаціях, перейдемо одразу до деяких зауважень стосовно їхньої інтерпретації як антропоморфної скульптури. Досить важко визначити штучну обробку поверхні цих виробів. Бурштинова фігурка була законсервована під час розкопок, але у звітах не зазначено, яким саме матеріалом, що значно ускладнює її реконсервацію, якщо така буде проведена, з метою відкриття для дослідження поверхні виробу на предмет її штучної обробки (або відсутності останньої). Варто зазначити, що на поселенні виявлено шматки бурштину, але вони не несуть на собі слідів обробки (бурштин виявлено також у Межиричі). Тож антропоморфна скульптура з бурштину може виявитись лише звичайною конкрецією.

Необхідно відмітити ще один аспект: ця скульптура виділена на основі морфологічної схожості зображень з Добранічівки до антропоморфної скульптури Дніпровського регіону, виділеного дослідниками (Л. Кулаківська, Л. Яковлева), для якого характерна значна стилізація образу людини. Але, попри морфологічну схожість, звертає на себе увагу невідповідність матеріалу добранічівських зразків. Для пластики Дніпровського регіону виключним матеріалом є кістка: з неї виготовлені мізинська та межирицька антропоморфна скульптура, браслети та «діадеми», скульптури тварин, кинджалоподібний виріб з Добранічівки; також виявлено значну кількість орнаментованих кістяних предметів. Таким чином, бурштинова та пісковикова статуетки фактично нехарактерні для зазначеного регіону. Крім того, зазначена скульптура не співпадає зі схемою розвитку стилізації антропоморфної скульптури, що йшла шляхом сплощення та геометризації (Л. Яколєва): оскільки Доб-

ранічівка датується пізнішим часом, ніж Межиріч, то для добранічівської скульптури має бути характерним стилізація, яку мають межирицькі статуетки, а не повернення до об'ємної мізинської скульптури, яка датується більш раннім часом, що заперечує вказану схему.

Підстави для її підтвердження дає нам третя антропоморфна скульптура, виявлена у 1970 р., яка зберігається в Музеї Інституту Археології НАНУ. Вона виготовлена з бивня мамонта. Виявлена пошкодженою, відреставрована у 1997 р. (Франція). Тіло поділяється на дві частини: верхня являє собою прямий видовжений стержень, який розширюється донизу, переходячи у широку підпрямокутну нижню частину. Поверхня виробу згладжена, але орнаментальні мотиви відсутні. Автор розкопок назвав її у звіті «лопаточкой», хоч і відмітив, що вона подібна до межирицької скульптури. Як статуетка інтерпретована Л. Кулаківською та Л. Яковлєвою, ними ж опублікована.

Отже, аналіз антропоморфної скульптури виявив, що достовірно визначити ми можемо лише статуетку з бивня мамонта, що підтверджує попередні висновки про існування Дніпровського стилю передачі людського зображення. На жаль, перші два зображення ми не можемо достовірно визначити як антропоморфні.

Кравец Д. П. (Артёмовок)

К ВОПРОСУ О СТРЕЛОДЕЛАХ ДОНЕЦКОЙ КАТАКОМБНОЙ КУЛЬТУРЫ

В настоящее время число погребений стрелоделов донецкой катакомбной культуры насчитывает более 30. 5 из них находились у г. Артёмовск: Артёмовск, курган I, погребение 1 (1/1), 2/3, 4/1, Ступки, Покровское 1/4 (Кравец, Татаринов, 1997; Кравець, Татаринов, 1998; Кравец и др., 2000). С указанными комплексами могут быть объединены и три погребения с кремнёвыми наконечниками стрел: Артёмовск (трасса на г. Попасная), 1/2 и 2/1 и Артёмевок (1995 г.) 2/1 (Дмитриев, 1989; Кравец, Татаринов, 1997; Кравець, Татаринов, 1998). Нет оснований разделять погребения стрелоделов-лучников (например, относить их только к «ремесленникам»-оружейникам, и воинов. Погребения стрелоделов содержат и другое оружие (булавы, топоры), а стрелодел из Артёмовска 1/4 был убит кремнёвым наконечником. Все упомянутые погребения характеризуются центральным положением в курганах, окружением погребений относительно того же времени, наличием бронзы, а в 5 случаях из 7 — наличием собственной насыпи, то есть выраженной социальной значимостью.

Материалы этнографии по народам, которые занимались подвижным скотоводством, указывают на изготовление стрел мужчинами-воинами. Лук и стрелы делали монголы (Рубрук, 1957). Стрелы с костяными и деревянными наконечниками изготовляли те, кто имел лук у якутов (Зыков, 1989) Интересно, что у якутов существовали погребения мастеров; умершего сопровождали на тот свет орудиями, которыми он владел при жизни (Алексеев, 1980).

Все 8 погребений с кремневыми наконечниками и производственными наборами для их изготовления относятся к развитому этапу (донецкого типа, по С. Н. Братченко), составляя 2/3 погребений указанного времени в своих курганах. В пределах развитого этапа более раннее положение занимает комплекс из Покровского: по листовидной (ранней) форме ножа. Всего в бассейне р. Бахмут погребения воинов встречены в следующих пропорциях по отношению к общему массиву раскопанных погребений. Ранний этап — I из 8 погребений, развитой — II из 43. В 27 погребениях позднего этапа «чистого» оружия не найдено.

Представляется, что концентрация воинских погребений у бахмутских соляных озер и западных отрогов медных гор может быть связана с воинским контролем донецкими катакомбниками важнейших полезных ископаемых и подходов к ним. Это же относится и к аналогичной концентрацин воинских погребений у торских соляных озёр (доклад автора на харьковской конференции в 1995 году). Из-за этих полезных ископаемых в историческое время велась жестокая борьба. Торские соляные озера контролировала воинская элита половцев, здесь находилась ставка Кончака, в плену держался князь Игорь. Одной из версий причин похода Игоря Святославовича могла быть экспедиция за солью. Объектом острейших споров, часто военных, были торские и бахмутские соляные озера (казаки разных территорий, кочевники, пришлые солевары и др.). В любом случае, выгоды военного контроля ценнейших соляных источников очевидно. Что касается «медных гор», то их знание катакомбниками доказывает открытие автором в непосредственной близости от каскада медных рудников на Кислом Бугре у о. Пилипчатино под Артёмовском катакомбного погребения «бахмутского типа» в курганах, где позже было устроено кладбище в каменных гробницах, с которыми синхронизируются известные металлургические мастерские срубного времени.

Л. Кулаковська (Київ)

ПАЛЕОЛІТИЧНІ КОМПЛЕКСИ СТОЯНКИ КОРОЛЕВЕ НА ТИСІ

Палеолітична стоянка Королеве розташована на 100–120-метрових терасах (сектори Бейвар та Гострий Верх) лівого берега р. Тиса в районі Хустських воріт (Закарпаття). Саме в цьому місці гірська річка, перерізаючи Вигорлат–Гутинський вулканічний хребет, виходить на простори Середньодунайської рівнини.

В 12-метровій товщі четвертинних відкладів виділено кілька ранньо-, середньо- та верхньопалеолітичних комплексів. Основною сировиною (85 %) для виготовлення знарядь слугував місцевий андезит. Найбільш давній із комплексів зафіксовано нижче межі Матуяма–Брюнес (780 тис. років назад). Колекція нечисленна та не дуже виразна: нуклеус, відщепи, чоппери(?). Досить важко визначити культурну належність зібрання. Очевидно лише одне, що цей шар (VIII) є найдавнішим поселенням в Україні.

Наступний комплекс (V–Va) (ізотопна стадія 7–6) датується часом 180–200 тис. років назад. Індустрія характеризується леваллуазькою технікою розколювання, наявністю двобічно оброблених знарядь, високим показником скребел, присутністю листовидних вістрів. Леваллуазька техніка цього комплексу є одним з найранніших її проявів в Європі (поряд з індустріями Мевін IV у Бельгії та Орньяк 3 у Франції). Разом з тим, поєднання «леваллуа – листоподібні вістря» виглядає досить оригінальним і вочевидь засвідчено хібащо на стоянці Ройтерсру у Німеччині (збори на поверхні). З палеогрунтом останнього міжзледеніння (ізотопна стадія 5с) пов'язано існування культурного шару III, який репрезентує класичний леваллуазький черепахоподібний спосіб розщеплення і досить бідний інструментарій (скребла). Практично на межі палеогрунту та суглинку зафіксовано комплекс П-в, який представляє Леваллуа для вістрів. Левалуазькі традиції в Королевому зникають в цей час і на зміну їм приходять абсолютно нові культурні прояви. Індустрія шару П-а з дисковидним способом розколювання, двобічною технікою обробки знарядь, досить виразними та своєрідними акомодаційними прийомами, домінуванням у типологічному наборі скребел, найчастіше випуклих, виразними Krilmesser (специфічні типи ножів) та листоподібними знаряддями належить до групи центральноєвропейських мікокських пам'яток. Для останнього, середньопалеолітичного шару II характерна дисковидна та Комбева техніка первинного розщеплення, провідна роль простих та поперечних випуклих скребел у типологічній колекції, поодинокі лімаси, листоподібні та двобічно оброблені знаряддя (Пронник). Цей комплекс віднесено до шарантських індустрій. Слід зауважити, що три останні комплекси датуються ізотопною стадією 4. Завершує колонку Королевого верхньопалеолітичний шар I, якому притаманна призматична техніка розщеплення, домінування скребків у типології, поодинокі різці, незначна кількість середньопалеолітичних знарядь. Подібна характеристика комплексу дозволяє вважати його найранішим проявом верхнього палеоліту в регіоні та одним із найдавніших у Європі. Таким чином, Королеве — одна з найважливіших палеолітичних стоянок України. Завдяки стратиграфічним умовами залягання, кількості та виразності культурних шарів вона є опорною для вивчення палеоліту європейського континенту.

Р. О. Литвиненко (Донецьк)

ДО ОЦІНКИ ДЖЕРЕЛЬНОЇ БАЗИ КУЛЬТУРИ БАГАТОВАЛИКОВОЇ КЕРАМІКИ (БАБИНО)

Культура багатоваликової кераміки (КБК) була виділена С. С. Березанською (1960) сорок років тому на матеріалах України. За минулий період в результаті досліджень кількох поколінь археологів стало відомо, що ця культура розповсюджена значно ширше кордонів України і займає величезну територію степу і лісостепу від пониззя Дунаю на заході до Нижньої Волги на сході. Відповідно сучасного державно-адміністративного поділу це більша територія України, значний регіон півдня Європейської Росії, вся Молдова і частина румунської Північної Добруджи. А втім, конкретні кордони культури в кожному напрямку ще повинні уточнюватися, навіть з урахуванням того, що в більшості випадків вони не можуть бути накреслені чіткою лінією і навряд чи такими були в давнину. Лише південний кордон КБК на значному протязі співпадає з береговим контуром Чорного і Азовського морів. Досить впевнено виявлено західні межі культури — Попруття та Пониззя Дунаю. Останнім часом став визначатися східний кордон КБК, який майже співпадає з Волгою в її волгоградській ділянці течії. Північний кордон окреслюється не досить чітко, оскільки ця лісостепова смуга порівняно слабо досліджена з археологічної точки зору. Зі сходу на захід його можливо провести від верхньої течії Іловлі через басейн нижніх течій донських лівобережних приток Ведмедиці, Хопра, Підгорної до середньої течії Осколу; далі по верхів'ях Сіверського Дінця, Ворскли і Сули до Сейму, а по його течії — до Десни і Дніпра при впадінні в нього Прип'яті. Північно-західні межі КБК поки що не зовсім зрозумілі, також з причини незадовільної археологічної вивченості Правобережного Українського Лісостепу, а тому вельми приблизно можуть бути проведені від гирла

Прип'яті на південний захід до верхів'я Тетерева і далі, приблизно по адміністративному кордону Вінницької і Хмельницької областей, до середньої течії Дністра. Що стосується окремих проявлень КБК в пам'ятках більш західних територій (Поділля та Волинь), то з'ясування природи їх потребує подальших досліджень, хоча, скоріш за все, вони відображають інфільтрацію, зв'язки або вплив КБК на середовище постшнурових культур цього регіону. Не зовсім зрозумілими залишаються південно-східні межі КБК в Лівобережжі Нижнього Дону та Східному Приазов'ї, але, здається, за кордони Ростовської області та півночі Краснодарського краю вони не виходили.

Кількість пам'яток КБК, особливо завдяки масштабним розкопкам новобудовних експедицій, за порівняно короткий час швидко зросла і на кінець XX ст. оцінюється нами, за не самими повними підрахунками, не менш чим в 450 пунктів поселень і 2,5 тис. поховань в курганних та ґрунтових могильниках. Сюди слід додати фонд випадкових знахідок і декілька скарбів, що пов'язуються з КБК.

Картографія пам'яток КБК демонструє неоднакову їх щільність в межах культурного ареалу. Відносно могильників, найбільш насиченою є степова зона від Дунаю до Нижнього Дону, за виключенням Доно-Донецького межиріччя, де розкопано дуже мало курганних пам'яток взагалі. Найбільша кількість поселень зосереджена на Дніпрі, особливо його середній течії і лівобережних притоках — Ворсклі та Орелі, а також басейні Сіверського Дінця. Треба мати на увазі, що на Сіверськодонеччині якась частина поселень може відноситися до розповсюдженої тут харківсько-воронезької (середньодонської) катакомбної культури, пізній етап якої також характеризується керамікою з багатоваликовою орнаментацією. Уточнення культурної атрибуції цих пунктів потребує розкопок, оскільки переважна більшість їх відома лише за матеріалами розвідок. Останнім часом в результаті проведення розкопок побутових пам'яток джерельна база стала поповнюватися вельми цікавими комплексами середньої та пізньої бронзи, в т.ч. пізньокатакомбними, на фоні яких дослідники почали губити матеріали бабинської культури (КБК). Втім, вони там присутні. Побачити ж їх можливо лише після проведення детального комплексного дослідження керамічних колекцій обох культур і визначення культурно-диагностичних критеріїв. В основу такого аналізу повинні бути покладені виключно матеріали чистих (археологічно замкнених) комплексів, виділення яких на багатошарових поселеннях проблематиче. Серед відомих за матеріалами розкопок побутових пам'яток Сіверського Дінця, звідки походить «чистий» комплекс культури Бабино (КБК), можна назвати лише поселення Козача Пристань (розкопи II, IV). Важливе значення мають також матеріали поселень (Іллічівка, Капітанове 1, Старий Караван та інші), де багатоваликовий посуд знайдений разом зі зрубним, оскільки розподілити їх значно легше. Не слід ігнорувати в такому випадку і матеріалів могильників, хоча кераміка в них, а тим більш цілі форми, зустрічається вкрай рідко.

В цілому за своїми масштабами КБК може бути співставлена з культурно-історичними спільностями доби бронзи. Без перебільшення, це культурне утворення, таксономічний статус якого ще потребує визначення, займає одне з ключових місць в археології бронзового віку Південно-Східної Європи, оскільки воно, з одного боку, є продуктом культурно-історичних процесів середньої бронзи, а з іншого, уявляється підґрунтям, на якому під дією тих чи інших чинників і обставин складалися степові культури пізньої бронзи — бережнівсько-маївська зрубна і сабатинівська. А втім, внесок КБК в культурно-історичні процеси бронзового віку цим не обмежувався.

С. С. Лысенко, С. Д. Лысенко (Киев)

НОВАЯ НАХОДКА БУЛАВКИ КОМАРОВСКОГО ТИПА

В 2000 г. были продолжены работы на могильнике Малополовецкое-3 (Киевская обл., Фастовский р-н, поле с. Яхны). В погребении 72, содержащем расчлененные остатки трех человек (мужчина 30–35 лет и 2 ребенка infantilis-II), найдены глиняный кубок, бронзовые шейная гривна со спиральными щитками и булавка. Погребение отнесено к горизонту МП-III (1500-1400 cal. BC).

Булавка, предположительно, изначально имела ромбическую головку. После поломки (?) головка была переделана в треугольную с выемкой между «рожками»; концы «рожек» завиты в трубочки в направлении тыльной стороны щитка. В центре щитка расположена «жемчужина» (нижняя «жемчужина» ромбической головки ?). Вокруг «жемчужины» с внешней стороны нанесен пуансонный орнамент в виде 10 точек. Вдоль нижних граней щитка слева и справа изнутри пуансоном нанесено по 5 «жемчужинок». Игла круглая в сечении, сужается к концу. Верхняя часть иглы прокована, квадратная в сечении, завита вдоль оси по часовой стрелке (1 виток). Длина изделия 98 мм, длина иглы 64 мм, диаметр иглы 4 мм, размеры щитка 40x34 мм, толщина щитка 1 мм. Предлагаем закрепить за подобными булавками название «яхнянский вариант булавок комаровского типа».

Булавки с ромбической пластинчатой головкой, верхний угол которой усечен и свернут в трубочку, орнаментированные «жемчужинами» и пуансоном, происходят на территории Украины из к.6 в Комарове (фрагментирована) (Бере-

занская, 1982, с. 55, рис. 12: 21–25; 1985, с. 431); парного погребения из к. 41 в Гуляй-Городе (2 экз.) (Бобринский, 1887, с. 102; Тереножкин, 1961, с. 166; Березанская, 1972, с. 59–60); сборов А. В. Бодянского у с. Вышетарасовка (Шарафутдинова, 1987, с. 73, рис. 2; Вангородская, 1987, с. 39, 44, рис. 1). У комаровской и одной из гуляй-городских булавок основание иглы завито в спираль. На Южном Буге, близ с. Трикраты найдена булавка с обломанной пластинчатой головкой; уцелела нижняя часть, вероятно, ромбического щитка с жемчужиной (Шарафутдинова, 1987, с. 73, рис. 2). Следует отметить близкий характер излома булавок из Трикрат, Комарова и Малополовецкого. Возможно, такой характер поломки связан с функциональным использованием булавок в качестве фибул, когда через трубочку вверху щитка продевался шнурок, который после прокалывания ткани подвязывался под иглой.

Булавки с пластинчатыми ромбовидными головками с 4–5 жемчужинами известны в культуре Ноа (клады Меджидия; Бэлень — 2 экз.). Булавка из поселения Ульму культуры Кослоджень имела 9 жемчужин. Булавка из клада Текеш не орнаментирована (Сафронов, 1968, приложение 1, рис.5: 1,3,8; Шарафутдинова, 1987, с. 73, рис. 2: 4–7). В Центральной Европе булавки с пластинчатой головкой и свернутым в трубочку верхом имеют дисковидную форму (Сафронов, 1968, с. 19, приложение 1, рис. 5 : 6,7; Laux, 1976). Серебрянная булавка из Бородинского клада отличается материалом, техникой и системой орнаментации, что не позволяет рассматривать ее в качестве прямого аналога булавкам комаровского типа.

Этапом генезиса ромбических булавок комаровского типа и их яхнянского варианта представляются булавки с гладкой пластинчатой головкой майциховского типа. Щиток этих булавок, изначально подтреугольный, был оформлен в подромбический вследствие сворачивания в трубочку или загиба двух верхних углов. Такие булавки известны из п. 55 Майцихова (классического горизонта мадьяровской культуры) (Chropovsky, 1958, obr. 190: 13; Tocik, 1964, obr. 35: 4), п. 34/56-6 в Патинце (северопанонская культура) (Dusek, 1960, abb. 4: 2, taf. XLIV: 10), а также из Витенберга (Сафронов, 1968, с. 119, приложение 1, рис. 5: 10).

Ареал булавок с ромбической головкой комаровского типа не выходит за пределы лесостепного и степного Правобережья Днепра и Северо-Западного Причерноморья. Представляется вероятным, что первоначально подобные булавки появляются в Комаровской культуре лесостепного Правобережья под влиянием культур Карпатского бассейна. Впоследствии они распространяются в обратном направлении, в ареал культур Нова-Сабатиновка.

В. А. Манько (Луганск)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ НЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ У ОЗЕРА ТУБА

Летом 2000 г. луганская археологическая экспедиция проводила исследования узла неолитических памятников у оз.Туба в Попаснянском р-не Луганской области. В ходе разведок были выявлены 5 стоянок неолитического времени на террасах пойменного озера р. Северский Донец. Все стоянки были найдены на мысах, возвышающихся на 8–10 м над уровнем поймы. Стоянки Туба–1,2,3 были иследованы на площадях 81, 128 и 20 кв. м. соответственно, стоянка Туба–4 шурфовалась с целью выявления культурного слоя, на разрушенной стоянке Туба–дорога был собран подъемный материал.

В результате исследований у озера Туба выяснилось, что все стоянки оставлены носителями одной археологической культуры, которую в можно охарактеризовать как входящую в круг культур днепро-донецкой культурно-исторической области. Более детальное культурное определение в настоящий момент невозможно, поскольку полученные в результате раскопок кремневые комплексы не укладываются в рамки какой-либо из известных в настоящее время археологических культур. Полученные кремневые комплексы характеризуются в технике расщепления сочетанием технологий, основанных на расщеплении конических и уплощенных мононфронтальных нуклеусов. Геометрические комплексы характеризуются сочетанием низких симметричных трапеций с круторетушированными сторонами и низких трапеций со струйчатой ретушью, заходящей на спинку. Единичными находками представлены сегменты с плоской ретушью по дуге. Скребковые комплексы характеризуются преобладанием циркулярных скребков на отщепах. Резцов очень мало, почти все — угловые. Наиболее примечательной особенностью комплекса стоянки Туба–2 является наличие серии пластин с широкими выемками по двум краям. В целом анализ кремневого комплекса показывает наличие параллелей с неолитическими комплексами Крыма (мурзак-кобинская культура) и Приазовья (матвеевокурганская культура). Именно для двух указанных культур характерно сочетание следующих признаков: наличие плоских нуклеусов, низких трапеций и сегментов с плоской ретушью по дуге, циркулярных скребков, пластин-анкошей.

Керамические комплексы характеризуются наличием серий сосудов, изготовленных из глины с сильной примесью травы и с гребенчатым либо линейно-накольчатым орнаментом. Отмечено также наличие серий сосудов с сильной примесью песка в глиняной массе, с заглаженны-

ми стенками, орнаментированными преимущественно прочерченными или проглаженными линиями. Анализ керамического комплекса свидетельствует о наличии параллелей с комплексами киево-черкасской культуры (Бузьки) и с памятниками самарско-орельского междуречья (Засуха, Осиповка-лиман и др.). Нельзя не отметить сходство орнаментального оформления опесчаненной керамики с керамическим комплексом стоянки Таш-Аир в Крыму.

Впервые на Северском Донце при раскопках неолитических стоянок получен значительный фаунистический комплекс. Так при раскопках стоянки Туба–2 найдено 544 кости, из которых 83 были определимыми. По определениям О. П. Журавлева кости принадлежали домашним животным (бык, овца-коза, кабан), а также диким видам (лошадь, косуля, благородный олень, бобр). В изобилии также найдены в культурном слое створки раковин-беззубок.

На стоянках Туба–1 и Туба–2 найдены остатки хозяйственных построек: круглые в плане хозяйственные ямы с покатыми стенками. На стоянке Туба–1 исследовано детское погребение. Костяк располагался в вытянутом положении, восточной ориентации.

Со стоянок Туба–1 и Туба–2 было отобрано 15 образцов для радиокарбонного анализа. Анализам, проведенным в Киевской радиоуглеродной лаборатории (Н. Н. Ковалюх), подверглись кости животных, кости из погребения, нагар на фрагменте керамики, а также сама керамика, содержащая сильную растительную примесь. В результате оказалось, что стоянки содержат материалы двух хронологических этапов: 53 и 49 вв. до н.э. (калиброванные даты). Серия древнейших дат соответствует керамике с травой, серия более поздних дат соотносится с опесчаненной керамикой.

Б. Д. Михайлов (Мелитополь)

СЦЕНЫ «СВЯЩЕННОГО БРАКА» В ПЕТРОГЛИФАХ КАМЕННОЙ МОГИЛЫ
(поздний палеолит–ранняя бронза)

1. В результате изучения многочисленных петроглифов Каменной Могилы вблизи Мелитополя автором выделены многочисленные «сцены соития» и песчаниковый фалловидный символ — атрибуты, явно принадлежащие к обряду «священного брака», связанные с культом плодородия. (Михайлов Б. Д, 1999, с. 50, 55–57, 67, 71–73, рис. 84)

2. Изучение данной семантики становится актуальным, т.к. названные петроглифы, а также фалловидные предметы, известные на территории Евразии, являются одной из не изученных проблем от позднего палеолита до эпохи ранней бронзы и более позднего времени (Михайлов Б. Д., 1990, с. 107, рис. 3).

3. Не стала исключением Каменная Могила, ставшая центром духовной культуры на севере циркумпонтийской провинции и являющаяся связующим звеном в первобытном искусстве Западной Европы и Азии (Михайлов Б. Д., 1998, с.44–45).

4. В гротах и пещерах Каменной Могилы известно 4 местонахождения и 39 плиток-конкреций с гравировками со «сценами соития» и один фалловидный предмет (фигурка), что дает основание соотнести их с аналогичными рисунками Южной Франции (Мюрат а Рокамадур, Лимейль, Комбарель) и фалловидными фигурками (Мезин), датируемыми эпохой позднего палеолита (Абрамова З. А, 1962. таб. XXXII).

5. К этому кругу памятников следует отнести изображения из Азербайджана (Гобустан), датируемые эпохой мезолита (Исмаилов Г.С., 1990, с. 91–98, рис. 1.1; Рустамов Д. Н, 1990, с. 99–103), гравировки на неолитической керамике Буго-Днестровской культуры (Даниленко В. Н., 1999, с. 30, таб. XXXI, 2), которые также сближаются с каменномогильскими изображениями из гротов 51–6 и 57 (Михайлов Б. Д., 1999, с. 57, рис. 71, 3-в). Кроме того, плита № 22, на которой нанесено изображение стилизованного рогатого существа сзади женского торса, сопровождаемое геральдическими трехчленными символами, датируется эпохой ранней бронзы. Аналогичная сцена известна на Керносовской антропоморфной стеле (Крылова Л. П., 1976, с. 38, рис. 2).

6. В интерпретации семантики «священного брака» наиболее древним литературным источником являются сюжеты из шумерской поэмы «Энлиль и Нинлиль», когда Энлиль овладевает девушкой, результатом чего стало зачатие бога луны Сина, а впоследствии бога подземного царства и бога, осужденного влачить жалкое существование в подземном царстве (Крамер С. М., 1965, с. 111).

7. В дальнейшем шумерский сюжет «священного брака» находит параллели в Вавилоне (богиня Иштар и бог Тамуз), а в горах Малой Азии (ущелье Язили-Кая) сохранились рельефы «сцен соития» хетской Великой Богини с богом. Аналогичные браки известны в Греции (Деметра и Зевс), а также в Египте, когда во время праздника — возвращение Хатар-Тефнут из Нубии — обязательным был «священный брак» (Матье М. Э., 1965, с. 49).

8. Возникновение празднества «священых браков», как отмечено на Каменной Могиле и в других регионах, уходят, как видим, в далекую древность. Первоначально связываемые с

периодом матриархата (палеолит–неолит), а вторично — с периодом патриархата (энеолит–бронза). В первом случае, вероятно, мифологема связана с Богиней-Матерью и созданием Солнца и всего Мира (Сурья — солнце-невеста, а Сома — месяц-жених) (РВ, 1,115,2-3). Во втором творцом выступает бог-отец, рождающий «священную пару» без помощи женского начала. С этой легендой идентифицируется библейская супружеская пара Адама и Евы, созданная Богом (Библия, гл. 3, параграф 20–24).

9. Кроме того, в древности возникает представление о помазанниках Бога — племенных вождях-жрецах, которые явно связывались с магическим воздействием на силы Природы. Наглядным примером может служить каменномогильский раннешумерский текст из местонахождения № 63, выполненное в середине III тыс. до н.э. Вот его перевод: «Резанье имеющий (Ишкур), владеющий правом резать нутро (сердце) vulva (богини) завязал (муж) древом (фаллосом) вколачивающий (свой) разум вколотил на радость Уту» (пер. Кифишина А. Г.).

10. К «священному браку» следует отнести каменномогильский фаллистический атрибут — фетиш культа плодородия, явно символизирующий нуминозную силу божества или жреца-вождя эпохи позднего палеолита. Аналогичные обряды известны в более позднее время. Явным подтверждением служит погребение в энеолитическом Джурдулештском могильнике, в котором костяк имел в промежностях «стоячий» фаллос. Аналогичные атрибуты известны на территории Евразии, а также натуралистически воспроизведены на стелах эпохи бронзы, скифского времени (Ильинская В. А., Тереножкин А. И., 1983, с. 64–65, рис.), известны на поздних памятниках скульптуры (Швецов М. Л., 1980, с. 268–269). Фаллоидные символы известны в курганах эпохи бронзы в бассейне р. Молочная, Бугско-Ингулетском междуречье, в Крыму, на Кавказе (Михайлов Б. Д., 1999, с. 107, рис. 3, Шапошникова О. Г. и др., 1986, рис. 12, Шепинский А. А., 1963, с. 38–47, Морковин В. И., 1986, с. 74–117).

11. Особое значение имеет погребение эпохи ранней бронзы в с. Сосновка вблизи Каменной Могилы, сопровождаемое стелой, фаллоидными менгирами и скульптурой рыбы (подобные атрибуты найдены в 1999 году у подошвы Каменной Могилы), явно связанными с культом умирающего и воскресающего бога плодородия (Мифы..., 1982, с. 392).

12. В этой связи интересным примером является мнение М. Э. Матье, который отмечал, что: «Чаще всего сигналом для ритуального убийства вождя служит ослабление его половых способностей» (Матье М. Э., 1956, с. 58–59), что отражено во многих археологических, литературных и этнографических источниках.

Ю. В. Панченко (Київ)

НЕОЛІТИЧНІ ДРІБНІ ВИРОБИ ЗІ СТЕАТИТУ

Для неолітичних культур степової частини України є характерним наявність різноманітних різьблених виробів зі стеатиту — дуже м'якого каменю світло-сірого кольору. Дані вироби представлені виробами невідомого призначення — човниками, кам'яним посудом, скульптурою та деякими дрібними виробами. Якщо інші групи виробів привертали увагу дослідників, то останні завжди залишались поза увагою. В першу чергу цей факт можна пояснити незначною кількістю знахідок подібних виробів. В свою чергу їх незначна кількість пояснюється порівняно невеликим ареалом їх розповсюдження (Дніпровське Надпоріжжя), що, до того ж, нині переважно затоплений при будівництві ДніпроГЕСу. Також поясненням можуть бути їх незначні розміри. В той час як переважна більшість сучасних знахідок із регіону Дніпровського Надпоріжжя були знайдені випадково, дрібні вироби походять переважно із розкопок Дніпробудівської експедиції 1927—1932 рр. До того ж, при рівні тогочасних розкопок дрібні вироби фіксувалися дуже рідко.

Дрібні вироби зі стеатиту представлені виробами підтрикутних обрисів із поперечними нарізками, підпрямокутними пластинками із просвердленими отворами та кільцеподібними виробами порівняно великих розмірів.

Вироби підтрикутних обрисів із поперечними нарізками (найчисленніша група) досить поширені на деяких поселеннях Дніпровського Надпоріжжя (Вовніги, Виноградний, Ігрень тощо). Велика їх група походить із колекції о. Кизлевого. Умовно їх можна поділити на дві групи: симетричні гостроовальні та асиметричні каплеподібні. Нарізки найчастіше парні, знаходяться на протилежних кінцях виробів. Зважаючи на невеликі розміри (довжина 3–6 см), їх можна віднести до виробів рибальського призначення. За аналогіями їх можна вважати складовими рибальських гачків.

Друга група представлена пласкими виробами підпрямокутної форми із двома наскрізними отворами у протилежних кутах. За аналогією із подібними виробами із кістки їх можна віднести до одежної фурнітури (втім, це вимагало б

наявність знахідок подібних виробів у похованнях).

Третя група представляє собою відносно великі кільця (D до 8 см). Застосування цієї групи виробів на даному рівні досліджень не піддається розшифровці. Як припущення можна вважати їх розподільниками мотузок, наприклад, у рибальських сітях (що має аналогії у етнографії).

Переважну більшість подібних виробів знайдено на поселеннях території Дніпровського Надпоріжжя, що не можна пояснити залежністю від центрів виробництва. Подібні вироби не виходять за межи Дніпровського Надпоріжжя (на відміну від інших неолітичних стеатитових виробів: човників та, меншою мірою, кам'яного посуду). Вважаючи на те, що переважна більшість цих речей пов'язується із рибальством, можливо, це можна пояснити важливішим значенням названої галузі для населення цього регіону.

Дослідження призначення дрібних стеатитових виробів дозволить краще дослідити модель господарства неолітичного населення Дніпровського Надпоріжжя.

В. И. Пиоро (Киев)

ПОГРЕБЕНИЯ МАСТЕРОВ КАТАКОМБНОЙ КУЛЬТУРЫ В КУРГАНАХ ЛУГАНСКОЙ ОБЛАСТИ

В связи с необходимостью реконструкции структуры древних обществ, введение в научный оборот археологических материалов с признаками специализации погребенных приобретает особое значение.

Экспедиция Киевского университета имени Тараса Шевченко в 1985–1987 гг. проводила на Луганщине исследования курганов бронзового века, в которых были открыты погребения катакомбной культуры с производственным инвентарем.

В погребении 12 кург. 4 недалеко от пос. Бирюково Свердловского района обнаружены точильный камень и заготовка шлифованного топорика (7,6x4,5x3,8 см) с намеченным круглым отверстием диаметром 1,2 см. Среди вещей, сопровождающих умершего, в погребении 5 кургана 9 у пос. Бирюково также присутствовали 2 «терочника» и каменный топор (14x5,5 см).

Интерес представляет инвентарь из погребения 3 в кургане 6 близ пос. Бирюково: 2 конусовидных каменных сопла длиной 8,3 и 5,5 см, 8 точильных камней и кремневый отщеп. Сопла в захоронениях могут указывать на занятие умерших металлургией.

В погребении 2 кургана 9 недалеко от с. Паськово Станично-Луганского района зафиксирован каменный пест (длина 15 см, максимальный диаметр 7,5 см) и плитка (14x10,5x6,5 см)с круглым углублением в центре одной из больших граней (диаметр 5,5 см). Каменный пест (длина 12,7 см, максимальный диаметр 7) был обнаружен и во входной яме погребения 3 кургана 10 у с. Паськово. В погребении 8 кургана 4 близ пос. Бирюково, также на дне входной ямы в катакомбу, найден плоский залощенный камень-«наковаленка» (25x7,2x5,6).

Каменное пряслице (диаметр 3,7 см) открыто в погребении 1 кургана 10 около с. Паськово.

Все погребения были совершены в катакомбах овальной или фасолевидной в плане формы с подпрямоугольными входными ямами, и, кроме основного погребения 3 в кургане 6 у пос. Бирюково, являлись впускными в насыпи ямного времени. Умершие лежали на правом боку, лицом ко входу. Преобладала западная ориентация с отклонениями. Исключение составляет погребение 1 в кургане 10 близ с. Паськово с кремацией покойника на стороне. На дне большинства могил прослежены пятна охры и тлен от подстилок. Кроме производственного инвентаря, в перечисленных погребениях содержалось большое количество других находок: керамика (горшки, курильницы, жаровни), изделия из бронзы (ножи, украшения), кости и дерева, что несомненно может свидетельствовать о хорошем материальном положении первобытных мастеров.

Открытые погребения с так называемым «ремесленным» инвентарем датируются средним и поздним этапами катакомбной культуры. Они позволяют предположить существование узкой специализации некоторых членов древних общин.

З. Х. Попандопуло (Запорожье)

ЛИТЕЙНЫЕ ФОРМЫ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ

В эпоху поздней бронзы одним из крупных очагов металлообработки в Северном Причерноморье являлся регион Нижнего Поднепровья. Свидетельством тому служат находки большого количества литейных форм, которые, по определению А. М. Лескова и В. С. Бочкарева, дают наиболее объективное представление об уровне производства и типах вещей. Из 222 учтенных матриц Северного Причерноморья значительная доля приходится на упомянутую область. Список находок может быть дополнен как неучтенными, так и недавно обнаруженными литейными формами.

В коллекции Запорожского музея хранятся несколько матриц и заготовок с территории области, среди которых, наряду с широко известными формами орудий, представлены негативы редких изделий. Эти формы происходят их трех местонахождений.

1. г. Васильевка, Лысая гора. В 50-е годы были обнаружены 3 литейные формы, из которых только одна попала в сферу внимания исследователей. Это обломок формы с негативами серпа и кинжала, который был опубликован И. Н. Шарафутдиновой. Вторая находка представляет собой фрагмент двухсторонней матрицы из темно-серого сланца размерами 7,5x5,4x3,5 см с негативами копья и долота. Негатив копья вырезан на широкой плоскости: сохранились часть втулки, опоясанной валиком.

На узкой боковой поверхности формы имеется негатив верхней части овального в сечении желобчатого долота с валиком и сужающейся кверху прорезью. Такой тип долота хорошо известен по многочисленным готовым изделиям и литейным формам. Последние представлены в мастерских Малые Копани и Красные Маяки. Тип копья по имеющемуся фрагменту не определяется.

Третья находка с Лысой горы является фрагментом двухсторонней литейной формы из розоватого сланца размерами 8,5x6,0x1,0 см. На одной из широких плоскостей сохранился негатив черенкового ножа-кинжала с кольцевым упором и листовидным пером, по которому проходит вертикальная нервюра. На оборотной стороне, в правой части вырезан негатив втульчатого наконечника дротика с треугольным пером и круглой прорезью у основания. Левая часть плитки была счесана мастером, готовившим место для нового негатива. Если литейных форм для ножей-кинжалов этого типа известно множество, то единственная аналогия негативу наконечника происходит из Суворово IV.

2. с. Благовещенка, б. Кузьмина Каменско-Днепровский р-н. На размываемом Каховским водохранилищем поселенib сабатиновского времени А. В. Бодянским были подобраны целая литейная форма и плитка-заготовка из серого сланца. Литейная форма брусковидной формы размерами 5,2 x 2,0 x 2,0 см служила для ромбовидных украшений. Это односторонняя форма, на которой вырезаны два негатива, соединенные между собой узким каналом. Такие же каналы отходят от вершин ромбов к боковым граням бруска, который снабжен пятью углублениями для штифтового соединения. Три из них расположены на поверхности негативов и по одному на боковых гранях. Последний факт приводит нас к выводу о том, что эта форма входила в состав «батареи» подобных матриц. Аналогии этому типу украшений нам не известны.

3. Следующая форма была обнаружена в с. Федоровка Запорожского района, в Надпорожье. Это односторонняя матрица из светло-серого сланца прямоугольной формы размерами 7,7x3,4x2,0 см, на которой вырезан негатив ножа с ромбовидным расширением и выемкой у основания. Клинок листовидный с вертикальной нервюрой. На сохранившейся части матрицы нет следов штифтового соединения. Подобная форма происходит из Головурова.

Наличие в Криворожье и Надпорожье сырьевой базы талькового сланца, интенсивно используемой в эпоху поздней бронзы (о чем свидетельствует значительное количество находок литейных форм), явилось одним из факторов развития такого уровня металлообработки, когда, по определению А. Д. Пряхина, в производственной деятельности участвуют не только специализированные кланы, но и отдельные семьи.

О. Я. Привалова, А. И. Привалов (Донецк)

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ПАМЯТНИКАХ ЭПОХИ БРОНЗЫ В БАССЕЙНЕ РЕКИ КАЛЬМИУС

Составной частью Северного Приазовья является Донецкий кряж – сглаженное древнейшее горообразование. Этот горный массив полностью входит в степную зону Украины и характеризуется сложным пересеченным рельефом и своеобразными климатическими условиями. Геологические, палеоботанические, палеонтологические и археологические данные свидетельствуют, что в бронзовом веке флора и фауна Северо-Приазовской степи была богатой. Поймы рек и балок были покрыты лиственными лесами. Здесь обитали типичные виды не только степных, но и лесных животных. В изобилии водились водоплавающие птицы. Межводораздельные пространства были покрыты высокой травой. Водоразделы, высотой до 367 м над уровнем моря, скалистые берега, создающие рельеф горных ущелий, служили естественной защитой пойменных лесов, создавая своеобразный микроклимат. Таким образом, природные условия, богатейшие пастбища, илистые пойменные луга, тенистые байрачные леса, богатый животный мир обусловили появление здесь многочисленных поселков древнего человека. Поселения эпохи бронзы густой сетью возникли на берегах степных рек, в том числе в бассейне Кальмиуса.

В 1985 г. авторами производились археологические разведки по реке Кальмиус от истоков до устья, благодаря которым получены сведения о 57 памятниках (среди которых 24 поселения эпохи бронзы), сконцентрированных в основном в среднем течении реки. Обследование показало, что многие древние поселения сильно разрушаются оврагами и требуют проведения охранных раскопок.

В 1999–2000 гг. археологической экспедицией ДОКМ под рук. авторов были предприняты раскопки разрушаемых поселений у с. Старая Ласпа Тельмановского района Донецкой области (Староласпинское и Халаджи-Бахча).

Староласпинское поселение расположено в 5 км к югу от села на второй надпойменной террасе правого берега р. Кальмиус. Площадь его 350х120 м. Центральную часть памятника перерезает глубокий овраг, прибрежная полоса покрыта многочисленными промоинами. Раскопками исследовано три разрушаемых строения — остатки двух каменных полуземляночных жилищ и наземное, хозяйственное помещение. Жилища имели в плане прямоугольную форму и были вытянуты длиной осью с юга на север. Их котлованы были облицованы поставленными на торец каменнми плитами. Наземная часть имела вид однорядной кладки из необработанных камней высотой до 0,5 м. Пол фиксировался на глубине 1,7–1,5 м от нулевой отметки (СП). Длина жилищ – 7–8 м, ширина – 4,5 м. В заполнении жилищ и хозяйственной постройки на различных глубинах встречен однородный материал, состоящий из костей животных, керамики, каменных и костяных орудий и других изделий.

Поселение Халаджи-Бахча, расположенное в 3 км к югу от с. Старая Ласпа на второй надпойменной террасе р. Кальмиус, имело площадь 3,5 га и было вытянуто вдоль реки с В на З. В восточной части памятника на эррозированных склонах террасы видны камни стен строений.

В этой части поселения был заложен раскоп, площадью 100 кв.м, позволивший проследить стратиграфию памятника. Выявлено 3 горизонта, верхний из которых прослежен с уровня 0,4–0,7 м от нулевой отметки и относится к салтовскому времени. Второй, обнаруженный на глубине 1–1,3 м, содержал культурные остатки бронзового века. Нижний горизонт шел на глубине 1,7–1,8 м и относился к эпохе энеолита.

В южной части раскопа на глубине 0,4–0,7 м частично исследована каменная постройка средневекового времени. Сооружение имело в плане прямоугольную форму (ширина 4 м, длина полностью не прослежена, т. к. сооружение ушло в стенку раскопа) и было вытянуто по длине с В на З. Сильно разрушенная кладка строения на отдельных участках достигала высоты 0,5–0,6 м. В заполнении постройки и за её пределами встречены кости животных, фрагменты амфор, оселок, обломок железного лезвия ножа.

В северной части раскопа на глубине 1,3 м частично прослежена каменная кладка стены строения эпохи бронзы, вытянутая по линии СЗ ЮВ. Кладка фиксировалась на высоту до 0,5 м. Культурный слой дал обильный остеологический материал, большое количество фрагментов лепной посуды эпохи бронзы, изделий из камня, кремня и кости. На уровне 1,7–1,8 м по всей площади раскопа встречены фрагменты керамики раннеэнеолитического времени, кремневые отщепы и орудия труда, расщепленные кости животных.

Материалы раскопок поселений у с. Старая Ласпа помогут ответить на вопросы, связанные с природно-географическими и топографическими условиями возникновения поселений эпохи бронзы в Центральном Приазовье, а также позволит решить ряд проблем, относящихся к домостроению, хозяйственной деятельности и быту древнего населения.

До недавнего времени исследуемый регион считался незаселенным в бронзовом веке, и только в последнее десятилетие, благодаря интенсивным разведкам, проводимым донецкими археологами, обнаружен целый ряд памятников, позволивших пересмотреть данный вопрос.

С. Н. Разумов (Донецк)

КРЕМНЕВЫЕ НАКОНЕЧНИКИ КОПИЙ И ДРОТИКОВ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ ЯМНОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Наконечники копий и дротиков из кремня составляют около четверти всех предметов вооружения из погребений ямной культурно-исторической общности. Нами учтены наконечники из 31 погребения на территории от Дона до Днестра, что составляет чуть более 1% от всех известных автору захоронений ЯКИО (около 3000). По регионам они распределены следующим образом : бассейн Дона – 1, Северное Приазовье – 7, Поднепровье – 7, бассейн Южного Буга – 15, Северно-Западное Причерноморье – 1. Их положение в могиле, в отличие от большинства наконечников стрел, обычно не дает оснований полагать, что они являлись причиной смерти погребенного. Следовательно, можно предположить, что копье имело определенное значение как в жизнедеятельности, так и в погребальном обряде носителей ямной культуры. Оба эти аспекта требуют изучения.

По технике изготовления большинство наконечников – тонкие бифасы (отношение толщины к ширине менее 1/4). Заготовками для них служили крупные отщепы или плитчатые конкреции кремня. Сообщения о находках наконечников «на пластинах» следует признать ошибкой в определении типа заготовки, объясняющейся тонким сечением и правильной формой изделий. С. А. Семенов отмечал, что на пластинчатых наконечниках в средней части остается гладкая поверхность пластины, не снятая ретушью, тогда как на поверхности наконечников, изготовленных на плитчатом кремне, часто сохраняются участки желвачной корки (Семенов, 1968). К тому же, кривизна пластины не позволяет получить ровные наконечники значительной длины (10–20 см). Рассматривая ямные наконечники копий, следует отметить, что большинство из них сформированы крупными плоскими сколами и более мелкой приостряющей ретушью по краям. Изготовление подобных изделий требовало довольно высокой квалификации. Это дает некоторым исследователям основание говорить о появлении в ямной среде ремесленников. В подтверждение они приводят погребения с «производственными наборами» (Синюк, 1983.; Марина, 1995).

По морфологии наконечники можно разделить на треугольные и листовидные, с выделенным или невыделенным насадом. Количественно преобладают листовидные, в том числе, со слабо выделенным треугольным насадом (подромбические), особенно в Поднепровье. Крупные наконечники копий морфологически очень близки к кинжалам. Если учесть, во-первых, что древки (или рукояти из органических материалов) сохраняются крайне редко, во-вторых, что трасологические исследования кремневых изделий ЯКИО практически отсутствуют, наконец, в-третьих, что сами носители ямной культуры могли использовать рассматриваемые изделия и как наконечники копий, и как кинжалы, то при изучении их мы можем опираться лишь на положения изделий относительно погребенного. Логично предположить, что в тех случаях, когда изделие расположено «острием вверх» на уровне плеча или головы, — оно является наконечником копья. Если же оно находится «острием вниз» у таза либо у кистей рук – это кинжал.

Многочисленные аналогии наконечникам ЯКИО представлены как в памятниках доямного времени (Александровский могильник, Константиновское поселение, клад в кургане Мартышкина Балка), так и в культурах катакомбной КИО Северного Причерноморья.

Особый интерес вызывает вопрос о назначение копий (охотничье или боевое). Обратимся к аналогичному вооружению более раннего времени. Двусторонняя обработка наконечников копий возникла еще в позднем палеолите (солютрейский наконечник). Но, несмотря на свои высокие баллистические качества, уже к концу этой эпохи он исчезает, уступая место сначала наконечнику на пластине, а затем – вкладышевому копью. Это происходит потому, что данный тип из-за своего тонкого сечения легко подвержен поломкам, в то время как на его изготовление затрачивается много времени и качественного сырья. Причину его возрождения в эпоху неолита–энеолита исследователи видят в смене характера общественного производства: в переходе от присваивающего к производящему хозяйству. Копье теряет роль основного охотничьего оружия и становится оружием военным. К тому же следует учитывать усовершенствование техники кремнеобработки, появление новых типов наконечников (Семенов, 1968; Красковский, 1989).

Таким образом, погребения с наконечниками копий и дротиков мы можем рассматривать как захоронения носителей военной функции в ямном обществе. Это, однако, не дает оснований для выделения в нем особого сословия военной знати. Оружие в захоронениях маркирует лиц, имевших военные заслуги перед общи-

ной (Иванова, Цимиданов, 1999). Это подтверждается и тем, что погребения с копьями в Северном Причерноморье составляют лишь 1% от общего числа ямных погребений региона.

В заключение можно отметить, что копья и дротики с кремневыми наконечниками были основным видом оружия ближнего и среднего боя для носителей ямной культуры. Наконечники свидетельствуют о достаточно высоком уровне кремнеобработки. Наличие их в захоронениях говорит не только о социальном статусе погребенного, но, возможно, и об определенном сакральном значении копья в погребальном обряде.

Ю. Я. Рассамакин (Киев)

КАМЕННЫЕ НАВЕРШИЯ КИЧКАССКОГО ТИПА КАК СВЯЗУЮЩЕЕ ЗВЕНО ПОЗДНЕЭНЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ СРЕДНЕГО И НИЖНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ

1. История находок. Речь идет о специфических, прекрасно отполированных каменных навершиях позднего энеолита, условно называемых молотками или молотами, классический вариант которых имеет бочонковидную форму с уплощенным прямым основанием. Торцы молотков слегка выпуклые. Первая находка была сделана в 1930 году П. Смоличевым при раскопках кургана 7 в с. Кичкас (район г. Запорожье), во впускном энеолитическом «вытянутом» погребении «В» (Фонд ВУАК, ф. 18, № 79а). В 1948 г. два навершия были найдены в погр. 65 и 88 Софиевского позднетрипольского могильника. Там же, в погр. 19 и 83, были найдены близкие по виду навершия, с одним удлиненным и приостренным концом («молотки-клевцы»). Три аналогичные им навершия обнаружены в 1950 г. в позднетрипольском могильнике Красный Хутор (погр. 120 и два экз. на поверхности) (Videiko, 1995). В 1955 году в Побужье, у с. Ермолаевка в кург. 1 при «вытянутом» погребении найден новый «молоток», а в погребении из соседнего кургана 2 вместе с расписной трипольской амфорой и статуэтками серезлиевского типа находился «молоток», один конец которого был оформлен как лезвие топора (Рыбалова, 1964), что позволило трактовать эту находку как один из вариантов наверший («молоток-топор») (Ковалева, 1985). В 1973 г. в кургане у с. Константиновка на Молочной в каменном ящике с разрушенным скелетом найден еще один экземпляр «молотка-клевца» (Михайлов, 1975; Нечитайло, 1991). В Присамарье в 1976 г. в разрушенном погр. 6 кург. 6, гр. I у с. Соколово и в 1982 г. в «вытянутом» погр. 7, кург. 1, гр. V у с. Вербки были обнаружены два экземпляра «молотков» (Ковалева, 1978; 1985). В 1978 г. А. А. Мельник находит прекрасный экземпляр с рельефными ободками в «вытянутом» погр. 7 (каменный ящик) кург. 1 у с. Валовое, на Ингульце. Наконец, в 1986 г. у г. Каменка-Днепровская в «вытянутом» погр. 2, кург. 14 был найден еще один «молоток» (Рассамакин, 1993). Кроме того, известна случайная находка из г. Стеблева Черкасской области. Также исследователи сравнивают с «молотками» внешне близкое навершие из погр. 9 (1952 г.) Выхватинского могильника.

Если не считать последнее, известно 16 предметов, которые по месту первой находки можно назвать *навершиями кичкасского типа*. Они представляют три варианта форм: классический вариант 1, или «молотки», – 9 экз.; вариант 2, или «молотки-клевцы», – 6 экз.; вариант 3, или «молотки-топоры», – 1 экз.

2. Культурно-хронологическая интерпретация. Позднетрипольский контекст нахождения наверший не оставляет сомнений в их датировке периодом Триполье С–II, с радиоуглеродными датами для этого времени, в частности, для погребений Софиевского могильника и могильника Красный Хутор в интервале 3300 – 2900 гг. до н.э. (Kovalyukh, Videiko, Skripkin, 1995; Rassamakin, 1999; Videiko, 1999), или же в интервале 2920 – 2790 гг. до н.э. (Kadrow, 1995). Поэтому навершия кичкасского типа являются важным репером для датировки памятников, в которых они были найдены, прежде всего, для относительной и абсолютной датировки энеолитических «вытянутых» погребений. И. Ф. Ковалева, например, использует эти навершия для датировки поздних погребений т.н. постмариупольской культуры (Ковалева, 1984; 1985). Что касается культурной принадлежности наверший, то распределение находок показывает их связь с двумя культурами: 1) с софиевским локальным вариантом Триполья, где они представлены 7 экз. в двух могильниках; 2) с «вытянутыми» погребениями (группа I, представляющая погребальную традицию квитянской культуры, по Ю. Я. Рассамакину), где они известны в пяти комплексах и в одном предположительно «вытянутом». Обряд и культурная атрибуция двух погребений неясны (Соколово, гр. I, к. 6, п. 6; Ермолаевка, к. 2). Картографирование показывает распространение большинства наверший вдоль течения Днепра и его притоков, откуда они, очевидно, попали на Молочную. Между областью распространения памятников Софиевского варианта и северной

границей распространения известных сейчас курганов с «вытянутыми» погребениями существует территориальный разрыв, который отчасти заполняется наиболее северными находками керамики квитянского типа (Келеберда) и случайной находкой «молотка» из Стеблева. Возможно, в этой связи еще не до конца выяснено значение биритуального («вытянутого» с кремацией в сосуде) погребения из к. 8 у с. Колодистое, которое некоторые исследователи относят к памятникам софиевского типа (Дергачев, Манзура, 1991), хотя другие связывают комплекс с косеновской локальной группой (Мовша, 1990).

И. Ф. Ковалева рассматривает навершия кичкасского типа при характеристике материального комплекса выделяемой ею постмариупольской культуры. В свое время Ю. Я. Рассамакин ошибочно отметил навершия при перечислении категорий инвентаря погребений животиловско-волчанского типа (Рассамакин, 1988), на что указала И. Ф. Ковалева (Ковалева, 1991). Но эта ошибка была результатом некачественной информации об обряде разрушенного погребения из Соколово. В архивных материалах, т. е. первоисточнике, отмечались согнутые влево ноги, а чертеж показывал положение согнутой левой руки кистью перед лицом, что характерно как раз для животиловско-волчанских погребений. Более важным казалось другое заключение о том, что навершия «...следует рассматривать в рамках хронологически и культурно близких памятников, о чем свидетельствуют условия их находок, связанных с наличием позднетрипольских элементов, а для погребений в курганах — одинаковых стратиграфических позиций» (Рассамакин, 1988). В дальнейшем автор скорректировал свою позицию (Рассамакин, 1991; 1993). Совершенно неправа А. Л. Нечитайло, приписывая «молотку-клевцу» из Константиновки майкопскую форму (Нечитайло, 1991). В. И. Клочко и А. Коško на материалах могильников софиевского варианта выделяют «молотки-клевцы» в тип 2, или «Балканы», и предполагают их балканское происхождение, а «молотки» — в тип 3, происхождение их неясно. Исследователи отмечают, что такие молотки не характерны для культурных центров Причерноморья, но близкие формы представлены в круге культур шнуровой керамики Центральной Европы или культур дунайского раннего бронзового века (Klochko, Коњko, 1995). На мой взгляд, все варианты наверший несомненно имеют единые истоки. Правда, вопрос об их происхождении и культурной принадлежности остается открытым. Выбор в пользу одной из отмеченных двух культур сделать без заполнения территориальной лакуны между ними крайне сложно. Некоторая вариабельность форм и качества изготовления наверший свидетельствуют, видимо, об отсутствии единых центров их производства. Следует иметь в виду и выводы В. Ф. Петруня о происхождении сырья для наверший из могильников софиевского варианта из района Южного Буга, Горного и Гнилого Тикича, или из области между Уманью и Новомиргородом (Petrougne, 1995). Широкое распространение наверший в «вытянутых» погребениях, очевидно, еще не доказывает их происхождение в рамках культуры, которую они представляют, а только о большей мобильности населения с данной погребальной традицией, по сравнению с софиевским локальным вариантом. Но относительная многочисленность топоров нескольких типов и вооружения в могильниках софиевского варианта (Круц, 1977; Klochko, Коњko, 1995) может, хотя и косвенно, указывать на истоки появления наверший качкасского типа в «вытянутых» погребениях под влиянием позднетрипольского населения Среднего Поднепровья.

В. И. Ревенко (Харьков)

РАННЕСРУБНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ У с. СТАРЫЙ МЕРЧИК

В 1998 г. и 1999 г. Мерчанской археологической экспедицией ИА НАН Украины, под руководством А. В. Бандуровского, проводились исследования курганов у с. Старый Мерчик Валковского р-на Харьковской обл. Исследованию подверглись курганы, расположенные к югу от села на высоком плато левого берега р. Мерчик. Они составляют четыре курганные группы. Насыпи курганов: № 1 (группа 1, 1998 г.) и № 1 (группа Ш, 1999 г.) были сооружены над единственными для этих курганов погребениями.

При раскопках кургана № 1 (группа 1, 1998 г.), высота которого составляла 0,9 м, а диаметр 12 м, в центральной части насыпи было обнаружено частично разрушенное грабительским ходом погребение. Оно было перекрыто деревянными плахами, расположенными поперек погребения. Две продольные боковые стенки были обложены деревянными горизонтальными плахами. Погребальная яма прямоугольной формы имела размеры 2,2х2,0 м, глубину 0,8 м от уровня погребенной почвы, и была ориентирована по линии север–юг. Умерший лежал на левом боку в скорченном положении и ориентирован головой на север. В нижней части позвоночника погребенного найдена фрагментированная (отсутствует половина) костяная плоская поясная пряжка округлой формы. Она

имеет два отверстия различного диаметра. Большое отверстие расположено в центре, а маленькое – у внешнего края. Перпендикулярно по отношению к погребению взрослого лежал скелет ребенка в возрасте до 1 года. В погребении находился глиняный сосуд баночной формы с загнутым во внутрь бортиком. Сосуд орнаментирован под краем венчика косыми палочными насечками в виде горизонтальной елочки, разделенной прочерченной линией. Ниже расположена еще одна такая же линия, а под ней – зигзаговидный узор.

В кургане № 1 (группа Ш, 1999 г.), имевшем высоту 1,0 м от уровня погребенной почвы и диаметр 22 м, исследовано погребение, расположенное в центральной части кургана. Оно было перекрыто продольно расположенными деревянными брусьями толщиной до 10 см. Погребальная яма прямоугольной формы со слегка скругленными углами имела размеры 2,8х2,15 м, глубину 0,6 м от уровня погребенной почвы, ориентирована длинной осью по линии запад–восток. Вокруг нее расположен выброс материковой глины шириной 1,7–1,9 м и толщиной 0,2 м. Погребенный лежал на левом боку в скорченном положении и ориентирован головой на восток. У лицевого отдела его черепа стоял глиняный остроребериый сосуд со слегка отогнутым наружу, уплощенным краем венчика и гребенчатыми расчесами на внешней поверхности. На плечике сосуда, обращенном к черепу, гребенчатым штампом был нанесен косой оттиск.

Расположение оттиска на сосуде перед лицом погребенного, по-видимому, было не случайным, а имело религиозно-магическое значение, несло определенную смысловую нагрузку.

Судя по особенностям конструкций погребальных сооружений вышеописанных погребений – большие размеры погребальных ям, наличие деревянных перекрытий и стен у погребальных ям, форма и орнаментация сосудов, наличие костяной поясной пряжки, эти погребения относятся к покровской раннесрубной культуре. Их можно датировать XVI–XV вв. до н. э.

Эти погребения, наряду с погребениями, исследованными А. А. Моруженко в 1975 г. у с. Полковая Никитовка Богодуховского р-на Харьковской обл. (правый берег р. Мерла) [Моруженко, Усачук, 1986], являются еще одним свидетельством достаточно раннего проникновения раннесрубных племен в бассейн р. Ворскла, через ее притоки — р. Мерчик и р. Мерла.

М. С. Сергеева (Киев)

ПЕРЕКРЕЩЕННЫЙ КРУГ («КОЛЕСО СО СПИЦАМИ») КАК СИМВОЛ

Большинство архаических изобразительных систем, функционировавших в разных местах и в разное время, для передачи заложенной в них идеи оперировало сочетанием фигуративных образов и абстрактных символов и знаков (точнее, изображений, демонстрирующих внешнее несходство с обозначаемым объектом, но не являющихся в восприятии своих создателей «абстрактными» в современном понимании этого термина). Одним из таких символов является круг, разделенный на секторы, или «колесо со спицами». Эта фигура заслуживает отдельного внимания как широко распространенный значимый элемент древнего искусства и пример проявления определенных закономерностей развития архаической художественной образности.

Изображение в виде колеса со спицами в евразийском искусстве, начиная с эпохи бронзы, связывается с символикой колесницы — мифологического образа с целым спектром значений космического содержания и одновременно социального знака (маркировка воинского сословия, особенно воинской элиты, прежде всего вождя или царя). Иногда именно реальное колесо со спицами рассматривается как прототип солярно-космических знаков аналогичной формы. Однако изображения перекрещенного круга в символике изобразительных систем нео- и энеолитических раннеземледельческих культур VI–IV тыс. до н. э. (Ближний Восток, Китай, Европа, включая трипольскую культуру) и ряда доколумбовых культур разного времени на территории обеих Америк, не знакомых с колесом подобной конструкции, позволяют констатировать вторичность символики колеса относительно знака подобной формы.

Широкий территориально-хронологический ареал бытования рассматриваемого символа при отсутствии свидетельств преемственности его использования в культурных традициях, разделенных в пространстве и во времени, позволяет видеть в его региональных проявлениях гетерогенные по происхождению фигуры, возводимые к различным основам. Единый прототип возможен в случаях, когда наблюдается культурно-историческое взаимодействие или преемственность между культурами (например, евразийский ареал). Первичные (не заимствованные) варианты знака соотносятся со знаковыми системами, прежде всего характерными для ранних обществ с производящим хозяйством (однако при наличии исключений). Осмысление подобных фигур диктуется спецификой символической образности в конкретных изобразительных традициях.

На самом общем уровне перекрещенный круг в большинстве случаев предположительно можно отнести к числу космических (в широком

смысле) символов и рассматривать в числе визуальных проявлений универсалий мировой культуры. Однако в частных случаях употребления символов подобного типа (на уровне особенного) общее может актуализироваться только в отдельных своих проявлениях или не актуализироваться вообще, замещаясь локальными значениями. Для архаических символов характерным является полисемантизм даже в пределах одной и той же культурной традиции. Соответственно, в каждом своем проявлении фигура в форме перекрещенного круга, в числе других подобных изображений, должна рассматриваться только в контексте той знаковой системы, чьим элементом она является.

Частота использования перекрещенного круга в качестве знака или символа неодинакова в различных архаических традициях, что во многом предполагает и не одинаковую повсеместно степень его значимости. В число ключевых социокультурных символов (т. е. символов, соотносимых с основными идеями и ценностями общественного значения) данный символ входит лишь в тех культурных традициях, где он обозначает понятия, основополагающие для мировоззрения их носителей. В изобразительных системах, соотносимых с различными культурами степной полосы Евразии, знак перекрещенного круга получает широкое распространение и высокий статус не ранее эпохи бронзы благодаря своему совпадению по форме с появившимся в конце III или начале II тыс. до н. э. реальным колесом со спицами.

В евразийских культурах, начиная с эпохи бронзы, колесница приобретает значение одного из первостепенных социокультурных символов, значимых как для космологии, так и для отображения социальных отношений. Социокосмическим содержанием архаическое мировидение наделяет вообще все транспортные средства — и наземные, и водные, которые в мифологизированном сознании существуют как понятия, во многих своих аспектах относящиеся к единому семантическому полю (ср. практически идентичную роль тех и других в погребальном обряде, в солярных культах и пр.). Такие представления относятся к числу универсальных. При этом форма колеса, совпадающая с уже существовавшей символической фигурой космического содержания, дополняла представления о колеснице как о космическом образе. О том, что эта деталь относится к числу элементов, формирующих мифологический образ колесницы в его визуальном воплощении, свидетельствует выраженная акцентировка колес, характерная для изображений колесниц в условном плановом стиле, распространенном в искусстве Евразии эпохи бронзы и частично раннего железа (петроглифы, изображения на керамике и др.). Одновременно в евразийских изобразительных системах колесо выступает и как самостоятельный символ, в частности, маркирующий сакральных персонажей или ситуации.

Учитывая индоевропейскую почву формирования основного комплекса представлений, связанных с колесницей и колесом как социокосмическими символами, с нею же возможно связывать и приобретение рассматриваемым знаком соответствующей семантики.

М. П. Сиволап (Черкаси)

СЕРЕДНЯ НАДДНІПРЯНЩИНА В СИСТЕМІ ПАМ'ЯТОК ЯМНОЇ КУЛЬТУРНО-ІСТОРИЧНОЇ ОБЛАСТІ

У епоху ранньої бронзи степова і лісостепова смуга Східної Європи була зайнята племенами ямної культурно-історичної спільноти, що багатьма дослідниками співвідноситься з пізнім етапом розвитку усе ще єдиного протоіндоєвропейського масиву (Mallory, 1989). Середньодніпровська група ямних пам'яток охоплює лісостепову Середню Наддніпрянщину від гирла Десни до гирла Ворскли, насамперед, власне долину Дніпра і басейни його приток — правих (Стугна, Рось, Вільшанка, Тясмин, Цибульник і Омельник) та лівих (Трубіж, Супій, Золотоношка, Ірклій, Коврай, Баталей), нижні та середні течії Сули і Псла, а також, очевидно, басейни правих приток Південного Бугу, передусім, Гірського і Гнилого Тікичів. Загальна площа поширення даних пам'яток досягає 70–90 тис. кв. км. Пам'ятки представлені переважно курганними могильниками і поселеннями з бідним культурним шаром.

Кількість курганів у даному ареалі зменшується зі сходу на захід і з півдня на північ. Розміри курганів різні: 0,5–1 м, рідше 2–3 м, іноді до 4–5м. У більшості їх можна простежити різночасові досипки: суцільні кругові, рідше — локальні або кільцеві. Відкрито триразово повторені ступнеподібні досипки (Кузьмина, 1983; Сиволап, Сиволап, 1990). Навколо первинного насипу іноді простежуються рови, зокрема переривчасті рови (Сиволап, 1998), що мають по 8, іноді по 6 перемичок, і за своєю будовою близькі до західноєвропейських пам'яток типу ронделів і хенджів, що інтерпретуються багатьма фахівцями як астросвятилища з календарними функціями (Podborský 1988). Поховання в курганах є основними, їх кількість у ме-

жах 1–3, рідше до 5–6. Конструкція ям основних і впускних поховань практично однакова: могильні ями чотирикутної форми, з чіткими або округленими кутами, рідше овальної або неправильної форми, трапляються ями з уступами. Ями перекривались поздовжніми чи поперечними дерев'яними плахами (рідше корою) і комишем. У дні простежені ямки від зотлілих кілочків (завжди 8). Дно ям укривалось корою, комишем, посипалося червоною вохрою. Відомі фрагменти ритуальних малюнків вохрою на дні могил (Сиволап, 1991). Посипка вохрою черепа, ступнів, рідше рук і всього корпусу — характерна ознака похованого обряду. Традиційне положення похованих скорчене на спині, рідше і пізніше — на правому боці. Серед основних поховань абсолютно переважає західна орієнтація, у впускних вона найчастіше поєднується з орієнтацією на основне поховання за трьома основними принципами: послідовним, круговим і радіальним. Серед інших характерних рис середньодніпровських ямників — відсутність возів і кам'яних стел. Переважають безінвентарні поховання. Поховальний інвентар бідний: підтрикутної форми вістря стріл із виїмкою в основі, ножі, скребки, відщепи з кременю, рідше з кварциту, зрідка кості тварин і, ще рідше, посуд. Відомі кам'яні бойові сокири-молоти, також товкачі і розтиральники. Зрідка трапляються комплекси кістяних прикрас із молоточкоподібними булавками і нарізними кістяними пронизками. Речі з металу дуже рідкісні — ножі, шила, підвіски, сережки та ін., одиничні круглі мідні бляхи та вислообушні сокири.

У результаті 10-річних пошуків автора в Середній Наддніпрянщині було виявлено більше десятка поселенських пам'яток ямної культури і встановлені топографічні закономірності їх розміщення. Це невеликі поселення (0,5–1га) з порівняно бідним і тонким культурним шаром, розташовані на островах у широких заплавах рік, що протікають по розгалуженій системі прохідних льодовикових долин обох берегів Дніпра. У їх культурному шарі трапляються фрагменти кераміки, кості тварин, вироби з кістки (проколки, мотика) та каменю: кварциту, кременю, піщанику, граніту, сланцю (ножеподібні пластини, проколки, кінцебічні скребки, скребла, скобелі, реберчасті сколи, зернотерки, терочники, розтиральники, висвердлок сокири-молота, нуклеуси, відщепи, уламки каменю і крем'яних жовен та ін.). Металу не виявлено. Фауністичні матеріали поселень і курганів вказують на наступний склад стада: бик (на 1-му місці), вівця, коза, свиня та кінь. Також у культурному шарі поселень трапляються кості риб, обпалені фрагменти панциря болотної черепахи, численні мушлі їстівного річкового молюска Unio і сухопутного Helix. У тризнах курганів траплялись кості шляхетного оленя, коня, вовка і собаки.

Що стосується кераміки, то черепки ямної культури складають абсолютну більшість (близько 90 %), майже повсюдно домішкою є кераміка чорноліської культури, рідше — культури багатоваликової кераміки та окремі фрагменти епохи неоліту, ранніх слов'ян і пізнього середньовіччя. У середньодніпровській групі, на відміну від інших, частіше трапляються широкогорлі посудини видовжених пропорцій із слабовиділеними вінцями, що плавно переходять в опуклий тулуб, котрий закінчується гострим або плоским дном. Кераміка, переважно неорнаментована, вкрита горизонтальними і різнонаправленими розчосами зубчастої гребінки (іноді загладженими), що утворюють своєрідну орнаментацію поверхні посуду у вигляді паркетних зон, косої і прямої сітки. Вінчики, в основному, товстостінні, прямі, слабовідігнуті чи стягнуті, заокруглені чи плоскозрізані, часто безорнаментальні, лише з вертикальними розчосами по вінчику (подібно до кухонної кераміки Пізнього Трипілля). Іноді вони прикрашені пальцевими вм'ятинами-защипами, поперечними насічками і відбитками перевитого шнура. Основна орнаментаційна зона — верхня частина плеча — прикрашалася відбитками перевитого шнура, прокресленими широкими лініями, відтисками зубчастого штампа або насічками. Зрідка на плічках посуд прикрашався пальцевими вм'ятинами або плоскими наліпами. Основні орнаментальні композиції: горизонтальні і діагональні ряди, горизонтальна «ялинка», лінії і зони відбитків, іноді трикутні композиції вершиною донизу. Посудини з поховань, як правило, мають гостре чи округле дно, а на поселеннях частіше трапляються фрагменти плоскодонних посудин.

Для середньодніпровських ямників є декілька некаліброваних дат по С-14: 2500+50 р. до н.е. (КИ-3139); 2110+60 р. до н.е. (КИ-4044): 2232+46 р. до н.е. (Bln-4602), що вказують на II–у пол. III тис. до н.е. Історичні долі окремих варіантів ямної культури різні. У Середній Наддніпрянщині племена ямної культури у пізній фазі розвитку вступили в контакт з племенами катакомбної культури і підпали під їхній вплив, у результаті чого виникла середньодніпровська культура епохи бронзи, що належить до горизонту шнурових культур Європи.

І. А. Сніжко (Харків)

ДЕЯКІ ПІДСУМКИ ДОСЛІДЖЕННЯ СЛІДІВ УТИЛІЗАЦІЇ МИСЛИВСЬКОЇ ЗДОБИЧІ НА АМВРОСІЇВСЬКОМУ КІСТКОВИЩІ

Амвросіївський комплекс – унікальна пам'ятка пізньопалеолітичної епохи, одна з найцікавіших у степовій зоні Східної Європи. Комплекс складається із стоянки та кістковища бізонів – місця проведення фінальної частини загонового полювання і розбирання мисливської здобичі. Численні пізньопалеолітичні пам'ятки у більшому чи меншому обсязі містять інформацію про полювання та подальшу утилізацію здобичі, але пам'ятки, формування яких безпосередньо пов'язано із проведенням мисливських операцій, на жаль, майже невідомі. Тому дослідження Амвросіївського комплексу і, в першу чергу, його складової — кістковища, є дуже важливими для реконструкції стратегії організації і проведення мисливських операцій та подальшої обробки здобичі. До того ж Амвросіївське кістковище — єдина відома зараз на нашій території пам'ятка, де стан збереженості фауністичних решток дає можливість досліджувати процес утилізації, спираючись на безпосередні свідчення розбирання.

Незважаючи на те, що історія дослідження пам'ятки налічує багато років, такий аспект як утилізація мисливської здобичі до останього часу не привертав належної уваги. Тільки завдяки дослідженням під керівництвом О. О. Кротової у 1986–1994 рр. зібрано велику кількість матеріалів, які містять свідчення утилізації здобичі на кістковищі. Безпосередні свідоцтва розбирання, що лишились на фауністичних рештках, це сліди різання крем'яними знаряддями, давні злами кісток, групи скелетних елементів, що лишилися нерозібраними і зберегли анатомічний порядок.

Сліди нарізок на кістках вивчались із застосуванням методики, розробленої американськими фахівцями, на основі аналізу колекції із 175 зразків. До неї входять кістки 16 типів, які мають свідчення первинного та вторинного розбирання. На першому етапі відбувався процес зняття шкури, внаслідок чого нарізки з'явились на нижніх щелепах, фалангах, метаподіях. Нарізки на нижніх щелепах є також свідченням вилучення язика. Сліди на хребцях, грудині, суглобових, частині ребер і тазових відносяться до розчленування туші. Зрізання м'яса на другому етапі розбирання відбито у вигляді нарізок на ребрах, остистих відростках, лопатках, тазових, кістках кінцівок I та II ланки.

Ламання кісток під час розбирання здобичі досліджено на основі аналізу колекції із 294 зразків із використанням методики, розробленої американськими фахівцями та частково — методики вітчизняної судово-медичної експертизи. Отримані свідчення, що ламання кісток відбувалось з метою членування туш і вилучення кісткового мозку під час первинного та вторинного розбирання. На першому етапі злами лишались на нижній щелепі внаслідок видалення язика, на ребрах, тазових і, можливо, лопатках – під час сегментації туші, на метаподіях — під час вилучення кісткового мозку. На другому етапі остисті відростки були зламані внаслідок відділення спинного горба, лопатка — для зручності зрізання м'яса. Злами довгих кісток кінцівок I та II ланки фіксують проведення операцій по добуванню кісткового мозку.

Характерною особливістю структури культурного шару кістковища є наявність анатомічних груп — під час розкопок 1986–1994 рр. їх відзначено 103. Переважну більшість складають невеликі групи хребців, ребер, кісток скакального суглобу, нижніх відділів кінцівок. До великих груп, які можна співвіднести із нерозібраними частинами туш бізонів, належать групи передньої і задньої чверті, кінцівок, шийного та поперекового відділів.

Комплексний аналіз планіграфічного розподілу типів кісток та свідчень розбирання у вертикальній та горизонтальній площині дав змогу відзначити деякі відмінності, які визначають функціональну специфіку ділянок.

Базуючись на результатах дослідження кістковища, можна зробити деякі висновки стосовно інтерпретації пам'ятки. Головним є безсумнівний зв'язок його походження із утилізацією мисливської здобичі: фауністичні рештки містять інформацію не стільки про саме полювання, скільки про розбирання бізонів. Утилізація здобичі розпочиналась одразу ж після закінчення полювання і проходила в два етапи: первинне розбирання полягало у білуванні і сегментації туш тварин, вторинне — у подальшому розчленуванні і зрізанні м'яса. Обидва етапи супроводжувались вилученням кісткового мозку. М'ясні частини туш уносились на стоянку.

Треба також відзначити, що кістковище, імовірно, використовувалось як джерело сировини для виготовлення знарядь з кістки. Також не виключається можливість проведення на місці забою-розбирання здобичі певних ритуальних дій, пов'язаних з обрядами мисливської магії.

Д. В. Ступак (Київ)

КРЕМЕНЕОБРОБКА ЯНІСЛАВИЦЬКОЇ КУЛЬТУРИ УКРАЇНСЬКОГО ПОЛІССЯ

Яніславицька культура була виділена польськими дослідниками (Wieckowska 1964, Kozlowskii 1965). На сьогодні значна кількість яніславицьких пам'яток відома з території Українського Полісся. Датуються вони кінцем мезоліту – початком неоліту. Найбільш яскравими яніславицькими комплексами Полісся є Сенчиці 5а, 5д, Непирець, Смоляникове, Корма, Протереб (Зализняк, 1991; Zaliznyak 1995; Залізняк, 1998).

В яніславицькій культурі Українського Полісся виділяється три технології обробки кременю. Перша — технологія отримання платівок, друга — отримання відщепів, третя — виготовлення сокир.

Основна яніславицька технологія спрямована на отримання платівок відтиском з переважно одноплощинних нуклеусів. Для нуклеусів спеціально обирались конкреції, уламки кременю та крупні відщепи з бічними поверхнями, які не потребували або майже не потребували обробки. Рівні обриси бічних поверхонь зменшували вірогідність отримання залому. Для нуклеусів характерні слабоопуклі робочі поверхні та площини сколювання, оформлені одним чи кількома крупними сколами, або фасетовані. Для яніславицьких платівок, знятих відтиском, характерним є конвергентні обриси та трикутний чи трапецієподібний перетин. На проксимальних кінцях більшості з них фіксується застосування редуціювання та пришліфовки. Якщо в процесі зняття платівок рельєф робочої поверхні нуклеусу опускався, то його піднімали сколами з кінця нуклеусу. При неможливості отримувати платівки з основної робочої поверхні на частині нуклеусів створювали другу. Більшість нуклеусів кинуті через отримання заломів.

Основна функція цієї технології — постачання стандартизованих заготовок для виготовлення оснащення метальної зброї. Високий рівень стандартизації заготовок зводив до мінімуму затрати часу і сил на їх перетворення в знаряддя.

Друга технологія представлена грубими аморфними нуклеусами для відщепів. На них, як правило, не простежується якась система отримання сколів. Судячи з того, що наймасовішим знаряддям яніславицьких комплексів є скребачки на відщепах, можна припустити, що саме для цієї категорії знарядь і мали в першу чергу постачати заготовки відщепові нуклеуси.

Для виготовлення сокир обирались заготовки — уламки кременю чи відщепи, які потребували незначної доробки для перетворення в знаряддя. Інтенсивність формування бічних поверхонь залежала від особливостей кріплення сокири. Основним елементом було формування леза. Частіше лезо оформлялося крупним поперечним сколом. Рідше рядом повздовжніх сколів, або ж за лезо правив гострий край відщепу чи уламку, який не потребував додаткової обробки.

Отже, основним принципом першої технології є постачання стандартизованих заготовок і якомога менші затрати сировини та часу для отримання кінцевого продукту. В наслідок того, що для виготовлення яніславицьких відтискних нуклеусів відбирались частини кременю, які потребували мінімальної доробки для підготовки нуклеусу, і того, що завдяки відтиску процес отримання платівок був висококонтрольований і майже не давав збоїв, виникав дефіцит відщепових заготовок. Його і мала ліквідовувати відщепова технологія.

Ситуацію, коли існують відтискні нуклеуси для платівок та нуклеуси для відщепів, демонструють яніславицькі памятки Польщі (Kozlowski, 1988) і такі високорозвинені технології, як, наприклад, кукрекська (Яневич, 1987) та Чаталгуюка (Cannoly, 1999).

Спеціалізація процесу розщеплення на отримання заготовок-платівок, що отримуються за допомогою відтиску, та заготовок-відщепів, які отримуються зі спеціалізованих на їх постачання нуклеусів, є вершиною досягнень в галузі платівчатого розколювання наприкінці мезоліту–початку неоліту.

Г. Тощев (Запорожье)

ОБ ОДНОЙ ИЗ КУЛЬТУР ЭПОХИ РАННЕЙ БРОНЗЫ КРЫМА

Первая выразительная серия погребений в расписных каменных ящиках выявлена в конце XIX–первом десятилетии XX века. Все обнаруженные материалы из раскопок Н. И. Веселовского, Ю. Кулаковского и др. происходили из района Предгорного Крыма. Общее количество исследованных комплексов не превышало десятка.

В 1957 г. А. А. Щепинским исследован курган под Белогорском, ставший известным в научной среде как Кеми-Обинский. Материалы кургана в совокупности с известными были положены в основу обособления самостоятельной кеми-обинской культуры, что нашло отражение в докладах, в серии работ и, наконец, в диссертации (1975 г.). В работу вошли и новые ма-

териалы, полученные в ходе работ Северо-Крымской, Керченской и др. экспедиций. Отдельные материалы изданы в 1 томе Археологии Украинской ССР. Краткие сведения о находках известны по информационным сборникам (АО, АинУ), популярным работам. Однако ни один погребальный комплекс из раскопок этих экспедиций полностью не опубликован. Выводы А. А. Щепинского базировались на доступных только ему материалах. Многие положения вызывали вполне закономерные вопросы, не объединены ли в рамках этой культуры разновременные элементы. Но специалистам оставались известны лишь комплексы из старых раскопок, обобщенных в работах А. Хойслера (1964; 1976).

С начала 80-х гг. количество исследованных погребальных комплексов с каменными ящиками накапливалось весьма медленно. За 20 лет в пределах Предгорного Крыма и Керченского п-ва, на Тарханкуте подобные комплексы выявлены в курганах у с.Угловое, Вилино, Красная Зорька, Пионерское, Чистополье, Донское, Веселовка, Виноградное, ст. Почтовая и др., всего свыше 20.

Обработка более 40 памятников (включая изданные) позволяет сделать следующие выводы.

Известны как основные захоронения Кеми-Обинской культуры (КОК) в каменных ящиках, так и впускные в ямные насыпи. Возможно выделение трех групп: 1 — ящики установлены на поверхности или слегка врыты основанием плит; 2 — имеют наброску из мелких камней или куполообразное возвышение; 3 — установлены в ямах или же стенки ям обложены камнем (имитация ящика). Наиболее многочисленна первая группа, менее представлена третья. Со второй сравнимы и единичные деревянные ящики (Кеми-Оба, п. 1, 2).

Плиты некоторых ящиков тщательно обработаны, щели забиты глиной или забутованы мелкой щебенкой. Большинство из них имеют перекрытие, дно обычно грунтовое, редко посыпано галькой или ракушками.

В непотревоженных погребениях костяки лежали скорченно на спине или боку, преобладает ориентация в пределах 70–180 градусов.

Редкие находки представлены керамикой, обломком топора, бронзовыми шильями и браслетом. В наборе посуды имеются сосуды различных форм и пропорций. Имеющиеся в коллекции экземпляры отличны от керамики, известной специалистам по иллюстрациям А. А. Щепинского. На последней представлены материалы из разновременных комплексов.

Каменные конструкции, обмазка глиной ящиков, посыпка грунтового дна песком и ракушкой характерны для культур средней и поздней бронзы Крыма (каменско-планерская группа, культура многоваликовой керамики, срубная).

Поза погребенных, размещение рук, доминирующая ориентация идентичны элементам обряда ямного населения.

Материалы характеризуемой выше группы памятников (керамика, орнамент, поделки из камня и кремня) сопоставимы с находками из позднеямных и раннекатакомбных погребений, широко представленных на Крымском полуострове. Отдельные сосуды, изделия из бронзы находят аналогии в материалах культур Северного Кавказа.

Роспись на плитах возможно рассматривать как своеобразную знаковую систему, которая маркировала социальный статус погребенного. Близкие наблюдения сделаны па катакомбных материалах. Таким образом, наличие росписи не является культуроопределяющим признаком.

Изложенное выше дает основание рассматривать памятники в системе ямных древностей.

С. В. Федяев (Часов-Яр)

К ВОПРОСУ О МИРЕ ДЕТСТВА СКОТОВОДЧЕСКИХ ОБЩЕСТВ БРОНЗОВОГО ВЕКА

В последние десятилетия наиболее остро проявился интерес исследователей к проблемам мира детства. Были опубликованы работы по археологии, этнографии, психологии и т.д. Изучение мира детства скотоводческих обществ бронзового века, на наш взгляд, является перспективным направлением археологических исследований. Это объясняется увеличившейся источниковедческой базой, малочисленностью обобщающих работ по данной теме, недостаточным вниманием к изучению детской проблематики в первобытных и раннеклассовых обществах.

В 1998 году И. Ф. Ковалева в своей работе «Мир детства ямных племен Приднепровья» обобщила археологические данные по детским погребениям Днепровского Предстепья, отметила насыщенность детских погребений погребальным инвентарем и выделила ряд сопутствующих предметов, которые непосредственно принадлежат детским погребениям и должны обеспечить загробное существование ребенка в соответствии с традиционными верованиями и естественным стремлением обеспечить ему загробное существование. К таким предметам относятся: «флейты Паны», амулеты-фетиши,

украшения, сосуды, глиняные рожки или соски для искусственного вскармливания младенцев, обильное применение охры и других минеральных красок и почти полное отсутствие орудий труда, оружия. Было опубликовано единственное для ямной культуры погребение в колыбели из жердей и прутьев.

Аналогий в близлежащих степных культурах бронзового века нет, поэтому И.Ф. Ковалевой была взята колыбель из окуневского детского погребения III тыс. до н. э. Хорошая этнографическая база и изученность материалов по истории народов Сибири, где колыбель воспринималась как микрожилище, «дом в доме», связь колыбели с идеей реинкарнации, позволили исследователю сделать вывод о существовании у ямных племен колыбельного (люлечного) культа, в котором нашли отражение представления о младенчестве как особом психофизическом состоянии, связи рождения и смерти,

Немаловажным является выделение среди погребального инвентаря детских погребений игрушек. К ним относятся: миниатюрные сосудики, гальки необычных форм, альчики и «копытца» овцы.

Глиняные модели колыбелей, найденные в кургане 1 у с. Павловка и кургане «Луговая могила» у с. Веселое, отнесенные к ямной культуре, И. Ф. Ковалева, на аналогиях с вотивными моделями колыбелей народов Сибири, связывает с культовой обрядностью. В Сибири такие модели подвешивались к бубну и использовались в камланиях и других обрядах. На наш взгляд, тезис об использовании моделей колыбелей только в обрядовых действиях не совсем правилен.

Наша выборка включает около 30 глиняных моделей скотоводческих обществ эпохи бронзы на территории бывшего Союза, о которых есть упоминания в археологической литературе, их описания и графические изображения. Все модели были найдены или в детских погребениях или погребениях ребенка и взрослого (женщина). Находки моделей в погребениях взрослых нам не известны. Эти данные еще раз подтверждают тезис о связи глиняных моделей только с детьми. Существует несколько точек зрения по поводу находок в погребениях глиняных моделей. В первую очередь их связывают с моделями повозок, кибиток, лодок, саней-волокуш, хижин, колыбелей и седалища возницы.

Попытку классифицировать глиняные модели эпохи бронзы предприняла Э. А. Федорова-Давыдова, которая разделила их на глиняные модели повозок открытого типа («люльки») и повозки крытого типа («кибитки»). До сих пор в археологической литературе нет четких разграничений и устоявшихся терминов для данной категории погребального инвентаря.

На наш взгляд, как правильно заметила Э. А. Федорова-Давыдова, глиняные модели делятся на модели открытого и закрытого типа. К первому типу мы относим модели люльки-колыбели, которые в свою очередь подразделяются на колыбели со спинкой-капюшоном и без них. Обращает на себя внимание также внешний вид этих моделей и техника их изготовления. Одни имеют четкие очертания, плавные линии и орнаментированы насечками, волнистыми линиями, насечками имитирующими плетение, другие модели грубо вылепленные, с неровными поверхностями и практически отсутствующей орнаментацией. Модели, так называемые лодки-ладьи, имеющие более узкую и вытянутую спинку, нами также отнесены к моделям открытого типа люльки-колыбели со спинкой-капюшоном. Этнографические данные говорят о том, что колыбели нивхов, ульчей, нанайцев, теленгитов изготовлялись иногда в форме лодки.

Ко второму типу мы отнесли модели кибиток-повозочек, по мнению В. И. Марковина — хижин, что, на наш взгляд, для кочевых племен того времени тождественные понятия, имевшие одну и ту же смысловую нагрузку. Обращают на себя внимание различия в размерах моделей этих двух типов. Первые — маленькие, длинна до 15 см, вторые — длиною до 30 см. Модели обоих типов имеют сквозные отверстия. Первые — для подвешивания, вторые, возможно, для прикрепления к ним других конструктивных деталей. И те, и другие, без сомнения, использовались в обрядовых действиях.

Продолжая мысль И. Ф. Ковалевой о наличии в детских погребениях игрушек, хочется заметить, что, как мы уже раньше отмечали, глиняные модели обоих типов тоже могли использоваться в качестве игрушек. Люльки-колыбели — для девочек, кибитки-повозочки — для мальчиков.

Дети бронзового века чаще наследовали профессии своих родителей. Игрушки, в том числе колыбели и кибитки, могли служить своеобразным миниатюрным наглядным пособием для обретения мальчиками и девочками тех или иных профессиональных навыков. Мальчики, возможно, осваивали профессии возничего, столяра и т. п., девочки же учились быть матерями, что в скотоводческих обществах при высокой детской смертностью было немаловажным. И. Ф. Ковалева на основании этнографических данных по Океании и Юго-Восточной Азии М. Минда делает вывод о постфигуративности ямной КИО, в которой «дети учатся у своих предшественников». Это культура традиционного патриархального общества, внутри которого взаимоотношения возрастных слоев социальных и ранговых групп строго регламентированы, где главным определителем служит опыт

предшествующих поколений. К постфигуративным культурам можно отнести и другие скотоводческие общества бронзового века. Небольшое количество глиняных моделей колыбелей и еще меньшее их натуральных прообразов служит доказательством преемственности этих вещей, переходивших из поколения в поколение. Нанайцы считали счастливой, благополучной ту колыбель, которой пользовалась семья, вырастившая здоровыми много детей. Особенно ценилась колыбель переданная от прадеда или прабабушки.

В. В. Цимиданов (Донецк)

КРЕМАЦИЯ В СРУБНОЙ КУЛЬТУРЕ КАК СТАТУСНЫЙ ЗНАК

В работах И. Б. Васильева и Г. И. Матвеевой (1986), Е. Е. Кузьминой (1987), В. В. Отрощенко (1990) выдвинуто предположение, что в срубной культуре кремация практиковалась при погребении части служителей культа. Авторы, однако, не приводили аргументов в защиту данной гипотезы. Мы попытались это сделать, используя материалы Днепровско-Донецкого региона.

При рассмотрении вопроса используется 68 срубных кремаций, что составляет 2,4 % в массиве из 2823 учтенных захоронений. В расчет не брались кремации лесостепи, которым присуще помещение останков умершего в сосуд или под него. Кремации довольно равномерно распределены по рассмотренной территории. В конкретных регионах их удельный вес колеблется от 1,5 % (лесостепь Днепровского Левобережья) до 4,2 % (Правобережье Днепра). Показатели по другим территориям срубной общности близки. В Приуралье и Среднем Поволжье кремации составляют 3,8 % учтенных погребений, в Нижнем Поволжье — 2,1 %, на Среднем Дону — 1,1 %, на Нижнем Дону — 0,9 %. Признак «кремация» в большинстве случаев характеризует неординарные комплексы. Над 52,2 % погребений с кремацией возведены курганы или досыпки, 31,3 % имели большие ямы, 31,1 % содержали остатки мясной пищи, 9,0 % — бронзовые ножи, 7,4 % — деревянные блюда, 17,9 % сопровождались следами ритуалов вне могилы. Все эти признаки являются знаками высокого ранга умерших. При этом в 6 случаях погребенные имели высший ранг (захоронения совершены между двумя курганами и сопровождаются досыпкой, эти курганы соединяющей). Только 23,9 % погребений отличались от модели рядового комплекса лишь самим фактом кремации. Отсюда видно, что кремация — знак, связанный с социальной сферой. В то же время на рассматриваемой территории нам не известно ни одной кремации со знаками статуса властителя или мастера. В Поволжье, где имеются воинские погребения срубного времени, среди них нет ни одной кремации. А такие комплексы неизбежно были бы, если бы кремация являлась просто знаком высокого ранга.

Вместе с тем часть кремаций демонстрирует знаки статуса служителя культа. Так, 7,4 % их содержали деревянные чаши, 4,4 % — астрагалы, 8,8 % — сосуды с иррегулярным орнаментом (в т. ч. — «календарями», «письменами», «пиктограммами»). Для сравнения, в общем массиве учтенных срубных погребений рассматриваемой территории чаши содержали 0,7 % захоронений, астрагалы — 2,8 %, сосуды с иррегулярным орнаментом — 2,5 %. Таким образом, погребения с кремацией демонстрируют повышенное содержание предметов ритуальной функции. Это служит аргументом в пользу того, что кремация являлась статусным знаком служителей культа. В каком-то смысле кремация и ингумация образуют оппозицию. Сходную оппозицию мы видим у ведических ариев, но тут было наоборот: основную массу умерших кремировали, а часть служителей культа — нет.

Отголоски связи кремации со служителями культа сохранились в волшебных сказках иранских народов. Так, в курдской сказке сгорают дервиш и его приемный сын. Сюжет сказки архаичен. В нем персонажи проходят по веревке, натянутой над огнем. Здесь веревка — деформированный аналог моста Чинват. Показательно при этом, что из двух братьев, которым суждено идти по веревке, один символизирует воина, а второй — жреца, и именно последний сгорает, в отличие от первого. Еще более деформирован сюжет из персидской сказки. Здесь тоже имеет место противостояние дервиша и героя с атрибутами воина. Но прохождение над огнем заменено пляской у котла с кипящим маслом. Герой-воин избежал смерти, а дервиш погиб. В персидских сказках в огне часто сгорает ведьма, колдунья, див, т. е. персонажи, имеющие отношение к колдовской деятельности. А вот в бытовых сказках мотива сожжения отрицательного героя нет: его вешают или сажают в тюрьму.

Осколки древнеиранских представлений о мосте Чинват мы найдем и в русской сказке «Марья Моревна». Здесь фигурирует мост над огнем. Герой-воин преодолевает его, а Баба Яга падает в пламя. В этой же сказке Кощей Бессмертный (образ, тождественный диву иранской

традиции) сожжен, а герой-воин — лишь изрублен мечем. Все эти примеры интересны тем, что они демонстрируют оппозицию между носителем военной функции и служителем культа (или иным персонажем, имеющим отношение к ритуальной сфере, наделенным колдовскими способностями). Воин, в отличие от своего противника, не может быть сожжен. Важен в данной связи и рассказ Геродота о сожжении предсказателей-неудачников у скифов.

Таким образом, в свете всего отмеченного можно уже более уверенно предполагать, что в срубной культуре кремированию подвергались лица, являвшиеся служителями культа или, по крайней мере, слывшие при жизни наделенными магической силой, имевшими связи с потусторонним миром.

Что же касается упоминавшихся урновых кремаций лесостепи (Войтовка; Компанийцы, п. 18, 19; Сухая Гомольша, п. 1-8, 17-19; Червоный Шлях и др.), то здесь кремация — уже не статусный знак, а скорее этнографическая особенность отдельных групп срубного населения конца эпохи бронзы.

И. Т. Шатохин, А. В. Храмов (Белгород), О. И. Шумилов (Санкт-Петербург)

ОСОБЕННОСТИ РАСПОЛОЖЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ В ЗОНЕ МАГНИТНОЙ АНОМАЛИИ

(на примере поймы р. Оскол)

Выбор места поселения древними людьми объясняется археологами двумя важнейшими причинами. Первая из них обусловлена антропогенными факторами: спецификой хозяйственной деятельности, военно-стратегическими соображениями, а вторая — учетом древним человеком природных факторов, обеспечивающих достаточно комфортные условия его существования в той или иной климатической зоне. Среди природных факторов никто не выделял такое явление, как магнитное поле земной коры (МП), имеющее даже на участке 1 кв. км существенно разные значения и знак напряжения. Современный человек менее подвержен влиянию изменений МП по сравнению с низшими организациями или птицами, однако полностью списывать этот фактор со счета в понимании того, как древний человек определял место для своего поселения, нельзя.

Территория Курской магнитной аномалии (КМА) является прекрасным естественным полигоном для проверки версии о степени влияния разного уровня напряжения МП на древнего человека при выборе мест проживания с использованием метода наложения археологической карты на карту магнитного поля. Пойма р. Оскол в границах современной Белгородской области является, на наш взгляд, наиболее удачным локальным участком КМА, где достаточно пестрая картина МП и высокая насыщенность разновременными археологическими памятниками.

Для анализа были выбраны 235 одно-двухтрех- и четырехслойных выявленных здесь памятников, включенных в Государственный список охраняемых археологических объектов Белгородской области. Все они — поселения, в подавляющей массе неукрепленные (стоянки, селища, стойбища, мастерские). Памятники располагаются на обоих берегах р. Оскол, общая протяженность которых составляет около 300 км. Половина общей протяженности береговой линии имеет достаточно низкое значение МП: 0–1 мкТл. Оно, вероятно, являлось в древности самым экологически комфортным, так как на этой территории располагаются 75 % поселений всех эпох, в том числе 100 % поселений позднего палеолита, 94 % — мезолита, 87,5 % — неолита, 83 % — бронзового и 64 % — железного веков. Анализ расположения многослойных памятников, в том числе по 67 % трех- и четырехслойных, 80 % — двухслойных и 74 % однослойных. Предпринятое исследование выявило еще одну закономерность. При выборе мест для строительства поселений в древности люди предпочитали не только территории с МП низких значений (до 1 мкТл), но и места с положительным значением МП. 65 % исследованной береговой линии имеют положительные значения от 0 до 19 мкТл, но на этой территории мы находим 87 % всех древних поселений, в том числе 100 % поселений позднего палеолита и мезолита, 91 % — неолита и бронзового века и 82 % — железного века. Кроме того, на этой же территории располагаются 88,6 % всех двух-трех-четырехслойных памятников.

Появление поселений за пределами территории с комфортным уровнем МП (0–1 мкТл) в пойме р. Оскол происходит в мезолите, а в железном веке доля таких памятников возрастает до 34 %. Это объясняется, на наш взгляд, тем, что социально-экономические изменения постепенно отдалили человека от природы; хозяйственная необходимость или давление соседей вынуждали людей селиться в менее комфортных по МП условиях.

Эти обстоятельства постепенно подавляли, притупляли, но не исключали чувствительность человека к уровню и знаку напряжения МП, что, в конечном счете, привело к атрофированию у большинства людей интуитивного восприятия и оценки малых значений МП.

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

Л. И. Бабенко (Харьков)

О ХАРАКТЕРЕ ПОГРЕБЕНИЙ С ВЕЩАМИ СКИФСКОГО ТИПА В ДОНЕЦКО-ДОНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ

В последнее время внимание многих исследователей привлекают памятники скифского времени Среднего Подонья. Удаленность этого региона от степных и лесостепных памятников при одновременном богатстве и разнообразии погребального инвентаря, находящего полное соответствие в материалах богатейших степных курганов, большое количество погребений мужчин-воинов с наборами многочисленного оружия убедили многих исследователей в исключительности среднедонского региона, которая часто объясняется особой этнической (скифской) принадлежностью населения Среднего Дона.

Полевые исследования среднедонских курганов последних лет (могильник Терновое I–Колбино I) не изменили прежней картины — в 22 курганах могильника обнаружены многочисленные вещи «степного облика», а погребальный обряд носит следы влияния степного погребального ритуала. Однако исследования памятников скифского времени в других регионах не подтвердили исключительность среднедонского «феномена». Сравнительный анализ материалов могильников Терновое I–Колбино I и Песочинского (Харьковская область, среднедонецкий регион) показал близость этих памятников по множеству показателей и погребального обряда (топография могильника и курганов, во многом устройство погребальных сооружений, способ захоронения, количество погребенных и их половозрастной состав, другие черты — сожжения деревянной гробницы, сопровождающие погребения коней, тризны и кострища в насыпи и, особенно, инвентаря — оружие (колчаны со значительным набором стрел (свыше ста), копья, дротики, мечи, пластинчатые доспехи), предметы конского снаряжения, импортная посуда, зеркала, бусы, золотая пластинчатая аппликация, бронзовые котлы и многое другое. Неслучайный характер песочинского «феномена» подтверждают новейшие находки археологов (курганы у с. Старый Мерчик), среди которых — серебряный кубок, оружие, золотая пластинчатая аппликация. При этом следует учесть, что подавляющая часть северодонецких курганов ограблена, а наиболее крупные, высотой 8–10 метров, до сих пор не исследованы. Объяснение подобного совпадения этнической близости населения обоих регионов едва ли правомерно, скорее всего это отражение общих для обеих территорий социально-политических процессов. Обращает внимание, что большинство узко датируемых комплексов относится к третьей четверти IV в. до н. э. и близко по времени (и материалам) к дате сооружения кургана Чертомлык. В последнее время этот памятник весьма убедительно связывается с личностью Атея, правление которого отличалось активной внешнеполитической и военной деятельностью.

Несомненно, в состав войска Атея входили и воинские контингенты, состоящие из представителей ближайших племен. Подобная практика была распространена широко, достаточно вспомнить скифо-персидскую войну, когда скифы обратились за помощью к восьми соседним племенам. Военные кампании Атея требовали еще большего числа участников, одновременно обещая быстрое обогащение, благодаря чему были популярны среди ближайших соседей скифов. Именно совместные походы были, скорее всего, той средой, в которой происходило взаимное обогащение культур, в том числе и погребального ритуала. Но несмотря на появление в последнем степных влияний (сожжение гробниц, конские погребения, кольцевые рвы и прочее), в своей основе ритуал сохранял местные традиции (тип погребального сооружения, ориентировка покойника, погребение на родовом кладбище).

Конец правления Атея отмечен сокрушительным поражением, которое не могло не отразиться и на военных союзниках скифов. Число убитых и умерших впоследствии от ран было, вероятно, велико, что и отразилось в своеобразном всплеске количества погребений этого времени (третья четверть IV в. до н. э.).

Описывая это событие, Помпей Трог сообщает интересный факт об отсутствии у побежденных серебра и золота, что свидетельствовало, по его мнению, о бедности скифов (IX, 2), хотя археологические источники этого периода говорят об обратном. Возможно, в условиях паники, македонцев опередили среднедонские, северодонецкие и иные мародёры, извлекая выгоду и из поражения своих предводителей и союзников, чем и объясняется присутствие некоторых золотых предметов в рассматриваемых выше памятниках.

А. В. Бандуровский (Харьков)

АНТИЧНАЯ СТОЛОВАЯ ПОСУДА ИЗ ЛЕВОБЕРЕЖНОЙ ЛЕСОСТЕПНОЙ УКРАИНЫ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ

Предметы античного импорта являются важным археологическим источником при разработке хронологии памятников скифского времени юга Восточной Европы, изучении греко-варварских торгово-обменных отношений и социальной структуры различных племен Скифии. Среди них особое место по своей информативности принадлежит столовой древнегреческой посуде, происходящей из памятников Левобережной Лесостепной Украины.

Археологические исследования последних 40 лет полностью подтверждают вывод Н. А. Онайко о том, что основную массу столовой посуды в этом регионе составляют изделия, изготовленные в восточногреческих гончарных мастерских и мастерских материковой Греции, главным образом Аттики. К ранним образцам художественной керамики восточногреческих центров относятся обломки сосудов ориентализирующего стиля из архаических слоев Бельского городища и селища Пожарная Балка. Этот стиль сложился в гончарном производстве Ионии и Родоса в конце второй четверти VII в. до н. э. и просуществовал до середины VI в. до н. э.

Первой половиной VI в. до н. э. датируются находки из Бельского городища: фрагменты кувшинчиков типа «de la forme dite olpe», чернофигурных сосудов типа Фикелура самосского производства и клазоменских амфор. Расписная ионийская керамика продолжала поступать в бассейн Ворсклы (Бельское городище), в Посулье (курганы у с. Гладковщина и Поставмуки), на Северский Донец (Люботинское городище) во второй половине VI в. до н. э. Этим же временем датируются керамические изделия (арибаллы, лекифы) из Коринфа, обнаруженные в посульских курганах.

На многих местных памятниках середины–второй половины VI в. до н. э. встречается ранняя аттическая керамика — чернофигурные амфоры, килики, лекифы.

С V в. до н. э. к племенам Левобережной Лесостепи поступали исключительно чернолаковые и чернофигурные сосуды аттического производства, а также некоторые образцы пантикапейской глиняной посуды. Особенно много образцов такой керамики обнаружено в курганах IV в. до н. э. Среди них выделяются килики (Бельское, Коломакское городище, курганы Посулья), канфары и канфаровидные килики (Бельское, Басовское, Кнышевское, курганы всех локальных групп), лекифы, пелики, леканы, блюда, солонки (преимущественно курганы из бассейнов Северского Донца и Сулы). Пантикапейскими являются сероглиняные кувшины и ойнохоя (курганы Ворсклы и Северского Донца).

Хронологические наблюдения указывают на то, что наибольшее количество древнегреческой столовой посуды поступало в Левобережную Лесостепь с конца VII в. до середины V в. до н. э. и на протяжении всего IV в. до н. э. Только на памятниках второй половины V в. до н. э. почти полностью отсутствует не только столовая посуда, но и амфорная тара античного производства. Ослабление активности в греко-варварской торговле этого периода, по-видимому, было вызвано дестабилизацией внутриполитической жизни в Скифии. Полное прекращение поступления античного импорта в Лесостепи приходится на рубеж IV–III вв. до н. э.

Являясь предметом роскоши, античная столовая посуда приобреталась только представителями лесостепной родоплеменной и воинской знати. Ее подавляющее большинство происходит из самых богатых подкурганных погребений со сложными погребальными конструкциями — склепами и срубами. На бытовых памятниках находки такой керамики – большая редкость.

Ю. Н. Бойко (Винница)

КЕРАМИКА ПОГРЕБЕНИЙ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ У с. КУПЬЕВАХА

В погребениях скифского времени курганного могильника у с. Купьеваха (раскопки А. А. Моруженко и С. И. Берестнева) лепная посуда представлена горшками, мисками, кубком, корчагами. Среди **горшков** известны: а) слабопрофилированные, близкие к баночным или тюль-

пановидным, орнаментированные пальцевыми вдавлениями, вдавлениями и проколами по краю венчика; б) корчаговидный горшочек с чернолощеной поверхностью; в) профилированный горшок без орнамента; в) «амфоровидный», украшенный пальцевыми вдавлениями и проколами. Две последние формы не характерны для Левобережья и выводятся из прототипов, известных в Лесостепном Днепро-Днестровском междуречье X–VIII вв. до н. э. Примечательно также отсутствие налепных валиков, что сближает рассматриваемую группу посуды с керамическим комплексом посульских курганов. **Миски** отмечены в двух погребениях второй половины VI–начала V вв. до н. э.: а) маленькая чернолощеная плошка; б) большая сложнопрофилированная. Миниатюрный круглодонный **кубок**, аналогичный найденному на селище Пожарная Балка, сохранился в погребении 1 кургана 14 и может быть сопоставлен с миниатюрной посудой высоцкой культуры. **Корчаги** представлены семью экземплярами: а) биконические типа Вилланова; б) с покатыми плечиками, усеченно-коническим туловом и цилиндрической шейкой; в) с грушевидным туловом и узким горлом; г) с округлобиконическим туловом, коротким венчиком и широким горлом; д) с реповидным туловом и узкой цилиндроконической шейкой. Поверхность корчаг покрыта лощением разного качества, в ряде случаев орнаментирована: налепным валиком с косыми насечками, геометрическим узором — врезным или нанесенным красной краской. Последняя находка по-своему уникальна, но может быть интерпретирована, исходя из общего контекста культурных связей народов Евразии в эпоху бронзы и раннего железа. Расписная посуда известна в разных культурах Южной и Центральной Европы, Передней и Средней Азии этого времени. В нашем случае нельзя установить источник заимствований, однако есть данные и о других экспериментах с расписной керамикой в начале раннего железного века в пределах украинской Лесостепи, например, в Среднем Побужье. Попытки изготовления местной расписной посуды прекращаются, видимо, с началом поступления в Лесостепь высококачественной греческой керамики. Красной краской продолжали украшать лишь некоторые культовые поделки из обожженной глины.

Генетические истоки формирования керамического комплекса Купьевахского могильника следует искать прежде всего в чернолесско-жаботинской культурной среде обитателей Лесостепного Днепровского Правобережья, Побужья, Поднестровья и связанными с ней исторически памятниками Поворсклья и частично Посулья. Заметны традиции, восходящие к фракийскому гальштату, высоцкой культуре, предскифскому периоду в Левобережной Лесостепи и Степном Причерноморье, а со второй половины V до н. э. усиливаются связи с Подоньем.

На рубеже VII–VI вв. до н. э. лепная посуда начала вытесняться изделиями античных гончаров, что совпадает по времени с началом существования городища у с. Полковая Никитовка. Амфоры найдены в семи комплексах, причем в четырех случаях они украшены расписным орнаментом. Известен также гончарный кувшин и несколько фрагментов чернолаковых сосудов из ограбленных захоронений.

С. Б. Вальчак, К. Б. Фирсов (Москва)

КОЛЛЕКЦИИ ИЗ РАСКОПОК И. А. ЗАРЕЦКОГО В СОБРАНИИ ГИМ*

В Государственном Историческом музее (Россия, г. Москва) хранится коллекция предметов[1], происходящих из раскопок известного археолога, этнографа и краеведа Ивана Антоновича Зарецкого (1857–1936), зачинателя археологических исследований в Среднем и Нижнем Поворсклье (Кулатова И. Н., Супруненко А. Б., 1992). Коллекция, насчитывающая 311 номеров и 2517 предметов, была куплена музеем у автора раскопок в октябре 1889 г. за 1000 рублей и продолжительное время экспонировалась в зале 5 (Инв. № 18779–18785, 20014–20021. Оп. Б 284) (Указатель РИМ, 1893). Собрание передано в музей вместе с «отчетом при деле о покупке коллекции» и с рукописным альбомом «Украинские древности Харьковской губернии, Богодуховского уезда, слободы Лихачевки, найденные и рисованные И. А. Зарецким с 1881 по 1886 гг.». В архиве отдела археологических памятников ГИМ хранится также дело «Материалы раскопок И. А. Зарецкого в Харьковской губернии» (Гр. Б: № 479/748), включающее в себя различные рукописные материалы: дневник И. А. Зарецкого «Раскопки курганов в Харьковской губернии Богодуховского и Ахтырского у. раскопки с 1887 по 1889 г. И. А. Зарецкого» (л. 1–32), «Описание древних предметов, найденных близ г. Полтавы в 1886 г.» (л. 36–37), акварельные рисунки этих предметов (л. 34–35), расписка И. А. Зарецкого о передаче коллекций в ГИМ (л. 38), «Карта курганов и городищ при слиянии рек Ворсклы и Мерлы на границах губ. Харь-

* Работа подготовлена при поддержке РГНФ (проект № 00-01-00238а).

[1] В докладе рассматриваются материалы коллекции И. А. Зарецкого, относящиеся только к скифо-сарматскому времени и раннему средневековью.

ковской Богодуховского и Ахтырского у., и Полтавской губ. Зеньковского у. И. А. Зарецкого 1889 г.» (л. 39), «Протокол Совета Императорского Российского Исторического Музея. Заседание Октября 18 1889 г.» о приобретении коллекции И. А. Зарецкого музеем (л. 40).

Коллекция включает в себя комплексы предметов и случайные находки, раскопанные и собранные И. А. Зарецким в 80-е годы XIX столетия, в годы наиболее активной его полевой деятельности, происходящие с территории бывшей Харьковской губернии (Зарецкий И. А., 1888; Ковпаненко Г. Т., 1967; Граков Б. Н., 1971).

Из Богодуховского уезда происходят предметы из 10 исследованных курганов скифского времени близ слободы Рублевки (возле городища «Разрытая могила») и с. Усачевка в долине р. Мерла, притока Ворсклы. Это комплексы из курганов 1, 2, 4, 6, 8–10: золотые серьги, бляшки, бусины, фрагмент гривны; бронзовые наконечники стрел, шило, крючок, пряжки и колечки; железные удила, псалии, копье, нож; стеклянные бусины;

глиняные сосуды; фрагменты предметов из бронзы, железа, глины и прочее. Курганы 3 и 5 вещевого материала не содержали. Наиболее интересны и хорошо известны материалы из кургана 7 (1888 г.) «Витова могила», относящегося к рубежу VI–V вв. до н. э., в числе которых украшения горита, выполненные в зверином стиле (золотые бляшки в виде фигур пантер, горных козлов, орлиных головок, большая круглая бляха и розетки), бронзовые наконечники стрел, пуговица, железные псалии, фрагменты органики и другие предметы.

В Ахтырском уезде близ с. Деревка на р. Ворскла, притоке Днепра, в урочище «Теплые могилки» И. А. Зарецким было исследовано два кургана (№ 11–12). В кургане 11 ничего не найдено, из кургана 12 происходят глиняные сосуды.

Интересный материал происходит из кургана 13 «Могила Опишлянка», располагавшегося недалеко от с. Деревка. В состав комплекса входят украшения берестяного горита: золотые бляхи в виде фигурок пантер и бронзовая, обтянутая золотым листом, крестовидная бляха ольвийской работы с изображениями в зверином стиле. Среди других предметов, сопровождавших захоронение: кабаний клык-подвеска с изображениями;

бронзовые наконечники стрел; железные удила и псалии, ножи, наконечник копья; глиняные сосуды и их фрагменты. Погребение датируется рубежом VI–V вв. до н. э. и совершено, по мнению автора раскопок, по обряду трупосожжения. Курган 14 из этой же группы оказался ограбленным и материала не содержал.

Близ с. Лихачевка Богодуховского уезда (совр. Котелевский район Полтавской области) была собрана обширная разновременная коллекция предметов, найденных вне курганов, относящихся в основном, за исключением отдельных предметов, к скифскому, сарматскому времени и раннему средневековью.

Среди них железные и бронзовые крюки, ножи, серпы, наконечники стрел, фибулы, булавки, пряжки, шилья, иглы, подвески, ворворка, пластины, псалии, удила, серьги, кольца, перстни, заклепки, бляшки, украшения конской сбруи, выполненные в зверином стиле, монеты, браслеты, гривны; стеклянные бусы и фрагмент сосуда; каменные оселки, подвески, блюдо; глиняные сосуды, пряслица, пуговицы, а также фрагменты предметов из различных материалов и прочие предметы.

Коллекции из раскопок И. А. Зарецкого представляют значительный интерес для изучения истории населения лесостепной полосы Евразии в скифское, сарматское время и в раннем средневековье, особенно учитывая наличие в составе собрания шедевров скифского звериного стиля. Коллекция приобретает особую ценность благодаря наличию подробной, тщательно выполненной документации о полевых исследованиях памятников (дневников раскопок, карт, рисунков и других архивных материалов). К настоящему времени материалы коллекции опубликованы частично. Авторы доклада предполагают полную публикацию фонда И. А. Зарецкого в ближайшем будущем.

А. В. Гейко (Полтава)

ДО ПИТАННЯ ДОСЛІДЖЕННЯ ВІДБИТКІВ НА КЕРАМІЦІ СКІФСЬКОГО ЧАСУ

Відбитки на кераміці бувають випадкові та зумисні. Перші беруть свій початок, як правило, на підготовчих етапах виготовлення ліпного посуду, при підготовці глин та доповнень. У свіжонакопаній глині зустрічаються коріння рослин чи дерев та інші органічні речовини, які у скіфський час не завжди прискіпливо видалялися. При підготовці формувальної маси до неї також потрапляють сторонні предмети (тріски, грудочки землі, стебла, зерна та насіння рослин тощо). Вони вигорають під час випалювання виробів, у інтервалі температур 200–600 °С, залишаючи після себе порожнини, які добре зберігають форму, будову поверхні стороннього предмета. Зумисні відбитки пальців, спеціальних чи пристосованих знарядь здійснювалися при формуванні, лискуванні та декоруванні. Сюди відноситься спеціальна підсипка, сліди якої

можна часто зустріти на денцях керамічних виробів.

У археологічній науці існує думка, що підсипка під денця посуду під час його виготовлення (як підсипку в VII–на початку III ст. до н. е. використовували пісок, попіл, полову злакових рослин, листя дерев, тощо) застосовувалася для того, щоб глиняний виріб не приставав до поверхні, на якій він робився.

Інше твердження спирається на те, що підсипка використовувалася не тільки для того, щоб на ній формувати посуд. Її відбитки на денцях могли утворюватися після виготовлення, коли посуд на ній сушився.

На денцях горщиків скіфської доби зустрічаються відбитки землі, попелу, піску, полови і зерен проса, ячменю, пшениці, тканини, зрізу дерева. Нерідко їх важко ідентифікувати. На інших типах посуду (черпаки, кухлі, миски, кубки та ін.) вони, крім поодиноких випадків (наприклад, миска із Лихачівського селища), не виявлені, оскільки їхні денця старанно загладжувалися.

На базі лабораторії спеціальних методів дослідження кераміки ДМЗУГ були проведені роботи з експериментального моделювання по створенню банку еталонних відбитків. У ході роботи створено еталони таких відбитків на керамічних денцях: тканини; полови ячменю; трави; піску; проса; ячменю; деревного попелу; попелу рослин; землі; спилу колоди тополі та сосни; листя дерев. Кожний виріб або робилося на підсипці, тканині чи спиляній колоді дерева, або сушився на них.

По-перше, було встановлено, що після закінчення сушіння ні на одному зразку відбитків не зафіксовано. На всіх тих, що робилися на підсипці, тканині чи дереві, вони є. Підсипка застосовувалася при формуванні виробу. Посуду не потрібно було сушитися на ній. Під час виготовлення виробів на гончарному крузі, яке здійснювалося методом витягнення із одного шматка глини в результаті його обертового руху, грудка глини прикріплювалася до його верхньої частини. Сучасна її назва — верхняк. Після формування на ньому денце посуду зрізувалося спеціальним дротом, і посуд ставили сушитися під стелею хати чи майстерні на дерев'яних дошках — «п'ятрах». Вироби ніколи не приставали до дерева. Глиняна маса, яка служила для виготовлення стародавньої кераміки методом скульптурної ліпки (шматками, стрічками чи джгутами), була ще більш сухою та більш твердою, ніж та, що використовується для витягнення на гончарному крузі. Тому денця ніколи не могли прилипнути до поверхні під час сушіння. Тим більше, що у процесі сушіння розміри виробу порівняно з початковими зменшуються, скорочуються на 8–12 %. Навпаки, він сам відстає від поверхні. З метою кращого сушіння, запобігання бракові, а саме розтріскуванню (особливо це стосується товстого дна), виріб декілька разів перевертався.

По-друге, під час виготовлення експериментальних зразків було виявлено, що керамічні денця могли обертатися навколо своєї осі на підсипці, яка виконувала функцію шарикопідшипників. Це допомагало при накладанні шматків чи стрічок глини під час формування посуду, вирівнюванні або загладжуванні його поверхні, нанесенні орнаменту, який ставав більш-менш симетричним, а також зберігало час гончару. Ще однією функцією підсипки було забезпечення зменшення тертя денця об поверхню при виготовленні посуду, крім того, виріб можна було пересувати. Підсипка полегшувала обертання виробу навколо своєї вертикальної осі.

По-третє, на основі порівняння з еталонними зразками було чітко встановлено, які відбитки зустрічаються на археологічній кераміці. Для визначення цього було взято денця з поселень VII–III ст. до н. е. У цей час найчастіше застосовувалася полова проса. Рідко використовували листя дерев, попіл, пісок. Деяка кількість глиняних виробів робилася просто на землі (Книшівське городище 3 %).

Таким чином, на основі експериментального моделювання та трасологічних досліджень було зафіксовано, що підсипка під денця посуду застосовувалася лише при формуванні, для легкого зняття виробів з поверхні, на якій вони виготовлялися. У скіфську епоху зрізування посуду ниткою чи дротом не існувало. На підсипці можна було повертати кераміку, її денця не приставало до поверхні. Відбитки зрізу дерева (нерідко, досить чіткі) та тканин свідчать, що вони виконували роль поворотного столика. Віриться, зі створенням банку відбитків спилів дерева на керамічних денцях у майбутньому вдасться підійти до питання їх використання для методу дендрохронології.

Продовження вивчення взаємозалежності підсипки, формувальної маси, способів виготовлення начину дасть можливість виявити різні групи населення, які застосовували неоднакові гончарські традиції, що приведе до вияснення шляхів заселення і формування етнокультурної спільноти в VII–III ст. до н. е. на терені Дніпровського лісостепового Лівобережжя.

Д. С. Гречко (Харьков)

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ПАМЯТНИКАХ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ ХАРЬКОВЩИНЫ

В 1999–2000 гг. автором проводились археологические разведки в ходе которых были осмотрены как уже описанные памятники, так и не нашедшие своего отражения в литературе. Необходимость их проведения была продиктована тем, что в последние годы активизировалось разрушение археологических памятников при проведении сельскохозяйственных и строительных работ, а также в следствии деятельности грабителей. Было проведено сплошное обследование значительной части Дергачёвского района. В результате которого было обнаружено несколько памятников скифского времени.

1. Поселение расположено на левом берегу Лозовеньковского водохранилища и имеет площадь 8 га. В северо-восточной части селища в стенке котлована были зафиксированы остатки хозяйственной ямы, которая имела грушевидную форму. На поверхности были собраны материалы относящиеся к позднескифскому времени: характерно украшенная керамика, бронзовые трёхлопастные наконечники стрел, фрагмент бронзового браслета и др.

2. Поселение обнаружено в лесу на склоне плато высокого правого берега р. Лопань у с. Караван. Зафиксировано 5 зольников, которые были частично разрушены грабителями. Материалы собранные на отвалах грабительских шурфов относятся к позднескифскому времени. Курганный могильник расположен в 50 метрах к северу от поселения и состоял из 71 кургана из которых 33 ограблены в современности. В 1–2 км севернее у с. Лужок и у с. Семёновка обнаружены еще две группы зольников, которые распахиваются под огороды. Материалы также относятся к позднескифскому времени.

В окрестностях г. Люботин у ст. Совнаркомовская были осмотрены известные ранее поселения.

1. Первое селище расположено у истоков безымянной речки в пос. Барчаны. На поверхности зафиксировано 9 зольников. Поселение имеет хорошо насыщенный культурный слой. Среди керамики выделяется группа венчиков горшков, украшенных массивными налепными валиками, фрагментов подлощенных кубков, лощёных мисок, которые концентрируются в южной части поселения, что, видимо, указывает на то, что эта часть селища возникла ещё в раннескифское время.

2. В 500 метрах к юго-западу от первого осмотрено поселение в ур. Дробянское. На поле расположено 5 зольников, которые интенсивно распахиваются. 4 зольника находятся в лесу и частично разрушены грабителями. Интересно то, что при осмотре шурфов в одном из них было обнаружено захоронение (?) человека, грабители унесли лишь череп. Никакого инвентаря вблизи не найдено. Среди керамики, собранной на поверхности селища, значительная часть украшена налепными валиками и подлощена, что указывает на то, что поселение возникло в раннескифское время. Отсутствие среди находок металлических изделий возможно объясняется тем, что всё поселение было тщательно «осмотрено» грабителями с помощью металлоискателя на что указывает то, что вся поверхность поселения покрыта характерными ямками.

Все осмотренные поселения так или иначе разрушаются и нуждаются в реальной защите от грабителей, а не только на бумаге (статья 207 Уголовного кодекса Украины).

На основании накопленных к настоящему времени материалов, можно сделать некоторые предварительные выводы: все скифские памятники расположенные восточнее г. Люботин относятся к позднескифскому времени (описанные выше Липовая Роща, Островерховка, Циркуновское городище, Б. Даниловка и многие другие). Возможно, эта территория была заселена несколько позднее, вероятно это объясняется большей удалённостью от Муравского шляха, который как раз доходя до современного г. Люботин поворачивает на север. Новые исследования возможно опровергнут данное предположение, а если подтвердят, то дадут информацию о причинах более позднего заселения данной территории, его путях и времени.

М. Н. Григорьянц, Г. В. Бейдин (Харьков)

О НАХОДКАХ ПРЕДМЕТОВ САВРОМАТСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В БАССЕЙНАХ СЕВЕРСКОГО ДОНЦА И ВОРСКЛЫ

За последние годы, при сборе подъемного материала на разрушаемых многолетней вспашкой поселениях скифского времени в бассейнах рек Северский Донец и Ворскла, учащимися археологического кружка при УВК № 116 г. Харьков краеведами было обнаружено несколько предметов, оформленных в зверином стиле. Часть этих предметов имеет явно выраженное савроматское происхождение и находят абсолютные аналогии с предметами, найденными в савроматских землях. Приводим краткое их описание:

1. Бронзовая бляшка, изображающая зверя, напоминающего медведя, но с длинным, закрученным в *колечко*, хвостом, найдена на селище скифского времени у с. Большая Гомольша Змиевского района Харьковской области. Практически аналогичные бляшки были найдены В. П. Шыловым в кургане у с. Старица в Нижнем Поволжье, а также в составе комплекса у с. Новопривольное. Данная находка является типичным образцом поволжского варианта скифо-сибирского звериного стиля савроматского происхождения.

2. С Коломакского и Бельского городища происходят две бронзовые бляшки с оригинальной трактовкой стилизованного изображения медведя в фас, припавшего на передние лапы. Ближайшие аналогии этим бляшкам имеются также в Новопривольнинском комплексе в Поволжье и относятся к савроматскому звериному стилю.

3. Нехарактерной находкой для Северско-Донецкого региона является находка у с. Шестаково Харьковского района фрагментированного бронзового поясного крючка с изображением лошади. Удобные изделия довольно часто встречаются в среднедонской культуре скифского времени, а также и у савроматов.

4. Обломок кабаньего клыка с резным изображением головы медведя в фас найден на селище скифского времени у с. Огульцы Валковского района. Трактовка изображения зверя, опять же, копирует голову медведя на срединной части клыка из *уже* упоминавшегося комплекса в Новопривольном.

В дополнение к вышеперечисленным находкам следует также упомянуть иногда встречающиеся на памятниках скифского времени Харьковской и Полтавской областей находки бронзовых и свинцовых колесиков, очевидно, культового назначения. Подобные колесики довольно обычны для находок на Среднем Дону и в савроматской *культуре* и поэтому также могут иметь, хотя бы косвенно, савроматское происхождение.

Пути проникновения предметов савроматского происхождения в скифскую Лесостепь, а также вопросы возможной миграции сюда савроматов рассматриваются давно и являются весьма актуальными для дальнейшего изучение скифского лесостепного Левобережья.

Подобный вопрос о связях Нижнего Поволжья с Прикубаньем и Нижним Подоньем рассматривался в минувшем году Е. В. Переводчиковой. Опираясь на серию находок предметов, оформленных в зверином стиле, она предположила, с нашей точки зрения, совершенно верно «определенную структуру связей между искусством этих областей». Очевидно, подобная структура связей с савроматским миром есть и в Северско-Донецком, и в Ворсклинском регионах. Скорее всего это были тоже случайные связи и контакты — кратковременные проникновения мелких групп восточных кочевников в Украинскую Лесостепь в период наиболее длительных перекочевок.

Л. С. Ильюков (Ростов-на-Дону)

ОРИГИНАЛЬНЫЙ ТИП НАВЕРШИЯ ЖЕЗЛА СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ

В памятниках скифо-савроматского времени редкими и слабо изученными являются навершия жезлов. Среди них особое место занимают навершия с двумя-тремя рядами пирамидальных шипов.

В Люботинском кургане, исследованном в бассейне Северского Донца, в ограбленном раннескифском погребении конца VII–начала VI вв. до н. э. в тайнике-нише вместе с серебряными булавками, бронзовым зеркалом и костяной палочкой, украшенной головкой хищной птицы, было найдено бронзовое навершие в виде сквозной цилиндрической втулки, нижний конец которой опоясан двумя валиками, а верхний — одним и тремя торчащими вверх короткими зубцами. В средней части втулка имеет шаровидное утолщение, опоясанное двумя рядами пирамидальных шипов со срезанными верхушками. В каждом ряду по шесть шипов. (Бандуровский А. В., Буинов Ю. В., Дегтярь А. К., 1998). Нижний конец деревянной рукояти имел бронзовый подток с отверстием для шплинта. Предмет уникальный (Черненко Е. В., 2000).

В собрании древностей Новочеркасского музея истории донского казачества хранится бронзовое навершие жезла, найденного в бассейне р. Тихая в Области Войска Донского. Цилиндрическая втулка имеет три ряда пирамидальных шипов со срезанными верхушками. В каждом ряду по четыре шипа. Края втулки «загнуты» внутрь, а один из них имеет еще и литейный дефект. Для того чтобы надеть навершие на конец рукояти, по-видимому, необходимо было сточить отмеченную закраину (Раев Б. А., 1979). В каталоге музея, составленном Б. А. Раевым, предмет описан как случайная находка II–156, источник поступления неизвестен (Раев Б. А., 1979).

Еще одно бронзовое навершие цилиндрической формы с тремя рядами пирамидальных шипов происходит их окрестностей Учкулана (коллекция Е. Зичи) (Zichy E., 1897). Этот предмет был выделен в VI тип наверший жезлов кобанской культуры. По мнению В. И. Козенковой, он имеет параллели, с одной стороны, в Нагорном Карабахе, а с другой — в Вен-

грии, что свидетельствует об этнокультурных контактах между Закавказьем и Центральной Европой (Козенкова В. И., 1995).

В юго-западной части Ирана, на территории Луристана, известна серия бронзовых наверший жезлов VIII–VII вв. до н. э., которые близки находкам происходящим из Восточной Европы (Горелик М. В., 1993). Шипы могли быть ориентированы не только вертикально, но и горизонтально и быть крупными (Древности страны Луров, 1992). Кстати, бронзовый шестопер из скифского кургана Солоха имеет цилиндрическую втулку и шесть крупных вертикальных лопастей с изящно отогнутым в сторону нижним концом. Между лопастями располагались по два вертикальных выпуклых ребра. Это навершие, по мнению А. П. Манцевич, могло употребляться очень долго (Манцевич А. П., 1987).

Возможно, истоки изготовления наверший жезлов с несколькими рядами шипов уходят в Закавказье, в Иран. Отряды ираноязычных кочевников, пришедшие из переднеазиатских походов в восточноевропейские степи, принесли с собой и оригинальную конструкцию культовых жезлов, которые не получили широкое распространение в скифской культуре в VII–IV вв. до н. э.

Л. В. Карпенко (Київ)

ДЕЯКІ ПИТАННЯ ПОХОДЖЕННЯ СКІФСЬКОГО ЗВІРИНОГО СТИЛЮ

Мистецтво звіриного стилю вже більше століття привертає до себе увагу археологів та мистецтвознавців в контексті загальних проблем скіфського мистецтва.

На території сучасної України появу скіфської культури дослідники пояснюють по різному, але за останні роки найбільшого розповсюдження отримали дві гіпотези. Стосовно першої, появу цієї культури, зокрема і мистецтва, пов'язано з приходом сюди нового населення — скіфів, які і приносять цю культуру «в готовому, сформованому вже вигляді» з глибин Азії [Терєножкін, 1976, с. 183].

Друга гіпотеза пов'язує формування скіфського мистецтва із походами скіфів до Передньої Азії, де вони вступили в контакт зі світом в сфері мистецького перетворення міфологічних образів [Артамонов, 1968; Вязьмитина, 1963, с. 168–169].

Вважається, що з початку скіфської епохи до кінця V ст. до н.е. для скіфського мистецтва характерний виключно зооморфний репертуар. Неважко здогадатися, що звіриний стиль в реальному скіфському житті являв собою єдність естетичного, соціального і релігійного моментів. До речі, ця єдність простежується на всій території його розповсюдження. Стосовно цього складається так би мовити логічний ланцюг: світогляд — ритуал — речі, які утворюють духовний шар культури.

Окрім прямого функціонального призначення річ несе в собі великий інформаційний заряд, тобто річ в скіфській культурі дуже часто сприймається більше ніж річ. Їм притаманно поєднувати в одній речі утилітарні та культові властивості і функції. Що стосується змісту культових властивостей та функцій, то він часто не зрозумілий, а для їх інтерпретації потрібне використання багатьох даних та паралелей.

Ритуальні речі мають особливе значення. Але існує один недолік з розвитком суспільства, вони стають звичайними творами мистецтва. Відомо, що речі були пов'язані із світоглядом, а Світ в свою чергу сприймався в триярусній побудові. Кожному ярусові відповідали певні тварини. Нижній частині дерева життя відповідав змій, або грифон. Із Середньою частиною були пов'язані копитні тварини, тобто об'єкти полювання, або ті, що входили до складу стада. З небом, чи Верхньою частиною дерева життя були пов'язані птахи.

Стилістичні особливості у скіфському мистецтві зображення тварин не знали собі аналогій в античному мистецтві. Втручання грецьких майстрів в мистецтво скіфів призвело до переплетення давньоскіфських мотивів з традиціями і навичками грецького мистецтва і появи нового оригінального художнього стилю, характерного для Скіфії V–IV ст. до н.е. Вплив грецького мистецтва виявився в наступному: у збагаченні іконографії за рахунок низки нових образів; у розширенні сюжетно-композиційної основи; у зміні стилістичної направленості; у розширенні можливостей орнаментально-декоративної стилізації; у переробці окремих прийомів грецької ювелірної техніки. З'являються речі, виконані в грецькій манері, на яких відображено скіфський світогляд, як, наприклад, на пекторалі з Товстої Могили.

Отже, прояв світоглядних уявлень за архаїчної доби розвитку скіфського суспільства не дозволяє правомірно шукати місце виникнення звіриного стилю. Тому і виникнути він міг в різних місцях [Ольговський, 1998, с. 145].

В. А. Косиков (Донецк)

О СЫРЬЕВОЙ БАЗЕ ОРУЖЕЙНИКОВ СТЕПНОЙ СКИФИИ
(на материалах Чертомлыкского некрополя)

Раскопанный еще в середине XIX века, скифский царский курган Чертомлык и его окружение привлекают внимание исследователей и в наши дни [Алексеев А. Ю., Мурзин В. Ю., Ролле Р.]. Изучается антропологический [Kruc Svetlana I.] и строительный материал [Klamm Mechthild, Viebrock Heike, Meyer Brunk], анализируется флора [Klamm Mechthild] и фауна [Thuravlrv Olʻeg P.], рассматривается технология изготовления изделий из золота и серебра [Minasjan Rafael S.], железа [Šramko Boris A., Solncev Leonard A.] и бронзы [Ol'govski Sergej Ja.]. Однако до последнего времени в археологической науке не затрагивался вопрос о месторождениях медных руд, использовавшихся в раннем железном веке местными бронзолитейщиками. На основе спектральных анализов бронзовых наконечников стрел, выполненных С. Я. Ольговским, это представляется возможным в соответствии с программой поиска рудных баз ремесленников юга Восточной Европы, разработанной в Донецком государственном университете [Kosikov V. A.].

Проведенные спектральные анализы наконечников стрел из кургана Чертомлык и кургана 46 погребения 2 этого же некрополя значительно разнятся по своему составу.

В первой группе анализов совершенно отсутствуют добавки мышьяка, обычные для бронзолитейщиков Северного Кавказа. Нет металла вторичного использования. Естественные микропримеси четко разделены на две категории, где преобладает сплав категории «неизвестное», то есть неизвестного происхождения. Почти 25 % наконечников этой группы соотносятся с сырьевой базой ремесленников античных городов Северного Причерноморья.

Во второй группе анализов на первом месте является также металл неизвестного происхождения. Однако в отдельных наконечниках стрел есть незначительные добавки мышьяка и сурьмы. Преобладающей в этой группе является сырьевая база бронзолитейщиков Правобережья Днепра (25 %). На втором месте сплав на медной основе категории «вторичное использование» (20 %). Присутствует также сплав, подготовленный мастерами античных городов-полисов. Однако и в этой группе совершенно отсутствует металл восточного происхождения — Волго-Камья и Волго-Уралья.

Таким образом, судя по полученным результатам, в царском погребении кургана Чертомлык обнаружены наконечники стрел, изготовленные в античных городах Северного Причерноморья или доставленные из отдаленных областей. В бронзах античных ремесленников часто присутствует, особенно это показательно для периода архаики, сплав на медной основе из неизвестного в настоящее время месторождения медной руды. В этом случае можно утверждать, что сырьевой базой являлись Балканы или острова Средиземноморья. Положение в обществе предполагало специальные заказы для царя и царского окружения в государственных образованиях сопредельных территорий.

В погребениях рядовых воинов обнаружены наконечники стрел местного производства. В мастерских бронзолитейщиков Скифии использовались не только руды ближайших месторождений, но и металлический лом, то есть категория «вторичного использования». Однако и в этом случае преобладающими являются сырьевые базы Правобережья Днепра, Северного Кавказа, античных городов-полисов Северного Причерноморья. Значительно слабее представлен Карпато-Трансильванский регион. Небольшие добавки сурьмы и мышьяка свидетельствуют о специальных ритуальных присадках, которые в техническом отношении не играли никакой роли и имели культовое назначение.

Б. А. Шрамко (Харьков)

К ВОПРОСУ ОБ ИКОНОГРАФИИ СКИФОВ

Несмотря на значительное количество археологических источников многие аспекты скифской иконографии еще не ясны. Попытка априори сформулировать основные черты образа ранних скифов как бородатых всадников в остроконечных шапках оказалась неудачной. Предполагалось, что этот образ скифа сложился у переднеазиатских народов еще в период скифских походов в Переднюю Азию в VII в. до н.э., однако, материалы не подтверждают этого, наличие изображений скифов среди глиняных фигурок неизвестного происхождения и назначения не доказано. Неизвестно что за человек изображен в длиннополой одежде и с зубчатой тиарой на парадном топоре из кургана Келермес. Неоднозначно и зачастую весьма тенденциозно трак-

туются сцены на цилиндрической печати, на пластине из погребения у с. Тли и на так называемой «понтийской» вазе VI в. до н.э. Использование в качестве источника для иконографических исследований каменных изваяний сопряжено со многими трудностями. Изображения эти весьма схематичны. Нет единого мнения о том кого и с какой целью они изображают. Большое разнообразие изваяний, наличие территориальных вариантов могут свидетельствавать о том, что они фиксируют разные, в том числе и не скифские этнические общности, таким образом фактически мы не имеем достоверных изображений северопричерноморских скифов архаической эпохи.

Ситуация существенно меняется с V в. до н. э., когда появляется целый ряд высокохудожественных изображений, выполненных руками греческих ремесленников. Однако и при этом существует не мало проблем. С V в. до н. э. меняется очень многое в материальной культуре степных кочевников северного Причерноморья. Изменяется и искусство, в котором большое значение приобретают изображения людей. Среди изображений людей несомненно имеются и изображения скифов, но они уже совершенно не соответствуют предполагавшемуся ранее образу скифа архаической эпохи. Среди отдельных фигур и в сложных композициях господствуют изображения мужчин без головных уборов, одетых в короткие куртки различного покроя, широкие или узкие в обтяжку штаны и мягкие полусапожки без каблуков. В деталях одежды заметны отличия, отражающие, возможно, особенности одежды разных групп скифов или даже нескифских групп населения. Сюжеты сложных изображений разнообразны и в большинстве случаев видимо отражают различные эпизоды из скифских мифов и легенд. В трактовке этих сюжетов наблюдаются существенные различия. Так, невозможно согласиться с теми, кто считает, что в центре верхней части пекторали из Толстой Могилы показана обычная бытовая работа, связанная с шитьем или ремонтом меховой рубашки, на наш взгляд здесь показаны знатные воины после тяжелого сражения, они сняли поврежденные в бою панцирные рубашки и поэтому изображены обнаженными до пояса. Слева с повязкой-диадемой на голове изображен, очевидно, царь, а напротив его — какой-то знатный скиф. Они рассматривают пробоину на панцирной рубашке, в которой застрял изогнутый коготь какого-то чудовища. Вероятно здесь показан эпизод из мифа о героическом царе-победителе страшного чудовища. Возможно речь идет о победителе чудовищ Таргитае.

А. Л. Щербань (Полтава)

ОСОБЛИВОСТІ РОЗТАШУВАННЯ ПАМ'ЯТОК VIII–III ст. до н. е. ПОБІЛЯ ДИКАНЬКИ

Поселення і могильники скіфського часу побіля Диканьки відомі порівняно давно. Вперше про них згадує М. Я. Рудинський. На середину 1980-х років в радіусі до 7 кілометрів відносно сучасного селища було відомо 9 поселень скіфської доби. Три з них виявлені біля Диканьки (Ковпаненко Г. Т.), шість – в околицях, побіля сіл Василівна, Трояни, Федорівка (розвідки Гавриша П. Я., Супруненка О. Б., Ковпаненко Г. Т.). Курганів було помічено більше 40, з них кілька розкопаних в 1981 році, містили пограбовані поховання скіфського часу.

Автором, в окрузі Диканьки з 1996 року проводяться систематичні археологічні розвідки з метою виявлення нових пам'яток і картографування вже відомих. За цей період було відкрито три поселення доби пізньої бронзи (бондарихинської культури), дванадцять селищ ранньоскіфського часу (VI–VI ст. до н.е.) і дев'ять поселень V–III ст. до н.е. На них зібрано виразний підйомний матеріал, який характеризує культуру і побут місцевого населення. Зафіксовано більше 150 курганів, які мають вигляд від ледь помітних на зораному полі плям до порівняно високих (1–2 метри) насипів. Розміщуються вони групами, що містять від 5 до 40 курганів. Майже завжди (крім селища біля урочища Дмитренкова балка) кургани входять і до складу поселень.

Більшість поселень і могильників розміщуються на лівому високому березі р. Вільхова Говтва (басейну Псла) і плато вододілу річок Вільхова Говтва і Ворскла. При картографуванні пам'яток було помічено, що всі вони розміщувались вузькою (до 500 метрів), але довгою (близько 17 км) безперервною смугою. Вона утворює півколо, навкруг сучасної Диканьки. Один його кінець спрямований на південний схід (у напрямку до Стасівського городища). Інший — на північний схід (до поселень біля Олефірщини, Опішні, Більського городища).

Серед пам'яток найбільше виділяється селище в урочищі Дмитренкова балка. Воно має попередню площу до 50 га і включає 32 золь-

ники. Знайдені матеріали можна датувати VIII–III ст. до н.е. Зольники розташовуються кількома непаралельними рядами, що нагадує вуличну забудову сучасних сіл. Планування інших поселень ранньоскіфського часу і могильників досить одноманітне — вони розміщуються рядами, вздовж одної умовної лінії. Іноді від неї відходять відгалуження в різні боки. Цікавою є наявність на всих найдавніших поселеннях правобережного типу знахідок бондарихинської культури.

Таке розташування пам'яток можна пояснити тим, що на території сучасної Диканьки ріс ліс, який розпочинався біля самої Ворскли (це підтверджують дослідження ґрунтознавців і істориків).

Ймовірно, переселенці з Правобережжя, що рухались по правому березі Ворскли, огинаючи великий лісовий масив, засновували на сприятливих місцях перші свої поселення. При цьому вони оселялись на площах, вільних від лісу, де перед ними жили бондарихинці. З часом почали утворюватись нові поселення, з'являлись курганні могильники. Вони приєднувались до вже існуючих, утворюючи безперервний ряд зольників і курганних насипів. Можливо, орієнтиром для такого планування слугували стародавні шляхи.

Знахідок V–III ст. до н.е. на поселеннях з зольниками зустрічається мало. Селища цього періоду, невеликі за розмірами і бідні на знахідки, розміщуються як в безпосередній близькості від старих поселень (на південь чи на схід від них), так і на нових місцях. Вони не вписуються в систему планування пам'яток VIII–VI ст. до н.е. Серед знахідок на цих поселеннях впадає в око велика кількість фрагментів античних амфор V–IV ст. до н.е.

Таке розміщення поселень в середньо- і пізньоскіфський період можна пояснити як вирубною системою в сільському господарстві, так і побоюванням нападу ворогів.

Таким чином, картографування пам'яток археології в околицях Диканьки дозволяє відтворити уявний вигляд планування одного з найбільших скупчень поселень і могильників VIII–III ст. до н.е. в Поворсклі. Однак відтворити повну картину можуть лише масштабні розкопки.

О. М. Ярошкевич (Дніпропетровськ)

РОБОТА С. А. СЕМЕНОВА-ЗУСЕРА «СКИФСКАЯ ПРОБЛЕМА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКЕ (1692–1947)» У КОНТЕКСТІ ІСТОРІОГРАФІЇ СКІФОЗНАВСТВА

Історія Скіфії була й залишається однією зі «споконвічних» проблем в дослідженнях вчених. Сьогодні скіфологія має величезну кількість робіт, які висвітлюють різні аспекти скіфської історії, проте зведених узагальнюючих праць обмаль. Історіографічні розділи присутні в багатьох монографічних виданнях, окремі статті присвячені огляду робіт з певних питань історії скіфів, однак вони не охоплюють всього обсягу накопиченого матеріалу та напрямків сучасної скіфології.

Винятком є праця професора Харківського університету С. А. Семенова-Зусера (1877–1951) «Скифская проблема в отечественной науке (1692–1947)» (1947), яка незважаючи на більш ніж 60 років з дня свого виходу зберігає своє значення. В монографії аналізується, узагальнюється та систематизується літературний й археологічний доробок з кін. XVII до сер. XX ст.

Структура цієї роботи досить логічна, кожна її глава відмічає певний хронологічний та якісний етап розвитку науки про скіфів. Початок вивчення скіфської проблеми в Росії вчений відносить до часу заснування в Петербурзі Академії наук і пов'язує його із актуальністю питання про походження слов'янських народів, яке мало державну вагу. З кін. XVIII ст., після приєднання до Росії північного узбережжя Чорного моря й Криму, об'єктом уваги історичної науки стало Причорномор'я та його минуле. Але археологічні дослідження в цей час мали характер пошуку скарбів на чолі з колекціонерами-меценатами. С. А. Семенов-Зусер вірно відмітив, що новий напрямок та більш глибоке розуміння археологічних завдань взагалі й скіфської археології зокрема з'явились лише з другої половини XIX ст. Саме на цей час припадає діяльність імператорської Археологічної комісії (1859) та Московського археологічного товариства (1864). Безперечно правий автор також і в оцінці значення Археологічних з'їздів (1869–1911) для розвитку вітчизняної археології, обміну інформацією й думками між археологами, істориками, етнографами, антропологами з різних міст Російської імперії.

Окрім викладу теоретичних робіт С. А. Семенов-Зусер значну увагу приділив опису польових досліджень кін. XIX–поч. XX ст. київськими, харківськими, катеринославськими й одеськими археологами на терені України.

Якісно новий період в скіфології, на думку дослідника, почався на рубежі XIX–XX ст., коли історію розглядали в тісному зв'язку з її допоміжними дисциплінами, передусім з археологією. Вивчення матеріальних, економічних і соціальних аспектів явищ були в центрі уваги тогочасних дослідників. Огляд і аналіз робіт скіфологів радянського періоду до кін. 1940-х років міститься в останньому розділі праці.

Незважаючи на досить чітку та ідеологічну спрямованість, а також прагнення певного наукового синтезу С. А. Семенова-Зусера відзначає традиціоналізм мислення, ерудиція та глибока обізнаність із історіографічними джерелами та фактами. Монографія «Скифская проблема в отечественной науке (1692–1947)», охопивши значний період, вражає чисельністю та розмаїттям джерельної бази: мемуари, листи, путьові нотатки, щоденники розкопок, звіти й труди різних археологічних і історичних установ, періодичні видання тощо. Слід ще раз зауважити, що автор не звужує свою працю оглядом тільки теоретичних робіт, він подає відомості й про найбільш цікаві польові дослідження. Подібний комплексний підхід робить труд більш повним. Дослідник ще в передмові зазначає, що зупиняється переважно на позитивних сторонах аналізованих творів; однак потрібно відмітити критичне відношення вченого до багатьох праць, що надає його монографії ґрунтовності. Важливою заслугою С. А. Семенова-Зусера є розробка періодизаційної схеми в розвитку скіфології, за якою викладено матеріали.

Безумовно, праця вченого була й залишається помітним явищем у скіфології, до якої, на жаль, не часто звертаються сучасні дослідники. Вона є прикладом першої спроби систематизації й узагальнення спадщини з скіфознавчої тематики. Знайомство з цією роботою переконує у необхідності продовження історіографічної розробки скіфської проблематики на сучасному науковому рівні.

АНТИЧНЫЙ МИР

В. В. Абрамова (Запорожье)

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНТАКТЫ ИЛЛИРИЙСКИХ ПЛЕМЕН в конце IV–начале III вв. до н. э.

С конца IV в. до н. э. начинается процесс постепенного вовлечения в сферу международных отношений ряда варварских народов, проживавших на периферии античного мира. Одним из них были иллирийские племена, земли которых находились на север от Эпира, между Адриатическим побережьем и фракийскими землями. Если в классический период эти народы рассматривались античными государствами лишь как объект экспансии и колонизации, то с конца IV–III вв. до н. э. они выступают равноправными участниками международных отношений, а их регулярные контакты с греческими полисами и Македонией приводят к становлению некоторых норм варварской дипломатии.

В конце IV в. до н. э. в Южной Иллирии господствующее положение занимал союз тавлантов. Его правитель Главкия вел активную дипломатическую деятельность, помог Пирру восстановить свои права на престол Эпира, заключал династические браки с эллинистическими царскими родами, поддержал эпирского царя в его военных действиях против Македонии.

Другим крупным иллирийским племенем были автариаты. В 310 г. до н. э. зафиксирован их военный конфликт с Кассандром, итогом которого стало заключение между ними союза. Его можно рассматривать как один из первых официальных договоров между эллинистическим монархом и варварами. Среди его условий было, возможно, предоставление последними военных контингентов в случае ведения Македонией военных действий, что объясняет присутствие автариатов в армии Лисимаха в войне против Антигона.

Кельтское вторжение на Балканский полуостров 279/278 гг. до н. э. внесло существенные изменения в положение балканских народов. Некоторые иллирийские племена, в частности автариаты, приняли участие в походе кельтов в Македонию и Грецию. Дарданы, напротив, оказали им упорное сопротивление и выступили с предложением заключить оборонительный союз с Македонией.

В результате кельтского нашествия дарданы были значительно ослаблены, но с середины III в. до н. э. возобновляется их экспансионистская деятельность, происходит расширение их территории на восток в земли трибаллов. С 30-х гг. III в. до н. э. дарданы начинают продвижение на юг, в результате чего ими была захвачена Пеония и ликвидирована пеонская династия. В годы правления Деметрия II уже непосредственно македонская территория начинает подвергаться нападениям дардан. С этого времени последние становятся постоянной угрозой для Македонии. Их периодические вторжения не позволяли македонским царям добиться существенных результатов в своих дипломатических и военных мероприятиях в Греции. Постоянное давление дардан в значительной степени парализовало внешнеполитическую деятельность Македонии в конце III–начале II вв. до н. э. и способствовало ее ослаблению.

С середины III в. до н. э. на орбиту международных отношений выходят ардиэи. Государственное образование ардиэев при царе Агроне достигает апогея могущества и устанавливает контроль над рядом греческих городов побережья Адриатики и торговлей в бассейне Адриатического моря. В 231 г. до н. э. зафиксирован факт вмешательства ардиэев в межэллинский конфликт и заключение союза Агрона с Деметрием II. Усиление военно-политической активности Ардиэйского царства побудило Рим вмешаться в дела Иллирии. В результате I и II Иллирийских войн (229/228 и 219 гг. до н. э.) территория Ардиэйского царства была значительно сокращена, а Рим становится полноправным хозяином Адриатического моря и иллирийского побережья.

С этого времени иллирийские племена не представляли более серьезной угрозы военно-политическому присутствию Рима на Балканах и, более того, не выступали как самостоятельные и равноправные участники международной политики.

Бани Мустафа Хассан (Иордания)

АНТИЧНОЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ИОРДАНИИ

Иорданское государство возникло в сложной обстановке, создавшейся в результате поражения Османской империи, подъема арабского освободительного движения под руководством феодально-религиозных и племенных вождей, борьба Англии и Франции за османское наследие.

Культурное наследие Иордании весьма разнообразно и отражает в себе влияние различных исторических периодов. Архитектура, градостроительство, искусство Иордании складывались в течение многих веков в зависимости от национальных и культурных традиций населявших ее народов, а также специфических природно-климатических условий. Вместе с тем, на них оказывали сильное влияние соседние государства и народности в результате тесных социально-экономических связей, культурных контактов, а также завоеваний другими сторонами и империями.

Остановимся на характеристике одного из таких периодов в истории формирования культурного наследия Иордании — периоде античности.

Завоевание Александром Великим Персидской империи сделало его правителем всего Средиземноморья, включая Египет. Это стало причиной распространения греческой культуры на Ближнем Востоке и, в частности в Иордании (332–63 гг. до н. э.). Расцвет эллинистических государств и эллинистической культуры относится к III–II вв. до н. э. Центральные города Иордании получили название на греческом языке (например, Аммон назвали Филадельфией, Дэнерш–Герасой). Эпоха эллинизма – время распада старых форм греческой государственности и возникновений греко-восточных монархий.

Уникальным образцом культурного наследия эллинистического периода является скальный город Петра.

Чтобы попасть в город, необходимо пройти сквозь ущелье Эс-Сик (т. е. улица) — глубокий развал в гранаде нублийского песчаника. На стенах ущелья располагаются разнообразные ниши: порознь или сгруппированные по две-три вместе, в виде простых углублений либо обрамленные с двух сторон короткими пилястрами. Этот петляющий, длиной в километр узкий проход между нависающими скалами выводит к наиболее величественному памятнику древности — гробнице Эль-Хозне (сокровище Фараона), вырубленной в цельной скале розового песчаника.

Красный песчаник, из которого высечены сооружения Петры, легко обрабатывали резцом, однако разрушению он подвергался быстро, и поэтому не сохранились наскальные надписи, остался лишь костяк города.

Римское государство в Иордании продолжалось с 64 г. до н. э. до начала II века н. э. Армии римских легионеров завоевали Сирию и прошли под предводительством Помпея от Дамаска до Восточного Иордана, освободив все греческие города, захваченные и разрушенные евреями. Города к северу от Иордана были объявлены свободными. Помпей заложил фундамент для экономического содружества десяти городов или Декаполиса по типу объединения десяти древнегреческих городов. Эта конфедерация городов представляла собой уникальный политический феномен Римской империи.

Наиболее сохранившимися из городов Декаполиса считается город Гераса (Джерам) основанный в эпоху эммунизма на месте древнего поселения, находился в очень удобном месте: обильные водные источники были в плодородной долине, находящейся на пересечении караванных путей между Аравией и Месопотамией. В городе сохранились остатки храмов, амфитеатр, римские бани, обрамленные колоннадами площади и улицы, пересекающие город с севера на юг и с востока на запад. При въезде в город сохранилась величественная трехпролетная триумфальная арка, построенная в честь приезда в Джераши в 129 г. н. э. императора Адриана. Арка довольно хорошо сохранилась, чего нельзя сказать о находящемся между ней и городом ипподроме. Чуть дальше видна изящная колоннада, полукольцом обрамляющая площадь. Это форум — место собраний жителей города. Развалины жилых домов не сохранились, но есть множество остатков общественных зданий, еще одного амфитеатра, монументального комплекса фонтанов и колонн. Сохранились также остатки городских ворот, некогда состоявших из трех арок и украшенных пилястрами. И, конечно, нельзя не упомянуть о руинах стоящего в окружении 45 колонн на громадной платформе храма Артемиды.

Резко отличается от пышности Джераша и других городов Декапалиса Умм-аль-Джималь, расположенный на границе черной базальтовой пустыни на северо-востоке Иордании. Город полон руин многочисленных каменных зданий, церквей, римских казарм и оборонительных комплексов, возведенных из черного базальта.

Разнообразные достижения эллинистического культурного наследия, были унаследованы Римом. Римская архитектура становится вариантом эллинистической. Через посредство Рима эллинизм сыграл большую роль в формировании византийской культуры и через нее оказал влияние на последующее развитие культуры Европы, Передней Азии и Северной Африки.

Н. Н. Болгов (Белгород)

ЭВОЛЮЦИЯ ПОЗДНЕАНТИЧНОГО КОСТЮМА В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО КОНТИНУИТЕТА

Без сомнения, среди внешних проявлений культурного континуитета между античностью и средневековьем важное место принадлежит эволюции позднеантичной одежды на протяжении IV–VI вв.[1]

Источников, по которым можно исследовать данную проблему, вполне достаточно[2]. Большинство из них происходит с территории основных провинций империи. Однако определенный материал есть и в Северном Причерноморье.

Основная суть эволюции античного костюма на пути его превращения в византийский заключалась в постепенном исчезновении драпировочного характера одежды. В ходе эволюции постепенно появляются длинные рукава (впервые о хитонах с рукавами читаем у Диона Кассия 78,3 — о временах Каракаллы и войне с персами), штаны, закрытая обувь. Одежда начинает приобретать формы тела. Эти изменения произошли под несомненным варварским влиянием. Еще одним важным фактором трансформации стали нашивные украшения (с III в.), которые стали в ранней Византии важнейшим элементом сословно-ранговых отличий[3]. Быть может, именно под влиянием украшений в корне изменился весь характер одежды и ее покрой, который теперь требовал гладких поверхностей.

На двух пластинках 1906 г. из Ольвии (IV–V вв.)[4], опубликованных Б. А. Фармаковским, изображены фигуры с длинными рукавами, совершенно закрывающими руки.

Фрагменты стеклянной патеры, найденные в 1876 г. на северном склоне горы Митридат в Керчи дают нам изображение фигуры молодого мужчины, одетого в тунику и гиматий. Последний проходит по низу тела, его концы переброшены по античному обычаю через левую руку. Фигура, по мнению Н. П. Кондакова, может обозначать пророка Моисея[5].

Особый раздел иконографии ранневизантийского времени — изображения императора[6]. Керченское серебряное блюдо 1891 г. изображает Феодосия Великого. Император изображен в очень широкой тунике — обычном, самом распространенном военном гиматии, который одевался на панцирь. Клавы и обшивка — не золотые, а жемчужные. Вся одежда — золотистого цвета. Штаны — бракии — закрывают всю ногу. Обувь — кампагии[7]. Такой же тип одежды, только менее роскошный, имеет и изображенный рядом телохранитель. Появление широкой каймы, подоткнутой с двух сторон под прямым углом кверху, на подоле короткой одежды, удобной для верховой езды, весьма характерно, так как указывает на ее варварское происхождение. Одежда императора на керченском блюде представляет собой пример очень богатой орнаментации одежды нашивками с золотом и жемчугом в виде кругов и точек.

Важным, хотя и плохо сохранившимся памятником, являются изображения на кожаной обивке щита IV в. из Керчи[8], склеп 24 июня 1904 г. Охотничьи сцены изображают мужчин в коротких туниках с рукавами, с поясами, в штанах, закрывающих ноги. Автор публикации назвал комплекс принадлежащим варварскому князю. Вещи из комплекса, хранящиеся в Государственном Эрмитаже, названы принадлежащими боспорскому правителю эпохи Великого переселения народов. Как бы там ни было, характер одежды на данных изображениях — скорее позднеантичный на стадии превращения в византийский, нежели чисто варварский.

В дополнение к рассматриваемым памятникам можно упомянуть об изображениях на серебряной ситуле из с. Концешты в Молдавии, на блюде епископа Патерна из Перещепинского клада и т. д.

Таким образом, мы отмечаем в Северном Причерноморье наличие процессов, общих для того времени. Роль северопонтийского региона здесь была особенно важной: в литературе высказывалось мнение о том, что варварская мода на одежду и украшения могла идти в Византию именно из районов Причерноморья[9] (другим источником влияний был Восток).

Завершается трансформация позднеантичного костюма в VI в., когда она получает строгую регламентацию, что нашло отражение в сочинении Иоанна Лида «De magistratibus populi Romani».

Изучая постепенно проявлявшиеся изменения в позднеантичном костюме, мы можем еще раз убедиться как в постепенности этих изменений, так и в весьма радикальном их характере, приведшем к появлению принципиально нового типа одежды для новой эпохи.

---

[1] Общая теория: Айналов Д. В. Эллинистические основы византийского искусства.— СПб., 1900.

[2] Среди письменных источников основной – Иоанн Лид (VI в.), Прокопий Кесарийский. Hist. arc. VII.3.

[3] Беляев Н. М. Украшения позднеантичной и ранневизантийской одежды//Сборник статей, посвященных памяти Н. П. Кондакова.— Прага, 1926.— С. 201–228.

[4] ИАК. № 33.— С.134–135.

[5] Кондаков Н. П. Древнехристианская патера из Керченских катакомб // ЗООИД. XI.— Одесса, 1879.— С. 69.

[6] Грабар А. Император в византийском искусстве.— М., 2000.

[7] Беляев Д. Ф. Облачение императора на Керченском щите // ЖМНП. 1893, нояб.-дек.— С.321–373.

[8] Мацулевич Л. А. Реконструкция изображений на кожаной обивке щитов IV в. н. э. // Сборник Гавриил Кацаров. I.— София, 1950.— С. 1–6.

[9] Беляев Н. М. Ук. соч.— С.127.

А. М. Бутягин (Санкт-Петербург)

К ВОПРОСУ О ГРЕКО-ВАРВАРСКОЙ ТОРГОВЛЕ в VII–VI вв. до н. э.

Вопросы греко-варварских взаимоотношений в отечественной античной археологии являются одними из самых приоритетных и дискуссионных. Многолетние исследования на территории греческих колоний и скифских памятников позволили в значительной мере дополнить и уточнить не слишком многочисленные свидетельства письменных источников. Наиболее массовым материалом, который, с одной стороны, позволял констатировать связи тех или иных пунктов скифского мира с греками, а с другой, достаточно точно датировать открытые комплексы, являлись фрагменты восточно-греческой расписной керамики. Более-менее значительный приток чернофигурных аттических сосудов как на греческих, так и на варварских памятниках начинается только с середины VI в. до н. э., выпускавшиеся до этого рубежа формы амфорной тары датируются в слишком широких пределах.

К сожалению, несмотря на многолетние раскопки, количество ранней расписной керамики, происходящей с варварских памятников очень невелико, что не дает возможности делать однозначные выводы. Однако даже эти немногочисленные фрагменты позволяют сделать некоторые выводы относительно частоты проникновения греческих товаров в Скифию. Даже на более-менее исследованных памятниках-городищах лесостепи количество рассматриваемой керамики увеличивается крайне медленно (на Матронинском, Западном Бельском их буквально единицы), в погребениях, на сколько мне известно, не встречается больше одного подобного сосуда сразу. Все это свидетельствует о редкости и престижности восточно-греческих ваз. Более внимательное изучение росписи керамики, происходящей с Немировского и Матронинского городищ (проведено М. Ю. Вахтиной), вазы из кургана Темир-Гора показывают, что стилистические эти сосуды относятся к иным группам, чем те, которые представлены в ранних слоях Березани, Ольвии, Таганрогского поселения, а также на некоторых более поздних памятниках. Следует также отметить, что наиболее ранние типы амфорной керамики также крайне немногочисленны, и представлены, в первую очередь, типами относящимися ко второй четверти VI в. до н. э. и к более позднему времени.

Складывается впечатление, что поступление импортной керамики на поселения лесостепи, а, скорее всего и в руки степных кочевников, происходило редкими компактными партиями (на Немировском городище большинство сосудов принадлежало к одной стилистической группе). Причем промежутки по времени между ними могли быть весьма значительными. Более того, есть некоторые основания уточнить роль, которую играли в этом процессе первые греческие колонии. Похоже, что немногочисленные партии расписной посуды попадали в степь и лесостепь, минуя античные центры. Во всяком случае, почти никакие предметы не «оседают» при этом на греческих памятниках. В то же время, такие крупные поселения, как Ольвия или Пантикапей, похоже, являлись центрами распространения поступивших к ним партий по соседним пунктам, о чем говорят многочисленные стилистически сходные керамические фрагменты. Не исключено, что торговлей со степью и лесостепью занималось не население причерноморских городов, в первую очередь, сосредоточенное на освоении сельскохозяйственных территорий и мирных контактах с самыми ближайшими соседями из числа местного населения, а какие-то группы купцов, прибывавших непосредственно из крупных центров Восточной Греции.

К сожалению, количество найденных фрагментов еще столь невелико, что не позволяет делать однозначные выводы, однако, можно надеяться, что продолжение работ на памятниках степи и лесостепи позволит подтвердить или опровергнуть высказанные предположения.

Н. В. Галченко, Т. Н. Арбузова (Керчь)

ПЕРВООЧЕРЕДНЫЕ ЗАДАЧИ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ АНТИЧНОГО ГОРОДИЩА НИМФЕЙ

Городище Нимфей расположено в 17 километрах на юго-запад от Керчи, на высоте 24 метров над уровнем моря. В плане городище представляет собой обращенный вершиной к морю треугольник, основанием которого является балка, ограничивающая городище с запада. На запад за балкой расположен курганный некрополь. Площадь городища — не застроена.

В пределах зоны охраны и на смежных с нею землях расположена группа разнообразных памятников истории и культуры, совокупные хронологические рамки которых охватывают более двух с половиной тысячелетий. Особую ценность представляют комплекс объектов и территорий, связанных с античным городом Нимфей.

В южной оконечности данной территории расположено еще несколько античных поселений Героевка–1, 2, рядом с ними — курганные группы.

Однако не только памятниками археологии определяется историко-культурное значение рассматриваемой территории. Практически вся она является военно-историческим памятником.

В архитектурно-планировочном отношении существует индивидуальная застройка пос. Героевское, которая отчасти сохраняет дух прошедшей половины XX века; характерный колорит местности придают белые башенки маяков морской навигационной службы.

Значимым фактором в комплексе историко-культурных качеств описываемой территории является ландшафт прилегающих сельскохозяйственных территорий. Это характерная для Киммерии степь со скалистыми гребнями и курганами, руслами высохших рек и следами укреплений.

В южном и западном направлениях практически отсутствуют объекты урбанистического характера. В местах, свободных от распашки, сохранились участки травяного покрова ковыльной степи и эндемичная растительность. Таким образом ландшафт объединяет единичные памятники культуры и природы в целостную систему.

На сегодня в пределах территории пос. Героевское под государственной охраной состоят следующие памятники истории и культуры:

городище Нимфей, памятник археологии (гос. № 308); некрополь с «аллеей склепов» (гос. № 2979); группа курганов между пос. Героевское и автодорогой Керчь-Челядиново (гос. № 2980); обелиск на братской воинской могиле (ул. Г. Петровой гос. № 343); памятник — десантный мотобот (гос. номер 343а); братская могила (гос. № 1904); высота Шумского — античный курган (гос. № 1905); место, где располагался госпиталь Эльтигенского десанта (гос. № 1906). Поселение Героевка–1, 2 и курганные группы рядом входят в число вновь выявленных памятников и подлежат постановке на государственный учет.

Поселок Героевское имеет мощные курортные ресурсы и необходимую для освоения территорию.

Так как городище Нимфей с охранной зоной 17,2 га находится на балансе Керченского государственного историко-культурного заповедника, одновременно являясь объектом археологических исследований (Гос. Эрмитаж, Россия, руководитель О. Ю. Соколова), разрабатывается совместная программа организации и развития территории, как особо ценной и комплексной по составу памятников.

Уникальная историко-культурная и природная территория античного городища Нимфей, а не отдельные памятники, должна являться объектом охраны. В данном случае применим наиболее известный подход — это стремление к заповедованию природы и музеефикации памятников.

В перспективе объектами показа могут являться и ранее исследовавшиеся памятники: святилище Деметры — самый ранний датированный памятник, небольшое культовое здание — святилище кабиров; строительные комплексы римского времени; хорошо сохранившиеся остатки морского святилища раннеэллинистического времени, которому покровительствовала Афродита; винодельческий комплекс, не имеющий по своим масштабам аналогов на Боспоре; оборонительная стена — и далее береговая зона.

Считаем, что первоначально весь комплекс мероприятий должен вестись на участке «М», где ныне проводятся археологические исследования и были обнаружены поразительные по экспозиционному уровню архитектурные детали строительного комплекса V в. до Р. Х.

В настоящее время подготовлены рекомендации: необходимо перейти к созданию проекта архитектурно-художественной организации территории по участку «М» и разработке возможных инженерных и технологических рекомендаций. И в завершении — к подготовке музейной экспозиции (на местности и для музея). Эти работы требуют дальнейших, также и археологических, исследований, но с учетом экспозиционных интересов объекта.

Фундаментальное направление в развитии данной территории — туризм, с учетом реальных емкостей природы и памятников.

А. Л. Ермолин (Керчь)

ОХРАННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КУРГАНОВ В РАЙОНЕ С. ЗАВЕТНОЕ (ЛЕНИНСКИЙ РАЙОН АР КРЫМ)

Юго-восточная часть Керченского полуострова до настоящего времени остается мало изученной в археологическом плане. Основное внимание исследователи концентрировали на расположенных в этом районе античных городищах Китее и Акре. Исследования их сельской округи, за исключением разведочных работ, не проводились.

В 1936 г. в этом районе проводились разведки под руководством Ю. Ю. Марти. Спустя два десятилетия район вновь исследовался М. М. Кублановым и В. В. Веселовым. В результате проведенных исследований было обнаружено несколько античных поселений, в том числе одно из них V–IV вв. до н. э. в районе Красного кургана. На этом же поселении вместе с

античным материалом экспедицией М. М. Кубланова собран материал эпохи поздней бронзы. К сожалению, погребальные комплексы и курганные группы не были нанесены на археологические карты и не подвергались раскопкам.

В ноябре-декабре 2000 года Керченской экспедицией от отдела Охраны памятников КГИКЗ проведены охранные исследования в районе Красного кургана у с. Заветное. Было исследовано два кургана, подвергшихся разграблению. Один из них, высотой 3,9 метра и диаметром около 40 метров, расположен в 1,5 км к юго-востоку от Красного кургана. Второй полностью распаханный — в 300 м южнее Красного кургана.

В первом кургане исследовался склеп на северо-западном склоне насыпи. Склеп вскрыт грабителями с помощью экскаватора. Рядом с грабительским лазом в перекрытии находился отвал, состоящий из заполнения склепа. В отвале, кроме единичных фрагментов костей погребенных, были найдены фрагменты двух алабастров и обломки бронзового венка, плакированного золотом. Склеп представляет собой прямоугольную камеру размером 208 х 125 см и высотой 160 см, сложенную из прямоугольных пиленых плит, уложенных в два ряда с уступом в 12 см, перекрытую тремя плитами толщиной около 40 см. Пол погребальной камеры замощен прямоугольными тщательно подогнанными плитами толщиной до 7 см. С запада к погребальной камере, без какой-либо связки с ее кладкой, пристроен прямоугольный в плане дромос 115 х 80 см высотой 85 см. Перекрытие дромоса и закладная плита камеры имеет древние грабительские проломы. Стратиграфическая ситуация позволяет утверждать, что склеп был впущен в уже существующую насыпь кургана и не является основным захоронением. Архитектурные особенности склепа и инвентарь датируют его серединой IV века до н. э. Наличие в инвентаре золоченого венка говорит о высоком социальном статусе погребенного.

Погребальная камера и дромос второго кургана сильно повреждены; сохранился только нижний ряд кладки из крупных прямоугольных тесаных блоков. Склеп представляет собой прямоугольную в плане погребальную камеру 220 х 120 см с высотой сохранившихся стен 60–78 см, ориентированную по оси СВ-ЮЗ. Пол тщательно вымощен рваными известняковыми плитами. Стены сложены из прямоугольных тесаных плит разного размера (наибольшая плита 186 х 78 см). Дромос размером 260 х 100 построен из блоков 50–60 х 18–20 см. При зачистке погребальной камеры непосредственно на уровне пола найдены: стеклянная полихромная пронизь, обломок бронзового проволочного браслета и медная монета автономного Пантикапея последней четверти IV века до н. э.

Исходя из этого, а также учитывая конструктивную близость обоих исследованных памятников, датировать это погребальное сооружение можно концом IV века до н. э.

Анализируя некоторые черты погребального обряда, приходим к выводу, что погребальные комплексы принадлежали греческому или эллинизированному местному населению, не исключено, что они сооружены жителями поселения, выявленного в ходе разведок 30–50 гг. (пункт № 6 по картам В. Ф. Гайдукевича и М. М. Кубланова).

Уникальная находка была сделана в 100 м к востоку от первого кургана. На небольшой возвышенности была найдена антропоморфная стела, аналогичная найденным В. Ф. Гайдукевичем при раскопках Тиритаки. Стела имеет трапециевидную форму 95 х 52 см с намеченным округлым выступом-головой, она тщательно обработана на половину своей высоты, нижняя часть грубо отесана. Возможно, надгробие было установлено в свое время на курганной насыпи.

Учитывая наличие в районе Красного кургана следов поселения эпохи поздней бронзы (пункт № 6), не исключается использование курганов этого времени под античный некрополь (склеп кургана 1 впускной).

Д. В. Журавлев (Москва)

КРАСНОЛАКОВАЯ КЕРАМИКА ХЕРСОНЕСА первых веков н. э. (предварительная информация)

Несмотря на большое число отдельных публикаций римской керамики из Херсонеса, целостной картины распространения различных групп краснолаковой керамики до сих пор не существует. Единственная существующая схема В. И. Кадеева и С. Б. Сорочана (1989) требует серьезных дополнений и корректив. Предлагаемый доклад, основные выводы которого являются предварительными, ставит задачу частично закрыть эту лакуну. Автор доклада опирался как на опубликованные материалы, так и коллекции, хранящиеся в фондах ХГИАЗ и ГИМ (Москва).

Замечу, что среди находок краснолаковой керамики Херсонеса как и во всем Северном Причерноморье преобладает «гладкая» керамика, т.е. без рельефных украшений.

Италийская сигиллата. Наличие италийского керамического импорта в первой половине I в.н.э. в Херсонесе бесспорно и сопровождается находками иных предметов, ввозимых из этого

региона, в частности, светильников (Chrzanovski, Zhuravlev, 1998) и стеклянной посуды (Сорокина, Гущина, 1980; Кадеев, Сорочан, 1989). В основном краснолаковая керамика италийского производства представлена незначительными обломками, которые не всегда возможно связать с конкретными формами. Отдельные сосуды через Херсонес попадали даже к поздним скифам (чаша *Conspectus Formarum* форма 22 пизанского производства с клеймом ATEI в рамке *planta pedis* из могильника Бельбек IV).

Сигиллата из Галлии зафиксирована в небольших количествах. Тем не менее в фондах Херсонесского музея мне удалось обнаружить ряд фрагментов, принадлежащих рельефным чашам, в первую очередь Dragendorff 37 (раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича, Г. Д. Белова, М. И. Золотарева, А. И. Романчук) и отдельные клейма II в. н.э. Тема импорта из Рейнских провинций Римской империи, расположенных вдалеке от затерянного на окраине ойкумены Херсонеса, пока еще не разрабатывалась, хотя в Херсонесе и его округе известны находки фрагментов римской воинской амуниции (Трейстер, 2000) и фибул (Гущина, Журавлев, в печати) из этого региона. Предположение Г. Д. Белова о связи находок *terra sigillata* с солдатами римского гарнизона представляется допустимым, но логичнее отнести их на счет торговых связей Херсонеса.

Восточная сигиллата А (ESA), производимая в Сирии в I в. до н.э. — I в. н.э., ранее в Северном Причерноморье не выделялась. В Херсонесе найдена в небольших количествах (раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича, С. Г. Рыжова, М. И. Золотарева). Характерная особенность — светло-коричневая, очень хорошо отмученая глина, красный или буро-красный лак высокого качества (между археологами его часто называют «августовским»). Помимо раскопок на территории городища, отдельные фрагменты ESA найдены на сельских памятниках хоры (раскопки Г. М. Николаенко, Дж. Картера). Наибольшее распространение получили миски большого диаметра формы 4 по Дж. Хейсу (1985).

Восточная сигиллата В (ESB)— это наиболее массовая группа импортной керамики, ранее связываемая с самосским производством. В настоящее время считается, что центром ее производства являлся город Траллы (Hayes, 1985). Период массового распространения: середина I–первая половина II вв. н.э., хотя известны и более ранние экземпляры (Журавлев, 1997). Характерной отличительной чертой посуды этой группы является рыхлая коричнево-красная глина различных оттенков с большим количеством слюды. Из форм наибольшей популярностью пользовались тарелки, миски и чаши, на дне которых часто оттиснуты разнообразные клейма в прямоугольных рамках. Известны также розетты, пальметты и т.п. Эта же керамика в массовых количествах присутствует и в варварских некрополях Юго-Западного и Центрального Крыма (Журавлев, 1997).

Восточная сигиллата С (ESC) производилась в местечке Чандарли, неподалеку от Пергама. В середине II в. н.э. ESC становится доминирующим типом посуды в Средиземноморье, сменив ESB. Характерными особенностями являются массивные стенки, ярко-красный лак, кирпично-красная хорошо отмученая глина. В Херсонесе встречается в слоях II–III вв. н.э., но ее находки никогда не являются массовыми. Кроме того, известны находки **пергамской сигиллаты** (I в. до н.э.—I в. н.э.), в том числе скифосов с аппликативными рельефами (I в. до н.э.).

Мезийская сигиллата присутствует в Херсонесе в небольшом количестве. Находки мезийской сигиллаты зафиксированы также в местах дислокации римских легионеров (Кадыковка, раскопки О. Я. Савели) и варварских некрополях Юго-Западного Крыма (Бельбек III, IV, Усть-Альминский). Наиболее распространенная форма — широкогорлые кубки. Предположительно выделяются в единичных экземплярах находки **дакийской сигиллаты**.

Понтийская сигиллата (PS). Эта наиболее массовая группа краснолаковой керамики на территории Северного Причерноморья — более 70% всех находок. Она была выделена Дж. Хейсом (1985) и включает в себя «пергамскую» и «малоазийскую» группы по Т. Н. Книпович (1929; 1952). В Херсонесе PS представлена полным набором форм — тарелки, миски, чаши, кубки, канфары, кувшины и т.п. Наиболее распространенное клеймо *planta pedis*, а также различные розетты, пальметты и т.п. Клейма за редким исключением анэпиграфны.

В связи с неоднородностью понтийской сигиллаты возникает необходимость ее разделения на несколько групп, которые получили литерные обозначения (Zhuravlev, 2000). Эти группы различаются как морфологически, так и по характеру глины и лакового покрытия. Центры производства понтийской сигиллаты пока не установлены, но не вызывает сомнения ее причерноморское происхождение. Понтийская сигиллата появляется около середины I в. н.э. и доминирует на рынках Северного Причерноморья как минимум до середины III в. н.э., когда в целом сменяется понтийской позднеримской краснолаковой керамикой, выделенной К. Домжальским. За пределами Северного Причерноморья PS известна в ограниченных количествах, хотя территория ее распространения включает в себя многие регионы Восточного Средиземноморья, вплоть до Северной Африки.

Широкое распространение получили в конце II — первой половине III вв. н.э. овальные или круглые блюда с рельефным краем; некоторые из которых украшены в центре рельефными сюжетными композициями в виде сцены

жертвоприношения (могильник Совхоз 10, раскопки С. Ф. Стржелецкого), Гелиоса на колеснице (раскопки Р. Х. Лепера, В. В. Борисовой) и др. Отдельные такие блюда попадали к поздним скифам (Заветное, Неаполь и т.д.). Находки подобных блюд, имитировавших металлические прототипы, известны по всей территории Северного Причерноморья и в Румынии. По всей видимости, они также относятся к одной из групп понтийской сигиллаты.

Большой интерес вызывает другая имитация металлического сосуда — патера с ручкой в виде головы барана и аппликативным рельефным изображением Медузы в центре дна (Высотская, Жесткова, 1999). Говорить о месте производства данного сосуда пока затруднительно, несмотря на широкий круг аналогий из Причерноморья. Интересно, что в Пантикапее известны и сероглиняные имитации патер с зооморфными ручками (раскопки В. П. Толстикова).

Кроме этих сосудов, известно много другой импортной керамики различных центров производства, которые пока не установлены.

Книдская рельефная керамика. Из Книда начиная с начала II в. н.э. ввозились фигурные сосуды. Через Херсонес они попадали и в варварские некрополи (Совхоз 10; Бельбек IV, Неаполь). Наиболее распространенными формами были ойнофоры, лягиносы и амфорки (Дьячков, Журавлев, 2001). Период наиболее массового импорта книдских изделий — II–III в. н.э. Не исключено, что к книдскому производству могли относиться и фигурные сосуды в виде барана (Совхоз 10), многочисленные обломки которых также происходят из различных участков городища.

Херсонесская краснолаковая керамика. Впервые выделена В. И. Кадеевым (1970), определившим большую группу тарелок, мисок и кувшинов как продукцию местного производства. В последние годы раскопками М. И. Золотарева выявлены косвенные доказательства локального производства — керамический брак (Ушаков, 1997). Фрагменты краснолаковой керамики с явными признаками брака найдены также в «казарме» (раскопки С. В. Дьячкова). Формы — тарелки и чаши, имитирующие понтийские формы I, V, VI по Дж. Хейсу, а также кувшины.

Массовое производство местной керамики начинается в Херсонесе не ранее II в. н.э. Впоследствии эта керамика весьма посредственного, но, очевидно, приемлемого для варваров качества почти полностью вытесняет импорт и заполняет могильники Юго-Западного и Центрального Крыма.

Из варварских могильников Крыма происходят также два краснолаковых сосуда с зооморфными ручками (Усть-Альма, Бельбек IV), возможно боспорского происхождения (Журавлев, 2000). Других признаков импорта боспорской краснолаковой керамики, за исключением единичных находок **боспорской сигиллаты** I в. до н.э., в регионе пока обнаружить не удалось.

Керамика, поступающая в Херсонес начиная с IV в., требует специального рассмотрения, т.к. схема, предложенная А. В. Сазановым (1996), нуждается в пересмотре. Часть этой работы уже частично опубликована К. Домжальским (2000).

В. М. Зубар (Київ)

ДО ІНТЕРПРЕТАЦІЇ ОДНІЄЇ СПОРУДИ НА ТЕРИТОРІЇ РИМСЬКОЇ ЦИТАДЕЛІ ХЕРСОНЕСА

У другій половині II–третій чверті III ст. в Херсонесі було розміщено штаб-квартиру командування римських збройних сил в Таврикі і залогу, солдати якої займали так звану цитадель в південно-східній частині міста. В ході розкопок тут відкриті рештки приміщень різного призначення, зведені римськими військовослужбовцями, і серед них кругла в плані споруда. Вона являла собою сферичне заглиблення в межах круглої кам'яної обкладки, крім місця порогу, що вів до центру, яке було обмазане білою глиною зі слідами багаторазової дії вогню і заповнене попелом, пухким ґрунтом з дрібним каменем, фрагментами кераміки, в основному II–III ст. і пізнього середньовіччя.

І. А. Антонова, яка керувала розкопками, в звіті відмітила, що, вірогідно, описана споруда являла собою вівтар, і навела йому аналогії з Фракії, зазначивши, що, на відміну від херсонеського, там такі вівтарі були не круглими, а прямокутними в плані. Однак відсутність вівтарів подібної конфігурації на території римських військових таборів, а також аналогії таким спорудам, відомі в інших античних центрах Північного Причорномор'я, дозволяють зараз інакше визначити призначення цих будівельних залишків. За своєю формою ця споруда надзвичайно близька горнам для випалення кераміки, дослідженим в Ольвії, хоча і трохи більша від них за розмірами. Виходячи з цього, так званий херсонеський вівтар може бути інтерпретований як горно для випалення керамічної продукції і віднесений до типу аналогічних, вірогідно, двоярусних споруд, круглих в плані, з одним підпорним стовпом, що не зберігся. Виходячи з виявленого під час розкопок керамічного матеріалу та аналогій, залишки цього горна датуються II–III ст. Саме в цей час римські військовослужбовці, що дислокувалися в Херсонесі, налагодили виробництво дахівок і цегли, на які ставилися

латинські клейма з абревіатурами римських військових підрозділів.

Не виключено, що це горно було побудоване в середині II ст. і функціонувало аж до виведення римської залоги з Херсонеса в третій чверті III ст., хоча наполягати на цьому зараз у зв'язку з відсутністю матеріалу, що точно датується, важко. З іншого боку, наявність горна для випалення керамічних матеріалів не пов'язана з внутрішньою забудовою південно-західної частини цитаделі, де розташовувалися казарми римських військовослужбовців і терми. Але якщо пригадати, що у другій чверті III ст. більшість споруд на території цитаделі було зруйновано в результаті, очевидно, могутнього землетрусу, а через нетривалий час вони почали відбудовуватися, про що, крім стратиграфічних спостережень І. А. Антонової, свідчить напис Марка Ратіна Сатурніна 250 р. про ремонт схоли принципалів, все стає на свої місця.

Значний обсяг відновлювальних робіт, які проводилися римськими військовослужбовцями на території цитаделі після землетрусу, зумовив виготовлення великої кількості керамічних будівельних матеріалів, зокрема дахівок і цегли. Саме цим, скоріш за все, пояснюється зведення на незабудованому раніше місці, на схід від хвіртки в 18 куртині, горна для випалення керамічних будівельних матеріалів. Значний діаметр херсонеського горна, який за своїми розмірами майже в два рази перевищує аналогічні споруди II–III ст., відкриті, наприклад, в Ольвії, ймовірно, свідчить про те, що воно призначалося для випалу саме керамічних будівельних матеріалів, і насамперед дахівок. Цілком можливо, що після проведення комплексу екстраординарних відновлювальних робіт або трохи пізніше горно було розібрано, а територія, де воно знаходилося, знівельована. Цим і пояснюється відсутність залишків підпорного стовпа в центрі, а також засип внутрішнього простору горна пухким ґрунтом з невеликими каменями та фрагментами кераміки.

О. М. Ильина (Харьков)

КУЛЬТ ГЕРАКЛА В ГОРОДАХ ЗАПАДНОГО ПОНТА В РИМСКИЙ ПЕРИОД

Важное место в системе религиозных верований населения греческих городов Западного Понта — Каллатий, Месембрии, Томи, Одессоса, Истрии, Круны-Дионисополя, Апполонии в римский период занимал культ Геракла.

Храмы, скульптура, посвятительные надписи подтверждают, что Геракл почитался в западнопонтийских полисах еще в доримское время. И в римский период культ Геракла продолжает играть значительную роль, что нашло отражение в эпиграфических, нумизматических и иконографических источниках. Имеющиеся в нашем распоряжении данные подтверждают официальный характер божества, почитавшегося в различных аспектах — Основателя, Священного, Непобедимого, но везде функционально исполнявшего роль бога-защитника, покровителя. Сущность культа возможной интерпретировать в классической традиции. Однако для полного представления о характере и особенностях почитания Геракла в изучаемый период, следует предпринять попытку типологического анализа сакральной символики и атрибутов божества, используя при этом аналогичный материал из северо-причерноморских полисов.

В результате тесных длительных связей между античными полисами побережья Западного Понта с местными фракийскими племенами в рассматриваемую эпоху усиливается процесс религиозного синкретизма, в ходе которого божества, в том числе и Геракл, стали приобретать функции и свойства, присущие фракийским культам. Параллельно происходил процесс эллинизации фракийских божеств.

Синтез греческих и местных религиозных культур в западнопонтийских полисах особенно ярко виден на примере культа Фракийского всадника, который стал приобретать функции и свойства, ранее ему не присущие, а прежде характерные для других богов, особое место среди которых занимает Геракл. Среди эпиклез рассматриваемого культа встречаются как греческие, так и фракийские. Согласно источникам, почитателями божества являлись лица различной этнической принадлежности: греки, фракийцы, римляне, а также представители различных социальных слоев: ремесленники, крестьяне, чиновники, торговцы, жрецы. Западнопонтийские полисы явились очагами синтеза и центрами распространения синкретизированного культа, о чем свидетельствует его почитание не только в греческих, но и в ряде фракийских поселений.

М. А. Колесников (Симферополь)

МЕТОД ГРУБОЙ ОЦЕНКИ ДИНАМИКИ РОСТА ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ И ВОЗРАСТА ГРЕЧЕСКОЙ КОЛОНИИ ПО ПОЛНОЙ ПЛОЩАДИ ГОРОДИЩА

1. Предложенный здесь метод проверялся только на материалах древнегреческих городских поселений Северного Причерноморья с наземными жилыми постройками; что касается иных регионов, эпох и традиций жилой архитектуры, то там его применимость хотя и возможна, но не доказана.

2. Основу метода составили расчеты С. Д. Крыжицкого (1982), сформулированные им в виде следующей зависимости:

$$P_t = \frac{S_1 - S_s}{S_h} P_h,$$

где P_t – полная численность населения, проживавших на поселении в момент времени t; S_1 – общая площадь жилой застройки, S_s – полная площадь пространства улиц, S_h – средняя площадь одного жилого дома, P_h – средний размер семьи, проживающей в одном доме.

Согласно наблюдениям С. Д. Крыжицкого, для поселений средних размеров, т.е. имеющих площадь порядка 15–75 га, можно принять, что площадь жилой застройки поселения приблизительно составляет 60 %, а площадь пространства улиц (S_s) – приблизительно 16 % от его общей площади: $S_1 = 0{,}6\ S_t$; $S_s = 0{,}16\ S_t$. Кроме того, им было установлено, что средний размер жилого дома в городах Северного Причерноморья находился в пределах 150–200 м^2 (в среднем 175 м^2), а средний размер семьи, включая рабов и прислугу, вряд ли мог быть меньше 7 чел. и больше 11 чел. (в среднем 9 чел.).

Тогда при соответствующих подстановках уравнение примет следующий вид:

$$P_t = 226\ S_t;$$

т. е. в регионе Северного Причерноморья численность населения, проживающего в границах поселений приблизительно равна величине в 226 раз превышающей размер поселения, измеряемый в гектарах.

Метод С. Д. Крыжицкого позволяет грубо оценить численность населения античной колонии, но только в те моменты ее истории, от которых сохранились данные о ее полной площади.

2. При составлении графиков роста четырех греческих колоний — Ольвии, Керкинитиды, Херсонеса и Пантикапея – мною было обнаружено, что территориальная динамика этих колоний представляет собой выражение известного математического распределения, называемого законом логистического роста и описываемого следующим уравнением:

$$S_t = S_{max}\ (1 + e^{p - rt})^{-1};$$

где S_t – численность населения колонии в момент t, считая от даты ее основания; S_{max} – верхний предел численности населения (или максимальная площадь городища); p – показатель площади поселения в момент его основания; r – показатель скорости роста; e – основание натурального логарифма (?2,7182).

Проделанный анализ четырех кривых территориального роста позволил установить приближенные средние значения для некоторых переменных уравнения:

$$S_t = S_{max}\ (1 + e^{4{,}68\ -\ 0{,}0265t})^{-1}.$$

Подставив его в упрощенное уравнение С. Д. Крыжицкого, получаем:

$$P_t = 226\ S_{max}\ (1 + e^{4{,}68\ -\ 0{,}0265t})^{-1}.$$

Это новое уравнение позволяет рассчитать с допустимой в современных работах по палеодемографии точностью, на одной только основе максимальной площади городища, дату основания колонии и оценить численность ее населения для любой точки ее хронологии.

Литература:

Крыжицкий С. Д. К вопросу об определении количества населения в греческом эллинистическом городе // Материалы III Всесоюз. симпозиума по древней истории Причерноморья: Тез. докл. и сообщ. – Тбилиси, 1982.– 47–49.

В. В. Крапивина (Киев)

О КОЛЛЕГИИ АГОРАНОМОВ В ОЛЬВИИ В ПЕРВЫЕ ВЕКА НАШЕЙ ЭРЫ

Сведения о коллегии агораномов в Ольвии в первые века нашей эры основаны прежде всего на данных эпиграфики. Как известно, агораномы ведали торговыми делами города, следили за рынком, собирали пошлины и проч. В настоящее время известны четыре посвятительные надписи ольвийской коллегии агораномов. Три из них были найдены и опубликованы ранее (IPE, I(2), № 128,129, НО, № 90). Четвертая надпись была выявлена в 1992 году в юго-восточной части Верхнего города Ольвии (участок Р-25). Она была сделана на плите серого крупнозернистого мрамора, вторично использована в качестве подмоста под глинобитный пол помещения конца III–начала IV вв. н.э. Плита сохранилась почти полностью, частично отбита только верхняя часть, повреждены нижняя и боковые поверхности, оббиты края лицевой поверхности. Размеры плиты: 53,0–54,5 x 13,0–26,0 x 12,5–17 см. Лицевая поверхность обработана тщательно, заполирована, обратная — грубо рваная по слою, боковые — обработаны шпунтом. Наличие спе-

циальных углублений с обратной и двух боковых сторон свидетельствует о том, что плита была вставлена, вероятно, в стену.

На лицевой стороне сохранилось 14 (из 15) строк надписи, выполненной достаточно небрежно в верхней части плиты. Верхняя строка не сохранилась, от второй – сохранились только три буквы, третья и четвертая – частично отбиты справа, пятая, шестая и седьмая – частично затерты. Однако при этом надпись вполне поддается восстановлению. Ее перевод таков: «[С добрым счастьем. При] арх[онте] Маиаке, [сыне Дада?] агора[но]мы во главе с Герм[аном], сыном Дада, С[амб]ион, сын Г[а]гая, Мугейсоп, сын Данака, Санаг, сын Пуртея, Касак, сын Ка[р]зея посвятили Нику серебряную Ге[р]месу Агорею за здравие города и свое собственное».

Судя по характеру письма и формам букв, эта надпись датируется концом I – первой половиной II вв. н.э. Она близка надписям IPE, I(2), № 86,105, хотя последняя выполнена тщательнее. Однако анализ имен надписи позволяет сузить ее датировку до первой половины (скорее второй четверти) II в. н.э. В целом она представляет собой стандартное для Ольвии посвящение Гермесу Агорею, сделанное коллегией агораномов по окончании срока службы. Она аналогична двум другим, найденным в Ольвии ранее (IPE, I(2), № 128, 129). Четвертая посвятительная надпись, найденная на о. Березань, при соблюдении общей формулы сообщает о благодарственном приношении Ахиллу Герою и не имеет окончания «за здравие города и свое собственное», в то же время содержит фразу: «Ройромар, сын Сипелага, написал».

Все эти надписи коллегии агораномов датируются в пределах конца I–первой половины II вв. н.э. Согласно им в Ольвии эта коллегия состояла из пяти человек, что превосходит их количество в это время, например, в городах Малой Азии, где обычно было 1–3 агоранома. Вероятно, это связано с важностью, определенной сложностью и объемами торговых дел в Ольвии в указанное время. Данные археологии свидетельствуют о развитии торговых связей города в конце I–первой половине II вв. н.э., увеличении импорта из западных провинций Римской империи.

Анализ имен надписей коллегии агораномов показывает характерное для Ольвии этого времени их смешение. Есть имена греческие, иранские, греко-иранские, не поддающиеся определению и даже одно – римско-иранское (архонт Марк Ульпий Пирр, сын Арсеоаха). При этом никакие социальные различия, связанные с характером имени, между гражданами Ольвии не прослеживаются.

Часть лиц, упоминаемых в рассматриваемых надписях, встречается и в других эпиграфических памятниках Ольвии. Архонт Маиак, из публикуемой здесь надписи, вероятно, приходился отцом Гикесию, сыну Маиака, архонту во второй раз, упоминаемому в IPE, I(2), № 132 и на городских монетах времени правления Марка Аврелия (161–180). Глава коллегии агораномов Герман, сын Дада в качестве стратега упоминается в IPE, I(2), № 105. Самбион, сын Гагая и Касак, сын Карзея, также в качестве стратегов, известны из надписи IPE, I(2), № 99. Не исключено, что сыновьями упомянутых выше чиновников были глава коллегии агораномов Сомах, сын Санага (IPE, I(2), № 128), вначале агораном, затем стратег Антестей, сын Самбиона (IPE, I(2), № 129, 86). Возможно, отцом Касака был Карзей, сын Боропсаза, стратег (IPE, I(2), № 101). Стратег Никий, сын Понтика упоминается в IPE, I(2), № 102. Он мог быть сыном или отцом архонта Понтика, сына Никия (IPE, I(2), № 128), а архонт Еврисивий, сын Анаксимена (НО, № 90) – сыном или отцом архонта Анаксимена, сына Еврисивия (IPE, I(2), № 131). Архонты Понтик, сын Никия и Марк Ульпий Пирр, сын Арсеоаха в качестве стратегов упоминаются соответственно в IPE, I(2), № 82,93.

Итак, мы наблюдаем должностной рост упомянутых лиц в четырех случаях от агораномов до стратегов и в двух – от стратегов до архонтов. Скорее всего такое поэтапное прохождение должностей было в определенной степени обязательным и коллегия агораномов была начальной ступенью для высших должностных лиц Ольвии. Прослеживается также аристократизация власти и сосредоточение ее у отдельных родов, что уже отмечалось исследователями Ольвии. Кроме того, на основании проведенного анализа представляется возможным сделать следующую относительную хронологию надписей Ольвии: IPE, I(2), № 101, надпись, найденная в 1992 г., IPE, I(2), № 105 и 99, 82 и 93, 128 и 129 и 132, 86.

Е. С. Красюк (Донецк)

ВКЛАД АНТИКВАРИЗМА В ИЗУЧЕНИЕ АНТИЧНОСТИ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ в XVII–XVIII вв.

Движение антикваров или «эрудитов», которое оказало большое влияние на развитие исторической науки в целом, до сих пор остается своеобразным «белым пятном» в отечественной историографии. В советской исторической науке антикварное движение считалось реакционным и, фактически, осталось малоизученным.

Между тем, процесс накопления исторических знаний в Европе в кон. XVII–XVIII вв. развивался главным образом в русле антикваризма – культурного движения, главной целью которого был сбор и исследование древностей. Именно эрудиты-антиквары заложили устойчивую тенденцию собирательства памятников античной

культуры. Собирая документы разными способами (почтовая переписка, поездки по своей и другим странам, снятие копий, раскопки) и публикуя их, антиквары интенсивно накапливали исторические факты и составляли обширные и многотомные труды. Именно в собирании и публикации исторических источников заключается одна из существенных заслуг антикваризма. Другая его заслуга – это становление элементов критики источника, главным образом, критики его происхождения. Антиквары стремились определить подлинность документа, установить место и время его создания. Именно антиквары впервые ввели цитирование в исторические работы как средство доказательства.

Особый интерес у эрудитов-антикваров вызывала античность, которая согласно историческим представлениям того времени являлась своеобразным «золотым веком» человечества в области наук и культуры.

Бурно развивается частное коллекционирование памятников античной культуры. К кон. XVII–XVIII вв. в Англии и Шотландии сложились крупные частные коллекции античных источников, большинство из которых в дальнейшем оказалось в собственности британских университетов (коллекции Г. Болея, Т. Арунделя, Д. Вудворта, Р. Сиболда и др.). Крупнейшая коллекция античных древностей Д. Ашмоля легла в основу музея, созданного при Оксфордском университете. Основу Британского музея, открытого в 1753 г. и учрежденной при нем в 1759 г. Британской библиотеки древних рукописей, составили коллекции антикваров XVII–XVIII вв. — Г. Слоуна, Р. Коттона, Р. Харли.

В процессе накопления исторических знаний возникли коллективные формы антикварных изысканий. В этот период был сделан решительный шаг от традиционного собирательства раритетов к исследованию и критике источников. На рубеже XVII–XVIII вв. при Оксфорде и Кембридже возникли центры эрудитского изучения античной истории. Многие антиквары группировались вокруг университетов и работали хранителями фондов университетских библиотек, архивов и музеев. Именно в это время в британских университетах начинает преподаваться классическая история. Исторические изыскания антикваров-эрудитов сочетались с публицистической деятельностью: при поддержке университетов они издавали античные хроники и документы, справочные материалы к университетским коллекциям античных древностей.

В 1707 г. в Лондоне образовалось Общество антикваров, главной целью которого провозглашалось сохранение древностей. Это Общество имело сеть своих филиалов в провинции, так называемые «клубы джентльменов», которые пользовались большой популярностью в среде просвещенного дворянства. Члены этих клубов занимались изучением памятников истории и архитектуры, проводили археологические раскопки, составляли историко-топографические описания. Их деятельность стимулировала развитие полевых археологических исследований, рост интереса к вещественным источникам. Выходит целый ряд работ археологической направленности, главное внимание которых сосредотачивается на комментариях к раскопкам, ведущимся в античных городах («Развалины Пальмиры» (1735) Р. Вуда, «Античные Афины» (1762) Р. Стюарта, «Описание дворца Диоклетиана» К. Адама (1764)). Усилиями антикваров были составлены многотомные труды, воспроизводившие выдающиеся памятники древней архитектуры, наиболее известный среди них – «Английский Витрувий» Р. Кембелла.

Изыскания антикваров способствовали становлению вспомогательных исторических дисциплин – нумизматики и эпиграфики. Антиквары опубликовали целый ряд работ по истории античных монет. Англичанин Ч. Патин публикует в начале XVIII в. работу «История медалей». Главное внимание в ней уделялось рассмотрению и классификации, а также краткой истории медалей эпохи Августа. Данной работой впоследствии пользовались многие историки, изучавшие историю Рима. Особой популярностью пользовалась работа Дж. Эддисона «Диалоги о полезности античных медалей» (1730), которую высоко оценил Э. Гиббон. Основателем эпиграфики в Англии был антиквар Дж. Грутер, который всю свою жизнь посвятил поиску и сбору греческих и римских надписей, издавший, пожалуй, наиболее значительную работу по античной эпиграфике в XVIII в. — «Античные надписи».

Таким образом, очевидно, что антикваризм сыграл важную роль в изучении античной истории. Антиквары собрали огромные коллекции источников по истории древней Греции и Рима, способствовали развитию археологических исследований, разработали новые методы работы с источниками, заложили основы вспомогательных исторических дисциплин – нумизматики и эпиграфики и, конечно же, источниковедения. Все это имело большое значение для британской исторической науки в целом и изучения античности, в частности.

Т. Н. Крупа (Харків)

ОСОБЛИВОСТІ ХІМІКО-ТЕХНОЛОГІЧНИХ ДОСЛІДЖЕНЬ АРХЕОЛОГІЧНОГО ТЕКСТИЛЮ

Важливе місце при вивченні археологічного костюма посідає дослідження стародавніх технологій, пов'язаних з виробництвом того чи іншого елемента костюма, наприклад, текстилю. Це дозволяє науковцям краще зрозуміти досягнення стародавніх цивілізацій, їх повсякденне життя, по-новому глянути на вже відомі факти та знайти нові, притаманні тій чи іншій добі історії людства. Для дослідження було відібрано зразки зі слідуючих пам'яток:

курганний могильник Беш-Оба (Ак-Кая), курган 4, поховання 2 (IV ст. до н. е.) – 3 зразки, некрополь Усть-Альма (пізньоскіфські часи) – 19 зразків; могильник в Кілен-балці (кінець III – IV ст. н. е.) – 6 зразків; Херсонес Таврійський (перші століття нової ери) – 3 зразки, курган 1 Караванської групи другої половини VII в. до н.е. – 2 зразки (тканина та повсть).

Таким чином, до роботи було залучено 33 зразки тканин та повсті, знайдених в археологічних комплексах в результаті розкопок переважно останніх років.

1. Дослідження походження волокон.

Походження піддослідних волокон з'ясовувалося за допомогою органолептичного та хімічного методів.

Спочатку провадилася проба на спалювання. Відомо, що волокна рослинного походження горять з запахом паленого паперу, залишаючи при цьому попіл, який легко розсипається. Якщо в дим помістити зволожений лакмусовий папірець, то він вкаже на кислу реакцію. Волокна тваринного походження горять з запахом паленої вовни, утворюючи при цьому чорну пористу кульку. Лакмусовий папірець вказує на лужну реакцію.

Для тестування волокон хімічним шляхом були обрані характерні реакції. Для рослинних волокон: 10 % NaOH (волокна тільки набухають, але не розчиняються). Для вовни: обробка концентрованою сірчаною кислотою (волокна не розчиняються). Шовк та вовна розпізнавалися за допомогою плумбата свинцю: білий колір плумбата свинцю свідчить про шовк, а чорний — про вовну. Для шовку також є характерною реакція з HCl, яка розчиняє культурний шовк, але не розчиняє шовк-тусор. В результаті дослідів маємо: текстиль з кургану 4 (Беш-Оба) — рослинного походження; більшість тканин з Усть-Альмінського некрополя виготовлено з вовни, але зустрічаються також тканини рослинного або змішаного походження, тобто у своєму складі мають як вовну, так і рослинні волокна. Зустрічається лише один зразок шовкової тканини зі склепу 620, поховання 2; текстиль зі склепу в Кілен-балці як рослинного, так і змішаного походження, або вовна; всі три зразки з Херсонеса — шовк; тканина та повсть з кургану 1 Караванської групи — шерсть.

2. Встановлення походження барвника.

За допомогою мікрохімічного дослідження було встановлено, що більшість тканин та повсть було пофарбовано крапом (мареною, Rubia tinctoria). В залежності від використаної протрави можна було одержати той чи інший колір. Ми з'ясували, що при фарбуванні піддослідних тканин, як протрава, були використані солі алюмінію або заліза. В першому випадку первинне фарбування було насиченого червоного кольору, а в другому – брунатного, майже чорного. Шовк зі склепу 620, поховання 2, був пофарбований пурпуром, органічним барвником, який добували з мушлі виду Purpurea lapillus, Murtx brandaris та інших.

Жовтий колір був одержаний за рахунок використання резеди (Reseda luteola L.) та солей алюмінію, однак шовкові тканини з Херсонеса, теж жовтого кольору, були пофарбовані без протрави рослиною вонгши (китайські жовті ягоди, Gardenia florida). Жовтий колір є одним з найпоширеніших барвників природного походження, тому вивчення його посідає чільне місце як в нашій, так і в зарубіжній науці.

Зелений відтінок на тканинах з Беш-Оби був одержаний складним шляхом: за допомогою об'єднання резеди та індіго, тобто шляхом фарбування індіго по раніше пофарбованій в жовтий колір тканині.

В жіночому похованні 1, усть-альмінський склеп 620, сині нитки сорочки було пофарбовано індиго.

Один зразок з могильника в Кілен-балці (склеп 3, поховання 3) був білим, тобто зовсім не пофарбованим.

Для більш детального дослідження технології фарбування були відібрані зразки із склепа 550 (поховання 10) та склепа 595 (поховання 1) Усть-Альмінського могильника, для яких і була застосована методика виділення алізарину та пурпурину – основних складових крапа. Суть методи зводиться до обробки текстилю сумішшю сірчаної кислоти, гліцерину, води та ефіру. В ефірний шар опускається стрічка фільтрувального паперу. Далі, для підсилення проявлення барвників, папір з розчином поміщається в пари аміаку. В результаті досліду на контрольних смужках фільтрувального паперу були одержані складові крапу (жовта та червонувата полоси) – алізарин та пурпурин.

Потім отриманим барвником, застосовуючи як протраву алюмокалієві квасці, фарбувалась сучасна біла вовна. Був отриманий колір піддослідного зразка, але більш світлішого відтінку.

Проаналізувавши текстиль IV ст. до н. е.– IV ст. н. е. можна дійти до висновку, що технологія його виготовлення, фарбування не змінювалася на протязі довгого часу.

В. А. Латышева (Харьков)

ЧЕРНОЛАКОВАЯ КЕРАМИКА ИЗ РАСКОПОК ПОСЕЛЕНИЯ ХЕРСОНЕССКОЙ ХОРЫ МАСЛИНЫ

1. Чернолаковая керамика не является массовым материалом в археологических комплексах Северного Причерноморья. Тем не менее, благодаря хорошо разработанным на материалах других, средиземноморских центров, эволюционным схемам основных форм этой керамики с достаточно узкими хронологическими рамками для каждого типа, чернолаковая керамика является ценным индикатором в вопросах датировки любого исследуемого комплекса. Будучи привязанной к центрам производства, она также несет важную информацию о торговых связях того или иного поселения. Наличие граффити на многих чернолаковых изделиях еще более повышает информативную ценность этой группы керамики.

2. Удельный вес чернолаковой керамики на Маслинах среди прочих категорий археологического материала не велик (менее 1%). В количественном отношении это до 60-ти археологически целых форм и около 1000 фр. Основная масса их локализуется в западной укрепленной части поселения и связана с башнями. С восточной части поселения, где основным типом жилья были землянки и полуземлянки, происходят единичные фрагменты.

3. По назначению чернолаковую керамику из Маслин можно разделить на три основные группы — столовая посуда, представленная разнообразными формами (чашки, миски, солонки, канфары, килики, кубки), изделия бытового использования (флаконы, лекифы, светильники) и сосуды культового назначения (чаши для возлияний).

4. Характеристика материала по этим группам с точки зрения основных морфологических признаков и выделения типов проводится с акцентом на выявление особенностей техники изготовления сосудов (качества теста, лака, характер орнаментации).

5. Опираясь на результаты проведенного анализа, а также привлекая достаточно широкий круг аналогий, можно сделать следующие выводы:

5.1. Время поступления основной массы чернолакавой керамики на Маслины определяется III в. до н.э., которому соответствуют и формы сосудов, и качество лака, тусклого, без блеска, и характер орнаментации. Лишь единичные находки могут быть отнесены к концу IV – началу III вв. до н.э., позволяя таким образом обозначить время возникновения поселения. Присутствие на поселении керамики с низким качеством и небрежностью лакового покрытия свидетельствует о поступлениях черного лака на Маслины и во II в. до н.э., однако, не позднее середины века, когда судя по всей совокупности данных (амфорные клейма, монеты и пр.), поселение погибает.

5.2. Производство чернолаковой керамики из Маслин можно с большей долей вероятности отнести к малоазийским центрам, поскольку в III в. до н. э. аттический импорт в Северном Причерноморье затухает и на смену ему приходит продукция Малой Азии. На Маслины она попадала через Херсонес, учитывая существование жизненно необходимых связей по линии полис–хора. Только единичные находки чернолаковой керамики из Маслин по качеству теста и лака могут быть отнесены к продукции аттических мастерских. Происхождение т.н. сероглиняной керамики с жидким покрытием, больше похожим на серую краску, чем лак, уместно связывать с продукцией херсонесских мастерских.

6. Локализация чернолаковой керамики на Маслинах, главным образом в комплексах башен, вместе с нерядовым набором бытовых вещей (монет, терракоты, украшений и пр.) при редких находках той керамики в восточной части поселения, жилой зоне простого люда, позволяет относить ее к разряду парадной столовой посуды и видеть в ней признак достатка, имущественной и социальной состоятельности. На ценность чернолаковой посуды указывают также находки отдельных сосудов (чаш, блюд) с автографами их владельцев, монограммами, что делало эти сосуды именными, т.е. особо ценными. Наконец, находки чернолаковой керамики с неоднократными починочными отверстиями — дополнительное свидетельство того, что этой посудой на Маслинах дорожили и состоятельные обитатели поселения.

С. Д. Литовченко (Харьков)

АРМЯНО-РИМСКИЕ ОТНОШЕНИЯ в 90-е гг. I в. до н. э.

В 90-е годы I в. до н. э. значительно обострилась ситуация в Каппадокии, за влияние в которой вели борьбу два наиболее могущественных государства — Рим и Понтийское царство. Преимущество римлян заставило Митридата VI отказаться от вооруженного столкновения, но правитель Понта привлек к борьбе за Каппадокию молодого царя Великой Армении — Тиграна II. Между армянским и понтийским царем был заключен союз, скрепленный династическим браком Тиграна II и дочери Митридата VI Клеопатры. Армянские войска вторглись в Каппадокию в 93 г. до н. э., изгнали из страны римского ставленника Ариобарзана I и передали власть ставленнику Митридата VI. В 92 и 91 гг. до н. э. армянские войска совершили еще два похода в соседнее государство.

В научной литературе предлагается различ-

ная, иногда диаметрально противоположная оценка действий армянского царя. Одни авторы считают, что Тигран II вынужден был подчиняться требованиям более опытного и могущественного понтийского царя. Представители армянской исторической науки рассматривают политику правителя великой Армении как самостоятельную. Большинство исследователей соглашаются с тем, что действия Тиграна II и армяно-понтийский союз носил ярко выраженный антиримский характер.

Анализ имеющихся в нашем распоряжении источников позволяет предложить несколько иную оценку внешней политики армянского царства в 90-е гг. I в. до н. э. Нельзя оспорить утверждение большинства историков о том, что вторжение армянских войск в Каппадокию должно было вызвать ухудшение отношений между Римом и Великой Арменией. В то же время, оценка армяно-понтийского союза как антиримского кажется не до конца обоснованной. Из античных авторов только Юстин сообщает условия соглашения Митридата VI и Тиграна II, но текст источника непоследователен и многие ученые на его основании предположили существование двух договоров между Понтом и Арменией. События в Каппадокии во второй половине 90-х гг. I в. до н. э. свидетельствуют о том, что договор, вероятно, был один, и заключили его до вторжения армянских войск в Каппадокию. Действия армянских войск в царстве Ариобарзана I соответствуют условиям соглашения, которое у Юстина помещено непосредственно перед началом I Митридатовой войны.

Текст соглашения не может быть свидетельством антиримской позиции армянского царя, так как не предусматривалось участие армянских войск в войне с Римом. После столкновения с войсками Луция Корнелия Суллы в 92 г. до н. э. армяне старались избежать борьбы с римлянами. Третий поход армянских войск в Каппадокию, если он был в действительности, прошел без формального участия Тиграна II и реконструируется на основании косвенных данных. Тигран II, несмотря на имевшуюся возможность, не принял участия в I Митридатовой войне.

Столкновение с Римом не могло входить в планы армянского царя, который незадолго смог занять царский престол. Участие в антиримских операциях Митридата VI означало не стремление вступить в конфликт с римлянами, а желание усилить Армению для борьбы с наиболее опасным врагом — Парфией. Неоднократное смещение проримских ставленников в Каппадокии Митридатом VI, не вызвавшее ответной реакции Рима, могло рассматриваться царями как нежелание римлян использовать вооруженные силы для контроля за царством. Немедленная реакция Рима на смещение Ариобарзана I армянскими войсками заставила Тиграна II свести к минимуму участие в антиримских акциях понтийского царя и в последствии отказаться от соблюдения армяно-понтийского союза. Избежав разрыва с Римом, Тигран II смог сосредоточить все силы страны для борьбы с Парфией.

А. П. Мартемьянов (Харьков)

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ НИЖНЕЙ МЕЗИИ И ФРАКИИ В СОВРЕМЕННОМ БОЛГАРСКОМ АНТИКОВЕДЕНИИ

Социальная история Нижней Мезии и Фракии привлекает внимание антиковедов уже на протяжении многих лет, и наиболее весомым представляется вклад в ее изучение болгарских специалистов. Заметной вехой в разработке ими проблем общественного развития восточнобалканских провинций Рима стали конец 70-х—начало 80-х годов XX в., отмеченные выходом в свет посвященных древности томов академических изданий «Истории Болгарии» (т. I, 1979) и «Истории Добруджи» (т. I, 1984), а также монографии Б. Герова «Землевладение в римской Фракии и Мезии (I–III вв.)» (1980). Эти труды не только во многом подытожили результаты работ предыдущих десятилетий, но и, в известной мере, определили дальнейшую направленность исследований.

В 80-90-е годы возможности научной реконструкции социальной истории Нижней Мезии и Фракии существенно расширились благодаря опубликованию новых эпиграфических источников, собранных, в частности, в подготовленном Б. Геровым первом томе свода «Латинские надписи, найденные в Болгарии» (1989), пятом томе начатого Г. Михайловым издания корпуса «Греческие надписи, найденные в Болгарии» (1997), а также в специальных сводах надписей из отдельных античных городов — Месемврии (1980), Нове (1992), Монтанв (1994) и ряде других сборников.

К числу вопросов, которые исследуются с наибольшей обстоятельностью в последние два десятилетия, относится проблематика, так или иначе связанная с историей римского военного присутствия во фракийских землях и его влиянием на жизнь местного провинциального общества (Р. и Т. Ивановы, С. Торбатов, П. Доневски, В. Стоичков и др.). Другим приоритетным направлением в изучении социального развития Нижней Мезии и Фракии является ис-

следование проблем урбанизации, муниципального устройства и различных аспектов жизни городского населения (Б. Геров, В. Белков, Г. Александров, Т. и Р. Ивановы, Б. Герасимова-Томова, Х. Прешленов, Л. Вагалински и др.). Существенно возрос интерес к изучению сельских поселений, истории аграрных отношений во фракийских землях. Особое внимание при этом уделяется исследованию сельских вилл римского времени (Д. Николов, Г. Александров, Ц. Дремсизова-Нелчинова, В. Найденова, В. Динчев и др.). Не утратил актуальности вопрос о роли в социально-экономическом развитии Фракии и Нижней Мезии общинного уклада, рабовладельческих и колонатных отношений (Б. Геров, М. Тачева, Д. Николов, Г. Александров и др.). Важное место в антиковедческих исследованиях занимают и проблемы этнического состава населения восточнобалканских провинций, эллинизации и романизации местного общества (М. Тачева, Н. Неделчев, К. Марков, Н. Митева и др.).

Таким образом, в настоящее время болгарскими учеными исследуется весьма широкий круг вопросов социальной истории фракийских земель в первых веках н. э. Однако несмотря на это, картина общественного развития Нижней Мезии и Фракии остается, на мой взгляд, в значительной мере фрагментарной и, главное, статичной — отражающей главным образом лишь социальную структуру провинциального общества, а не специфику его функционирования и развития. Поэтому представляется очевидной необходимость, не отказываясь от ставших уже традиционными направлений научного поиска, попытаться восстановить, насколько это возможно, связи, существовавшие в то время между людьми в каких бы то ни было уловимых проявлениях их жизнедеятельности. Думается, именно такой подход может приблизить нас к восприятию античного общества восточнобалканских земель как живого, эволюционировавшего во времени организма, состоявшего из людей с конкретными жизненными интересами и устремлениями, которые и приводили в движение сложный механизм исторического развития.

К. Ю. Нефедов (Харьков)

ЛИСАНДР СПАРТАНСКИЙ И ЗАРОЖДЕНИЕ КУЛЬТА ПРАВИТЕЛЯ В ГРЕЧЕСКОМ МИРЕ

Согласно сообщению Плутарха, ссылающегося на Дуриса Самосского, наварх Лисандр, принесший Спарте победу в Пелопоннесской войне, был первым эллином, который удостоился боговного чествования в греческих полисах. Прецедентов воздаяния божеских почестей, аналогичных описанному Плутархом, в греческом мире не известно вплоть до эпохи диадохов. Поэтому данное сообщение Плутарха издавна вызывало острые дискуссии и получало весьма противоречивые интерпретации в научной литературе. Между тем, как можно более однозначное решение вопроса о культе Лисандра необходимо для понимания истоков и самой сущности античного культа правителя.

В настоящее время сам факт существования культа Лисандра не подвергается сомнению, ибо он засвидетельствован эпиграфически. Вместе с тем, источниковедческий анализ показывает, что божеские почести были возданы Лисандру только на о. Самос, а не в нескольких греческих городах, как это сообщает Плутарх. Судя по всему, в честь Лисандра были переименованы самосские празднества Гереи, возведен алтарь и учреждены жертвоприношения. Кроме того, наварху посвящали пеаны и героические поэмы. Гипотезу Э. Бэдиэна о посмертном характере этих почестей нельзя признать обоснованной, ибо она опирается на ошибочное толкование сообщения Дуриса и предполагает сохранение за Лисандром положительной репутации после смерти, что не соответствует действительности. Культ Лисандра должен был возникнуть в период с 404 по 397 гг. до н. э., так как только тогда наварх контролировал Восточную Эгеиду. Вероятнее всего, божеские почести были возданы ему уже в 404 г. до н. э., когда на Самосе была упразднена афинская клерухия и учреждена декархия из проспартански настроенных олигархов.

В научной литературе господствует мнение о том, что самосские олигархи учредили культ Лисандра по собственной инициативе. Эту точку зрения, однако, нельзя признать убедительной. Начиная с 404 г. до н. э. Лисандр всеми возможными способами стремился увековечить свои заслуги и подвиги. Об этом свидетельствуют его посвящения и статуи, возведенные в крупнейших греческих храмах. «Монумент наварха», воздвигнутый Лисандром в Дельфах, открыто выражал его претензию, как минимум, на героический статус. Известно также, что Лисандр постоянно держал при себе поэта, обязанного восхвалять его деяния, и сам председательствовал на поэтическом агоне в свою честь. Все эти факты свидетельствуют о сознательном стремлении Лисандра получить божеские почести. Следует также принимать во внимание, что олигархи, пришедшие к власти на Самосе, находясь под контролем помощника

Лисандра Торака, всегда действовали согласно прямым указаниям своего покровителя. Поэтому говорить о какой-либо самостоятельной, «низовой», инициативе в вопросе о воздаянии почестей в данном случае нет оснований.

С помощью получения божеских почестей Лисандр, судя по всему, надеялся обосновать свои притязания на царскую власть в Спарте. План захвата власти Лисандр начал вынашивать еще с 405 г. до н. э. Его конечной целью было установление единоличного правления легитимным путём, а именно — на том основании, что царская власть в Спарте должна принадлежать не представителям двух родов, а «наилучшему» из спартанцев. Божеские почести в этой теории выступали как своеобразный показатель превосходства и доблести. В своем сочинении о реформе спартанского государственного устройства Лисандр прямо говорил о том, что царская власть должна принадлежать «не тем, кто происходит от Геракла, а тем, кто, подобно Гераклу, выделяется своей доблестью, которая и обеспечила этому герою богоравное почитание». Не вызывает сомнений, что в этих строках содержался намёк на самого Лисандра, уже получившего божеские почести на Самосе.

Таким образом, культовое почитание было необходимо Лисандру для придания своей будущей власти харизматической легитимности, которую можно было бы противопоставить легитимности наследственной. Впоследствии настолько острая необходимость подобного противопоставления впервые возникла только у преемников Александра Македонского, диадохов. Очевидно, именно это обстоятельство обусловило столь близкую аналогию между их культами и культом Лисандра на Самосе.

А. Г. Плешивенко (Запорожье), О. В. Фатеев (Никополь)

НОВАЯ КОЛЛЕКЦИЯ АМФОРНЫХ КЛЕЙМ КАПУЛОВСКОГО ГОРОДИЩА

Неутешительное состояние полевой археологии в Украине неминуемо приводит к гибели интереснейших памятников. К числу таких объектов относится скифский комплекс у с. Капуловка Днепропетровской области, открытый в 1936 г. Запорожской экспедицией Днепростроя. Значение этого памятника отмечал Б. Н. Граков (Граков, 1954, с. 160). О его разрушении и необходимости исследования неоднократно писал А. В. Бодянский (Бодянский, 1951/12; 1957/10-б; 1961/59;. 1977/89). Материалы, собранные им за многие годы, пополнили фонды Института археологии Украины и Запорожского краеведческого музея (Плешивенко, 1999, с. 118). Четыре пункта скифской оседлости у с. Капуловка включены в археологическую карту Нижнего Поднепровья, три из них с пометкою «В 1988 році...не існувало» (Гаврилюк, Оленковський, 1992, с. 20,21).

Между тем, памятник существует и дает новые археологические источники. Речь идет о коллекции, собранной краеведами г. Никополя: О. Фатеевым, О. Графчиковым, Г. Ищуком, В. Дрожаком, Н. Михайлюком, А. Кулишом.

Коллекция насчитывает более 2000 единиц: предметы скифского ремесла и быта, вооружения и конской сбруи, украшения, монеты, разнообразные виды скифской и античной керамики, в т. ч. 264 амфорных клейма. По производственным центрам клейма распределяются следующим образом:

Херсонес – 113 (94 определены)
Синопа – 77 (47 определены)
Гераклея – 46 (40 определены)
Фасос – 16 (16 определены)
Родос – 7 (3 определены)
Кос – 1
Икос – 1
Неопределенные центры – 3.

Подавляющее большинство клейм Херсонеса относится к I хронологической группе (Кац, 1994, с. 46, сл.). Наиболее древние астиномы (подгруппа А: 325–315 г.г.): Батилл (2 экз.), Эвклид (11 экз.), Героник (9 экз.), Кратон (8 экз.), Сополис (6 экз.). Следующая подгруппа Б (315–300 г.г.) представлена астиномами: Дамокл (1 экз.), Гераклей (14 экз.), Ксанф (8 экз.), Сокрит (11 экз.). Имена астиномов подгруппы В (300–285 г.г.): Геродот (19 экз.), Филипп (5 экз.). Одно магистратское клеймо принадлежит подгруппе А II хронологической группы (285–272 г.г.): Атанадор, сын Никия. Им синхронны 8 фабрикантских клейм, исполненных в виде монограмм.

Согласно хронологической колонке магистратов Синопы, разработанной Н. Ф. Федосеевым (Федосеев, 1994, с. 189), список магистратских клейм выглядит так:

Дата	*Имена магистратов (по Федосееву)*	*Количество клейм*
348 г.	Эпиелп I	1
335 г.	Посий I	1
333 г.	Поседоний 2	2
329 г.	Посидей	1
320 г.	Эвхарист	1
316 г.	Дзопирион	4
315 г.	Форба 2	13
314 г.	Филон 2	6
313 г.	Пасихар 1	1
310 г.	Феодорид	5
309 г.	Поседоний, сын Эсхина	1
308 г.	Апатурий	3
307 г.	Навпон I	3
306 г.	Борий I	4
305 г.	Пифокл	1
304 г.	Мнесикл	2

Сам автор компьютерного метода хронологии не считает полученные даты окончательными (там же). С некоторыми из них не согласны другие специалисты по эпиграфике (Кац, 1993, с. 113–118; Туровский, 1997, с. 217,218; Монахов, 1999, с. 482). Так, анализ крупных комплексов клейменной керамической тары позволил скорректировать время деятельности Эпиелпа I и Поседония 2: 20-е гг. IV в. (Кац, 1994, с. 70). На основании находок в Добрудже Эпиелп I, Посий I, Эвхарист I и Форба 2 включены румынскими эпиграфистами во 2 хронологическую группу (344–310 гг.), остальные чиновники из нашего списка входят в 3 группу (309–285 гг.) (Коновичи, Авраам, Поэнару Бордя, 1992, с. 233). В настоящее время такой датировки придерживаются и другие исследователи (Колесников, 1985, с. 68; Кац, 1994, с. 70).

Особенностью клейм Гераклеи Понтийской является то, что почти все они фабрикантские, т. е. содержат одно имя. Ранняя группа 90–80 гг. IV в. (Монахов, 1999, с. 160–237) состоит из девяти экземпляров, и только одно клеймо с именем фабриканта Архестрата I сопровождается магистратским ПА (Монахов, 1999 г., с. 183, сл.).Один штамп, определенный нами как клеймо фабриканта Гераклида (?), где имя расположено вокруг палицы, датирован началом появления эмблем – середина 80-х гг. (Кац, 1997, с. 214). С эмблемой «палица» имеется еще 4 клейма фабриканта Эратона. Это имя известно по штампу на венчике пифоса, найденному на поселении в Лузановке и датированному кон. IV в. (Василенко, 1972, с. 89). В этом же клейме фигурирует имя магистрата Бакха, который исполнял свои обязанности в 40-х гг. IV в. (Монахов, 1999, с. 349, сл.). Вероятно, деятельность фабриканта Эратона близка этой дате. Группа клейм последних десятилетий IV в.—первой четверти III в. до. н. э. представлена двумя типами энглифических штампов: с именем фабриканта в полной форме или сокращенной и клеймами в виде монограмм.

Определение хронологии фасосского клеймения базируется на двух опорных датах: кон. V в. — начало клеймения и приблизительно 330 г. — переход от «раннего» к «позднему» типу клейм (Кац. 1999, с. 107). Согласно классификационной хронологической таблицы, составленной В. И. Кацом (в ней соотнесены схемы М. Дебидура, И. Гарлана и Ю. Г. Виноградова), одно наиболее раннее безэмблемное клеймо датируется кон. V в.–80 гг. IV в. (Кац, 1999, с. 108). К этому времени относится клеймо с именем Алканора (Монахов, 1999-а, с. 140). Следующие четыре «ранних» клейма с эмблемой в центре и надписью по сторонам рамки (D+E по Гарлану и Дебидуру; 3 поздняя по Виноградову) относятся к 70–60 гг. IV в. Амфоры с клеймами «позднего» периода (эмблема между этниконом и именем эпонима) – их десять экземпляров – существуют в кон. IV–нач. III вв. до н. э. (Дебидур, 1992, с. 111–137).

Небольшую группу составляют клейма Родоса, Коса, Икоса и неопределенных средиземноморских центров. Родосское клеймо Полиарата I было датировано В. Грейс кон. IV в. до н. э. (Шелов, 1975, с. 68). На сегодня хронология родосских клейм пересматривается. По определению В. И. Каца коллекционные родосские клейма можно датировать 60-ми гг. III в. до н. э.*

Рассмотренная коллекция амфорных клейм даст возможность исследовать различные аспекты экономической деятельности как скифского городища, так и поставщиков античного импорта начиная с IV в. до 60 гг. III в. до н. э. По клеймам можно судить о расцвете городища в последней четверти IV – первых десятилетиях III вв. до н. э. Анализ и последующая публикация всех находок позволят по достоинству оценить этот скифский памятник.

О. А. Ручинская (Харьков)

К ВОПРОСУ О ТЕНДЕНЦИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ ГРАЖДАН АНТИЧНЫХ ГОРОДОВ ЗАПАДНОГО ПОНТА

В античном обществе роль и поведение отдельного индивидуума определялись принадлежностью его к определенной социальной группе и слою. Не являлись исключением в этом плане и города Западного Причерноморья. Исследование многообразия условий существования гражданских коллективов западнопонтийских городов, особенностей поведения отдельных социальных групп в них, является необходимым элементом анализа всей социальной истории рассматриваемого региона. Данная проблема, несмотря на возросший в последние годы интерес к ней, в своей совокупности еще недостаточно изучена, хотя накопился значительный материал для ее обобщения. Исследование всего комплекса эпиграфических, нарративных, вещественных источников позволяет выявить определенные тенденции участия различных социальных групп в жизни полисов Западного Понта.

Со времени основания городов в Западном Причерноморье все полноправные граждане имели традиционное право выполнять обще-

* Благодарим В. И. Каца за помощь в определении некоторых клейм.

ственные поручения, участвовать в выборах, религиозных обрядах, проводить досуг в общении с соотечественниками. Однако существование в этот период аристократических союзов в Истрии, возможно, Одессосе и Томах, а также ориентир на важность принадлежности к роду первопоселенцев, свидетельствует о преобладающем значении аристократии в жизни общин.

Появление в IV–III вв. до н.э. реальных свидетельств о гражданской законодательной инициативе, повсеместная деятельность Народного собрания, предоставление широким слоям граждан (особенно жителям среднего достатка) участия в общественных играх, позволяют говорить о значительной демократизации общественной жизни.

Начиная со второй половины III–II вв. до н.э., в общественной жизни городов Западного Причерноморья все большее значение приобретают зажиточные слои граждан это проявляется в постепенном отстранении от законодательной деятельности основной массы граждан, активном использовании системы литургий, что способствовало усилению влияния на общественно-политическую деятельность государств со стороны представителей городских верхов. В первые века нашей эры реальной политической силой обладают лишь эти слои граждан, имея средства и возможности для действенного участия в общественной жизни городов. Несмотря на сохранение относительного самоуправления общин в западнопонтийских городах, широким слоям гражданского населения остается преимущественное участие в религиозной жизни городов и исполнение общественных обязанностей.

Таким образом, средние слои граждан лишь относительно небольшой промежуток времени занимали ведущее положение в общественной жизни античных городов Западного Понта, постепенно уступая решающую роль городской элите.

Ю. С. Рыжова (Севастополь)

СТЕКЛЯННЫЕ КУБКИ С РЕЛЬЕФНЫМ ОРНАМЕНТОМ В ВИДЕ БУТОНОВ ЛОТОСА ИЗ ХЕРСОНЕСА

Среди многочисленных стеклянных сосудов I–IV вв., найденных при раскопках Херсонеса, выделяется небольшая группа кубков, выдутых в разъёмной форме. Эти сосуды отличаются необычным декором: он представляет собой рельефный орнамент, состоящий из так называемых «бутонов лотоса», и оттиснутых между ними точек которые расположены в шахматном порядке. Декор в данном случае может служить типообразующим признаком и позволяет выделить четыре основные группы сосудов:

1) кубки с гладкими бутонами, без точек;

2) кубки с гладкими бутонами и точками;

3) кубки с трёхступенчатыми бутонами, без точек;

4) кубки с трёхступенчатыми бутонами и точками.

Мы не располагаем целыми сосудами, но их форма может быть восстановлена на основе сохранившихся фрагментов и аналогий. Как правило, это кубки с вертикальными стенками, слегка сужающимися книзу, срезанным и грубо отшлифованным краем венчика и дном, профилированным выпуклыми концентрическими кругами. Иногда под венчиком видна гравированная полоса.

Стекло этих кубков главным образом светло-голубого или оливкового цвета. Материал отличается хорошим качеством: стекло плотное, блестящее, практически без пузырьков. Толщина стенок сосудов — 0,1–0,3 см; на некоторых фрагментах виден шов от матрицы.

Следует особо отметить два сосуда четвертой группы, традиционный орнамент которых дополнен в нижнем ярусе масками, чередующимися с бутонами лотоса. Сохранилось три маски из четырех, и изображают они, предположительно, актера, Сатира и менаду, что позволяет связывать эти сосуды с культом Диониса. Кроме того, при визуальном изучении кубков становится ясно, что оба сосуда (один из которых сделан из светло-голубого стекла, другой — из оливкового) были изготовлены в одной и той же форме. Аналогий подобным кубкам пока не найдено.

В отечественной и зарубежной литературе кубки с бутонами лотоса датируются второй половиной I в.–началом II в. н. э. Большинство херсонесских сосудов, к сожалению, относятся к беспаспортным находкам, остальные же найдены с материалом конца I в.–рубежа II–III вв. н. э., что позволяет несколько расширить временные рамки бытования подобных сосудов, по крайней мере, до конца II в. н. э.

Кубки с рельефным орнаментом в виде бутонов лотоса известны также в Сирии, Галлии, Рейнской области, Италии, Северном Причерноморье. По мнению большинства исследователей, центр производства этих сосудов находился в Сирии.

И. П. Сергеев (Харьков)

КРИЗИС III века И ПЕРИОДИЗАЦИЯ ИСТОРИИ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Всю историю Древнего Рима принято делить на три больших эпохи — царскую, республиканскую, императорскую. Две последние из названных обычно подразделяют еще на отдельные периоды.

Выделение императорской эпохи в истории римского государства не вызывает возражений у современных историков. Однако ее начало и окончание датируются в антиковедении по-разному.

В истории Римской империи большинство историков выделяют три периода: Принципат (или ранняя Империя), период кризиса III века, Доминат (или поздняя Империя). При этом в основу периодизации кладутся особенности социально-экономических отношений или же политического устройства римского государства.

Однако некоторые современные исследователи утверждают, что императорскую эпоху римской истории следует рассматривать как нечто единое.

На наш взгляд, подразделение императорской эпохи на три периода вполне уместно. В эти периоды в римском государственном устройстве существовали глубокие различия. Политический строй Римской империи времен Домината отличался от системы государственных органов периода Принципата не только ролью отдельных элементов, но и всей структурой этой системы. Период же кризиса III века был временем, когда система Принципата уже не могла нормально функционировать, и правители римского государства искали замену этой системе.

И. Е. Смирнова (Донецк)

ПОПЫТКА СТАТИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА КОМПЛЕКСОВ ПАНТИКАПЕЙСКОГО НЕКРОПОЛЯ I–III вв. н.э.

Социальные отношения и общественная структура являются одним из самых неизученных моментов в истории Боспорского царства. Исследователи пытались изучить данную проблему, используя в основном письменные и эпиграфические источники. Учитывая то, что письменных источников по истории Боспорского царства I–III вв. н.э. сохранилось немного, реконструировать и исследовать социальную структуру и социальные отношения боспорского общества возможно только, привлекая богатый археологический материал. Такой вид источника как погребения обладает достаточной информативностью.

При изучении социальной структуры и социальных отношений важна обработка массового археологического материала. Появление новых технологий, разработка математических методов и методов статистического анализа, использование компьютерных программ позволяет снова обратиться к исследованию проблемы социальных отношений. Начальным этапом можно считать создание компьютерной базы данных. Среди некрополей Боспорского царства выделяется по количеству погребальных комплексов и богатству инвентаря некрополь Пантикапея. Разработка базы данных позволит конкретизировать социальную, этническую, половозрастную структуру общества, дифференцировать население Боспорского царства первых веков нашей эры по роду занятий.

При создании базы данных автор использует СУБД ACCESS 97, являющаяся составной частью системы MICROSOFT OFFICE. Подобные базы уже создавались учеными для исследования археологических памятников. Создание базы данных по некрополям античных городов имеет свои особенности и сложности.

База данных имеет двухуровневую структуру, которая соответствует общей классификации объекта (погребение, инвентарь). Описание погребения (таблица «Памятник») предусмотрено по следующим полям: номер памятника; адрес памятника (пункт, район, область); датировка; расположение памятника; характер захоронения; конструкция погребения; сохранность памятника; особенности конструкции; заполнение погребения; особенности погребального культа; останки погребенного; погребальное ложе; ориентировка погребенного; размеры камеры; перекрытие; надгробие; количество погребенных; поза погребенного, возраст погребенного. Сведения о погребальном инвентаре, в зависимости от типа, располагаются в соответствующих специальных таблицах. Таких таблиц 10: украшения, посуда, предметы быта, детали костюма, предметы культа, предметы конской сбруи, предметы вооружения, орудия труда, предметы туалета, монеты. Описание каждой вещи как система разделяется на подсистемы: наименование предмета, технология изготовления, материал, размеры, сохранность, особые отметки, местоположение инвентаря в погребении. Также создана отдельная таблица по истории изучения памятника. Она включает: год раскопок, автора (публикацию). Благодаря системе реляционных связей между таблицами возможен отбор любой комбинации дан-

ных, содержащихся в базе. Для облегчения ввода и просмотра информации созданы главная (по памятнику) и подчиненные (по погребальному инвентарю) формы, что позволяет одновременно выводить на экран сведения по захоронениям и категориям вещей. При вводе очередного параметра достаточно выбрать его значение из автоматически раскрывающегося списка, который содержит все возможные значения данного параметра (например, виды посуды, виды украшений, виды вооружений и т.д.) В дальнейшем предполагается проведение статистического анализа важнейших категорий инвентаря погребальных памятников Пантикапея.

В настоящий момент база данных включает 616 захоронений. Это материалы раскопок В. В. Шкорпила с 1902 по 1912 гг. в Керчи, опубликованные в Известиях археологических комиссий. Предварительная обработка материала позволила получить такие результаты. Немаловажным фактором, определяющим социальный статус, являлось погребальное сооружение, а также топография погребения. Как правило, представители богатых слоев были захоронены на склонах горы Митридат в многокамерных склепах и дорогих саркофагах, украшенных живописью. По предварительным подсчетам автора, из занесенных в базу погребений 141 совершалось на горе Митридат, а захоронений в саркофагах известно 24.

Наличие различных категорий инвентаря и его количество в одном погребении также может свидетельствовать о высоком имущественном положении умершего. В большинстве погребений встречается 3 и более категорий инвентаря, таких как оружие, посуда, украшения, орудия труда, предметы туалета, изделия, украшавшие одежду, головные уборы (таких погребений насчитывается 403).

На основе погребального инвентаря можно выделить критерии имущественного и социального неравенства жителей Пантикапея. К ним относится, прежде всего, материал изделий. Изделия из золота, серебра, драгоценных камней ценились в любые времена. Они являются показателем богатства и престижа, а богатство на Боспоре свидетельствовало, прежде всего, о высоком социальном статусе. Показателем высокого имущественного и социального положения городских слоев являются такие категории погребального инвентаря, как монеты, золотые погребальные венки (известно, что у греков был обычай отмечать заслуги граждан, увенчивая их венком), золотые украшения. Золотые и серебряные вещи найдены в 147 погребениях. Погребений с золотыми венками известно по предварительным подсчетам 72.

Высоким социальным статусом обладали воины, захороненные с оружием (31 погребение). В этих погребениях обнаружены не только предметы вооружения (меч, кинжал, шлем, щит, наконечник копья), но и дорогие украшения (золотые венки, перстни, бляшки). Таких комплексов немного (42), возможно, они принадлежат военачальникам, награжденным за заслуги венками. Надгробия на могилах являлись одним из показателей зажиточности. Их могли себе позволить только обеспеченные слои. Характерной особенностью боспорских надгробий римского времени является многочисленность рельефов с изображениями воинов. Из текста некоторых надписей порой удается узнать, что хотя умерший изображен на рельефе в виде воина, военная служба не была его основной профессией. Поэтому на основе рельефов надгробных памятников не удается четко установить род занятий и социальную принадлежность умершего.

На другом полюсе боспорского общества находились рабы. Выделить погребения рабов крайне затруднительно. Иногда с ними связывают безинвентарные погребения (таких захоронений очень мало). Как правило, бедные погребения совершались в простых ямах (276 погребений). К таким погребениям можно отнести памятники с одним-двумя наименованиями инвентаря. В 102 погребениях встречено по две категории инвентаря, в 97 погребениях — одна.

Также сложно выделить погребения, принадлежащие ремесленникам и торговцам. Подобные погребения не имеют какого-либо опознавательного инвентаря. В целом подобные погребения можно назвать погребениями среднего слоя боспорского общества. Почти в каждом погребении встречаются импортные изделия – стеклянная и краснолаковая посуда: красноглиняные амфоры, краснолаковые сосуды и чашки, стеклянные сосуды, бальзамарии, кувшины, стаканы. Различные категории посуды также являются показателем благосостояния боспорского общества. Нередко в могилах встречается от 3 до 5 стеклянных сосудов. Для таких погребений наиболее типичны захоронение № 114 (нумерация по базе данных, погребение № 195, Шкорпил В. В. Отчет об археологических раскопках в г. Керчь и его окрестностях в 1902 г.//ИАК.– 1904.– № 9.– С.173-176), в котором встречены сосуд, бронзовый браслет и светильник, и погребение № 188 (по базе данных, № 328, ИАК.– 1904), где обнаружены сосуд, бальзамарий, бронзовый браслет, бусы, зеркало.

Приведенные данные пока не могут дать полной картины, но можно отметить достаточно высокий процент погребений с большим количеством разнородных вещей, в том числе и с драгоценными украшениями из золота и серебра, что позволяет говорить о существовании значительного слоя зажиточных жителей Пантикапея.

Р. В. Стоянов (Киев)

К ВОПРОСУ О СКЛЕПАХ В НЕКРОПОЛЕ ХЕРСОНЕСА КЛАССИЧЕСКОГО И ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ПЕРИОДОВ

В историографии сложилось мнение о бедном устройстве древнейшего некрополя Херсонеса. Как свидетельство приводилось полное отсутствие таких видов погребальных конструкций, как склепы в раннем некрополе города. К рубежу классического и эллинистического периода может быть отнесён материал только одного херсонесского склепа № 1012, который датируется 325–250 гг. до н.э. или рубежом IV–III вв. до н. э. Чтобы избежать повторений (поскольку материалы из склепа в основном изданы) ограничусь лишь общими замечаниями и некоторыми вопросами, остающимися спорными до настоящего времени. Склеп № 1012 был открыт в результате раскопок 1899 г. в перибол возле городских ворот. Конструкция склепа располагалась в пространстве крепостной стены 16 куртины так, что облицовочные плиты внешнего панциря куртины служат одновременно его стенами. Сверху на каменные блоки кладки панциря стены были положены плиты, которые являлись потолком склепа. Выше внутренняя забутовка стены клалась непосредственно на эти плиты. Пол погребальной камеры и дромоса склепа был частично вырублен в материковой скале в месте её выхода, а частично вырыт в предматериковом слое. К погребальной камере вёл дромос, устроенный частично под первым панцирем кладки стены. Вход в дромос закрывала известняковая плита. Щели были замазаны глинистой обмазкой. В погребальной камере склепа находилось 6 урн и один кремированный остов в дромосе.

Основная часть материалов из урн (ювелирные изделия, чернолаковые урны, фрагменты бронзовой урны) была издана и датирована. В историографии выделяется точка зрения Е. Н. Жеребцова на устройство склепа. Он считает, что склеп был построен раньше оборонительной стены и лишь перекрыт ею. В доказательство этого исследователь утверждает, что благодаря пробоине в восточной стене склепа было установлено, что цокольный ряд стены 16 куртины уложен на плиты перекрытия не погребальной камеры склепа, а только его дромоса, плафон же склепа накрыт глинисто-бутовым заполнением стены. Сама стена, по его мнению, была возведена уже поверх плит перекрытия склепа. Поскольку склеп № 1012 в настоящее время недоступен для изучения, прямых опровержений данной точке зрения представить нельзя. Однако кажется весьма сомнительным чтобы К. К. Косцюшко-Валюжинич не заметил столь явной конструктивной особенности устройства склепа. К. Э. Гриневич, посвятивший описанию устройства склепа раздел своей работы, также не отметил эти особенности конструкции. Утверждение о том, что плафон склепа перекрыт внутренней забутовкой стены, и часть кладки внешнего панциря расположена под дромосом, не противоречит тому, что склеп является частью конструкции стены. С другой стороны, кажется маловероятным, чтобы древние строители херсонесских стен стали бы специально пристраивать оборонительную стену к уже существовавшему склепу. Еще менее убедительным выглядит утверждение исследователя о том, что осевые линии склепа и куртины не параллельны. Достаточно взглянуть на план склепа № 1012 и куртины № 16, чтобы убедиться в том, что угол между осевыми линиями стены и склепа ничтожно мал. Для такого типа конструкции данная разница является вполне допустимой и может быть объяснена особенностями обработки квадров кладки стены.

Е. Н. Жеребцов утверждал, что нимфей, раскопанный в 1957 г. с внешней стороны куртины 16 напротив, правого отделения склепа № 1012, также являлся подстенным склепом. Однако целый ряд фактов свидетельствует о том, что упомянутая конструкция не могла являться таковым (выражаю благодарность Т. И. Бажановой, Е. Я. Рогову, Н. П. Андрущенко за помощь и консультации по этому вопросу). Размеры сооружения: длина (сохранившаяся до городской стены) — 4 м, ширина — 3 м. Уже по этой причине можно однозначно утверждать, что сооружение было открытым, плита перекрытия в этом случае должна была быть длиной не менее 3,5 м. Известняковая плита, такой длины не может перекрыть ничего без внутренних подпорок. Известняк камень хрупкий, такая плита несомненно треснет и сломается. А никаких следов внутренних конструкций в нимфее не обнаружено. Кроме того, такой длины плит нет даже в кладках городской стены Херсонеса. Подобного рода погребальных сооружений в некрополе Херсонеса мы не знаем. Мы не знаем таких погребальных конструкций и во всем Северном Причерноморье. Если принять реконструкцию Е. Н . Жеребцова, согласно которой дромос находился в центре боковой стены сооружения, то длина сооружения была бы не менее 7 м. А при такой длине сооружение должно было выходить за пределы лицевой кладки стены снаружи. Этого нет. Тогда склеп 1012 должен был не только перекрыть это сооружение, но и прорезать его. Этого тоже нет.

Таким образом в районе юго-восточных оборонительных стен Херсонеса до настоящего времени известен только один позднеклассический-раннеэллинистический склеп № 1012, встроенный в конструкцию куртины 16.

Т. В. Убогая (Ростов-на-Дону)

ГЛИНЯНЫЕ ШТАМПЫ ИЗ ТАНАИСА

(К вопросу о религиозной жизни танаитов в первые вв. н. э.)

Среди находок из Танаиса нам известны несколько глиняных штампов. Они представляют собой предметы культового назначения. Исследование функций и роли глиняных штампов в обрядовой практике может пролить свет на проблему религиозных воззрений обитателей Танаиса и других греческих колоний Северного Причерноморья.

Танаисские штампы датируются III в. н. э. К этому же времени относится ряд находок глиняных штампов из сарматских поселений (Кобяковское и др.), а также из Фанагории, Пантикапея и других городов Боспора.

По характеру орнаментальных мотивов танаисские штампы можно разделить на две группы. Первую группу (5 штампов) объединяет наличие по краю круглого рабочего поля бордюра из вдавленных ямок. Центральную часть занимает розетка из схематических изображений листов или веток дерева. Наиболее близкую аналогию орнаменту на танаисских штампах первой группы мы находим на штампе с Кобяковского поселения. Экземпляр из Фанагории имеет схожее изображение ветки. Те же ветви, расходящиеся от некоего центра в разные стороны, изображены на светильнике III в. н. э. из Херсонеса. Розетка центрального орнамента на светильнике окружена ломаной линией, такой же, как на курильницах, найденных в комплексе с танаисскими штампами. Вообще, веточки, отходящие от венчика сосуда, как от некого центра, очень характерны для сарматской культовой керамики. Использование ямок в качестве бордюра свойственно штампам из Пантикапея. Вторая группа штампов отличается бордюром из косых черточек. На основном поле располагается симметричный узор из нескольких углублений, которые отделяются друг от друга прочерченными линиями. Эти штампы найдены в помещении явно культового характера, вместе с большим числом курильниц и светильников. Подобная геометрическая орнаментация не встречается на штампах из других мест. Однако, нам известны сарматские зеркала, датирующиеся III в. н. э., где используется очень близкая схема орнамента.

Долгое время в науке бытовало мнение о предназначении штампов для нанесения рисунка на тело человека перед татуировкой. Однако, более пристальное рассмотрение рабочей поверхности этих предметов позволило Д. Б. Шелову и другим исследователям утверждать, что глиняные штампы применялись для нанесения орнамента на предметы из более мягкого материала (тесто и т. п.). Штемпелевание ритуальных хлебцов хорошо известно по данным этнографии разных народов и разных времен. В античном мире обычай подношения священных хлебцов и печений божеству связан с дионисийскими мистериями [Демосфен. Pro corona, 260]. Связь этого ритуала с Дионисом-Сабазием становится вполне очевидной, если сравнить сюжеты изображений на штампах с росписями склепов сабазиастов в Крыму.

Данные о религиозной жизни Танаиса скудны, но несомненным является то, что варваризация населения города, усилившаяся в III в. н. э. в связи с новой волной переселения ираноязычных племен, отразилась на религиозных представлениях танаитов. Многочисленные надписи танаисских фиаситов свидетельствуют о поклонении некоему «богу высочайшему». Он представляет собой синкретическое божество, в котором «участвовал и фракийский Дионис-Сабазий и сарматский конный бог» [В. Д. Блаватский, Пантикапей.— М., 1964, с. 197]. Скорее всего, глиняные штампы, как и найденные с ними в комплексе курильницы и светильники, имеют отношение к культу этого божества.

Н. Ф. Федосеев (Керчь)

ТЕАТР В ПАНТИКАПЕЕ

На протяжении большого отрезка времени античности Боспор, со своей столицей Пантикапей, являлся экономическим и политическим центром Северного Причерноморья (порой и всего Понта) и трудно представить этот «очень большой город», «метрополию всех милетских городов Боспора», город, «где была постоянная резиденция боспорских царей» без театра.

Литературные свидетельства о существовании театра в Пантикапее обычно связывают с отрывком из «Стратегем», где речь идет о выступлениях знаменитого кифареда Аристоника из Олинфа [V, 44,1]. Косвенным свидетельством может служить и сообщение Диодора Сицилийского о созыве Евмелом народного собрания [XX, 24], которое обычно в античной Греции проводилось в городском театре.

Среди археологических артефактов обычно назывались фрагментарный мраморный трон, найденный в 1956 году, находки многочисленных театральных масок (только в фондах Керченского музея более 100) и терракот, изобра-

жающих актеров. К этому списку следует добавить гипсовые прилепы на саркофаги с изображениями театральных масок, находку амфоры панафинейского типа с изображением мусического агона флейтиста и панафинейскую амфору из некрополя Елизаветовки на Дону, с изображением кифареда в лавровом венке. Возможно, находки панафинейских амфор не следует связывать с победителями Великих Панафиней, но заинтересованность боспорян именно в этих сюжетах констатировать необходимо. О существовании профессиональных музыкантов на Боспоре свидетельствует упоминание профессии флейтиски по имени Пасифиликата на надгробии второй половины IV в. до Р.Х. из раскопок некрополя Мирмекия [КБН 875; КЛ-12]. А среди участников музыкальных соревнований в Дельфах упоминается боспорянин Исил, сын Хрисолая. Характерно, что олинфский кифаред Аристоник собирался выступать перед боспорянами, рассчитывая на заинтересованность публики. Более того, на его выступления собирались все граждане полиса.

Изображение оркестра присутствует на внутренней стенке расписного саркофага и на керченском склепе. На саркофаге изображены двое юношей играющие на двойных флейтах, а между ними третий, перебирает струны инструмента, похожего на небольшой орган.

В Пантикапее известны следующие музыкальные инструменты: свирель, арфа — тригон, тамбурин, кифара с прямоугольным резонатором, а также были обнаружены фрагменты лиры из панциря черепахи (Пантикапей) и костяной флейты (Тиритака). Лира встречается на серебряной гемидрахме III в. до Р. Х. и оболе периода правления Асандра.

К числу шедевров античного искусства относится и лекиф афинского мастера Ксенофанта, на котором изображена сцена охоты персидских воинов, в том числе и на грифонов. У исследователей нет сомнения, что эта сцена иллюстрирует одно из литературных произведений. Находки других изделий Ксенофанта на Боспоре, говорят о том, что эти сосуды были заказаны боспорянами в Афинах, а изображения на них были близки и понятны заказчикам. Грифон одно из самых популярных мифологических существ на Боспоре и с конца IV в. до Р.Х. присутствует и на монетах Пантикапея.

О поэтическом искусстве боспорян свидетельствуют многочисленные стихотворные эпитафии на надгробиях, среди которых настоящим шедевром является надпись Феофилы, дочери Гекатея [КБН, 130].

Таким образом, о театре в Пантикапее можно говорить со второй половины IV в. до Р.Х. вплоть до первых веков новой эры.

В. В. Шкорпил в 1910 году предпринял безуспешную попытку найти театр Пантикапея на юго-восточном склоне горы Митридат, где была найдена скульптура Диониса. Полагаю, что остатки театра следует искать на северном склоне горы, предположительно в районе старого кладбища. Здесь был обнаружен терракотовый тессер с изображением буквы дельта, а несколько ниже (по ул. Самойленко, 5) керамический комплекс с многочисленными фрагментами терракотовых масок.

А. Г. Чередниченко (Харьков)

К ВОПРОСУ О ЛОКАЛИЗАЦИИ ПРАРОДИНЫ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ: БАЛКАНЫ И ИНДОЕВРОПЕЙСКАЯ ПРОБЛЕМА

Основная проблема в области индоевропеистики, издавна волновавшая историков, этнологов и языковедов, — определение индоевропейской прародины, а также выявление миграционных путей этносов-носителей отдельных индоевропейских праязыков (диалектов) и местоположений промежуточных прародин до того момента, когда индоевропейские по языку народности попадают в те места, где их застает история.

Под термином индоевропейский праязык мы подразумеваем язык-основу (предка), из диалектов (протодиалектов) которого произошла группа близкородственных праязыков и семья родственных индоевропейских языков современности. Индоевропейский праязык рассматривается нами как доисторическая реальность, соответствующая универсальным генетическим, ареальным и типологическим закономерностям, выведенным на основании характерных черт, присущих известным индоевропейским языкам, и существовавшая в реальном пространстве и реальном времени, являвшаяся одной из семиотических систем, созданной и реально использовавшейся определенным, реально существовавшим этносом (социумом).

Индоевропейский праэтнос («индоевропейцы») может быть соответственно определен как доисторический этнос-предок, из родоплеменных подразделений которого произошла группа родственных этносов, носителей производных семиотических систем. Индоевропейский праэтнос, как и всякий другой этнос, должен был обладать психосоматическим единством (генетическим родством), пассионарным и комплиментарным единством, единством оригинального стереотипа поведения, самосознанием и самоназванием, единством базовых семиотических систем (особенно языка), единством форм обще-

ственного сознания (особенно мифологии), территориальным единством.

Как показывают исследования, эпицентр зарождения и распространения индоевропейского праязыка, его диалектов и говоров должен совпадать с эпицентром зарождения и распространения производящей экономики. При этом, выходит так, что центр культурной инновации есть центр языковых инноваций, откуда они распространяются и автаркизируются в соседних ареалах в виде комплексов артефактов и идей, лексических ингредиентов, проникновений и заимствований. Таким образом, революция в материальном производстве синхронна революционному скачку языкового развития.

Сопоставление данных сравнительно-исторического языкознания и археологии позволяет сделать вывод о том, что индоевропейской прародиной, вероятнее всего, следует считать Балканский полуостров и острова Эгеиды.

Д. Е. Чистов (Санкт-Петербург)

МАЛЫЕ ГОРОДА БОСПОРА в IV в. до н. э.

Настоящее сообщение я бы желал посвятить проблеме соотнесения данных археологии с некоторыми вопросами истории т.н. «малых» городов Боспора (преимущественно, на материалах Мирмекия и Нимфея).

В начале IV в. до н. э. в городах Северо-Восточного Причерноморья ведется интенсивное строительство, подчас связанное с колоссальными перепланировками. В Мирмекии этот процесс выражен возведением оборонительной стены, впервые охватившей всю территорию города. Как справедливо отмечал Ф. В. Шелов-Коведяев, подобные факты могут свидетельствовать не только о благополучии, возрастающем могуществе Боспора. Территориальная экспансия, проводившаяся ранними Спартокидами, требовала максимального напряжения людских сил, средств и ресурсов государства.

Несмотря на определенное различие исторических судеб Мирмекия и Нимфея, археологическое изучение культурных напластований IV в. до н. э. на городищах сталкивается с одной и той же проблемой. Остатки сооружений указанного времени довольно бедны; количество раскопанных жилых комплексов оказывается на порядок меньше сооружений предшествующего и последующего периодов. Особенно это заметно для второй и третьей четвертей IV столетия. Заметим, что плохая сохранность строительных остатков слабо согласуется с представлениями об экономическом расцвете Боспора в IV в. до н. э., во времена правления Левкона I и Перисада, и порождает иллюзию «запустения». Следует подробней остановиться на совокупности причин, объясняющих этот «феномен»:

1. *Недостатки методики раскопок 30–60-х гг.* Не секрет, что зачастую невысокий уровень археологических исследований ставится в вину первым исследователям Нимфейского городища. Однако, необходимо заметить, что методика исследования ранних слоев, практиковавшаяся при раскопках Мирмекия, также могла бы быть оправдана только при постановке разведывательных задач и неприемлема для исследования многослойных памятников. Несмотря на то, что работы велись на широких площадях, в результате чего была раскрыта регулярная городская застройка эллинистического и римского периодов, ранние слои выявлялись только в результате прокопа шурфов, закладывавшихся внутри стен более поздних сооружений. Хотя культурные напластования IV в. до н. э. были обнаружены почти повсеместно, строительные остатки этого времени представлены лишь отдельными обрывками кладок, вымосток дворов и улиц, хозяйственными ямами.

Материалы раскопок Нимфейского городища рисуют нам очень схожую картину. На обширных раскопанных площадях напластования и остатки сооружений V–IV вв. до н. э. в большинстве случаев перекрываются мощными строительными горизонтами более позднего времени. Часто ранние стены в последствии использовались в качестве фундаментов, для формирования террас.

2. *Античные нивелировочные работы.*

Массовое строительство, развернувшееся в восточной части Мирмекийского городища в III в. до н. э., несомненно, потребовало выравнивания строительных площадок. Старые стены разбирались, и камень из них использовался повторно. Поэтому, комплексы поздней классики — раннего эллинизма могли быть почти уничтожены. Однако таким образом вряд ли правомерно объяснять малое количество сооружений IV в. до н. э. на западной окраине Мирмекия, поскольку в этом районе регулярная эллинистическая застройка, подобная раскрытой на западных раскопах, практически отсутствует.

Мысовая часть городища Нимфей («акрополь»), возможно, неоднократно подвергалась капитальным нивелировкам. Ярким свидетельством такого рода работ, предшествовавших возведению оборонительной стены в третьей четверти IV в. до н. э., или же осуществленных непосредственно во время её строительства, является тот факт, что западная и восточная стены т.н. «святилища Кабиров» были в древности выбраны полностью. Форма этого здания определялась исключительно по очертаниям плотного глинобитного пола.

Плохая сохранность строительных остатков второй половины IV–III вв. до н. э. на «акро-

поле» Нимфея могла бы быть объяснена нивелировками первых веков н. э., с которыми были связаны огромные перемещения земли.

Аналогичные широкомасштабные перепланировки первых веков н. э., сильно повредившие позднеклассические и эллинистические слои, также отмечены на городище Тиритаки.

3. *Следы пожаров и разрушений первой половины IV в. до н. э.*

На западной окраине Мирмекия открыты два или три здания, представлявшие собой наземные каменно-сырцовые постройки, перекрытые черепичными крышами. Эти дома погибли в пожаре, уверенно датируемом второй четвертью IV в. до н. э.

В первой или второй четвертях IV в. до н. э. прекращают существование практически все здания на «акрополе» Нимфея, в т. ч. так называемые «святилища» Кабиров и Афродиты. Примерно на тот же период приходится временное прекращение функционирования святилища Деметры. Следы разрушений этого же времени фиксируются и в других районах города. Мы не исключаем, что предполагаемая катастрофа первой половины IV в. до н. э. могла бы быть связана с событиями войн Левкона I против Феодосии, поддерживавшейся Гераклеей Понтийской. Вполне возможно, что последствия этого отразились на планировке городов в дальнейшем.

Во второй половине IV в., через несколько десятилетий после победоносного окончания феодосийских походов, в Нимфее возводится оборонительная стена. Фундамент её пересекает развалины позднеклассических строений. Одновременно с этим наблюдается и активизация фортификационного строительства в столице Боспорского государства. Так, в результате реализации обширной строительной программы территория укрепленного акрополя Пантикапея существенно расширяется к северу.

Л. Н. Чурилова (Днепропетровск)

ГОЛОВА ЖЕНСКОЙ СТАТУИ ИЗ БОСПОРА КИММЕРИЙСКОГО

Каждый новый памятник античной скульптуры всегда является открытием. Причем одинаковый интерес представляют как работы эллинских мастеров, так и скульптура, изготовленная на окраинах античного мира. Настоящим открытием, несомненно, является голова женской статуи, происходящая, по всей вероятности, из Боспора Киммерийского и хранящаяся в Днепропетровском историческом музее.

Античная коллекция Днепропетровского музея сравнительно небольшая, но разнообразная и выразительная: терракотовые статуэтки, светильники, монеты, посуда. Ее история связана с именами двух известных в Екатеринославе собирателей старины – А. Я. Фабра, губернатора Екатеринослава, основателя Екатеринославского музея древностей и А. Н. Поля, чьи коллекции, переданные в Екатеринославский музей в начале XX века, вывели последний на уровень лучших музеев Европы.

Представление об античных древностях Екатеринославского областного музея дают каталоги, изданные в 1893, 1905 и 1912 гг., но настоящее изучение античного собрания началось в последнее время. В ходе этой работы сделаны открытия как музейного масштаба, так и далеко выходящие за его пределы.

К таким открытиям, как уже указывалось выше, относится голова женской статуи, происходящая из коллекции А. Н. Поля и приобретенная, видимо, в Керчи.

Итак, перед нами голова женщины, очевидно, отбитая от статуи (почти на уровне подбородка). Материал — известняк-ракушечник. Размеры: высота – 23,7 см, толщина – 13,8–14,15 см. Сохранность – средняя: отбита верхняя (левая) часть головы, оббит нос, подбородок. На голове – покрывало, ниспадающее вдоль лица. На лбу видна широкая повязка. Лицо округлое, широкоскулое, с большими выпуклыми глазами; нос короткий, широкий. Пухлые щеки и подбородок, рот небольшой, с хорошо очерченными припухлыми губами (на губах сохранились следы красной краски). Тыльная сторона головы не обработана. Боковые стороны отделаны более схематично, чем лицо.

Тип лица, запечатленного в камне, явно не эллинский, не совпадающий с античным эталоном красоты. Поиски аналогий привели к синдам, синдской погребальной скульптуре, хорошо представленной в работах известных исследователей античного искусства городов-государств Северного Причерноморья – М. М. Кобылиной, А. И. Ивановой, Н. И. Сокольского.

Синдская погребальная скульптура – это статуи-полуфигуры и рельефы, устанавливаемые в нишах склепов IV–II вв. до н.э. Наибольший расцвет она переживает в IV–III вв. до н.э., когда синды вошли в состав Боспорского государства и были сильно эллинизированы. Именно в IV–III вв. до н.э. на Боспоре появляется новый тип скульптуры — полуфигуры или поколенные изображения умерших. Эта особенность связана с существовавшей в архаическом искусстве традиции изображать хтонических божеств как бы вырастающими из земли. Так выглядят погребальные статуи синдов.

Большинство синдских статуй обнаружено в азиатской части Боспора, в местах наибольшего расселения синдов, но они есть и в Панти-

капейском некрополе. Причем синдская пластика с Керченского полуострова отличается большей эллинизированностью. Основными чертами синдской монументальной скульптуры Н. И. Скольский считает фронтальность, уплощенность, особый интерес к этнографическим деталям.

Интересующие нас женские фигуры изображались в хитонах и покрывалах; правая рука обычно прижата к груди, левая или поддерживает край хитона, или держит какой-то круглый предмет. Высота не превышает 1 м. Материал – местный керченский известняк. Судя по технике изготовления (тыльная сторона не обработана), статуи предназначались для обзора спереди и устанавливались в нишах склепов.

Голова женской статуи из Днепропетровского исторического музея отличается достаточно высокой техникой обработки камня и несомненными художественными достоинствами – выразительностью, портретностью. Она неплохо моделирована, черты лица неплохо выражены: глубокие глазницы, несколько опущенные уголки рта несут оттенок скорби. Здесь чувствуется рука хорошего мастера, знакомого с творчеством греческих скульпторов. Это наводит на мысль о том, что статуя могла происходить из Пантикапейского некрополя и датироваться IV–III вв. до н.э., временем расцвета синдской скульптуры. На дату изготовления указывает наиболее близкая аналогия — часть женской головы из Анапы, которая (несмотря на фрагментарность) также отличается высокими художественными достоиствами и датируется IV–III вв. до н.э.

Несомненная ценность скульптуры из Днепропетровска состоит и в том, что она неплохо сохранилась. По свидетельству Н. И. Сокольского, среди синдских статуй мало таких, у которых не отбита голова и не деформированы черты лица.

Таким образом, галерея памятников античного искусства северопричерноморских городов пополнилась новым оригинальным образцом, извлеченным на «свет Божий» из фондов Днепропетровского исторического музея.

А. В. Шевченко (Севастополь)

БОГИ-«СОТЕРЫ» ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО

Выходцы из Гераклеи Понтийской, основавшие в конце V в. до н.э. Херсонес Таврический, прибыли в юго-западный Крым, по всей видимости, с готовым Пантеоном. В его составе известны Аполлон (покровитель колонизации), Артемида-Сотейра, Афина-Сотейра, земледельческие богини Деметра и Кора-Персефона, а также мифический герой Геракл – «прародитель» гераклейцев. С начальным периодом формирования херсонесского государства связан культ богини Девы, неизвестный более ни в одном из античных центров. Верховный бог древних греков Зевс с эпиклезой «Сотер» засвидетельствован также в первое столетие жизни полиса (фрагменты чернолаковых канфаров V и середины IV вв. до н.э. с посвящением этому богу происходят из дореволюционных раскопок).

Культы богов-«сотеров» имели характер государственных, изображения Девы и Геракла присутствуют уже на первых выпусках монет херсонесского чекана, причем изображения Девы становятся здесь постоянными. Ко II в. до н.э. в Херсонесе была создана статуя богини с башенным венцом на голове, хорошо известная по монетным выпускам середины I в. до н.э. – II в. н.э. Башенная корона венчает также голову богини Кибелы на одной из терракот II в. до н.э. Культ этой земледельческой богини зафиксирован в эллинистическом Херсонесе, он также принадлежал к числу государственных. Со II в. до н.э. в числе херсонесских «сотеров» появился Аполлон, что было вызвано в первую очередь внешнеполитическими причинами – скифо-херсонесскими войнами. Государственный характер культа Аполлона сохранялся и в I–II вв. н.э.

Как видится, боги-«сотеры» присутствовали в херсонесском Пантеоне в период всей его античной истории. Эта особенность херсонесского Пантеона отразила традиционную черту греков-дорийцев – постоянную готовность к защите своего государства и собственности каждого гражданина.

Л. Г. Шепко (Донецк)

К ВОПРОСУ О ЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЯХ НА БОСПОРЕ в V–III вв. до н.э.

Проблемы боспорского землевладения затрагивались советскими историками, главным образом в связи с характеристикой социально-классовой структуры государства и определением социальной принадлежности земледельцев (С. А. Жебелев, В. Д. Блаватский, В. Ф. Гайдукевич, И. Т. Кругликова, А. А. Масленников, С. Ю. Сапрыкин). Для разработки проблем характера и соотношения разных форм земельной собственности на Боспоре большое значение имеют исследования последних десятилетий хоры полисов в Северном Причерноморье

(С. Б. Буйских, С. Д. Крыжицкий, В. М. Зубарь, А. В. Бураков, В. М. Отрешко, В. Н. Зинько, Г. М. Николаенко).

Исследователи отметили, что в ходе развития Боспорского царства сложилось несколько форм земельной собственности. Исходя из общеисторических положений, констатировалось, что каждый полис владел своей территорией, разделенной на общественные, храмовые и частные наделы. На городских (полисных) землях существовали мелкие, средние и крупные земельные владения. Расширение территории страны в ходе завоеваний поставило вопрос о характере новых земель, о появлении царских владений.

Авторы касались главным образом состояния землевладения в IV–III вв. до н.э. и первые века н.э. Вопросы земельной собственности, соотношения ее разных форм, специфики и характера землевладения на Боспоре остаются наиболее спорными и нерешенными в научной литературе. При характеристике боспорского землевладения в качестве аналогий чаще всего используется материал эллинистических государств Малой Азии и Средиземноморья. При этом не всегда изменения в землевладении четко хронологически дифференцируются, не всегда учитывается взаимозависимость формы земельных отношений и административно-территориального членения царства.

В VII–VI вв. до н.э. греческие города на северных берегах Черного моря и Керченского пролива были организованы на полисной основе. В первой половине VI в. до н.э. на берегах Керченского пролива возникают первые древнегреческие поселения. Это ионийские колонии, которые следовали варианту своей модели колонизации: заселялись места, незанятые стабильным оседлым населением.

На Керченском полуострове следов пребывания варваров и греков в VI–V вв. до н.э. немного. Памятников, датируемых VI–V вв. до н.э. и, скорее всего, связанных с греческим этносом, известно немногим больше 10. Как правило, они находятся в прибрежной зоне и тяготеют к городской хоре. Внутренние пространства полуострова были лишены оседлого населения.

До второй четверти IV в. до н.э. серьезных территориальных изменений на Боспоре не прослеживается. Деятельность боспорских правителей ориентирована на древнегреческие города. Расширение земельных владений государства отмечается со второй четверти IV в. до н.э. со времени правления Левкона I, завоевательные интересы которого были обращены на восток, в сторону Азиатских территорий. Очевидно, земли Керченского полуострова вне полисных владений находились и вне политического контроля правителей Боспора до начала IV в. до н.э.

По археологическим данным, с IV в. до н.э. наблюдается рост количества поселений и расширение застройки городов (Нимфея, Горгиппии, Пантикапея, Фанагории).

Несмотря на тираническое правление Спартокидов, города, вошедшие или включенные в союз, сохраняли полисные институты. Немногочисленные источники сохранили некоторые свидетельства о существовании в V–II вв. до н.э. гражданской общины в ряде городов. Экономической основой городов были прилегающие к ним земли и составляющие их собственность.

Гораздо сложнее обстоит дело с интерпретацией царских, государственных и общественных земель. В настоящее время получить конкретный ответ на основе имеющихся данных не представляется возможным, любые варианты гипотетичны.

С VI по III в. н.э. на Керченском полуострове существовало 233 поселения (Кругликова И. Т., 1975, с. 250). Подавляющее их число возникло в IV–нач. III вв. Данные археологических разведок 90-х гг. увеличивают количество этих памятников (Гаврилов А. В., 1997; Голенко В. К., Клюкин А. А., 1997; Чевелев О. Д., 1997). Планировка и характер поселений отличается значительным разнообразием (Масленников А. А., 1989).

Очевидно, эти земли, внутренние пространства Керченского п-ва находились уже в зоне влияния Боспора. Археологически рост поселений прослеживается главным образом в пределах хоры городов.

Примечательно, что около сер. III в. до н.э. большинство поселений Европейского Боспора прекращает свое существование. Возрождение начинается с конца III в. до н.э. Материал позволяет говорить, что значительная часть поселений была заселена греками. Возникает вопрос о статусе заселенных земель в это время. С «царским землевладением» непосредственно связан вопрос о характере власти и ее основе. В данном случае весьма существенным является содержание данного термина. Какие земли могли считаться царскими?

В надписях Спартокиды называются архонтами, династами. Согласно Аристотелю, «династия» – это форма олигархического правления, при которой власть принадлежит отдельным влиятельным семьям (Pol. IV, 5). Упоминание о существовании оппозиции Спартоку 1 в Феодосии, ориентация на демократические Афины и их союзников позволяет считать, что его власть не выходила за общие рамки эллинских традиций оформления государственности.

В историографии отмечалось, что земли, незанятые хорой полисов и храмами, а также приобретенные в ходе завоеваний, являлись собственностью гражданской общины, общественными или государственными. Для ранней истории Боспора имеет ли смысл вопрос о существовании как «царских», так и «государственных» землях, или эти понятия по сути тождественны.

Очевидно, Спартокиды начиная с Левкона 1, укрепление своей власти видели в проведении

политики колонизации полисных и новых земель за счет привлечения переселенцев как греков, так и варваров. Земли, скорее всего, составляли государственный (общественный) фонд.

Освоение этих земель могло обеспечиваться эллинскими переселенцами из других регионов. В. Д. Блаватский отмечал, что в IV–III вв. до н.э. в Сев. Причерноморье, в частности в Пантикапей, устремились волны эллинов, что явилось следствием греко-македонской экспансии в восточное Средиземноморье. Данные лапидарной эпиграфики свидетельствуют, что в столице и других городах Боспора проживали пришельцы не только из близ лежащих городов, но и из городов Малой Азии, Аттики, Аркадии и др. Царские земли должны отличаться своей организацией от полисных (городская хора), что археологически может проявляться в иных типах планировки поселений. Но появляются признаки особой формы землеустройства и землевладения – с середины – второй четверти IV в. до н.э. в Крымском Приазовье.

Вероятно, земли Керченского полуострова при первых Спартокидах включались в общественный фонд и заселялись переселенцами из других мест. Скорее всего, получение земель на приемлемых условиях, не связывающих владельцев твердыми обязательствами, обусловили интенсивность заселения боспорских земель и экономический подъем страны в IV–первой половине III вв. до н.э.

Данные позволяют говорить о наличие царских земель более определенно для первых веков н.э. В первые века н.э., после Митридатовских войн социально-экономические отношения на Боспоре, очевидно, имели сходство с теми, которые сложились в государствах Малой Азии. К этому времени уже сложилась административно-территориальная структура государства.

Таким образом, следует отметить, что в начальный период истории Боспора границы страны не были четко маркированы и юридически зафиксированы. Очевидно, до второй четверти IV в. до н.э. основной фонд земель Боспора составляли полисные земли. К сер. III в. до н.э. говорить можно о сложении земельного фонда Боспорского Царства, выделив категории полисных (городских) и общественных (государственных) земель. В период IV–первой половины III вв. до н.э. территория Боспора особенно Европейской части была достаточно насыщена поселениями, что особенно бросается в глаза при сравнении с первыми вв. н.э. В это время существует обилие поселений различных пространственных структур, что вряд ли может свидетельствовать о строгой централизованной колонизационной политике боспорских правителей.

Царский фонд, или семейно-родовые земли династии Спартокидов, которые являлись бы материальной основой ее могущества, только формируются. Возможно, регионом, где это происходило, было Крымское Приазовье. Именно там с сер. второй четверти IV в. до н.э. отмечены признаки особой формы землеустройства и землевладения (Масленников А. А.).

ВИЗАНТИЯ, ХАЗАРИЯ И КОЧЕВНИКИ

В. С. Аксенов (Харьков)

СТРУКТУРА СЕМЬИ У АЛАН БАССЕЙНА СЕВЕРСКОГО ДОНЦА ПО ДАННЫМ КАТАКОМБНЫХ МОГИЛЬНИКОВ САЛТОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Вопрос о структуре семьи общества носителей лесостепного варианта салтовской культуры второй половины VIII–первой половины X вв. все еще остается одним из недостаточно исследованных аспектов общественной организации аланского населения бассейна Северского Донца. Исследования последних лет Старосалтовского (ССМ), Рубежанского (РМ), Верхнесалтовского I (ВСМ–I), Верхнесалтовского III (ВСМ–III), Верхнесалтовского IV (ВСМ–IV) катакомбных могильников позволяет подойти к решению этого вопроса.

Исследования показали, что одиночные захоронения в погребальных камерах характерны для ССМ и РМ, где они составляют соответственно 57,1 % и 72,2 % от общего количества раскопанных на данных могильниках катакомб. Процент парных и коллективных погребений в одной катакомбе на данных могильниках незначителен по сравнению с другими аланскими катакомбными могильниками Подонья. На ССМ и РМ парные погребения составляют соответственно 33,3 % и 22,2 %, тогда как захоронения 3 индивидуумов в одной камере на ССМ отмечены два раза, а на РМ — одной катакомбой, содержавшей костяки трех детей.

На ВСМ–III одиночные погребения в камерах отмечены в 44,8 % катакомб, парные и коллективные погребения — соответственно в 31,0 % и 24,1 % катакомб. Данный могильник, как и РМ, ССМ характеризуется преобладанием погребальных камер, расположенных продольно по отношению к дромосу. Число погребальных камер, расположенных поперечно относительно дромоса на данных могильниках, незначительно: ВСМ–III — 15,25 %, ССМ — 19,0 %, РМ — 11,1 % от общего количества катакомб исследованных на могильниках.

Преобладающим видом погребения в камерах ВСМ–IV являются парные захоронения (42,1 % от общего количества катакомб вскрытых на могильнике). Процент одиночных и коллективных захоронений в погребальных камерах почти одинаков — 26,3 % и 24,56 % соответственно. При этом для ВСМ–IV характерно полное преобладание погребальных камер расположенных своей длинной осью перпендикулярно дромосу (85,9 %).

ВСМ–I отличается от остальных упомянутых могильников достаточно высоким процентом коллективных захоронений в камерах — 56 %, тогда как процент одиночных и парных захоронений в одной погребальной камере (соответственно 18,6 % и 25,3 %) может быть сравним с аналогичным показателем ВСМ–IV. Количество поперечно и продольно расположенных по отношению к дромосу погребальных камер почти одинаково и равно соответственно 38 и 37.

Анализ половозрастных данных погребенных из парных и коллективных захоронений из данных могильников показал, что у населения оставившего их существовала как нуклеарная (малая) семья, так и довольно распространенный тип сложных семей в виде так называемой братской многолинейной семьи. При этом малая семья характерна в большей мере для населения оставившего РМ и ССМ, что, по-видимому, связано с более ранним, чем это отмечено для других исследуемых могильников, временем возникновения данных могильников. На ССМ и РМ встречены захоронения датируемые временем не позже конца VIII в., погребения датируемые этим временем на ВСМ–I, ВСМ–III, ВСМ–IV не встречены. Вероятно, переселение алан с Кавказа в бассейн Северского Донца сопровождалось разрушением на месте больших патриархальных семей, выделением из них малых взрослых сыновей (холостых или женатых), которые и обживали, охраняли и контролировали северо-западную окраину Хазарского каганата. Со временем какая-то часть этих малых семей в силу традиции и ряда обстоятельств вновь могла разрастаться в большие семьи. Вероятно, это и можно видеть на примере коллективных захоронений в погребальных камерах катакомб ВСМ-IV, ВСМ–I, большинство погребений которых датируется серединой IX–первой половиной X вв. Подобная ситуация отмечена в XIX в. на Северном Кавказе при массовом переселении населения на равнины из горных районов, где выделение малых семей сдерживалось малоземельем.

И. А. Антонова (Севастополь), С. Б. Сорочан, Т. Н. Крупа (Харьков)

ОПЫТ КОНСЕРВАЦИОННЫХ РАБОТ ХАРЬКОВСКОГО ОТРЯДА ЭКСПЕДИЦИИ «ЦИТАДЕЛЬ» (НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЗАПОВЕДНИК «ХЕРСОНЕС ТАВРИЧЕСКИЙ»)

В результате широких археологических исследований цитадели Херсонеса и с учетом разрушающего влияния агрессивной окружающей среды возникла серьезная необходимость в проведении реставрационно-консервационных работ на архитектурных памятниках как античного, так и средневекового времени.

Харьковским отрядом в 1998 г. была проведена консервация Большого общественного здания, а в 2000 г. — и трехапсидной базилики.

Для проведения реставрационно-корсервационных работ на территории археологического памятника на научном совете заповедника (в соответствии с нормами проведения реставрации и консервации) была утверждена долгосрочная программа (протокол № 12 от 24 июля 1998 г.), которая включала:

1. Фотофиксацию памятника до консервации.
2. Выполнение фасировок стен до консервации.
3. Фиксирование сохранившихся кладок путем инфильтрации их известковой водой.
4. Проведение консервационных работ: возведение защитных ярусов кладки в технике сохранившихся подлинных кладок по методу анастилоза.
5. Приданне законсервированным участкам стен гидрофобности.
6. Выполнение фасировок стен после консервации.
7. Фотофиксация стен после консервации.

Для проведения консервационно-реставрационных работ был выбран метод анастилоза – восстановление утраченных фрагментов кладки здания путем использования подлинного строительного материала. Подобный метод рекомендован Научно-методическим советом по охране памятников культуры Министерства культуры СССР в 1969 г. Как отмечают специалисты, метод анастилоза успешно применялся при проведении консервационно-реставрационных работ на архитектурно-археологических памятниках Херсонеса. Важным вопросом, привлекавшим внимание специалистов, является вопрос консервационного раствора, который должен быть не только прочным и долговечным, но и не причинять вреда самому памятнику. Уже в 1957 г., в процессе консервации ядра башни Зенона, был применен пигментированный цементный раствор. В него входили цемент не ниже М-400, первосортная известь, песок средней крупности и пигмент. Тогда же было предложено отделять консервационный слой от оригинальной кладки рядом керамического боя. Однако в конце 60-х годов использование подобных растворов вызвало критику со стороны реставраторов: было обращено внимание на конфликт между старыми связующими растворами и новым раствором, на отличия по коэффициенту термического расширения и другие параметры, что в итоге вело к разрушению памятника. Тогда же было предложено для обеспечения надежного сцепления старого и нового материалов использовать ингредиенты, которые по составу и структуре были бы близки к оригинальным. Такую поправку можно сделать, если добавлять в новый раствор частично древние компоненты, взятые из старинных построек.

Изучив опыт предыдущих реставрационно-консервационных мероприятий на территории Херсонеса, нами была выработана своя методика. Особое внимание было обращено на соответствие отчетной реставрационно-консервационной документации: обязательно производилась фотофиксация участков до и после консервации с одной точки; на едином чертеже (масштаб 1:10) указывались все изменения, выполненные на консервируемом участке. К сожалению, подобный подход является новым для сохранения херсонесской архитектуры, но крайне важным, поскольку позволяет четко проследить все изменения, проводимые в ходе необходимой консервации, исключает путаницу между оригиналом и новоделом. В качестве материала для защитной консервационной кладки брались камни из разобранных в ходе археологических работ старых кладок. Это позволяет избежать конфликта между состаренным и новым материалом. Основой консервационного раствора являлся цемент марки М-400. В его состав также входят известка и песок, взятый непосредственно с разобранных херсонесских кладок, учитывая рекомендации реставраторов по состариванию консервационных материалов. Оригинальная кладка отделялась от консервационной рядом керамического боя.

Консервационные мероприятия не ограничиваются только этим. Законсервированные участки в 1998 г. и 2000 г. находятся под постоянным наблюдением, ведется дневник наблюдений: в процессе работ было применено несколько видов консервационных растворов и подобное наблюдение позволит в будущем точнее подходить к выбору рецептур, необходимых в условиях цитадели. В свою очередь это позволит минимально травмировать архитектурно-археологический памятник.

К. Ю. Бардола (Харьков)

ОБ ЭТАПАХ НАЛОГОВОЙ ПОЛИТИКИ АРАБОВ в VII–VIII вв.

Причины столь быстрого захвата арабами обширных территорий Византийской империи и сасанидской Персии рассматривались многими исследователями. Практически все из них отмечали, что ситуация, которая сложилась в этих двух государствах накануне арабского нашествия, характеризовалась внутренними неурядицами, постоянными военными конфликтами и религиозными спорами, что не способствовало решительному отпору новым завоевателям. Однако отмечая успешное ведение арабами военных и дипломатических действий во время захватов новых земель, исследователи очень мало внимания уделяют их экономической политике по отношению к покоренному населению. Это связано, в первую очередь, с распространенным среди исследователей истории арабского халифата мнением, что арабы ничего не меняли в налоговой системе завоеванных земель. О. Г. Большаков, А. И. Колесников, А. Массэ, Х. Антониади-Бибику и другие полагают, что арабы оставляли на завоеванных землях податную систему подушно-поземельного налога, введенного в Византии еще при Диоклетиане, и скопированную персидскими шахами Кавадом I (488–531) и Хосроем I (531–579). Таким образом, благоприятное отношение населения к новым захватчикам, по их мнению, объясняется недовольством, в первую очередь, религиозной и административной политикой, проводимой византийским правительством в провинциях, где проживало это население. Лишь немногие исследователи, к тому же вскользь, отмечали роль мягкой экономической политики арабов на завоеванных землях. Для того, чтобы определить все причины столь крупных успехов арабов в процессе завоевания новых земель, необходимо уточнить характер и особенности налоговой политики арабов на аннексируемых ими землях во времена правления первых «праведных» халифов и омейядской династии.

Следует сразу отметить, что действия арабов в процессе захвата новых земель не носили хаотичного характера. Источники довольно отчетливо свидетельствуют о наличии у арабов четко определенной политики по отношению к населению захваченных земель. Налоговая политика арабов также отличалась продуманностью и последовательностью. В целом проведение налоговой политики арабами на захваченных территориях в VII–VIII вв. можно условно разбить на три этапа.

Первый этап, можно определить налоговыми действиями непосредственно в процессе завоевания и первые годы после завоевания. Перед захватом какой-либо территории арабы предлагали руководству этой территории три возможных варианта поведения: принятие ислама; выплата подушной подати — «джизьи», при условии сохранения широкой автономии; и оказание им сопротивления. Из этих трех вариантов население византийских провинций, как правило, выбирало второй, что свидетельствовало о том, что выплата джизьи и переход под арабский патронат устраивало его больше чем принятие ислама или оказание сопротивления арабам. Размеры джизьи оговаривались в каждом отдельном случае по-разному, но предполагалось, что местные власти будут активно участвовать в определении суммы обложения. Источники не дают нам сведений, участвовали ли действительно местные власти в установлении первоначальной суммы обложения джизьей, или это был только дипломатический прием со стороны арабов. Однако данные, которыми мы располагаем, свидетельствуют о значительном снижении при арабах налогового бремени и упрощении системы налогообложения на территориях бывших византийских провинций. Таким образом, налоговая политика арабов первого этапа отличалась мягкостью и гибкостью. Она предполагала небольшую подушную или подымную подать, что значительно облегчало положение покоренного населения. Такое облегчение налогового бремени не могло не сказаться на отношении населения к арабам. Облегчение налогового бремени, широкая автономия в религиозных и административных вопросах являлись неизменными признаками проводимой арабами политики по отношению к населению покоренных земель, которая приводила к тому, что лишь немногие города и селения решались на открытую конфронтацию арабскому нашествию.

Однако надо сказать, что первый этап налоговой политики арабов был, как правило, недолгим. Как только арабы понимали, что их влияние в регионе является достаточно устойчивым, они возвращались к методам и объемам налогообложения, предшествующим их нашествию. При втором «праведном» халифе Омаре ибн ал-Хаттабе (634–644) на вновь завоеванные земли были возвращены налоговые принципы, предшествовавшие арабскому завоеванию. Возврат к предшествующей завоеванию системе налогообложения является главной характеристикой второго этапа налоговой политики арабов. Но так как системы налогообложения в Византии и Персии накануне арабского вторжения были разные, то соответственно принципы налогообложения в разных частях арабского халифата на втором этапе были также различны. К тому же переход ко второму этапу налоговой политики происходил не в одно и то же время. Поэтому складывается

парадоксальная ситуация, когда на территориях подпавших под арабское влияние одновременно действовало три различных системы налогообложения: в Армении взималась подымная подать небольшого размера, в Малой Азии действовала персидская система подушно-поземельного обложения, практикуемая со времен Кавада I и Хосроя I, а в Египте использовалась система коллективной налоговой ответственности, так называемая «эпибола», повсеместно введенная в Византии императором Юстинианом I (527–565). Этот период также характеризуется, привлечением арабами к налоговой службе бывших византийских и персидских чиновников, и ведением всех кадастровых записей на греческом языке. Несомненно, что переход ко второму этапу налогообложения послужил основной причиной изменения отношения населения к арабскому владычеству. Это выразилось в многочисленных выступлениях недовольного населения в Египте и Малой Азии.

Третий этап налоговой политики начинается с конца VII века, когда пятый халиф династии омейядов, Абд аль-Малик (685–705) попытался провести реформу налоговой службы арабского халифата. Он заменил при ведении налоговых кадастров греческий язык на арабский, унифицировал различные налоговые системы и сделал указания об исламизации налоговой администрации. Однако новые веяния утвердились не сразу и не везде. Использование бывших византийских чиновников при проведении налогообложения можно наблюдать еще до второй половины VIII века. В Армении в первой половине VIII века была впервые проведена перепись населения и земель. Хотя кадастровые записи велись на арабском языке и арабскими чиновниками, армянское население было подвергнуто коллективной ответственности за выплату налогов наподобие той, которая была распространена в это время в Византии.

Таким образом, налоговую политику арабского халифата VII–VIII вв. условно можно разделить на три этапа. Переход от одного этапа к другому был связан прочностью положения арабов в том или ином регионе. Это позволило арабам первоначально стремительно завоевывать новые земли, а затем прочно удерживать эти земли под своей властью.

А. А. Белик (Харьков)

О САЛТОВСКО-ВЕНГЕРСКИХ КОНТАКТАХ в VIII в. ПО МАТЕРИАЛАМ ПОЯСНЫХ НАБОРОВ

В массиве салтовских поясных наборов выделяется группа находок, обладающих довольно специфическими признаками. Пряжки, в отличие от «классических» салтовских — цельнолитых, — представлены шарнирной конструкцией. Орнаментация их также весьма своеобразна: декорированные рамки; орнаментальные композиции на щитках, направленные от завершения щитков к шарнирам (а не наоборот, как на «классических» изделиях); бордюр на щитках, заключающий орнамент в своеобразную рамку. Простые бляшки, как правило, имеют не лотосовидную, а сердцевидную конфигурацию, причем орнамент «вписывается» не характерным салтовским способом — по направлению к заостренной части — а от нее. И они, и бляшки с кольцом отличаются от лотосовидных характерной особенностью — по низу их пластины идет выпуклый бордюр — имитация «классического» венгерского. Оформление оправ достаточно стандартно: обычно это три бутона либо округлолепестковых трилистника, расположенных в верхней части изделия. Ширина наконечников составляет около половины длины, они украшены рельефным орнаментом в виде стилизованного древа жизни, ярусы которого, обычно три, слагаются из трехчастных бутонов или же трилистников. Все изделия, как правило, украшены специфическим и легко узнаваемым декором, главными мотивами которого являются композиции из миниатюрных округлолепестковых трилистников или же бутонов. Существует два варианта изображения последних — с близкими к салтовской прорисовке «лотоса» вырезами, обозначающими кончики «боковых листьев», отходящих от приостренного «бутона»; и округлые, с гравированными кружками и отходящими от них дужками, обозначающими центральную часть цветка.

В литературе наборы данного стиля рассматриваются в качестве наиболее типичных для культуры. Однако если проанализировать стилистику большей части известных к настоящему времени салтовских гарнитуров, то станет очевидным, что доля рассматриваемых не превышает 8%. Остальные имеют в своей основе либо форму цветка («лотоса»), либо, судя по «лотосовидной» конфигурации, в которую вписаны бутоны, подобные вышеописанным, отражают симбиоз двух стилей, являясь, видимо, более поздними.

Основная масса стилистических аналогий происходит из раннесредневековых памятников Поволжья и Приуралья, отождествляемых специалистами с культурой венгров. Орнаментация наборов, в целом аналогичная «салтовской», отличается более тщательной прорисовкой бордюров из цепочек окружностей и вытянутых эллипсов, а сами детали наборов в 1,7–2 раза крупнее салтовских. Тождественные вещи в незначительном количестве были обнаружены и на салтовских могильниках, — например, в кат.

№ 33 Верхнесалтовского могильника раскопок А. М. Покровского. Было бы вполне логичным связать находки подобных гарнитуров с появлением венгров в легендарной Леведии в 830-х гг. Однако датированные солидами и дирхемами комплексы из Чистяково, Большетиганского, Мыдланьшайского и Нетайловского могильников указывают на вторую половину VIII–начало IX вв. как на наиболее вероятный период бытования наборов данного стиля, – причем как в Волго-Уралье, так и в Подонечье. Следовательно, можно констатировать единый для этих регионов стилистический горизонт, сформировавшийся не ранее конца VIII в.

Данный вывод свидетельствует о достаточно тесных контактах салтовского алано-болгарского населения и венгров еще до появления последних в Леведии. Этим вполне может объясняться неожиданный на первый взгляд союз данных народов в 1-й пол. IX в., зафиксированный в источниках. Сопоставление генезиса салтовских наборов и исторических реалий позволяет предположить, что и упадок торевтики салтовского Подонечья был связан с миграцией части местного населения (дружинников) совместно с венграми к Поднепровью, а затем и в область Ателькузу. Переселение могло быть обусловлено поражением кабаро-венгерского союза в противостоянии с центральным хазарским правительством в первую половину IX в.

В. Г. Бережанский (Киев)

ВОЕННОЕ ДЕЛО ХАЗАРСКОГО КАГАНАТА

Хазарский каганат был громадным и мощным государством, сумевшим на протяжении почти двух веков противостоять крупнейшим государствам того времени — Византийской империи и Арабскому халифату. Четкая внутренняя система налогообложения населения, эксплуатация путем дани подвластных племен, контроль транзитной торговли в западной части Великого шелкового пути и посредническая торговля между странами Запада и Востока стали источниками развитой экономики Хазарии, которая обеспечивала военную мощь каганата и делала его фактором этнополитической стабильности на юго-востоке Европы с середины VII до середины X в. Хазарское государство играло доминирующую роль в регионе. Каганат господствовал на обширной территории Восточной Европы, где многие народы в разное время и по-разному от него зависели. Ал. Масуди по этому поводу замечал, что ни один из царей востока в этой области не имел в IX регулярной армии, кроме царя хазар. Судя по данным Истахри, войско первоначально состояло из 12 тыс. чел., не получающих регулярного содержания или жалованья, но обязанных являться по первому требованию. В мирное время эти воины занимались своими делами, представляя таким образом род милиции. В дальнейшем постоянное войско сократилось до 10 тыс. чел., но зато часть его стала оплачиваться, тогда как остальные воины по-прежнему довольствовались военной добычей, из которой лучшее отбирал себе каган.

Состав хазарского войска был разноплеменным. Были в нем и русы, но главным образом оно состояло из тюрок-мусульман, переселившихся в Хазарию из местности, соседней с Хорезмом, вследствие войны и чумы. Это был сильный и храбрый народ, каган полностью полагался на них в своих военных мероприятиях. Согласно Ал. Масуди 7 тыс. хорошо вооруженных арсиев (ларсиев) — в нагрудниках, кольчугах, шлемах, с копьями и стрелами — входили в состав царского войска. Арсии служили царю хазар на определенных условиях, они выговорили себе полную свободу в отправлении религии, право не сражаться с единоверцами — мусульманами и иметь в качестве везира при царе своего представителя. Во время войны постоянное войско составляло ядро армии, образованной из отрядов, выставленных вассалами и союзниками хазар, и в ряде случаев достигавшей несколько десятков тысяч человек.

Численность и структуру войск Хазарского каганата в полной мере позволяют представить письменные источники. На раннем этапе (VII–1-я половина VIII в.) хазарское войско состояло исключительно из конницы и делилось на две части: первую часть составляла знать — тарханы, вторую — легковооруженное ополчение из рядовых хазар. Войсками командовал иногда сам каган, а чаще его заместитель — шад, отдельными отрядами управляли опытные тарханы. Численность тарханов была небольшой, однако это была грозная сила. В 630 г. во время похода в Армению трехтысячный отряд Чорпан-тархана разгромил десятитысячный персидский корпус Гогнана. Ал-Куфи сообщает, что в 708 г. в Дербенте находилась 1 тыс. тарханов, а в 737 г. против 120-тысячного арабского войска Мервана Хазар-тархан выступил с 4 тыс. «детей тарханов». Что касается численности всего войска данного периода, арабские источники, сообщают, вероятно, нереальные цифры (200 и 300 тыс.).

Организационно войско хазар было схоже со многими аналогичными в раннем средневековье. Состояло из двух частей, это была регулярная наемная армия, соединенная с феодальным ополчением. На Руси это были дружина и вои.

Войско каганата состояло из 10–12 тыс. всадников, находившихся на постоянной службе и на жалованьи, а также из выставлявшихся аристократами в виде вассальной повинности.

Родовое деление войска было аналогичным войску кочевых народов средневековья. Традиционно считается, что основу хазарского войска составляла легковооруженная конница. Это не совсем так. Как показывают изображения хазарских воинов и археологические находки, такая ситуация сохранялась лишь до начала VIII в., позднее основную роль играли тяжеловооруженные воины, которые также умели сражаться в пешем строю или на стенах крепостей. На северо-западной окраине каганата в состав хазарского войска также входили аланские отряды, которые на 70–75% состояли из вооруженной топорами и луками пехоты.

Гвардия каганата к концу IX в. состояла из 7–12 тыс. наемных отборных кавалеристов из Хорезма. Их называли ларсии или арсии (ларсии), они исповедовали ислам. Часть их составляла охрану кагана, они проживали в Итиле вместе с семьями. Начальником наемной гвардии в первой трети X в. был Ахмад. Все наемники были мусульманами. Масуди писал в 923 г.: «...Они доблестны и храбры и служат опорой царя в его войнах... Они садятся на коня вместе с царем, вооруженные луками, облаченные в панцири, шлемы и кольчуги. Среди них имеются и копейщики... Среди восточных царей... только хазарский царь имеет войска, получающие жалованье».

Плата этой уникальной на Востоке гвардии обеспечивалась высокими пошлинами на провозимые через Итиль товары. Именно гвардию из хорезмийских мусульман правители каганата использовали для борьбы с возвышающейся с каждым годом на западе Русью. Впрочем, до Киева от Итиля было более 1300 км, и едва ли была оправдана посылка отборных войск на такое расстояние. Задачей гвардии была прежде всего охрана правительства и с киевским войском она в основном вступала в борьбу только при приближении его к Итилю.

По свидетельству источников, хорезмийцы играли важную роль в политической и экономической жизни государства хазар. Они сосредотачивали в своих руках все командование войсками хазар. 12-тысячная гвардия Хазарии состояла в основном из хорезмийцев. Хорезмийцы принесли в каганат совершенную технику оборонительного строительства с применением новых строительных приемов (техника кладки стен; башни, отделенные от крепостных стен и пр.). Многие из хазарских крепостей VII–X вв. построены хорезмийцами. Хорезмийцы принесли с собой опыт высокой цивилизации в военном деле. Они имели самую передовую армию в то время. Крупнейший иудейский философ конца XI-XII вв. Иегуда Галеви писал в своей «Хазарской книге»: «Хазары победили своих врагов и завоевали разные страны и многочисленно стало их войско, дойдя до сотни тысяч».

В конце IX в. вследствие государственного переворота каган был устранен от реального управления войском беком. Его войсковым заместителем, как и прежде, оставался шад, однако, кто носил этот титул в IX-X вв. не ясно. Основой войска оставались все те же конные тарханы. Арабские историки сообщают о их специальном содержании, вследствие чего в литературе его часто называют дружинным или наемным. Ситуацию проясняет Ибн Русте: царь-заступник — «иша» (шад) — обязал богатых людей поставлять всадников сообразно их имуществу; когда шад выступал, его всегда сопровождало 10 тыс. всадников в полном вооружении со знаменами, копьями и в крепкой броне, из числа тех, кому платит содержание он, и из числа тех, кого выставляют богатые люди.

Таким образом, Хазарскому каганату была присуща обычная феодальная организация войска, хорошо известная средневековой Европе. Хазарское войско состояло из личных дружин бека и шада, отрядов богатых тарханов и тарханов, которые выступали только с несколькими воинами-слугами. Реальная численность такого войска за счет легковооруженных воинов-слуг возрастала в несколько раз. В случае необходимости проводилась и мобилизация рядового населения и подчиненных народов. По сведениям арабских источников, хазары дополнительно могли использовать 7 тыс. конных воинов — мусульман с полным вооружением из Итиля, 10 тыс. преимущественно пеших буртасов, 20 тыс. конного войска волжских булгар, а также некоторое время, очевидно, и 20 тыс. мадьярской конницы. Данных об использовании отрядов восточных славян и алан нет, в то же время существуют упоминания об использовании печенегов и гузов, а также о том, что на службе у хазар были и варяги. В целом, по таким подсчетам, во времена расцвета Хазарский каганат мог реально опираться на вооруженные силы численностью до 100 тыс. человек. Представляет интерес сообщение Моисея Каганкатваци о том, что в хазарском войске была в употреблении и славянская речь.

Будучи вынуждены вести постоянные войны с соседями для защиты своих границ и для выполнения своих политических планов, хазары имели хорошо организованное и вооруженное войско. Кроме гвардии самого кагана, в распоряжении правительства было всегда 10 тыс. всадников, снабженных знаменами, копьями, топорами, луками, саблями и бронями. Часть его состояла из постоянных наемных войск, получивших жалованье от хана-бека. Кроме того, все зажиточные и богатые люди, сообразно с количеством своего имущества и успешностью промыслов, должны были поставлять известное количество всадников. Это была государственная повинность.

С. Г. Бочаров (Симферополь)

ЗАМЕТКИ ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ ГЕНУЭЗСКОЙ ГАЗАРИИ XIV–XV веков

Границы владений Генуэзской республики в средневековой Таврике и точное месторасположение, планировка, датировка факторий, отдельных замков, и селений до сих пор являются спорными вопросами. Приступая к работе (основанной на сопоставлении данных письменных, картографических и археологических источников) по локализации поселений Крымского полуострова, находившихся под юрисдикцией генуэзской колониальной администрации, необходимо начать с центра этих владений — Кафы. И если территориальные рамки предложены для капитанства Готии, Солдайского и Чембальского консульств (Бертье-Делагард, 1920), то размеры собственно Каффийской сельской периферии и объекты, расположенные на ней, оставались без специального исследования.

Эта территория протянулась вдоль восточного побережья Крыма с северо-востока на юго-запад, на расстояние около 30 км и вглубь полуострова на 3–7 км. На севере и северо-западе округа Каффы граничила с Крымским Улусом Золотой Орды. Здесь показатель разграничения территории — золотоордынские поселения XIV–XV вв. Видимо на севере граница проходила по реке Байбуга, ее фиксировало поселение на левом берегу реки (Айбабина, 1998, 7–13), далее, на северо-запад, вдоль северных склонов г. Тепе-Оба, где находилось поселение Эрико и оттуда — к восточной оконечности г. Узун-Сырт, где располагается одноименное поселение (Гаврилов 2000, 46), потом по Наниковской котловине до поселения Бараколь, по урочищу Казаул (поселение Армутлук). На юго-востоке каффинская округа граничила с консульством Солдайским (крайний восточный пункт которого — селение Козы), видимо, по линии — гора Чукур-Кая — хребет Чалки.

В современном географическом описании эта территория представляет собой восточную оконечность Главной гряды Крымских гор с тремя основными долинами: Двухякорной, Коктебельской и Отузской (первую и вторую разделяет хребет Биюк-Янышар, вторую и третью — горный массив Карадаг), и бухтами: Двухякорной, Провато, Тихой, Коктебельской и Отузской.

В границах округи Каффы удалось определить расположение нескольких объектов. Селение Провато (Provato) (1356–1357, 1385 гг. Карпов, 1994. 65) — западная оконечность побережья Двухякорной бухты, на «Плане г. Кафы... с окружною ситуацию 1784 г.» селение отмечено как разоренная армянская деревня Теийя (Текия) с исправным фонтаном. Разведочные раскопки поселения проведены в 1998 г. (Айбабина, Бочаров 2001). Армянский монастырь с церковью «во имя Иоанна Предтечи» (Айвазовский Г. 1846. 523) — на восточном склоне хребта Биюк-Янышар, его систематические археологические исследования проводятся с 1998 г. (Айбабина, Бочаров 2001). Селение у западной оконечности Тихой бухты, возможно известно по Венецианским письменным источникам как стоянка у мыса св. Иоанна (современное название этого мыса Киик-Атлама) (1396, 1397, 1399, 1433 гг. Карпов 1994. 65); разведочные раскопки проведены в 2000 г. (Айбабина, Бочаров 2001). Селение Посидима (Possidima) на восточном склоне холма Тепсень — у западной оконечности Коктебельской бухты. Археологические исследования на поселении и могильнике были проведены в 1957–1960 гг. (Фронджуло 1968. 101–107). Греческий монастырь св. Петра (1366 г. Miklosich, Mьller 1860, 1. 486–487) — на юго-восточном склоне горы Святой массива Карадаг (Кеппен 1834. л. 179–179 об.). Армянское селение, названое на русских картах последней трети XVIII века как Падилкой или Карадаг с церковью св. Георгия (Кеппен 1834. л. 180 об. — 181; Айвазовский 1846. 528); из храма происходят две надписи, датированные 1401 и 1487 гг. (Айвазовский 1867. 330–331). Греческий монастырь св. Георгия (1395 г. Miklosich, Mьller 1860, 11. 70–71), расположен на западном склоне горы Коз-Теке массива Карадаг, в верховьях урочища Монастырчик (Кеппен 1834. л.79 об. — 80 об.; Dubois de Montperux 1843. л.27). Селение Отузы (Otuzii) (1328 г. Акчокраклы 1927. 17; 1461 г. Desimoni, Belgrano 1867. 255) — южная окраина пгт. Щебетовка. Селение Калиера (Caliera) — левый берег устья реки Отуз. Замок Калиера — холм Кордон-Оба в центральной части побережья Отузской бухты; археологические исследования замка проводились в 1928–1929 гг. (Барсамов 1929. 165–169).

Когда же данная территория перешла под юрисдикцию Генуэзской республики и как она называлась? В 1356 г. в Провато разрешается приезжать венецианским торговцам, что видимо свидетельствует о желании Венеции устроить там факторию (DVL. II. 24. № 14; Григорьев, Григорьев, 1998. 156–157). В 1358 г. наместником Солхата Кутлуг Тимуром были подтверждены права венецианцев на Провато и разрешено использование гаваней Калитра (Калиера) и Солдайя (DVL. II. 51. № 25; Григорьев, 1994. 30). Возможно, что Провато и Калиера попали в зависимость от Каффы одновременно с захватом Солдайи в 1365 г. (Balard 1978. 161), затем в начале 80-х гг. XIV века во время конфликтной ситуации с Крымским улусом Золотой Орды эта территория возвращается под протекторат Солхата, о чем свидетель-

ствует десятидневная стоянка венецианских галей в Провато в 1382 г. (Карпов 1994. 65), и была окончательно закреплена за коммуной Каффы после окончания Солхатской войны в 1387 г. (Basso 1991. 15). О пристальном внимании генуэзской колониальной администрации к этому региону говорит тот факт, что для закрытия доступа к морю у селения Отузы и контроля над гаванью Калиера в конце XIV в. здесь строится единственный в Восточном Крыму замок (помимо замка братьев Гуаско — Lo Taxilli — Чобан-Куле, который возводился не коммуной Каффы). Возможно, топоним Кампания Каффы относился именно к округе, обозначенной нами, основные ее объекты располагались между городом и Отузами.

П. Г. Волченко (Донецк)

ВООРУЖЕНИЕ МОНГОЛЬСКИХ ВОЙСК В СЕРЕДИНЕ XIII века

Прежде всего стоит сказать, что до сравнительно недавнего времени господствовало мнение, что могольская армия состояла преимущественно (если не исключительно) из легкой конницы, вооруженной преимущественно луками и кривыми саблями. В определенной степени это оправдывается тем, что находки предметов вооружения, относящихся к монголо-татарам, практически единичны не только на территории Украины, но за ее пределами. Источники же письменные — вещь довольно специфическая по своему характеру, а, кроме того, описания вооружения есть далеко не в каждом. Наличествующие же (например, записки Плано Карпини) имеют такой характер, что восстановить что-либо по их описаниям довольно проблематично.

Из того же, что все-таки имеется, можно выстроить примерно следующую картину:

Оружие: **Клинковое**: мечи (находки единичны). Преимущественно это однолезвийные клинки с незначительным изгибом в сторону обуха в последней от перекрестья трети или четверти. Такие клинки можно уверенно отнести к палашам. Перекрестья двух типов — прямые и круглые, съемные цубы — явное заимствование из Китая.

Древковое: Копья – с листовидными наконечниками. Топор найден только один, проушной, размером 16 х 14 см, древко не сохранилось.

Дистанционного боя: более двух десятков видов простых и сложносоставных луков, различающихся накладками.

Колчаны берестяные, к крышкой-клапаном. Наконечники стрел: 1. Костяные; 2. Железные.

1. Для поражения незадоспешенного противника: а) с широкой передней частью, часто имеющей вид выгнутой или вогнутой дуги; б) трех-, четырехлопастные, имеющие в сечении звездообразную форму. Иногда попадаются стрелы со смещенным центром тяжести. 2. Для пробивания доспехов — тяжелые трех-, четырехгранные стрелы или имеющие в рабочей части вид отвертки. Стрелы группы 2, как правило, втульчатые.

Доспехи. Целых доспехов до сих пор не обнаружено. Известна типология шлемов, но со смежных территорий и несколько более ранние — например, шлем киданьский — сфероконический, склепанный из четырех треугольных пластин, скрепленных по месту соединения накладками и горизонтальным обручем, наносником и шишаком. По реконструкции Горелика тяжело вооруженные воины имели полусферический шлем с козырьком и пластинчатой бармицей. Найден также один сфероконический шлем, склепанный из двух полусфер, скрепленных горизонтальными накладками по нижнему краю и накладкой по стыку. Шлем имел небольшой назатыльник и надбровные вырезы на горизонтальных накладках.

Что касается защиты корпуса, то, судя по всему, все кочевники Забайкалья, Керулена, Онона и т.д. имели однотипный доспех, набранный их небольших (в пределах 8х7 см) пластин, из которых набирались с помощью кожаных ремешков в ряды, крепившиеся между собой на кожаной же основе. Точно так же набирались оплечья, крепившиеся к верхней части доспеха и закрывавшие руки до локтя и нижняя часть доспеха — имевшая разрез спереди, и закрывавшая ноги только спереди и с боков — специфика конницы.

А. Г. Герцен, Н. А. Алексеенко (Севастополь)

ВИЗАНТИЙСКИЕ МОЛИВДОВУЛЫ ИЗ РАСКОПОК МАНГУП-КАЛЕ

В проблеме исторической интерпретации укрепленных средневековых поселений Юго-Западной Таврики особое внимание привлекает вопрос о начальном этапе их существования. Ключевым памятником для данной темы, несомненно, является крепость Дорос на плато горы Мангуп. Многолетние полевые исследования в сочетании с анализом известных письменных источников показали, что поселение здесь начинает формироваться в первых веках н. э. Как правило находки раннесредневекового периода представлены позднеантичной керамикой в сочетании с бронзовыми монетами, образующими почти непрерывный ряд от начала IV до середины VII в. Строительство системы укреплений начинается приблизительно в 50–60 гг. VI в.

Но уже к концу правления Юстиниана I Византия не имела возможности содержать крепости на своем дальнем пограничье, и эта обязанность перекладывалась на местные власти. Ситуация еще более ухудшилась во второй половине VII в., когда государству ромеев пришлось бороться с натиском арабов, практически поставивших империю на край гибели. Впрочем, судя по археологическим данным и свидетельствам письменных источников, связи Юго-Западной Таврики с Византией не прерывались, благодаря близости Херсона и сохранению угрозы вторжений кочевников.

Как известно история раннесредневекового Мангупа, базируется в основном на немногочисленных письменных источниках и материалах, полученных в результате археологических исследований крепости за последнюю четверть века. И хотя все источники вполне отчетливо демонстрировали ранневизантийский облик раннесредневекового Дороса и указывали на включение его в зону политического, военного и экономического влияния Византии, тем не менее, были желательны более весомые доказательства непосредственного участия византийской администрации в регулировании внутренней жизни крепости и контролируемого ею района. О том, что византийское правительство находило возможность финансировать содержание крепости, а также контролировать в этом районе торгово-экономическую ситуацию, свидетельствует новые археологические находки.

В сезоне 2000 года впервые в истории исследования Мангупской крепости были найдены две свинцовые подвесные печати — моливдовулы. Одна из них была обнаружена при раскопках на территории некрополя так называемого «Храма Богородицы». Хотя печать была обнаружена в слое, содержащем разновременные находки, тем не менее, она явно принадлежит к выявленному здесь нижележащему наскальному слою, содержавшему только артефакты позднеантичного и раннесредневекового времени. К сожалению, печать очень плохой сохранности и не поддается точному определению. Следует отметить, что, судя по сохранившимся на лицевой стороне остаткам изображения процветшего креста, она относится к X в. В случае точности нашей датировки, данный моливдовул подтверждает предположение о включении крепости после хазарского периода в состав фемы Херсон.

Вторая печать была обнаружена под северо-западным обрывом мыса Тешкли-бурун, при визуальном обследовании этого участка плато. На поверхности мыса расположена цитадель города Феодоро, сформировавшаяся около середины XIV в. Однако, до ее возведения на площадке мыса существовала застройка более раннего времени. Строительство, а затем и реконструкция цитадели в начале XV в. сопровождались ломкой камня и удалением культурного слоя, который сбрасывался к подножию обрывов. Скорее всего, найденная печать происходит из такого сброса.

В отличие от первой вторая печать являет собой пример прекрасного сфрагистического памятника ранневизантийской эпохи. Исходя из надписи, владельцем моливдовула был императорский логофет, патрикий Дорофей. Использованный сфрагистический тип и характерные особенности шрифта свидетельствуют о принадлежности памятника ко второй половине VI–VII вв. Высокий придворный ранг нашего владельца, несомненно свидетельствует о его принадлежности к высшим слоям византийского общества. К сожалению, сокращенное наименование должности несколько затрудняет атрибуцию печати и поиск данных о владельце. Между тем анализ источников, свидетельствующих о создании соответствующих логофессий в структуре ранневизантийской администрации, дает основания полагать, что наиболее вероятно, владелец нашей печати являлся главным логофетом.

В памятниках сфрагистики должность логофета прослеживается на одной из печатей уже в конце VI в. и двух — начала VII в. (623 и 626 гг.). Некоторое время логофет геникона не упоминается и вновь появляется лишь в последнем десятилетии VII в. Причем, с этого времени наименование должности, как правило пишется полностью. Вероятно, в силу тех же причин на нашем экземпляре, приводится именно сокращенная форма должности. Таким образом, нашу печать следует датировать в пределах первой половины VII в. Более вероятна, вторая четверть столетия.

Следует отметить, что имя Дорофей достаточно редко встречается на византийских печатях. Известны лишь несколько моливдовулов этого периода, принадлежащих одноименному чиновнику: иллюстриосу (VI–VII вв.), хартулярию (VI–VII вв.), апо ипату (VI–VII вв.), патрикию (VII в.), патрикию и стратигу Сицилии (середина VII в.). Все они очень близки по стилю. На наш взгляд не исключено, что последние из них с титулом патрикий вполне могли бы принадлежать владельцу нашей печати. В этом случае мы имели бы пример служебной карьеры византийского чиновника. Примечательно то, что патрикий Дорофей фигурирует в письменных источниках в правление Константа II (641–668). Будучи стратигом Сицилии, он выступал свидетелем на процессе над папой Мартином в 654 г. В связи с нашей находкой интересно замечание W. Ensslin, считавшего, что патрициат Дорофея не был связан с должностью стратига фемы, а имеет иные причины. По-видимому, нельзя не согласиться с мнением В. Лорана, что в бытность свою логофетом Дорофей получил новое назначение и был направлен стратигом на юг в одну из стратегически

важных фем империи в критический момент для истории Византии. Как известно, именно с пятидесятых годов VII в. арабские суда начинают нападения на византийские владения в Средиземноморье, захватывают многие морские базы и доходят вплоть до Сицилии.

Наша же находка относится к периоду непосредственно предшествующему этим событиям. С чем было связано послание Дорофея нам, очевидно, никогда не удастся узнать. Тем не менее, отправка в Крым корреспонденции высшего чиновника главного финансового управления империи говорит уже сама за себя. Напомним, что для соседнего Херсона печати логофетов геникона явление весьма обычное.

Находка же печати логофета на территории Мангупской крепости, безусловно, не только констатирует факт взаимоотношений местных властей с византийской администрацией, но и очерчивает определенный круг интересов последней, связанный, надо полагать, с экспортно-импортными операциями и податно-налоговой политикой Византии в первой половине VII столетия.

А. Н. Домановский (Харьков)

ГОСУДАРСТВО И ОПТОВАЯ ТОРГОВЛЯ ПРОДОВОЛЬСТВИЕМ В ВИЗАНТИИ VIII–X вв.: СКРЫТЫЕ МЕХАНИЗМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Современные исследователи неоднократно отмечали, что одним из определяющих элементов экономической и социальной политики византийского государства в области торговли продовольствием была жёсткая регламентация деятельности торговых систим, продававших продукты питания в розницу. Одним из её проявлений, согласно Книге Эпарха, было установление фиксированной нормы прибыли для розничных торговцев – членов корпораций – и контроль за назначенной ценой [XIII,5; XV,2; XVII,1,4; XVIII,1,4; XIX,1]. В то же время крупные торговцы-оптовики не были ограничены никакими предписаниями и могли устанавливать цену по собственному произволу, сообразуясь лишь с рыночной конъюнктурой. Более того, государство всячески подчёркивало независимость последних при ведении деловых операций. Так, согласно Дигестам [XVIII,1,71], положение которых в точности повторено в Василиках [LIII,7,1], никто из виноторговцев-оптовиков «не принуждается продавать, если он не согласен с ценой или мерой». Такая же ситуация прослеживается и в области торговли мясом, зерном, рыбой.

Очевидно, что стремление государства ограничить размеры кердоса розничных торговцев продовольствием, отражало интересы покупателей. В возможно более низких ценах на основные продукты питания, продаваемые в розницу, были заинтересованы также торговцы-оптовики, поскольку при высоком проценте прибыли членов торговых систим продовольствие стало бы более дорогим, что могло привести к снижению уровня спроса на него.

Естественно, такая система организации продажи продовольствия, когда администрация контролировала розничную торговлю через корпорации и не делала ничего для контроля за оптовыми поставщиками сельскохозяйственной продукции связана до некоторой степени с тем, что было гораздо легче регулировать деятельность изначально организованных систим, чем налаживать контроль за широкомасштабными оптовыми поставками продовольствия. Кроме того, действуя подобным образом, государственная администрация проводила определённую социальную политику, идя навстречу интересам горожан и торговцев-оптовиков, и ущемляя членов торговых систим.

Впрочем, укоренившееся мнение о том, что в Византии последовательно проводилась политика наибольшего благоприятствования деятельности оптовых торговцев продовольствием и притеснения членов торговых корпораций имеет явно поверхностный характер. Нельзя не заметить, что, поддерживая крупных купцов на законодательном уровне явно, государство исподволь создавало возможности ограничения их притязаний. Прежде всего, для членов торговых объединений была оставлена возможность выхода из описанного затруднительного, полностью подконтрольного положения, которая, на первый взгляд, не вела к значительному нарушению прав и интересов торговцев-оптовиков. Наиболее явно такая возможность просматривается в предписаниях Книги Эпарха относительно корпорации макелариев, члены которой, не имея права покупать животных в пригороде Константинополя, могли несколько повысить свою прибыль, покупая скот за рекой Сангарий в Вифинии. В этом случае «можно было дешевле купить скот и... должная прибыль шла мяснику, а не продавцам скота»[XV,3]. Таким образом, выполняя данное предписание Книги Эпарха, макеларии получали возможность извлечь дополнительный кердос и соблюсти свои экономические интересы. Кроме того, государство, вводя такие правила торговли, добивалось снижения цены на скот: во-первых, в пригородах Константинополя предотвращалась конкуренция покупателей, неизбежно ведущая к росту цен; во-вторых, за счёт поездок в столь отдалённые местности, откуда скот мог

попасть и на другие рынки, достигалось увеличение количества убойного скота на рынках столицы, что снижало его стоимость. Безусловно, это не было в интересах оптовых торговцев, стремившихся к установлению возможно более высоких цен на свой товар.

В ещё большей степени снижение цен на продукты питания достигалось за счёт налогообложения крестьян, обязанных платить государственные подати в денежной форме. Чтобы заработать деньги, они вынуждены были в массовом порядке продавать в города сельскохозяйственную продукцию, что вело к значительному падению цен на неё. Именно так произошло во время правления Константина V Копронима (718–775 гг.), когда крестьяне наводнили рынок зерном, значительно снизив его стоимость: по свидетельству константинопольского патриарха Никифора, цена хлеба упала до 60 модиев за номисму. Это неминуемо ударило по интересам купцов-оптовиков.

Таким образом, не регламентируя деятельность оптовых торговцев продовольствием прямо, государство всё же могло влиять на установление ими цен на свой товар путём создания условий, определявших рыночную конъюнктуру. Как представляется, в данном случае мы имеем дело со сложной системой сознательных правовых мер, утончённой социальной демагогией, удачно маскировавшей истинную государственную политику.

С. В. Дьячков (Харьков)

РАСКОПКИ «КОНСУЛЬСКОЙ ЦЕРКВИ» В ЧЕМБАЛО в 1999–2000 гг.

Генуэзская крепость Чембало расположена на южной окраине Балаклавы у входа в Балаклавскую бухту. История генуэзской колонии и крепости Чембало XIV–XV вв. эпизодически освещена в памятниках лапидарной эпиграфики, а также в других письменных источниках известных специалистам. Описания и планы-схемы крепости были составлены еще в XIX веке. Однако первые раскопки на территории Чембало были проведены только в 1991 году. Полностью отсутствуют археологические данные о догенуэзском периоде истории Чембало.

Объединенная археологическая экспедиция Национального заповедника «Херсонес Таврический» и Харьковского национального университета начала изыскания на территории Чембало с так называемой «консульской церкви», расположенной в черте Верхнего города (город св. Николая). Анализ подъемного нумизматического материала показал перспективность работ именно на этом участке Чембало.

«Консульская церковь», вероятно, входила в комплекс сооружений «консульского замка». Церковь возведена на западном склоне замковой горы на высоте 45 м над уровнем моря. Этот прямоугольный в плане одноабсидный храм с притвором ориентирован на юго-восток. Размеры внутренней части церкви (без учета толщины стен) составляют 6,1х11,5 м.

В 1999–2000 гг. работы велись в апсиде, центральной части храма, а также в помещениях 1 и 2, расположенных у северо-восточной стены церкви. «Консульская церковь» была сооружена из местного, грубо обработанного диоритового камня, скрепленного известняковым раствором. Внутренние плоскости стен были покрыты известковой штукатуркой. Визуальный осмотр показывает, что, наряду с местным камнем, в кладку стен были уложены известняковые, хорошо обработанные блоки правильной прямоугольной формы. Аналогичный строительный материал применялся в сооружениях Херсонеса римского времени.

В западной части апсиды было обнаружено трехъярусное захоронение пяти мужчин и одной женщины в грунтовой могиле прямоугольной формы. Останки покойных лежали один над другим в три яруса. Найдены следы двух домовин. Анатомический порядок костяков, лежавших в вытянутом положении на спине, был нарушен. Погребальный инвентарь не обнаружен. Особенности захоронения позволяют полагать, что оно было произведено в период XVI–XVII вв., уже после гибели храма.

В центральной части храма была удалена каменная вымостка пола. Она состояла из известняковых блоков прямоугольной формы (всего снято более 90 камней). Тщательно отшлифованные плиты имели специальные отверстия и «полочки» для крепления в кладке. В пол были уложены крупные фрагменты трех известняковых колонн, с плоскими боками. Выпуклые части колонн украшены врезным орнаментом в «елочку». Среди камней пола найдена также известняковая обкладка стрельчатого (ланцевидного) окна. Аналогии подобных строительных деталей в Херсонесе и его округе не известны. Комплекс находок архитектурных деталей позволяет полагать, что в этой части города св. Николая до возведения церкви находилось монументальное сооружение, вероятно, замкового типа, частично возведенное из привозного материала.

Это наблюдение подтверждают также остатки стены, обнаруженные под подсыпкой вымостки (сохранившаяся длина – 4,5 м; толщина – 1,1 м). Ее остатки пересекают церковь поперек. Уцелело один-два ряда двухслойной кладки из местного камня, скрепленного известняковым

раствором. Особенно интересны остатки раствора, сохранившие следы камней правильной формы, уложенных на него. Остатки стены показывают, что ее лицевая часть была обращена к северу (в сторону современной Балаклавы).

Помещение 1 расположено у восточного угла храма и примыкает к его северо-восточной стене. Помещение имеет почти квадратную в плане форму (со стороной около 4 м) и толщиной стен до 0,8 м. Возможно, помещение 1 было связано со строением, стена которого обнаружена в центральной части церкви под плитами вымостки. Таким образом, это помещение было сооружено в строительный период, предшествовавший появлению «консульской церкви». При строительстве последней, помещение 1 было перестроено и вошло в комплекс сооружений храма, возможно в качестве дарохранительницы.

Под камнями вымостки непосредственно на скале были обнаружены останки трех детей. Выявлены части скелетов младенца (до года), а также девочки и мальчика (3–6 лет). Среди костей и раздавленных черепов найдено несколько жемчужных бусин, медная серьга, колечко. Голову девочки украшала тонкая лента (ширина – 1,1 см), сплетенная из тончайшей серебряной нити.

Основную часть находок при раскопках «консульской церкви» составляют обломки и измельченные фрагменты керамики, которая датируется от середины V до XVII вв. Однако значительно преобладают фрагменты посуды середины XIV–XVI вв. Анализ находок и стратиграфии участка позволяет предположительно считать этот период временем функционирования «консульской церкви».

Среди других находок необходимо выделить два обломка известняковых камней с остатками надписей. В правом углу известняковой плиты уцелели две буквы латинской надписи: O и M (?). На фрагменте другой плиты (из того же материала), сохранилась нижняя часть глубоко вырезанной литеры O. Позднее, на этом же камне тонкими линиями было процарапано граффито в виде «иерусалимского» креста и нескольких греческих букв.

Таким образом, результаты раскопок «консульской церкви» в 1999–2000 гг. показывают перспективность изучения данного участка города св. Николая. Не исключено, что дальнейшие раскопки позволят выделить различные периоды строительной истории Чембало, а также, возможно, слои и строительные комплексы догенуэзского времени.

А. Дягилев (Екатеринбург)

РУСЬ И ДЕШТ-И-КИПЧАК: НАПРАВЛЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ X – нач. XVI в.

Проблема освоения лесостепных и степных территорий остро стояла перед восточными славянами и тюркскими племенами уже со времен раннего средневековья. Периоды прилива орд кочевников (преимущественно тюрков) из Азии сменялись миграцией восточных славян на пространство степей Сев. Причерноморья. Успехи этнической колонизации во многом зависели от развития военно-политической ситуации в регионе. Так, победы киевского князя Святослава над Хазарским каганатом в 965–967 гг. позволили почти на полтора столетия закрепиться выходцам из Киевской Руси в среднем течении Дона (Белая Вежа) и образовать Тмутараканское княжество. Данное направление расселения славян в «Диком поле» было подкреплено победами тмутараканско-черниговского князя Мстислава Владимировича в перв. тр. XI в. Однако уже в сер. XI в. успехи славянской колонизации были сведены на нет новой волной кочевников из Азии – племенами кипчаков-половцев. Анклавы Белая Вежа, Тмутаракань и Корчев какое-то время еще продолжали существовать, поддерживаемые черниговскими князьями, имевшими «особые» отношения с некоторыми половецкими племенами. Но и они на руб. XI–XII столетий прекратили свое существование.[1]

Предпосылки для освоения степей и повторного прихода на недавно утраченные территории были заложены новыми успехами войск южнорусских князей в перв. четв. XII в. Источники отмечают массовый исход половцев за Дон и Волгу в этот период.[2] Однако последовавший в 1132–1136 гг. окончательный распад Киевской Руси привел к потере ранее достигнутых позиций и исключил реальную возможность борьбы за степное пространство. Походы в Половецкое поле кон. 60-х и сер. 80-х гг. XII в. уже не имели значительных последствий. Наблюдалась картина этнического освоения тюркоязычными племенами всего Дешт-и-Кипчака и почти полного вытеснения отсюда славянского населения.

Дискуссионный вопрос о «бродниках» на Дону получил перспективное развитие в направлении идентификации последних с жителями славянских анклавов на самых окраинах Половецкого поля. Это места расселения уличей, тиверцев и галицких выгонцев в низовьях Дуная, Днестра, Прута и Сирета[3], а также славянские поселения в некоторых районах Сев. Кавказа[4]. Первый анклав, по всей видимости, значительно пострадал в 1241–1242 гг., когда в нижнем Подунавье стояли войска Батыя. В последующее время славяне здесь смешались с

пришлыми валахами, участвуя в этногенезе молдавского народа. Что касается второго анклава, то его население, надо полагать, сохранило свое существование в период образования Золотой Орды. Вопрос о том, являлись ли его жители прямыми предшественниками гребенских и терских казаков, еще подлежит изучению.

Соседствующая с Дешт-и-Кипчаком лесостепная зона, издревле заселенная вост. славянами, также получила прилив тюркоязычного населения. В период половецкого натиска это направление этнической колонизации заключалось в расселении на окраинах южнорусских княжеств племен т. н. «черных клобуков» (печенеги, берендеи, торки). Данная тенденция примечательна своим сходством с практикой обороны границ от варваров в Римской империи, а также с последующей службой выходцев из Золотой Орды в Литве и Московской Руси. Военно-политическое подчинение «черных клобуков» русским князьям было основным условием для выделения им территорий в лесостепной полосе. Эти земли с момента завершения завоевания монголами Дешт-и-Кипчака и покорения Руси вошли в состав Золотой Орды, пока не были отвоеваны литовскими князьями.

Следует отметить, что ареал расселения тюркоязычных народов, ставших основой населения «улуса Джучи», в ряде направлений значительно расширился на север[5]. Большое значение в этом играла способность местных правителей противостоять захватчикам, претендовавшим на земли, пригодные для кочевого скотоводства. Если галицко-волынским князьям это удалось, то южные территории Киевского, Переяславского, Рязанского княжеств, а также междуречье верховий Оки и Дона были заняты татарами. В 1283–1284 гг. курские князья воспрепятствовали попытке баскака Ахмада обосноваться в их землях. Несмотря на угрозу карательных акций со стороны ордынцев, построенные последним две слободы были разрушены[6]. В то же время на захваченных джучидами южнорусских территориях продолжало находиться славянское население (Елецкое княж., Бакота, болоховская земля).

В собственно Дешт-и-Кипчаке в сер. XIII – сер. XIV вв. появились славянские поселения (перевозы на Дону и Волге, селения на Сев. Кавказе, кварталы золотоордынских городов),[7] однако в годы «замятни» 60-х–70-х гг. XIV в. и погрома войсками Тимура в 1395–1396 гг. большая часть их жителей покинула Золотую Орду.[8] В периоды дестабилизации и междоусобиц в Орде также наблюдается миграция татарского населения в Литовское вел. княжество и княжества Сев.- Вост. Руси – для поступления на службу к местным князьям. В то же время осуществлялись попытки захватов ордынскими феодалами пограничных «украинных» русских территорий (Белев в 1437 г.; Рязань в 1443/1444 гг., северщину в нач. XVI в.).

Со стороны восточнославянских земель этническая миграция проявилась в таких событиях, как походы ушкуйников по Волге и Каме, а также литовских князей вдоль течения Южн. Буга и Днепра. Однако эти кратковременные успехи были сведены на нет в период стабилизации положения в Золотой Орде. В последствии, во вт. пол. XV в., главным препятствием для заселения вост. славянами Дешт-и-Кипчака стало существование Большой Орды. Хотя случаи ухода в степи (т. н. «молодечество») наблюдались и в кон. XV в., реальные предпосылки для их освоения выходцами из Украины и России возникли только с падением Большой Орды в 1502 г.

Крымские ханы, провозгласив себя преемниками сарайских правителей, на деле не смогли воспрепятствовать экспансии «авангарда» восточнославянской этнической колонизации – казачества Запорожья, Дона и Волги.

Примечания:

1 ПСРЛ. Т. II. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1962. С. 285.

2 ПСРЛ. Т. I. Л.: Изд-во АН СССР, 1926. С. 292.

3 Волынкин Н. М. Предшественники казачества – бродники//Вестник ЛГУ. 1949. №.8. С. 58 – 59; Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII – XIV вв. М.: Наука, 1985. С. 33.

4 Волынкин Н. М. Предшественники казачества... С. 61; Голованова С. А. Русские нательные кресты XII–XV вв. в Предкавказье – источник связей с Вост. Европой. В кн.: Сев. Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII – XVI вв. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1989. С. 119–120.

5 Егоров В. Л. Историческая география... С. 36 – 43. (Мнение автора о «буферных зонах» как лишь административно подчиненных ордынцам территориях со славянским населением, представляется нам спорным).

6 ПСРЛ. Т.I. Л., 1926. С. 481–482; Полубояринова М. Д. Русские люди в Золотой Орде. М.: Наука, 1978. С. 42–43; Егоров В. Л. Указ. соч. С. 39–40, 184. Ср.: Насонов А. Н. Монголы и Русь. М., 1940. С. 17.

7 Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 109–110, 118, 143 и др.; Полубояринова М. Д. Русские люди в Золотой Орде... (Монография полностью посвящена данному вопросу); Егоров В. Л. Указ. соч. С. 110, 115; Голованова С. А. Русские нательные кресты... С. 119–120; Королев В. Н. К вопросу о славяно-русском населении на Дону в XIII–XVI вв. В кн.: Сев. Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада ... Ростов-на-Дону, 1989. С. 122–126.

8 Полубояринова М. Д. Указ. соч. С. 55, 95, 102–103; Егоров В. Л. Указ. соч. С. 53, 77–78; Королев В. Н. К вопросу о славяно-русском населении... С. 123, 126.

А. А. Иванов (Ростов-на-Дону)

К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРНО-ЭТНИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ПОГРЕБЕНИЙ ИЗ КУРГАНОВ С РОВИКАМИ ПО ДАННЫМ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА

В последние десятилетия на Нижнем Дону и в Волго-Донском междуречье исследована значительная серия кочевнических захоронений второй половины VII–первой половины IX вв., совершавшихся в курганах с ровиками. Большинством исследователей они связываются с кочевниками тюркоязычного происхождения, с достаточной долей вероятности с самими хазарами. Для решения вопроса о месте этого населения в сложной этнической структуре Хазарского каганата приобретает значимость анализ погребального обряда этих памятников с целью выделения признаков, характеризующих культурные особенности данной группы кочевнических памятников.

Представляется, что для культурной характеристики данной группы погребальных памятников необходимо выделить наиболее характерные и наиболее значимые признаки погребального обряда. Отметим, что в отношении памятников Нижнего Поволжья и Волго-Донского междуречья подобная процедура была предпринята Е. В. Круговым. В данном случае предпринята попытка выделения признаков-индикаторов на основе выборки, учитывающей материалы Нижней Волги, Волго-Донского междуречья и Нижнего Дона. Для вычленения признаков-индикаторов, учитывалась частота встречаемости того или иного признака в выборке, выраженная в процентном соотношении.

В результате анализа погребального обряда более чем 120 раннесредневековых памятников круга курганов с ровиками были выделены признаки-индикаторы, по нашему мнению характеризующие погребальный обряд данной группы памятников:

1) сооружение индивидуальной курганной насыпи над погребением; 2) сооружение площадки окруженной ровиками; 3) основной вариант планировки ровика — квадратный с перемычками по углам; 4) подсыпка площадки окруженной ровиками; 5) присутствие остатков тризны в ровиках; 6) ведущий тип могильного сооружения яма с подбоем и ступенькой; 7) ориентировка подбоя с южной стороны; 8) западная ориентировка погребенного; 9) обязательное присутствие коня в погребении; 10) основной способ захоронения коня – чучело; 11) расположение коня слева от погребенного; 12) совпадение ориентировки коня и ориентировки погребенного; 13) сопровождающее захоронение МРС; 14) обязательное присутствие погребального инвентаря или его остатков; 15) присутствие лепной посуды в погребении; 16) расположение керамики у головы погребенного; 17) присутствие МРС в качестве напутственной пищи; 18) расположение напутственной пищи в могиле у головы или слева от погребенного; 19) сооружение курганов поминального характера (курган с ровиками, не содержащий погребений).

Для всей группы погребений в целом характерен относительно высокий статус погребенных, большинство которых являются воинами-кочевниками. При этом отсутствуют ярко выраженные погребения с низким социальным статусом. Об этом свидетельствует сложный погребальный обряд и значительное количество комплексов, содержавших поясные наборы, украшения из золота, золотые монеты. Отметим, что присутствие предметов вооружения зафиксировано практически во всех мужских погребениях.

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы, свидетельствуют о культурном единстве всей группы рассматриваемых памятников. Выделенные признаки-индикаторы подчеркивают отличие обряда погребений в курганах с квадратными ровиками как от захоронений других вариантов салтово-маяцкой культуры, так и кочевнических памятников более позднего периода. Погребальный обряд свидетельствует о ярко выраженном кочевом образе жизни рассматриваемой группы населения. Отдельные элементы обряда находят параллели в памятниках эпохи раннего средневековья, оставленных различными группами тюркоязычных кочевников Евразийских степей. Все это дает дополнительные основания для хазарской версии при этнокультурной интерпретации данных памятников.

А. В. Иванов (Севастополь)

ОБРАЗОВАНИЕ РАННИХ ГОРОДСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ И ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЮГО-ЗАПАДНОЙ И ЮЖНОЙ ТАВРИКЕ X–XIII вв.

Образование городских поселений на территории нагорья Юго-Западного Крыма и Южном берегу полуострова представляло собой сложный многоэтапный процесс, продолжавшийся на протяжении всего периода средневековья. На его начало и дальнейший ход оказали существенное влияние факторы удаленности территорий от культурно и экономически развитых районов, отсутствие античных традиций городской жизни, специфический хозяйственный уклад, постоянная военная угроза со стороны степи. Состав населения региона отличался нестабильностью, входившие в него этносы представляли собой различные по социально-политической

организации и экономическому базису сообщества.

Предпосылки к образованию городских поселений складываются в регионе к рубежу IX–X вв., до этого времени единственным подлинно городским центром Юго-Западной и Южной Таврики оставался Херсон. Ранние города формировались на основе двух групп догородских поселений. Первую составляли заложенные в ранневизантийское время укрепленные пункты во внутренних районах нагорья Юго-Западного Крыма, характерные для окраинных горных провинций Византии, населенных варварами-федератами. На протяжении X–XIII вв. в городские поселения трансформируются Эски-Кермен, Бакла, Тепе-Кермен. Ко второй группе относятся приморские центры, Алушта, Партенит, Гурзуф и, предположительно, Балаклава. Алушта и Гурзуф оформляются как городские пункты на основе крепостей эпохи Юстиниана I, Партениту предшествует приморское сельское поселение или группа таковых.

Образование городских поселений становится результатом преобразований хозяйственно-экономического, политического, этноисторического плана, имевших место в регионе к исходу раннего средневековья. Относительная политическая стабильность VIII в. способствует увеличению количества поселений, росту основных отраслей сельского хозяйства Таврики, оживлению рынка. Имеющиеся археологические данные свидетельствуют о развитии местного ремесленного производства, активном процессе выделения ремесла из общехозяйственного комплекса. Непрекращающаяся деятельность по восстановлению политического влияния Византии в регионе на рубеже IX–X вв. приводит к интеграции населения местных общин, климатов и архонтий в общегосударственные административные структуры. Укрепляются торгово-экономические и культурные связи с центрами империи, в которых наряду с Херсоном задействованы и порты крымского южнобережья. На рубеже IX–X вв., в основном, завершается христианизация региона, его территория входит в состав Готской епархии. Формирующиеся городские поселения обретают функции религиозных центров, о чем свидетельствует активное строительство культовых сооружений. Религиозное единство выступает мощным фактором этнической идентификации местного населения.

Общее направление синхронных градообразовнию этнических процессов можно определить как этноконфессиональную интеграцию, ведущую к формированию средневековой народности горного Крыма, этнической общности объединенной христианской религией и, в различной мере воспринятой, греческой культурой. Данный процесс, по-видимому, находится в тесной связи с образованием городских поселений, способствуя преодолению традиций племенного расселения, характерной для раннесредневековой Юго-Западной Таврики. Для городских некрополей X–XIII вв. этническая дифференциация погребенных, исходя из археологических материалов и особенностей обряда погребения, в большинстве случаев становится невозможной. При этом привлечение антропологических данных показывает весьма сложную картину формирования городского населения региона, выявляются по меньшей мере три исходных морфологических типа и многочисленные свидетельства метисационных процессов.

Обладавшее безусловным местным своеобразием, градообразование в рассматриваемом регионе, справедливо рассматривать в комплексе с общевизантийским процессом становления и последующего расцвета малых провинциальных городов в X–XIII вв. Для городских поселений в глубинных районах полуострова в качестве структурообразующей функции выступает военно-административная, для городов формировавшихся на побережье — торгово-транзитная. Процесс становления городских поселений Юго-Западной и Южной Таврики проходил на фоне прогрессирующей этнокультурной гомогенизации рассматриваемых территорий.

Первый период урбанизации в регионе прерывается на исходе XIII в. вторжением орд Ногая. Городские поселения подвергаются разгрому, повлекшему гибель раннегородских центров во внутренних районах нагорья. Последующий этап градообразования охватывает нач. XIV–посл. четв. XV вв. Он связан со становлением и последующим взаимодействием автономных политико-административных образований на Крымском полуострове.

М. К. Кеда (Чернигов)

ИСТОРИЯ ВИЗАНТИИ В ТВОРЧЕСТВЕ М. ПЕТРОВА

История Византии занимает достойное место в курсе «Лекций по всемирной истории» М. Петрова, который впервые был издан после смерти автора, в 1888 году.

Обзор истории Византии в контексте средневековой истории представляет несомненный интерес для исследования его концепции всемирной истории.

Основное внимание историк уделяет политической истории и излагает ее в основном в духе традиций западного византиноведения. С июля 1850 по июль 1860 г. М. Петров находился в научной командировке в Германии, Англии, Франции, Англии, Италии, Бельгии, где изучал новейшие исследования по средневековой истории, в том числе и Византии. Непосредственное знакомство с видными европейскими историками не могло не сказаться на его взглядах. Так, в Мюнхене он познакомился с Г. Зибелем[1], вслед за которым критиковал представ-

ление о крестоносцах как об идейных защитниках Византии. Несмотря на то, что именно в 70-х–начале 80-х годов вышли работы русских византинистов по аграрной истории Византии[2], М. Петров уделяет мало внимания этому аспекту. Это можно объяснить тем, что исходным положением его исторической концепции является представление об истории как о процессе развития и совершенствования человеческой образованности. Как следствие – внимание к вкладу Византии именно в сферу культуры.

В оценке истории Византии М. Петров высказывает часто противоречивые взгляды. С одной стороны, он считает Византию «долго и упорно разлагавшимся государством»[3], что напоминает концепцию Эдуарда Гиббона, похожую внешне по форме, но с несколько иным содержанием. В основе подхода Гиббона к истории Византии лежит идея о тысячелетнем упадке Римской империи в результате плохих законов и негативного влияния христианства[4]. М. Петров считает, что «нигде не было таких разумных, научно-выработанных законов как кодекс Юстиниана, как «Базилики» Василия Македонянина»[5]. Историк поддерживает идею немецкой «исторической школы права» об эволюции римского правового наследия в Европе, впервые предложенную К. Ф. Савиньи. Харьковский исследователь считает заслугой Византии то, что она передала европейским народам систематический свод римского права, «послужившего образцом и в некоторых отношениях и основанием для всех почти европейских законодательств»[6]. В отношении христианства он писал о прогрессивной его роли по сравнению с язычеством[7], но при этом отмечал глубокий нравственный кризис, упадок морали, как один из «неизлечимых недугов» империи»[8]. «Задатками неминуемого разрушения» «дряхлого государства» у М. Петрова выступают такие факторы: «вечные дворцовые перевороты, своеволие наемников, необузданность церковных и политических партий, экономическое истощение»[9]. Кроме того, он приводит еще много причин кризиса Византии: неустроенность политической системы с неопределенностью порядка престолонаследования, деспотизмом правительства, наемными войсками, чрезмерными налогами и хищным чиновничеством. В конце концов все многообразие этих факторов М. Петров сводит к двум основным: «бесчисленным внутренним переворотам» и «ударам внешних врагов».

Причиной продолжительного существования Византийской империи М. Петров называет «неистощимую силу» старой античной культуры. Одним из факторов, определенное время поддерживающих Византию, он называет «процветание промышленности»[10]. Кроме того, он подчеркивает развитость административного аппарата, а также то, что в Византии не наблюдалось характерное для раннего средневековья на Западе падение городской жизни. Чуть позже эти идеи особенно активно развивал Ш. Диль[11].

М. Петров представлял либеральное направление русской историографии. Он отстаивал идею единства принципиальных закономерностей исторического развития Востока и Запада. В утверждении этих представлений в науке в 40–50-е годы огромную роль сыграл Т. Грановский[12]. Из русских «всеобщников» М. Петров во многом повторил именно его оценку. Рассматривая роль славян в истории Византии, он, подобно Т. Грановскому, находился под влиянием работ мюнхенского профессора Я. Ф. Фальмерайера. Харьковский историк несколько переоценил значение славянского элемента. Он считает, что в результате «завоевательной славянской колонизации» «империя, носящая все еще имя римской, по племенному составу своему делается державою столько же варварской, сколько и греческой»[13]. Однако он замечает, что «славянская стихия не сделалась здесь господствующей», но «подновила своими свежими силами выродившуюся кровь туземного фрако-иллирийского населения»[14]. Он придерживается версии о славянском происхождении Юстиниана[15].

Для М. Петрова характерно, таким образом, абсолютно положительное отношение к вкладу Византии во всемирную историю и культуру. Еще большее значение, по мнению М. Петрова, в ходе истории имела Византия в средние века. «Страна эта,— писал историк,— была живым учителем средневековой Европы», причем не только восточной, но и западной его половины»[16]. Недостатками его концепции истории Византии является общая поверхностная ее разработка. Взгляды М. Петрова на некоторые проблемы были устаревшими уже на то время. Однако несомненной его заслугой можно считать рассмотрение истории Византии как органической составной всемирной истории. М. Петров дал целостный краткий очерк истории Византии в рамках истории Восточной Европы и в тесной связи с историей не только славян и арабского мира, но и других народов. Особенно он подчеркивал влияние византийского культурного наследия на средневековую историю славян и арабов.

Примечания:

1 Деревицкий А. Михаил Назарович Петров. Страница из истории Харьковского университета. Биографический очерк.– Харьков: Издание книжного магазина Д. Н. Полуехтова, 1887.– 36 с.– С. 22.

2 Очерки истории исторической науки в СССР. В 2 т. Т. 2. /Под ред. М. В. Нечкиной.– М.: АН СССР, 1960.– 862 с.– С. 511.

3 Петров М. Н. Лекции по всемирной истории. Т. 2. История средних веков.– Часть 1. Период первый. Время происхождения новых государств Европы и Азии.– Изд. 2-е обраб. и доп. А. С. Вязигиным.– СПб.: В. Березовский, 1906.– С. 106.

[4] Курбатов Г. Л. История Византии. Историография.– Л.: Издательство Ленинградского университета, 1975.– 256 с.– С. 40.

[5] Петров М. Н. Лекции по всемирной истории.– Т. 2.– Ч. 1.– С. 108.

[6] Там же.– С. 94.

[7] Петров М. Н. Из всемирной истории. Очерки.– Изд. 2-е.– Х.: Типография Окружного Штаба, Немецкая, № 26, 1882.– С. 3.

[8] Петров М. Н. Лекции по всемирной истории.– Т. 2.– Ч. 1.– С. 109.

[9] Там же.– С. 106.

[10] Там же.— С. 108.

[11] Диль Ш. Основные проблемы Византийской истории.– М.: Государственное издательство иностранной литературы, 1947.– 184 с.

[12] Курбатов Г. Л. История Византии.– С. 75.

[13] Петров М. Н. Лекции по всемирной истории.– Т. 2.– Ч. 1.– С. 101.

[14] Там же.– С. 102.

[15] Там же.– С. 101.

[16] Там же.– С. 94.

Р. В. Костенко (Одесса)

ТУРЕЦКИЙ ХАДЖИБЕЙ-СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ПРЕДШЕСТВЕННИК ОДЕССЫ

Легенд о древнем Хаджибее накопилось великое множество, число же достоверных сведений о нем — свидетельств очевидцев — крайне мало. Их легко перечислить. Первое упоминание о нем принадлежит польскому историку Яну Длугошу, который в конце XV века сообщает, что в 1415 г. польский король отправил из Хаджибея два корабля с зерном. Можно только предполагать, что этот «город» находился где-то на месте нынешней Одессы. Еще менее определенны свидетельства следующего «очевидца» Мартина Броневского — в 1578 г. он видит развалины какого-то Качибея где-то в устье Днестра. Развалины примерно такого же качества, но на морском берегу, «в 15 часах от устья Барабоя и в 14 часах от устья Тилигула», описывает в 1656 г. турецкий путешественник Эвлия Челеби. В 1709 г. шведский генерал Адлерфельд, один из спутников Карла XII и Мазепы, бежавших из-под Полтавы, упоминает в своих «Записках» «ничтожную татарскую деревушку» где-то в районе устьев нынешних Хаджибея и Куяльника.

Ничего более внятного о Хаджибее мы не знаем — вплоть до 1764 г., когда турки начали строить Хаджибейский замок в районе нынешнего Приморского бульвара. Не было ясно, где он точно находился. В 1997 году, после археологического обнаружения остатков его бастиона, этот вопрос оказался решенным — «Гаджибейское гнездо» располагалось почти точно на месте нынешнего Воронцовского дворца.

У Воронцовского дворца, вдоль берегового склона бульвара, по обе стороны от найденного раннее (в 1997 г.) фундамента правого бастиона Хаджибейского замка, были продолжены поиски других его архитектурных остатков. Удалось обнаружить каменную забутовку под фундамент фронтальной стены крепости, а также примыкавший к ней с внутренней стороны узкий ров с остатками деревянных бревен и плах. Остатки этой кладки-забутовки находились к северу от входа в бастион, который был обозначен пяточным камнем. Размещение кладки и рва полностью совпадает с имеющимся планом Хаджибейского замка, составленного Лафитом-Клаве в 1784 г. и окончательно уточняет, таким образом, его местонахождение. Ныне имеется возможность нанесения плана замка на местность и его последующей реконструкции.

В заполнении описанной кладки найдены две красноглиняные курительные трубки типа «тахта-чубук» с клеймами стамбульских мастеров, фрагменты турецкой поливной керамики и стекла, датируемые второй половиной XVIII в., что соответствует периоду существования Хаджибейского замка в 1764–89 гг.

В слое этого времени также найдено около десятка иных, более ранних черепков. Дадим здесь их краткое описание в целях датировки. Это обломки закрытых сосудов с полосчатым или сетчатым орнаментальным лощением; фрагмент кувшина, покрытого изнутри поливой со слегка отогнутым наружу венчиком, к краю которого крепится уплощенная ручка. Сосуд украшен врезным линейным орнаментом, поверхность ручки заглажена и покрыта светло-желтым ангобом.

Сказанное означает, что найдены фрагменты так назыв. «красно-желтой» ленточной и хозяйственной посуды. Ее принято относить к «золотоордынскому» времени. Один из фрагментов — стенка «красно-желтого» ленточного сосуда с характерным волнообразным орнаментом, нанесенным на сырую глину при помощи многозубчатой гребенки, достоверно датируется серединой XIV в. Это позволяет полагать, что уже тогда здесь действительно находилось небольшое поселение, культурные напластования которого, видимо, были уничтожены в ходе строительства Хаджибейского замка. Таким образом, археологически подтвержден сам факт существования какого-то поселка во второй половине XIV в., возможно, того самого, который основал «татарский» бек Хаджибей после своего поражения от литовского князя Ольгерда под Синими Водами в 1362 году.

Кратко подытожим также и основные стратиграфические наблюдения по результатам ар-

хеологических работ в Одессе в 1995–1999 гг. Они состоят в следующем. Значительная часть турецкого Хаджибея, примыкающая к Карантинной балке, полностью перекрыта (и сильно разрушена) мощным культурным слоем одесского времени. «Одесский» слой имеет мощность до 2 м у Воронцовского дворца и до 7 м у Горсовета и Оперного театра. Слой Хаджибея, который датируется XIV–XVIII вв., в свою очередь, перекрывает предшествующий слой античного города Борисфена (VII–VI вв. до н.э.– первые вв. н.э.).

Э. Е. Кравченко (Донецк)

ГОНЧАРНАЯ МАСТЕРСКАЯ СИДОРОВСКОГО ГОРОДИЩА

В 2000 г. средневековой археологической экспедицией ДОКМ на Сидоровском городище (Славянский район Донецкой области) был вскрыт комплекс сооружений. Отсутствие случаев прямой стратиграфии, компактное расположение объектов на примыкающем к могильнику крае мыса, наличие вокруг сооружений широкой незастроенной полосы, археологический материал, позволяющий датировать вскрытые комплексы II половиной IX–X вв., свидетельствуют, что все они входили в комплекс гончарной мастерской.

Из построек раскопа (площадь 800 кв. м) особо интересен котлован мастерской (пом. 3) — полуземлянка (5х3–4 м), вероятно, с фахверковой конструкцией стен и узким входом-коридором в южной части. Открытый очаг в центре свидетельствует, что указанное помещение было жилым. Возможно, сначала оно не было мастерской, как синхронный ему производственный комплекс у с. Подгаевка на р. Деркул. К восточной стене котлована был пристроен горн 1 от которого сохранилась топочная камера круглой формы (d до 1м), перемычка с семью продухами (внутренний d 0,06–0,08м), и, на высоту 0,4 м, обжигательная камера. Предгорновой ямой являлся котлован мастерской. Топочная камера находилась ниже уровня пола пом. 3 на 0,35 м и была вырезана в материковой глине вместе с перемычкой и сохранившейся частью свода. Прокал стенок — 0,1–0,12 м. В заполнении топки вместе с древесными углями и золой были фрагменты тех же сосудов, обломки которых лежали на дне котлована пом. 3. Обращает внимание наличие в заполнении донышка горшка с клеймом «крест в двойном кругу с отростками». К ЮВ от мастерской был расчищен горн 2.

От последнего сохранилась предгорновая яма колоколовидной формы (d до 2 м) топочная камера ((d 1,3 м), и перемычка (толщина 0,5 м) с семью продухами (d до 0,06–0,09 м). Горн вырезан в материковой глине; толщина прокала стенок — 0,1–0,15 м. Предгорновая яма имела двухслойное заполнение. В нижней части – это золисто-углистая линза с фрагментами сосудов, в том числе и необожженных. Там же найдены два донышка с клеймами идентичными находкам из горна 1. Этот слой перекрывала стерильная глинистая линза мощностью 0,1–0,2 м, выше которой шло заполнение хозяйственной ямы, содержащее фрагменты тех же сосудов, что и на дне пом. 3.

Керамический брак, (фрагменты необожженных сосудов), найденный в заполнении обоих горнов представлен обломками горшков и маленьких горшочков с полосчатым рифлением, крышек, лощеных горшков с петлевидными ручками и кувшинов. Сопоставление фрагментов обожженной и необожженной посуды свидетельствует, что основная часть керамики раскопа является продукцией указанной мастерской.

Двухслойным было и заполнение пом. 3. В придонной части шла тонкая прослойка с включениями углей, мелких костей животных, и фрагментов керамики. Выше неё была стерильная глинистая линза, мощностью 0,1–0,3 м, — слой, образовавшийся после запустения помещения. Именно на эту прослойку был положен погребенный подросток, после чего котлован засыпали мусором. Показательно, что среди найденного в заполнении котлована керамического материала было обнаружено 5 донышек от горшков с клеймами, идентичными обнаруженным в заполнении горнов, и в близлежащих хозяйственных ямах. Всего в раскопе найдено 15 таких клейм (из 16 всего). Вероятно этот тип являлся клеймом данной гончарной мастерской, три этапа функционирования которой представляют раскопанные в 2000 г. археологические комплексы.

Согласно стратиграфическим наблюдениям, на исследуемом участке первоначально функционировал горн 2. Через некоторое время рядом с ним построили помещение мастерской с горном 1, бывшее одновременно и жилой постройкой. Судя по расположению и наличию в заполнении идентичных клейм, оба горна относились к одной мастерской. Какое-то время они функционировали вместе, а затем горн 2 забросили и его входная яма использовалась жителями пом. 3 в качестве мусорной. Через некоторый период времени мастерская с горном 1 прекратила существование. В обвалившемся котловане помещения мастерской было произведено погребение, после чего он использовался в качестве сбросной ямы. Скелет был уложен головой на ВСВ в скорченном положении на левом боку с согнутыми в локтях руками. Близкую позу

(скорченно на правом боку с восточной ориентировкой) имело погребение в мастерской у с. Подгаевка, произведенное после того, как она была оставлена. По нашему мнению указанные погребения, совершенные в заброшенных гончарнях, имели обрядовое значение и были както связаны с оставлением этих помещений. После запустения пом. 3 мастерская продолжала работать. В пользу этого говорит факт наличия в его заполнении керамических клейм, идентичных обнаруженным в горнах и на дне этой постройки. Абсолютная близость форм и типов посуды, системы орнаментации обожженных и необожженных сосудов, найденных в горнах на дне пом. 3 и в заполняющей котлован заброшенной постройки свалке, свидетельствует, что мусор выбрасывали из не попавшего в площадь раскопа помещения, функционирование которого представляло еще один этап работы все той же гончарной мастерской.

Сооружения, исследованные в 2000 г., находят ряд параллелей среди древностей салтово-маяцкой культуры. Так по своей конструкции гончарные горны Сидоровского городища (особенно горн 2) имеют близкие аналоги среди горнов как степной (ст. Суворовская, с. Подгаевка), так и лесостепной зон (Роганинский комплекс, Ютановское селище, Столбище I и II). Сочетание в одной постройке отопительного сооружения, характерного для жилых помещений, и специальных печей, служащих для нужд производства, не является необычным. Оно известно на салтовских памятниках (Ютановское селище) и в более позднее время на территории Древней Руси (например, Райковецкое городище).

Комплекс гончарной мастерской на Сидоровском городище, является первым на территории Донецкой области, и заполняет территориальную лакуну между исследованными ранее лесостепными и степными памятниками, связанными с гончарным производством салтово-маяцкой культуры.

К. И. Красильников, Л. И. Красильникова (Луганск)

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В СТЕПНОМ ПОДОНЦОВЬЕ в VIII–нач. X вв.

Этнический вопрос салтово-маяцкой культуры впервые в науке был поставлен в 40-х годах М. И. Артамоновым, позднее в 50–70-х годах эту тему продолжили И. И. Ляпушкин, С. А. Плетнева, Д. Т. Березовец. Заметим, что не всегда в данном вопросе сохранялось единство взглядов, порой намечались тенденции превознесения роли отдельных этносов. В настоящее время среди различных вариантов культуры в этническом плане лучше других изучен северо-западный регион Хазарского каганата, или лесостепь верхнего Подонцовья, относительно степного региона в литературе этноситуация определяется лишь общим понятием – праболгарская.

Среднее Подонцовье входит в степи западного Подонья, занимает пространство около ? части Донских степей, т.е. Среднедонечье. По материалам из разведок и раскопок салтовских поселений и могильников можно говорить о праболгарском этносоставе местной культуры, однако, видны включения, оставленные другими этносами. Наша задача определить характер и происхождение таких включений.

1. Бытовая архитектура. Круглые, юртообразные и близкие к ним постройки принято считать архитектурой праболгар, квадратные и, особенно, прямоугольные – сооружениями алан. В таком случае 80 построек, раскрытых нами в степном Подонцовье, в том числе 11 круглых (13 %), 28 квадратных (35 %), 41 прямоугольных (51,4 %) сооружений должны констатировать не столько неоднородную этническую ситуацию, сколько ставить под сомнение праболгарский состав его населения (13,6 %), при безраздельном «преобладании» алан (86,4 %). Мы, сохраняя позиции этнодуализма, не склонны поддерживать идею этнодифференциации построек уже хотя бы потому, что здесь сосуществуют практически все известные в раннем средневековье Восточной Европы типы и виды бытовой архитектуры и все виды бытовых отопительных приборов (156 ед.), которые являются устойчивыми этническими показателями даже в инородной им среде.

2. Печи – 35 ед. (22,4 %) трех видов: печи-каменки, печи глинобитные, печи останцевые – все они так называемого славянского типа, расположены в углах квадратной или подквадратной формы построек. Их бытование в степи мы связываем с недолгим и сравнительно ограниченным притоком славяноидного этноса в среду праболгар.

Этнофеноменом следует считать присутствие в постройках 22 тандыров (14,1 %) трех типов: ямных, ямноземных и наземных. Их применение универсальное: они хлебно-лепешечные печи, печи для просушки зерна, для обогрева и приготовления пищи, даже цветной металлургии. Мы, появление тандыров связываем с миграцией некоторой части азиатского населения в Подонье, вызванной внешними событиями, сложившимися в VIII–X вв. в Азии и Закавказье. Основную серию отопительных приспособлений в виде очагов (63,5 %) относим к праболгарам.

3. В керамике Подонцовья также заметны признаки «инородности», это касается, в частности, лепных котлов (0,5–1,5 %). Дискуссия этнопринадлежности котлов длится около 50 лет, мы, применительно салтовских поселений Подонцовья, считаем, что их изготовляло местное население, причем, в основном в период до обретения полной оседлости.

В оседлый период, наряду с болгарской кухонной посудой, широкое распространение получает лощеная керамика, «автором» которой признаны аланы. Однако, ее разнообразие и серийность свидетельствуют не столько о заимствовании, сколько о факте собственного изготовления в здешних гончарных мастерских, в которых, возможно работали и аланские керамисты.

4. Факты проживания ираноязычного этноса фиксируют материалы могильников (пос. Станица Луганская, с. Желтое), где расчищены захоронения в катакомбах.

Ранее не встречавшимися, являются материалы могильника у пос. Новодачное. Здесь, среди ямных захоронений, раскрыто 38 ям хозяйственного вида, в них находили славяноидную (пеньковского) типа посуду, а также лепные кувшины и кубки, о которых у нас пока нет ясных этнических суждений, как впрочем и о погребении в яме с подбоем с жертвенником из баранины и конины.

На болгарских могильниках прослеживается и позднекочевническая (печенежская) обрядность (с. Новолимаревка, с. Преображенное). Здесь раскрыты захоронения в гробах-рамах, гробах-колодах, погребения с элементами мусульманской обрядности.

Итак, из анализа материальных свидетельств, этническая ситуация степного Подонцовья VIII – нач. X вв. характеризуется определенной смешанностью, населения включающего в себя 4–5 этносов.

А. В. Крыганов (Сумы)

СОСТОЯНИЕ И ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ ВЕРХНЕСАЛТОВСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ПАМЯТНИКА

Находящийся на высоком правом берегу Печенежского водохранилища, Верхнесалтовский археологический памятник представлен огромным городищем с небольшой цитаделью и большими пригородами, несколькими частями громадного могильника с несколькими десятками тысяч катакомб. Расположенный напротив него на левом берегу указанного водохранилища, Нетайловский археологический памятник состоит из огромного поселения и некрополя, где не менее 15 тыс. ямных могил. Оба являются остатками одного, самого большого города салтовской культуры и всей Хазарии.

Впервые обнаруженный в 1900 г. Верхнесалтовский катакомбный могильник находится северней и северо-западней городища. В 1997 году автором южней его было зафиксировано место, где вероятно находится большой некрополь этого же памятника. Известно, что еще в начале XX в. тут его искал и В. А. Бабенко. В результате археологических разведок 2000 г. стало явно, что северный пригород Верхнесалтовского городища и Рубежное поселение не разделяются.

В 400 м северо-западней и в 800 м юго-западней ямного Нетайловского могильника и раньше случайно попадались раннесредневековые погребения салтовской культуры. Кроме этих двух, автору известно еще три таких места, где можно отыскать такие же могилы.

Археологические раскопки Верхнесалтовского памятника ведутся с 1901, Нетайловского — с 1959 г. Все обнаруженные и вскрытые Верхнесалтовские катакомбы должны быть точно отмечены на одной и той же достаточно правильной карте, иметь общую римско-арабскую нумерацию. Задача археологических раскопок Нетайловского некрополя — соединить все крупные раскопки в один и в основном вести работу там, где могильник уже сильно разрушен. Здесь способ вскрытия обнаруженных могил делается не обычной, а новой и довольно сложной методикой.

В разные годы археологических раскопок Верхнесалтовского памятника полевые отчеты руководителей экспедиций и обнаруженные вещи направлялись в Санкт-Петербург, Москву, Киев, Харьков, Одессу; Нетайловского некрополя – в Киев, Харьков, Верхний Салтов. Крайне желательно, чтобы полные сведения об этом находились где-то в одном месте.

Пора уже вести глубокие научные исследования не только отдельных частей, но и всего города в целом. Это касается прежде всего катакомбного и ямного некрополей. Помимо прочего, нужно заниматься их дендрохронологией, изучать антропологию погребенных, сравнивать погребальный обряд и сопоставить обнаруженный инвентарь, обрабатывать многочисленные нумизматические находки. Требует разъяснения тот факт, что крупнейший памятник Хазарии находится на ее северо-западной окраине.

В 1997 г. был создан Верхнесалтовский историко-археологический заповедник, куда чуть позднее был включен и Нетайловский памятник. Но до сих пор в некоторых местах заповедника продолжается его разрушение, зафиксирован факт разграбления Нетайловского могильника.

П. П. Лесничий (Днепропетровск)

ВКЛАД Д. И. ЯВОРНИЦКОГО В ИЗУЧЕНИЕ ПОЗДНЕКОЧЕВНИЧЕСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ СТЕПНОГО ПОДНЕПРОВЬЯ

Д. И. Яворницкий (1855–1940) оставил значительный след во многих областях гуманитарного знания. Признание научных заслуг ученого при жизни сменилось замалчиванием имени и игнорированием его наследия. Лишь в сер. 60-х гг. в отечественной историографии сделаны первые шаги по пути «реабилитации» ученого. Однако он представал как фольклорист-этнограф, автор ряда работ по истории и краеведению, удачливый «раскопщик» могил. Между тем Яворницкий не только стоял у истоков украинской археологической науки, но и много сделал для становления ее направлений [Ковалева, 1971; 1995; 1999; Яременко, 1995].

Интерес ученого к кочевникам был во многом производным от изучения истории запорожского казачества, именно с тюрками-татарами он связывал появление этого феномена. Другим определяющим фактором были его археологические изыскания.

Началом исследования кочевнических памятников послужили раскопки кургана «Мухина гора» и части могильника у д. Вороная, которые освещались в периодической печати и «Киевской старовине» (1885). В 1890 году выходят его «Публичные лекции по археологии России», в которых содержатся наблюдения по погребальному обряду поздних кочевников и общеисторической картине в регионе X–XIV вв., затронута проблема выделения «татарских» курганов, а также приводится историографический обзор, посвященный «каменным» бабам.

В процессе подготовки XIII Археологического съезда в Екатеринославе (1905), помимо участия в работе Предварительного комитета, ученый проводит масштабные раскопки в ходе которых им было исследовано более 100 курганов (изданы дневники раскопок 58 из них, содержащие сведения о более чем 40 кочевнических погребениях). Яворницкий отмечает, что кочевнические погребения приурочены, как правило, к «рясным могилам» – небольшим по своим насыпям и расположенным компактными группами. Ареал их распространения – пространства течения Орели, Самары, Конки, вплоть до самого устья Днепра и его лимана. Говорит о различиях в обряде погребения – в колодах «наподобие челна», деревянных срубах, «решетчатых заделках», «черных пятнах»–грунтовых могилах; преобладании мужских погребений и обусловленности наборов инвентаря полом погребенных. Судя по описанию и немногочисленным иллюстрациям, содержащимся в «Дневниках раскопок» [1907], а также сохранившимся коллекциям в Днепропетровском историческом музее, возможно выделение погребений печенежского, половецкого и золотоордынского времени.

Особую ценность представляет «Мапа археологічних розкопків тюркської культури на терені Дніпропетровщини» (1929), в которой перечисляются исследованные им позднекочевнические памятники. Написание «Курса лекцій з історії місцевого краю» (1921–1922) совпадает с периодом обобщения накопленных знаний. К сожалению, эта историко-краеведческая работа не была закончена. В III части, имевшей рабочее название «Варварські культури», Яворницкий намеревался рассмотреть историю «козар, печенігів (торки, берендії, бастії, козії–усі загалом чорні клобуки, або каракалпаки), половців, або кипчаків, куман».

К изучению позднекочевнических древностей Яворницкий вернулся в связи с руководством Днепрогэсовской археологической экспедицией (1927–1932).

Вышерассмотренное позволяет нам утверждать, что Д. И. Яворницкий является одним из пионеров изучения позднекочевнических древностей Украины, сочетавшим полевые исследования с попытками их классификации и культурной атрибуции. Лишь по причинам обвинений в «политической неблагонадежности» в советский период, а также неразработанности историографии украинской археологии, имя Яворницкого либо отсутствует, либо названо в общем перечне исследователей большинства специальных изданий, посвященных кочевнической проблематике.

В. В. Литовченко (Харьков)

ВИЗАНТИЙСКАЯ ЗНАТЬ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ЛЬВА VI МУДРОГО

В изучении истории Македонской династии важное место занимает исследование противоречий, возникавших между провинциальной знатью и столичной аристократией. Представители двух групп правящего слоя Византии активно пытались воздействовать на императора, от которого зависело их положение и благосостояние. Как правило, в исторической литературе деятельность императоров рассматривалась в тесной связи с интересами двух наиболее влиятельных групп византийской знати. Считается, что император опирался на определенные круги знати, в интересах которых предпринимал конкретные шаги, нашедшие отражение в законодательстве. Влияние противостояния столичной аристократии и провинциальной знати представляется столь

значительным, что его рассматривают как один из решающих факторов не только светской, но и религиозной жизни государства.

Не ставя под сомнение важность борьбы между знатными группировками, необходимо уточнить ее влияние на действия императорской власти, в частности, в период правления Льва VI Мудрого.

Принято считать, что император Лев VI Мудрый своей законодательной деятельностью стремился упрочить положение столичной аристократии и ослабить влияние провинциальной знати. Лев VI восстанавливает право на взимание процентов при торговле, расширяет ассортимент разрешенных к продаже товаров, увеличивает количество денег в обращении, что было в интересах столичной знати, тесно связанной с торгово-ремесленными слоями. Был упрощен процесс купли-продажи земли столичной аристократией. Многочисленные постановления, защищающие интересы крестьянства, и прямой запрет стратигам приобретать земельные владения в подчиненных им областях и заключать браки с жительницами их владений, наносили удар по положению провинциальной знати. Но деятельность императора была направлена не столько на усиление одной группы знати за счет другой, сколько на укрепление собственно императорской власти. Новелла 78 прекращает деятельность Сената, органа давно уже утратившего свое значение, но его ликвидация не могла отвечать интересам столичной аристократии.

Законодательная деятельность Льва VI не может рассматриваться как направленная на усиление столичной аристократии. Очевидно, что целью императора было упрочение положения центральной власти в противовес растущему влиянию провинциальной знати. Но, при необходимости, Лев VI шел и на ущемление интересов столичной аристократии, если это отвечало интересам государства. Зависимость императоров от группировок знати была высока в тех случаях, когда права василевса на престол были небесспорны, но при стабильной власти, основой деятельности императора становилось не удовлетворение пожеланий той или иной группы высшего сословия, а укрепление центральной власти.

В. В. Майко (Симферополь)

О МЕСТОРАСПОЛОЖЕНИИ ПРАВОСЛАВНОЙ ФУЛЛЬСКОЙ ЕПАРХИИ

Одним из «недоуменных» вопросов в истории средневекового Крыма остается проблема локализации известного по письменным источникам епархиального центра, города Фулла, соответственно Фуллъской епархии и вообще «Фуллъского народа».

Ни у кого не вызывает сомнений, что городище Фуллы и Фуллъская епархия находились в стране населенной «Фуллъским народом». Согласно комплекса всех источников, Фуллъский народ это носители крымского варианта салтовской культуры. Общеизвестно, что последняя получила наибольшее распространение в юго-восточном Крыму. Следовательно, основываясь на имеющихся на сегодняшний день данных, городище Фуллы — это прежде всего город, расположенный в прибрежной части юго-восточного Крыма. Во-вторых, согласно хронологии миссии Св. Константина Философа, этот город основан до середины IX в. и населен язычниками которых обратил в веру великий просветитель. В-третьих, логично предположить, что христианская Фуллъская епархия могла возникнуть в районе с древними православными традициями, предшествовавшими расселению язычников праболгар. В-четвертых, это место где наиболее ярко во всем Крыму должен фиксироваться процесс христианизации языческого, «Фуллъского», салтовского населения Крыма.

Из 15 различных вариантов локализации Фулл наиболее соответствует предложенным критериям известное городище на плато Тепсень близ пос. Коктебель. Безусловно, самым главным показателем принятия местным населением православия является наличие храмов. На сегодняшний день их на городище обнаружено шесть. Это при том, что исследовано не более 2% общей площади. Среди них один из крупнейших в Крыму трехапсидных храмов и две церкви стены которых сложены в т. н. технике кладки «в елочку», являющейся отличительной особенностью именно тюркского строительства в юго-восточном Крыму. При раскопках жилых домов обнаружены нательные бронзовые кресты. Выделим находку фрагмента литейной формы для отливки медальона с крестом, вписанным в круг. Важным аргументом для попыток определения границ Фуллъской епархии и предложенной локализации Фулл, является храм, сложенный техникой кладки «в елку» раскопанный на поселении Кордон-Оба, расположенном поблизости от нашего памятника и безусловно входившего в состав Фуллъской епархии. Ценным источником, свидетельствующим о христианизации салтовцев Крыма, является наличие могил, сочетающих элементы языческой и плитовой могилы, а также обычные христианские могилы, но расположенные на салтовском некрополе вперемешку с языческими. Большинство выделенных типов и вариантов таких погребений, обнаружены на некрополях Тепсеня.

Таким образом, легендарное городище возни-

кает в середине VIII в. на плато Тепсень на месте крупного ранневизантийского монастыря VIII вв. Возможно именно это городище было центром хазарской епископии и епархии Хотцирон. В середине IX в. город становится центром православной Фулльской епархии и остается им до середины X в.

В 40-е гг. X в. в силу целого ряда политических событий городище Тепсень гибнет, что подтверждают археологические раскопки. Нашими предшественниками сделан вывод о возможном переносе епархиального центра после его гибели. На мой взгляд, он сразу был перенесен в Сугдею, где во второй половине X–XI вв. существовало две по началу независимых друг от друга кафедры, сохранялись и две епархии в своих прежних границах.

Согласно Notitia episcopatuum, только в XII в. Фулльская епархия была включена в состав Сугдейской с названием Сугло-Фулльской. Возможно, что и в более позднее время в XIII–XV вв. в определенные периоды в Сугдее находились два епархиальных центра имевших свои границы. Очевидно после 1475 г. создается Фулльская епархия с центром в Каффе, а с начала XVII в. она переименовывается в Каффо-Фулльскую. После этого сведения о Фулльской епархии более не встречаются в письменных источниках.

Н. Е. Миненкова (Донецк)

ЛЕТОПИСНАЯ ТРАДИЦИЯ О ПЕЧЕНЕГАХ, ТОРКАХ, ПОЛОВЦАХ

Кочевые племена южнорусских степей в X–XIII вв. тесно взаимодействовали с Киевской Русью и внесли значительный вклад в ее историю. По мнению многих исследователей (Г. А. Федоров-Давыдов, С. А. Плетнева, Л. С. Гераськова) они оказали значительное влияние на социально-экономическое и общественно-политическое развитие Древнерусского государства, при этом, сами также подверглись влиянию со стороны Руси и ее жителей.

Естественно, что кочевники, как ближайшие соседи Руси, попали и на страницы древнерусских летописей. Известно, что летописные своды отражали, в основном события политической жизни, но вместе с тем, иногда летописцы, сами того не желая, вносили в «лета» отдельные сведения о быте, культуре, религиозных представлениях соседних народов. В этой связи интересно изучить данные летописей о печенегах, торках, половцах, определить, какой характер они носят, а также рассмотреть, источники, которые использовались летописцами для написания эпизодов о кочевниках.

В летописях все сведения о печенегах, торках, половцах действительно связаны с политической историей. В хронологическом порядке изложены походы номадов на Русь, и наоборот. Однако описание военных столкновений содержит и некоторые интересные сведения из жизни кочевников.

Описывая удачные для русских дружин нашествия в степь, летописцы с удовольствием перечисляют захваченную добычу (под 1103, 1111, 1170 гг. по Ипатьевскому списку) «взяли тогда скот и овец, и коней и верблюдов», что дает представление о составе половецкого стада.

Именно из летописей стали известны имена как печенежских (под 972 г. ПВЛ упоминается князь печенежский – Куря), так и половецких ханов (под 1103 г. ПВЛ); названы 20 половецких ханов, участвовавших в битве.

Летописи сообщают также еще одну важную деталь, характеризующую русско-половецкие отношения – это заключение браков. Летописцами отмечено 12 союзов между русскими князьями и знатными половчанками и брак русской княгини с половецким ханом. Отсюда видно, что брачные союзы между русскими княгинями и знатными половцами были большой редкостью.

Кроме этого, в летописях встречаются отдельные свидетельства о религиозных представлениях кочевников. Так, следующее сообщение – «половцы держатся закона отцов своих: кровь проливают и даже хвалятся этим» (под первыми годами ПВЛ) – подтверждают данные археологических материалов о распространении языческих обрядов в среде кочевников. Интересным эпизодом является также сцена волхования хана Боняка перед боем с уграми (под 1097 г. по ПВЛ). По мнению В. А. Гордлевского, она может быть истолкована в пользу существования тотемистического родства данной орды половцев с волком, где Боняк совмещал функции хана-военачальника и хана-жреца.

Поскольку летописи являлись официальным источником, отражающим, прежде всего, идеологические представления эпохи, эпизоды о номадах также не стали исключением. Все данные о кочевниках приводились с целью отобразить «извечную борьбу леса со степью», показать исходящую опасность, прежде всего от половцев. Поэтому то летописцы и наделяют их не лестными эпитетами – «поганые», «безбожные», «окаянные враги». Причем не единожды, а постоянно, так что эти термины стали синонимами для половцев. Для подтверждения опасности, исходящей от кипчаков, в летопись вставляется и эпизод божественного знамения в виде «звезды с лучами кровавыми», которое тут же истолковывается летописцем как недобрый вестник, предвещающий «много усобиц и

нашествие поганых на Русскую землю» (под 1065 г. по ПВЛ).

В истории половецких войн, как свидетельствуют летописи, известно три периода особенно интенсивного натиска половцев: 1060-е, 1090-е, 1170–1180-е годы. И все они отражены в русском эпосе: так летописному походу 1068 г., возглавляемого, ханом Шаруканом, по мнению Б. А. Рыбакова, соответствует цикл былин о Кудреване, Шарке Великане и Волхе Всеславиче. С событиями конца XI в. исследователи уже давно связали былинный цикл о Тугарине Змеевиче, который соответствует исторической личности половецкому хану Тугоркану. Третий половецкий натиск подробно отражен в «Слове о полку Игореве» в былинах об Отроке, Кончаке, Сауре и Сухане.

Н. И. Костомаров исследуя сведения, которые использовал летописец для составления ПВЛ, отмечал, что более важного «для него источника, чем песни и предания не могло быть», а «все остальные служили только дополнительными средствами». Это заключение в полной мере может быть отнесено и к летописным эпизодам, повествующим о кочевниках. Именно для их написания летописец использовал, прежде всего, эпические произведения – былины, песни, сказания. Причем как русского происхождения, так и половецкого. Следы половецкого эпоса, отчетливо прослеживается в летописях, (В. А. Пархоменко), по крайней мере, два эпизода имеет половецкое авторство, и были позаимствованы русским летописцем: под 1103 г. ПВЛ и под 1201 г. Ипатьевского списка, где представлены, фрагменты половецких песен.

Таким образом:

во-первых, несмотря на то, что данные о кочевниках из летописей малочисленны, фрагментарны, они большей частью содержат уникальную, исторически достоверную информацию о быте, культуре, религиозных представлениях номадов;

во-вторых, отраженная в летописях «борьба леса со степью» не соответствует исторической действительности, а представляет собой идеологические представления эпохи;

в-третьих, основным источником для летописцев, при составлении «лет» о кочевниках были эпические произведения как славян, так и половцев.

Л. Ю. Пономарев (Керчь)

НОВЫЙ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЙ МОГИЛЬНИК В ОКРЕСТНОСТЯХ КЕРЧИ

1. В 1997 году в окрестностях Керчи, на западной окраине поселка Эльтиген (бывш. Героевское) выявлен новый раннесредневековый могильник, получивший название Эльтиген-1. С южной и восточной стороны, в непосредственной близости от него, обнаружены салтово-маяцкие поселения Эльтиген юго-западное и Верхне-Бурунский маяк восточное, датированные по подъемному материалу второй половиной VIII–концом IX веков.

2. В 2000 г. к исследованию могильника приступила Эльтигенская охранно-археологическая экспедиция. В ходе раскопок, на площади свыше 300 кв. м, было обнаружено 15 погребальных сооружений. Из них 8 плитовых могил и 7 погребений в грунтовых ямах.

3. Грунтовые могилы имели овальную форму и вертикальные борта. Следов каких-либо деревянных конструкций не выявлено. Все зачищенные в грунтовых могилах погребения были разрушены, а в некоторых случаях кости были частично или полностью удалены за их пределы. Отсутствие следов грабительских перекопов в засыпи могил, а также характер разрушений самих костяков, на наш взгляд, свидетельствуют о том, что в данном случае мы имеем дело с обрядом обезвреживания погребенных, который был широко распространен среди аланских и болгарских племен Подонья. Отдельные, сохранившиеся в анатомическом порядке кости скелетов позволили частично реконструировать позу погребенных. Они находились в вытянутом положении на спине головой на запад с небольшим отклонением на юг. Положение рук восстановить не удалось. Погребальный инвентарь представлен единичными находками: сердоликовой бусиной и фрагментами медного перстня с плоским щитком. Для выяснения этнокультурной принадлежности могильника и его датировки большой интерес представляет серьга с двумя дисками-пронизками. Этот тип украшений характерен для салтово-маяцкой культуры и в Крыму встречается в основном в захоронениях второй половины IX века (Айбабин, 1993).

4. Плитовые могилы представляют собой прямоугольные и трапециевидные в плане каменные ящики, сооружавшиеся из массивных плит известняка. Этот тип погребальных сооружений господствовал на раннесредневековых могильниках Керченского полуострова и был широко распространен в Крыму. При зачистке могил выявлены одиночные, парные и тройные захоронения. Отмечены случаи и двухъярусных погребений. Все они были совершены по христианскому обряду. Умершие находились в вытянутом положении на спине головой на запад с небольшим отклонением на юг. Руки располагались вдоль туловища или были сложены в области таза. Помимо позы погребенных их христианскую принадлежность наглядно иллюстрируют два креста, высеченные на плитах

одной из могил. Набор погребального инвентаря в целом такой же, что и в грунтовых могилах. Из украшений можно отметить еще одну серьгу с дисками-пронизками, которая была аналогична вышеописанной. Для датировки плитовых могил очень важна находка фрагмента венчика высокогорлого кувшина с плоской ручкой, обнаруженного в засыпи одного из них.

5. Полученный археологический материал позволяет предварительно датировать могильник IX веком, но ответить на вопрос, существовали грунтовые и плитовые могилы одновременно или наследовали друг другу, пока еще сложно. В отношении этнической принадлежности грунтовых могил определенные выводы позволяет сделать наблюдение за их погребальным обрядом. Во многих чертах он имеет сходство с погребальным обрядом Зливкинского и других болгарских могильников Подонья и Таманского полуострова. Это позволяет нам соотнести исследованный могильник с приазовскими болгарами, которые в VIII–IX веках составляли большую часть населения Восточного Крыма. Появление плитовых могил, в свою очередь, связано с укреплением в болгарской среде позиций христианской церкви.

С. М. Свистович (Київ)

ОРГАНІЗАЦІЯ ВІЙСЬКА ТОРКІВ

Зброя і кінь значили для кочівника набагато більше, ніж для землеробів. Своєрідність кочового світу полягала в тому, що вся організація суспільства несла в знаній мірі військовий характер. Кожен кочівник — природжений воїн, що обумовлювало масовість і добру організацію війська, велику рухомість чималих кінних мас та своєрідну тактику. Цьому сприяли мобільність кочовиків, можливість визволення із сфери господарчої діяльності великої кількості дорослого чоловічого населення. Оскільки при кочовому скотарському господарстві кочівники не могли забезпечувати себе продуктами землеробства, вони займалися військовим пограбуванням сусідів.

У торків, для яких війна і грабіж були одним з основних засобів збагачення, військова організація була нерозривно пов'язана з суспільним устроєм. Військо у торків не відділялося від народу, оскільки озброєний народ і був військом, а участь у війську була правом та обов'язком усіх вільних осіб. Цими обставинами і пояснюються величезні на той час ресурси кочових військ, які, за образним виразом російського літописця, виступали «аки борове и не бе прозрети их».

Торки були добрими воїнами. Те, що хозари використовували торків в якості найманців, вже само за себе говорить про їх велику хоробрість та високий професіоналізм, так як їм була поставлена оригінальна вимога: військам заборонялося терпіти поразку. Невиконання бойового завдання, тобто втеча від суперника, каралося смертю. Але незважаючи на дуже жорстокі умови служби бажаючі заробити завжди знаходилися серед торків.

Військова і адміністративна влада у них була нерозривна. Обидві функції поєднувались в руках одних і тих самих осіб на всіх ступенях ієрархії чиновників. Вірогідно в них існувала класична система поділення війська і народу на десятки, сотні, тисячі, тумени на чолі з чиновниками — воєначальниками, в руках яких була військова та громадська влада. Така організація існувала на протязі довготривалого періоду у ряду кочових народів. Еволюція військового діла торків була пов'язана з розвитком соціальної диференціації всередині їх кочового суспільства. Організація їх війська вдосконалювалась в напрямку подальшої централізації, підвищення стройової дисципліни і т.п.

Основним родом військ у торків була кінота. Вона поділялась на легку та важку. До легкої кінноти входили воїни-стрільці. Це були молоді та легко озброєні вершники, часто бідні люди, позбавлені можливості придбати дорогу зброю. Важку кінноту складали вершники, озброєні списом, шаблею та луком із стрілами. Лук був обов'язковою зброєю для будь-якого кочівника. Тяжкі вершники мали, як правило, кольчугу та шолом.

Воєначальники (батури) незалежно від свого, безсумнівно більш дорогого і якісного озброєння, входили як в тяжку, так і в легку кінноту, очолюючи різні її загони. Однак незважаючи на наявність в війську торів важної кінноти, вона була незрівнянно більш легкою та рухомою, ніж західноєвропейське і навіть російське військо. Організаційно військо розподілялось на загони. Окремий загін торків зазвичай нараховував 300–350 осіб.

Соціальна диференціація війська торків повністю підтверджується археологами. Археологічні матеріали свідчать про чітке розподілення торків на декілька соціальних категорій: безкінних бідняків (пастухів), воїнів-лучників, воїнів важкоозброєної кінноти, а також воїнів, що належать до верхівки аристократії. У літописах лучники названі «молодью», важкоозброєні воїни називались «лучними мужами». «Аристократи», як і хани, іменувались князями.

Г. Е. Свистун (Люботин)

САЛТОВСКАЯ ОБОРОНИТЕЛЬНАЯ ЛИНИЯ МОХНАЧАНСКОГО ГОРОДИЩА

В 2000 г. при раскопках Средневековой археологической экспедиции Харьковского госпедуниверситета городища у с. Мохнач был исследован ряд защитных линий на южной оконечности мыса. В результате работ, проведенных на четвертой (по счету с юга) линии обороны, выявлены остатки сложного инженерного сооружения. Это была нижняя часть стены, состоящая из внутреннего и внешнего каменных панцирей с внутренней забутовкой. Первый из них был возведен на слегка выровненной погребенной почве; внешний – помещен на переотложенный грунт, который содержал глиняные линзы, перекрытые слоем чернозема.

Основа внешнего панциря состояла из глыбы рваного камня, но в его нижней части большинство составляли каменные тесаные блоки. Их размеры: 0,6–0,8 х 0,3–0,5 х 0,25–0,3 м. Некоторые из них имели небольшие скосы на верхней грани. Блоки были сложены без связующего раствора, будучи плотно пригнанными друг к ругу. Способ кладки в полном объеме восстановить затруднительно из-за плохой сохранности сооружения, однако, четко прослеживаются ряды с положением блоков как «тычком», так и «ложком». Все выше сказанное о блоках внешнего панциря аналогично большинству каменных крепостей Хазарии. Параметры блоков имеют наибольшее сходство с Правобережным Цимлянским и Хумаринским городищем [Флеров В. С., 1994; Биджиев Х. Х., 1983]. Нижние блоки с наружной стороны были дополнительно укреплены подсыпкой из глины и чернозема. Внутренний панцирь состоял из рваного камня, хотя в нем содержались отдельные тесаные плиты, отличающиеся по своим размерам от ранее описанных. Пространство между этими камнями заполнялось глиной и мелким щебнем, затем пропитывалось водой и подвергалось утрамбовке, что создавало монолитность данной конструкции.

Внутреннее межпанцирное пространство имело грунтовое смешанное заполнение, включавшее в себя глину, золу, чернозем и мелкий щебень. Последний представляет собой строительный мусор и свидетельствует об изготовлении тесаных блоков на месте, непосредственно в процессе строительства. В нижнюю часть забутовки горизонтально были впущены бревна, касавшиеся своими торцами внутренних стенок обоих панцирей. Они были расположены со смещением на различных уровнях, образуя (в профиль) своеобразный шахматный порядок. Выяснить конструкцию деревянных элементов забутовки до конца не представляется возможным, но определенно можно сказать, что они были предназначены для сдерживания давления забутовки на панцири. Остается невыясненным назначение обнаруженных у внутренней стенки внутреннего панциря деревянных бревнышек диаметром 0,1–0,15 м и длиной 0,5–0,6 м, расположенных в горизонтальной плоскости. Общая толщина сохранившейся стены достигала 5 м, высота — около 2,5 м. Ширина бермы составляла 13 м. Она имела небольшой уклон с понижением уровня в сторону рва, с перепадом высот около 1,5 м на всей протяженности. В стратиграфии бермы прослежено смешанное напластование из глины и чернозема толщиной около 0,3 м, образовавшееся, по-видимому, при рытье рва. Ров имел внутренний откос под углом около 35°.

Поверх земляной насыпи вала прослежены остатки верхней деревянной стены. Ее наличие подтверждают сохранившиеся столбовые ямки с остатками деревянных стволов диаметром 0,3–0,35 м. Пять из шести выявленных ямок располагались на расстоянии 5–6 м друг от друга. Только между ямками № 5 и № 6 расстояние составляло около 2,5 м. Они имеют округлую в плане форму. Большинство же ямок были продолговатыми в плане. Причем наиболее углубленные их части были однополярными (к западу), отражая определенную системность строительства. На исследуемом участке несущие опоры деревянной стены укреплялись снаружи каменной досыпкой. Изнутри, скорее всего, стена имела пандус.

Характеризуя в целом результаты проведенных здесь работ, необходимо отметить следующее. Двухпанцирная бесфундаментная каменная конструкция с грунтовой забутовкой исследованной оборонительной линии являлась характерной для фортификационной архитектуры Хазарского каганата и была широко распространена в Предкавказье, в Крыму, а также в Средней Азии [Плетнева, 1996]. Выявленная техника закладки крепости непосредственно на погребенной почве сближает ее с аналогичными сооружениями на Верхнеольшанском и Волчанском городищах [Флеров В. С., 1994].

Остатки деревянной стены, прослеженной по гребню вала, свидетельствуют, скорее всего, об использовании в ее основе столбовой конструкции, состоявшей их вертикально вкопанных стволов, между которыми закладывались бревна в горизонтальном положении. Столбы, вкопанные в землю, непременно подвергались в подземной части более интенсивному гниению, нежели в наземной части. Поэтому их необходимо было периодически менять, в то время как наземные горизонтально заложенные бревна были еще пригодны для эксплуатации. Это и объясняет наличие двойных (овально-вытянутых) столбовых ямок, имеющих разную глубину залегания дна. Видимо, при замене старых

столбов на новые закладные бревна использовались вторично, поэтому расстояния между столбами необходимо было сохранить прежними.

Следует отметить, что культурный слой данного раскопа (174 м^2) содержал исключительно салтовский материал (сер. VIII — сер. X ст.) Заметим также, что исследованные ранее, более южные оборонительные линии Мохначанского городища (первая — третья) относятся к роменской культуре. Рассмотренная нами выше четвертая линия обороны носит в себе черты двух строительных традиций. Нижняя часть, состоящая из каменных панцирей с забутовкой, несомненно, создана салтовцами. Верхняя же, представлявшая собой деревянную столбовую конструкцию имеет определенное сходство с роменской техникой фортификации [Кучера М. П., 1999]. Однако отсутствие в раскопе каких-либо роменских находок и обилие салтовских убеждает в том, что и верхняя часть этой оборонительной линии возведена в салтовское время.

С. Б. Сорочан (Харьков)

РАННЕВИЗАНТИЙСКИЙ СЕКТОР УСЛУГ: СТРОИТЕЛЬНОЕ ДЕЛО (IV–IX вв.)

Оценка строительной деятельности в Империи ромеев IV–IX вв. как таковая никогда не была предметом специального исследования, тем более с точки зрения восприятия ее в качестве критерия, некоего своеобразного индикатора уровня развития раннесредневекового византийского общества. Традиционно и вместе с тем недостаточно доказательно она давно представлялась в историографии как весьма развитая, но столь же традиционно с некоторых пор стал подчеркиваться ее упадок, якобы последовавший после VI столетия и снизивший строительную активность в последующие «темные века» почти до «нулевого уровня», до точки крайнего предела запустения и бедности. В результате византийские города и поселения этого времени видятся некоторым исследователям заброщенными, неприютными, полуразрушенными центрами, по сути дела «полудеревней» без каких-либо перспектив строительной жизни. Так ли это было на самом деле?

Отсутствие сведений о значительном числе новых построек как будто свидетельствует в пользу вывода о длительном, серьезном упадке ромейского строительства или даже о его полном прекращении в «темные века», в чем сторонники точки зрения о свертывании городской жизни в Византии VII – IX вв. видят один из решающих аргументов в пользу своей научной концепции. При этом не принимается во внимание многое. В частности, забывается, что демографический спад населения должен был вызвать в большинстве городских центров VIII в. отсутствие острой потребности в сооружении новых крупных общественных построек, поскольку вполне хватало возведенных прежде зданий, как это отчетливо видно на примерах Рима V–IX вв. или Херсонеса (Херсона) того же времени. Но даже тогда встречаются следы строительной деятельности ромеев, затронувшей самые разные регионы и «контактные зоны» империи.

Впрочем, письменные источники дают сравнительно скудную информацию такого рода о любом периоде истории византийских городов и в этом смысле «темные века» ничем не отличаются от предыдущих и последующих. Хронисты IV–VI вв. обходили в своих сочинениях сведения о строительстве в провинциальных городах империи и вне их, упоминая главным образом лишь наиболее впечатляющие общественные сооружения столицы, укрепление ее оборонительных стен и башен. Если бы не официозный панегирик Прокопия, вылившийся в 560/561 гг. в перечень самых масштабных работ, предпринятых в правление Юстиниана, нам было бы совершенно невозможно представить размах этой деятельности в соотношении с теми ее археологическими остатками, что дошли сквозь века. Между тем, Иоганн Ирмшер, специально собиравший данные о ранневизантийских ценах, вынужден был констатировать: «Цены за место и землю в городах – в основном для строительных целей – я не могу назвать. Также и о самих деньгах для строительства в исследуемый нами период времени — данные об этом отсутствуют».

Удивительно, что вполне благополучные города, такие как Оксиринх первых веков н.э. тоже не знали широкомасштабного городского строительства и, судя по материалам греческих папирусов, занимались больше текущим ремонтом и реставрацией. Подобные «темные периоды» в строительной деятельности можно заметить и в античных центрах Северного Причерноморья во II–I вв. до н.э. и во второй пол. III–IV вв. н.э., хотя никто не связывает их со «смертью города».

На фоне этих наблюдений вовсе не ничтожными выглядят те свидетельства житий Николая Сионита (VI–VII вв.), Иоанникия (754–846) Стафана Сугдейского (VIII–превая пол. IX вв.), Евфимия Нового (823-898), Германа Косинитского (IX–X вв.) и других, которые указывают на строителей византийских церквей, монастырей, молельных и жилых домов, других сооружений, возводившихся и в городах, и в деревнях. Та легкость, с которой Константин V со-

брал со всех концов империи (ek tes ypo Romaion arches) около семи тысяч технитов для восстановления столичного водопровода в 766 г., свидетельствует о налаженном строительном деле с давними, прочными, никогда не пресекавшимися традициями.

Несомненно, происходили изменения в архитектурной планировке церквей, ставших главным видом общественных зданий. Базилики уступали место крестовым и еще более общепринятым крестово-купольным храмам; последние в VIII–IX вв. стали уменьшаться в размерах, в них исчезает амвон, вокруг которого прежде разворачивалась литургия; изменяется стиль церковной живописи, больше не строят предхрамовые дворы – атриумы или аулы, отдельные здания баптистериев, заменяемые купелями в самих храмах. Но, спрашивается, почему все эти метаморфозы надо рассматривать как проявления упадка, а не эволюции и не видеть в них поиск новых архитектурных, «дизайновых» решений, отражавших изменения общественного развития и менталитета?

Если определенное сокращение строительной активности, а также связанного с ним производства, добычи стройматериалов и имело место в Империи ромеев в VII–IX вв., оно не могло быть существенным, повсеместным и, самое главное, необратимым.

М. Л. Швецов (Донецк)

ПОГРЕБЕНИЕ 40 МОГИЛЬНИКА ЗЛИВКИ

Среди раннесредневековых памятников археологии Украины, дающих представление о населении Подонцовья во второй половине VIII–X веках, могильник Зливки занимает особое место. Впервые вошедший в науку в начале XX века (Городцов, 1902), неоднократно превлекался специалистами для характеристики памятников салтово-маяцкой культуры Восточной Европы, дав имя одному из ее вариантов — зливкинскому (Готье, 1930; Неджимов, 1955; Ляпушкин, 1958; Артамонов, 1962; Шрамко, 1959; Генинг, Халиков, 1964; Плетнева, 1967, 1999; Михеев, 198 и др). Продолжение исследований на памятнике дало возможность продлить его хронологические рамки и выделить христианскую часть могильника XI–середины XII века (Швецов, 1991). Полученные при исследовании материалы своеобразны и дают возможность остановиться на анализе отдельных комплексов и погребений могильника.

Погребение 40, расположенное в юго-западной части могильника, невдалеке от берега озера Чернецкое (Старица Донца), совершено в овальной в плане могильной яме, с тремя прямыми стенками и со ступенькой в восточной, узкой стороне могилы. Погребенный положен вытянуто, головой на ЮЗ, на спине, с руками вдоль тела, ноги прямо. На приступке, сооруженном после положения умершего, чуть выше ног, уложены череп и кости ног козы, овцы. В изголовье был поставлен лощенный сероглиняный кувшин, правее деревянное блюдо с серебряными скрепками-пластинками, на котором лежала напутственная пища, в виде мяса (баранина) и железный нож, слева у руки костяной наконечник стрелы. Погребенный был опоясан ремнем с серебряной пряжкой. Серебряные украшения поясной гарнитуры представлены бляшками и накладками с прорезью для подвижных ремешков с наконечниками.

Отличительными признаками, выделяющими данное захоронение из общей массы мужских, женских и детских погребений могильника, а их около ста, являются: установка в могиле лощенного сероглиняного кувшина; наличие деревянной посуды, украшенной серебряными скобами-пластинами; наличие поясной гарнитуры.

Типологическая классификация сопровождающих керамических изделий в погребальном обряде зливкинцев, по мнению специалистов, дает возможность рассматривать этнические, племенные, социальные и половозрастные градации общества. Имéнно редкость посуды в погребениях или наличие кубышек и горшков рядом с умершим, является характерным признаком Донецкого варианта (Плетнева, 1967; 1999).

Признаком болгарской принадлежности зливкинских могильников, по мнению В. Б. Ковалевской, является присутствие в них только горшков (Ковалевская, 1988). Единичность наличия кувшинов в мужских захоронениях могильников Подонцовья подтверждают материалы других памятников этого региона (Лиманское озеро, Желтое, Лимаревка).

Установка деревянной посуды, украшенной медными, серебряными скрепками-пластинами в погребальном обряде Восточно-Европейских степей, известна с эпохи ренней бронзы (Ковалева, 1981; Отрощенко, 1984; Ляшко, 1994; и др.). Этому социально значимому элементу погребального обряда, его значимости в мировоззрении и идеологических представлениях степных народов эпохи бронзы, раннего железного века посвящено множество исследований (Манцевич, 1966; Отрощенко, 1984; Гаврелюк, 1989; Белов, 1997; Литвиненко, 1997; и др.). По их мнению наличие деревянных сосудов, украшенных медными и серебряными скобами, отражают возможность указания на высокий со-

циальный ранг умерших в обществе, а также на причастность их к жреческому сословию.

Наличие полной поясной гарнитуры в единственном погребении могильника Зливки (п. 40) только подчеркивает значимый социальный статус умершего. Традиция ношения воинских поясов с подвесными ремешками, появившаяся в степи с VI–VII веков, уходящая своими корнями в первые века нашей эры (Амброз, 1981), сохраняется в Хазарскую эпоху, и известна на всей территории Великого Пояса степей в этот же период.

Синкретизм традиций погребальной обрядности, прослеживаемый на материалах рассматриваемого погребения, отражает сложность процесса формирования этнического состава населения, оставившего памятники типа Зливки.

В. Ю. Юрочкин (Симферополь), Е. Я. Туровский (Севастополь)

ЛЕКИФЫ С ЛИКАМИ СВЯТЫХ ИЗ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ (К ВОПРОСУ ИДЕНТИФИКАЦИИ ОБРАЗОВ)

Проблемы в изучении ранневизантийских иконографических традиций обусловлены главным образом малочисленностью сохранившихся памятников этого времени. В связи с этим первостепенное значение приобретает как поиск новых артефактов, так и осмысление уже известных науке. Активно развивающийся процесс возрождения церковной археологии диктует необходимость использования в работе методов общей археологии (стратификацию слоев, «узких датировок» закрытых комплексов и т.п.).

К числу памятников «ремесленной иконографии» принадлежат изображения, нанесенные краской на внешнюю сторону нескольких миниатюрных лекифообразных кувшинов, найденных на территории Таврики. Впервые образец такого кувшина из собрания Одесского музея опубликовал В. Ф. Гайдукевич (1949. С. 143. Рис. 24; Gajdukevic, 1971. Рис. 149). Еще два однотипных расписных сосуда из керченской коллекции приведены в работе В. И. Цехмистренко (КСИА. 1975. Вып. 70). К той же группе посуды принадлежит кувшин, происходящий из погребального сооружения, исследованного на г. Митридат в Керчи (Блаватский, 1985. С. 25–30).

Что касается датировки сосудов, то В. Д. Блаватский относил их к концу IV–V вв., А. И. Айбабин, указывая на аналогии из раскопок Суук-Су и Скалистого, определил их как форму, типичную для захоронений VII в. (Айбабин, 1990. С. 15; Веймарн, Айбабин, 1993. С. 190). В настоящий момент мы располагаем сведениями о находках 7 экземпляров как с красочными изображениями, так и без таковых. Из них, по сути, единственным закрытым комплексом, содержащим кувшин подобной формы (правда, без росписи), является могила 155 некрополя Суук-Су. Не вдаваясь в дискуссию о хронологии соответствующего горизонта Суук-Су, отметим, что на наш взгляд датировка могилы 155 может быть ограничена второй половиной VI столетия. Считается, что такой же кувшин происходит из могилы 154 Суук-Су. Датировка самой могилы в пределах VII в. сомнений не вызывает, но связь находки с захоронением проблематична: кувшин с поврежденным горлом найден в засыпи. Притом, его идентификация с рассматриваемыми типами не бесспорна. Находки из разграбленного склепа 482 Скалистинского могильника не противоречат датировке кувшинов второй половиной VI в., хотя и не уточняют ее.

На лекифообразных кувшинах представлены два вида изображений: бородатого мужчины преклонного возраста (сосуд из Одесского собрания) и молодого человека (кувшин из Керчи). В последнем случае роспись сохранилась крайне плохо, поэтому о лике святого можно судить только по фотографии, воспроизведенной в публикации В. И. Цехтмистренко. Образ на «одесском» лекифе демонстрирует наибольшее сходство с памятниками священной иконографии второй половины VI–VII вв.: иконой «Архиепископ Авраам» из берлинского собрания, «луврской» иконой с фигурами Христа и св. Мины, росписью келии в Саккара и в монастырях Египта, а также мозаичными ликами евангелистов в храме Панагии Канакарии на Крите (Кондаков, 1911. Рис. 153–154, 160; Беляев, 1998. С. 135; Megaw, Hawkins, 1977. Рис. 41, 48, 49, 54, 59, 62, 68–76; Rice, 1994. С. 29). Следовательно, приведенные иконописные аналогии подтверждают датировку, основанную на анализе археологического контекста находок.

Визуальный осмотр кувшинов, хранящихся в фондах Керченского заповедника[1], подтвердил наблюдения В. И. Цехмистренко, отмечавшего сходство их глины с синопской. Во всяком случае, южнопонтийское происхождение изделий вполне вероятно. Если это действительно так, то, на наш взгляд, представляется возможной идентификация образов. Среди подвижников первых веков христианства на территории

---

[1] Авторы признательны научным сотрудникам Керченского историко-культурного заповедника Желтиковой А. Л., Кучеревской А. В. за оказанную помощь в работе с фондовым материалом.

Южного Понта особо выделяются фигуры св. Фоки, епископа Синопы (II в.), св. Фоки Вертоградаря (мученика IV в., также уроженца Синопы) и св. Феодора Тирона (Новобранца), пострадавшего в IV в. в г. Амасии. Образы св. Фоки, Епископа и Вертоградаря в православной традиции слились воедино (память 22 сентября ст/ст). Почитание священномученика Фоки на Боспоре засвидетельствовано «Похвалой» Астерия, епископа Амасии (вторая половина IV в.). Касательно св. Феодора Тирона следует указать, что наиболее распространенное христианское имя на Боспоре, именно Феодор. В Тиритаке обнаружено посвящение св. Феодору. В средневековой Таврике значительное число храмов было освящено во имя свв. Феодоров Тирона и Стратилата, покровителей христианского воинства. Исходя из вышесказанного, мы считаем вправе предположить, что на рассматриваемых южнопонтийских сосудах второй половины VI в. помещены образы св. Фоки (мужчины преклонных лет) и св. Феодора Тирона (лик молодого человека).

Касаясь вопроса о назначении сосудов, обратим внимание на их малую вместимость и лекифообразную форму, а также — на довольно высокое качество росписи, не позволяющее видеть в них обычную бытовую посуду. Это ставит их в один ряд с другими категориями священных вместилищ, например, с раннесредневековыми ампулами, предназначенными для святого миро. Связь рассматриваемых сосудов с почитанием мощей мучеников кажется нам наиболее вероятным. Частицы мощей свв. Фоки и Феодора Тирона, прославившиеся чудесами, сохранялись в различных городах Византии. С другой стороны, сама форма лекифа, выработанная еще в Древней Греции, подразумевает ассоциацию с погребальным обрядом. Напомним, что все сосуды обнаружены в могилах. В Византии существовало особое заупокойное богослужение, последование которого предусматривало омовение человеческих останков родостамной — смесью воды и вина (Мусин, 1998. С. 54), куда, возможно, могло входить святое миро от мощей мучеников, с целью сообщить погребенному исходящую от них благодать. Для хранения и транспортировки подобного состава из Синопы в Таврику могли служить рассматриваемые в нашей работе лекифообразные сосуды.

СЛАВЯНЕ И КИЕВСКАЯ РУСЬ

К. А. Аверьянов (Москва)

О ЗНАЧЕНИИ ТЕРМИНА «ТЬМА» ДРЕВНЕРУССКИХ ИСТОЧНИКОВ

Одной из важнейших проблем древнерусской истории является организация системы ордынской власти. Считается, что вскоре после монголо-татарского нашествия завоеватели для организации сбора дани разделили древнерусские княжества на отдельные области, называвшиеся «тьмами». Утверждение это основано на ряде источников.

Под 1359 г. летописи сообщают, что в Орде был убит хан Кульпа. Его преемником на ханском престоле стал Наврус. В Орде, для представления новому хану, пришлось быть и князю Андрею Константиновичу Суздальскому. Рогожский летописец при описании этих событий помещает уникальное известие: «Навроус ... насла на князя Андрея Костьнянтиновича. дая емоу княжение великое, *15 темь*, он же не яся, но состоупися брату своему меньшему князю Дмитрею, а самъ поите на Роусь». Любопытно известие из «Хронографа редакции 1512 г.»,который под 1399 г. сообщает: «князь велики Витовтъ Литовьский сдумавше съ царемъ Тактамышемъ поити на царя Темирь Котлуя. Витовть рече: «я тебе посажю на Орде и на Сараи и на Болгарехъ и на Азтарахани и на Озове и на Заятцькой Орде, а ты мене посади на Московьскомъ великомъ княжении и на всей *семенатьцати темъ* и на Новеграде Великомъ и на Пъскове, а Тферь и Рязань моа и есть, а Немци и самъ возму»». Еще раз это выражение мы встречаем в ярлыке крымского хана Менглии-Гирая 1506-07 гг. великому князю литовскому Сигизмунду. И хотя этот источник относится лишь к началу XVI в., в своем основном ядре он восходит к более ранней эпохе. Речь в нем идет о землях, вошедших в состав Великого княжества Литовского при Витовте и Казимире. Задним числом Менгли-Гирей соглашался признать право владения ими за Сигизмундом с тем, чтобы он взамен давал известное количества «поминков» в Крым. Читаем: «Дали потомуж: Киевскую тму, со всими входы и данми, и зъ землями и зъ водами; Володимерскую тму, со всими входы и данми, и зъ землями и зъ водами; Великого Луцка тму, со всими входы и данми, и зъ землями и зъ водами; Смоленскую тму, со всими входы и зъ данми, и зъ землями и зъ водами; Подолскую тму, со всими входы и зъ данми, и зъ землями и водами...» и т. д. Наконец, укажем на упоминание в Любецком синодике черниговских князей жившего на рубеже XIII – XIV вв. князя Олега Романовича Брянского, «оставившего дванадесять темъ людей».

Что означает встречающееся здесь выражение «темь» или «тьма»? В тогдашнем языке оно обозначало число 10 000. Именно в этом значении оно употребляется летописцем, когда под 1371 г. он рассказывает, что Дмитрий Донской выкупил в Орде сына тверского князя «дасть на нем 10 000 рублевъ серебра, еже есть тма». Но это слова имело и другое значение: в областях Ирана, Самарканда,Бухары термином «туман», «тюмень» обозначали мелкие территориальные единицы. Кроме того, в XIII–XIV вв. на Руси знали счет населения в «тьмах». Связано это было с тем, что вскоре после татаро-монгольского нашествия завоеватели произвели перепись всего населения для определения размеров дани, которая должна была идти в Орду. Это обстоятельство привело исследователей к выводу, что термин «тьма» мог употребляться не только в смысле «область, округ», но и в значении податного округа.

Основываясь на этих источниках, А. Н. Насонов предположил, что «не исключена, таким образом, возможность, что слова "княжение великое 15 темь" свидетельствуют о количестве плательщиков (или семейств) в пределах "великого княжения Владимирского" (т.е. о 150 тыс. плательщиках), хотя возможно и другое объяснение: ничего нет невероятного в том, что территория великого княжения Владимирского делилась на 15 "туманов" или небольших областей, размеры которых определялись в соответствии с величиной взимавшейся дани». Последующая историография в целом согласилась с мнением А. Н. Насонова, что «темь» или «тьма» — «это единица административно-податного деления в русских пределах, установ-

ленная ордынцами», а великое княжение Владимирское в XIV в. было поделено татарами на 15 округов — «тем» (таких, как Владимир, Суздаль и т.д.). И хотя в целом это объяснение выражения «княжение великое, 15 темь» выглядит достаточно убедительным, выдвинувший его А. Н. Насонов все же испытывал определенные сомнения в его правильности, главным из которых было то, что «в источниках мы не нашли пока никаких следов существования "тем" как мелких территориальных единиц на русском Северо-востоке».

Между тем, термин «тьма» все же встречается в духовных и договорных грамотах XIV–XV вв.–в докончании 1445 г. князя Дмитрия Шемяки с суздальскими князьями: «А въ прадедину нашю, и в дедину, и въ отчину, в Суздаль, в Новгород (имеется в виду Нижний Новгород. – *К. А.*), в Городець, и въ Вятку, и во всю *пятетем Новъгородскую*, тобе, господину нашему, князю Дмитрию Юриевичю, и твоему сыну, князю Ивану, не въступатися ничим». Что же подразумевается в грамоте под выражением «всю пятетем Новъгородскую»? В переводе на современный язык его следует читать как «все пять тем новгородских». Поскольку грамотой это выражение перечисляется в одном ряду с Суздалем, Нижним Новгородом, Городцом и Вяткой, следует предположить, что оно обозначало определенную географическую область, такую же, как вышеперечисленные, и сравнимую с ними по своим размерам. Указание же грамоты, что эта область являлась новгородской (в данном случае речь идет, конечно же, не о Великом Новгороде, а о Нижнем) заставляет искать ее в пределах Нижегородского княжества.

Определенные указания на это дает известие Рогожского летописца под 1364 г.: «бысть моръ силен велик на люди в Новегороде въ Нижнем и на уезде, и на Сару, и на Киши, *и по странамъ, и по волостемъ*». Некоторое недоумение в этом сообщении вызывают слова «и по странамъ, и по волостемъ». Летописи, полные сообщений о различного рода эпидемиях, при характеристике их размеров и произведенных опустошениях иногда используют выражение «страны», но употребляют его исключительно в значениях «государство», «княжество». В этом легко убедиться, читая рассказ того же Рогожского летописца о продолжении той же эпидемии, начавшейся в 1364 г.: «А преже того былъ моръ в Новегороде въ Нижнемъ, а пришелъ съ низу, от Бездежа в Новъгородъ в Нижнии, а отътоле на Коломну, а съ Коломны на другое лето в Переяславль, а отъ Переяславля на другое лето на Москву. Тако въ всехъ странахъ и градехъ и въ всехъ пределехъ ихъ былъ моръ великыи, страшныи».

В приведенном же нами предшествующем отрывке речь идет исключительно о территории Нижегородского княжества, где, понятное дело, не могло быть других «государств». Притом эти «государства» должны были быть совершенно крошечными, поскольку, судя по контексту известия, понятия «страны» и «волости» однопорядковые, означающие мелкую территориальную единицу. Тем не менее, летописец сознательно употребляет в сообщении не одно из этих слов, а одновременно два. Отсюда мы можем предположить, что в нижегородском княжестве наряду с волостями существовали и иные мелкие территориально-административные единицы, отличные от них.

Ясность в этом вопросе наступает только тогда, когда мы вспомним о том, что именно термином «темь» или «тьма» можно было обозначить небольшую территориальную округу. Очевидно, упоминаемые в этом известии Сара и Кишь являлись ни чем иным, как «тьмами». Однако слово «тьма» в тогдашнем языке имело и другое, числовое значение (10 тысяч) и поэтому летописец в своем известии предпочел дать не сам термин, а его русский перевод.

Итак, в пределах Нижегородского княжества, по соседству с Нижним Новгородом, находились две территориально-административные единицы – Сара и Кишь, возможно, носившие название «тьма». Но окончательно в этом можно убедиться лишь тогда, когда найдем остальные три. Они, вероятно, лежали поблизости от первых двух, и поэтому нам необходимо обратиться к другим известиям летописца, где упоминаются и другие административно-территориальные единицы этого района. Под 1375 г. имеется сообщение, что «пришедше татарове из Мамаевы орды и взяши Кишь и огнем пожгоша и бояри на убиша Парфениа Федоровича и *Запиание* все пограбиша». Еще одно упоминание этих мест содержится в описании отступления татар после их набега на Нижний Новгород в 1408 г.: «И поидоша отъ Навогород воюючи Уяды и Березово поле, тако поидоша обаполъ и по лесомъ ищучи лющей... и оттоле поидоша къ Суре, начаша Суру воевати, Кормышъ пожгоша и Сару Великую пожгоша...»

Все упомянутые в этих известиях пять пунктов — Сара, Кишь, Запьяние, Уяды и Курмыш, за исключение Березова поля, которое находилось непосредственно у Нижнего Новгорода, компактно располагались вдоль нижнего течения р. Суры, ее левых притоков Пьяны и Кишь. Во второй половине XIV–первой половине XV в. они входили в Нижегородское княжество и образовывали на его восточной окраине единую область с центром в Курмыше. Судя по грамоте 1445 г., она именовалась как «пять тем нижегородских».

И хотя эта область входила в состав Нижегородского княжества, она делилась не на волости, а на «тьмы». Это объясняется тем, что преобладающим элементом здешнего населения были не русские, а мордва и татары. Об этом свидетельствует летописный рассказ о нижего-

родском «госте» Тарасии Петрове, купившем в этих местах приблизительно в 60–70-х годах XIV в. себе «вотчину... шесть сел» у местного, вероятно, мордовского, князя Муранчика. Селились здесь и татары, приходившие из Орды. Так, под 1361 г. Рогожский летописец сообщает: «А Секиз бии Запиание все пограбил и, обрывся рвамъ, ту седе».

В литературе приобретение этих земель суздальскими князьями обычно относят к 60–70-м годам XIV в. Присоединив эту территорию, они не спешили вводить здесь прямое русское управление с привычным для нас делением на волости, а оставили для местного мордовского и татарского населения известную автономию и прежнюю систему административного устройства, состоящую из «тем». Таким образом, под термином «тьма» следует понимать мелкую административно-территориальную единицу, аналогичную волости, на землях, населенных по преимуществу нерусским населением, и сохранявшую определенную самостоятельность во внутреннем управлении. О том, что под термином «тьма» следует понимать именно небольшую территорию, свидетельствует и указание Любецкого синодика. Если мы еще можем согласиться с тем, что во всем Великом княжении Владимирском в XIV в. было 150 тысяч плательщиков татарской дани (предположив, что татарские переписи охватывали именно семьи, а не отдельных лиц), то вряд ли в далеко не самом крупном Брянском княжестве их насчитывалось 120 тысяч.

Появление этих новых административных единиц в в пределах Русской земли объяснялось тем, что уже с достаточно раннего времени в Орде начинаются смуты и междоусобицы. Ожесточенная грызня за ханский престол выбрасывала за пределы Большой Орды царевичей и вельмож, потерпевших поражение в этой борьбе. Вместе с ними, спасаясь от мести победителей, бежали десятки и сотни их сторонников. Вся эта масса оседала на малозаселенных местах между русскими княжествами, Литвой и Великой степью, создавая ту широкую буферную зону между Русью и Ордой, которую уже в XV в. назовут «украиной». Русские и литовские князья охотно принимали выходцев из Орды, предоставляя им свободные земли, справедливо полагая, что могут использовать их в качестве заслона против татарских набегов.

До поры до времени эти выходцы из Орды сохраняли достаточно широкую автономию в делах внутреннего управления, привычный уклад жизни и прежних правителей, а зависимость от русских князей, судя по всему, выражалась лишь в эпизодической посылке военных отрядов против их врагов. В то же время они продолжали сохранять и определенные связи с Ордой, порой участвуя во внутриордынских спорах и противоречиях. Занимая широкую «буферную» зону между Ордой и Древней Русью, в своей политике они балансировали между этими двумя государственными образованиями, готовые в любой подходящий момент склониться на сторону сильнейшего. Поэтому зависимость этих территорий от русских княжеств то ослабевала, то усиливалась в соответствии с «текущим моментом».

А. В. Артемьев (Полтава)

К ВОПРОСУ О ФИЗИЧЕСКОМ СОСТОЯНИИ ЛЕТОПИСНЫХ СЕВЕРЯН ПОВОРСКЛЬЯ

В ходе раскопок 1997–1999 гг. курганного некрополя Глинского городища в Полтавской обл. исследованы 8 подкурганных погребений. Получена коллекция антропологических материалов позволяющая судить о физическом состоянии проживавшего на городище населения в X–XI вв., изучить патологию тканей зубов и костей, провести анализ уровня распространённости, интенсивности болезней в эволюционном аспекте на территории Среднего Поворсклья в позднероменское время.

Погребальные комплексы датированы археологически второй–третьей четвертью XI в. Осуществлены антропологические определения, идентификация костяков, установлено наличие прижизненной патологии и посмертных изменений на останках. Последнее произведено с привлечением методик судебной медицины, включавших эмиссионный спектральный анализ, микроскопию. Использованы также стоматологические индексы.

Предметом изучения краевой патологии, особенностей твёрдых тканей и органов человека стали 7 практически полных скелетов (относительно хорошей сохранности). Все погребённые захоронены по обряду ингумации, с западной ориентацией. Погребения представителей позднероменской археологической культуры Глинского некрополя по инвентарю и характеру обряда имеют различный социальный статус. Выявлено 2 женских и 5 мужских костяков.

Средняя продолжительность жизни населения Глинского городища составляла 37 лет (ниже показателя этой эпохи), причём у женщин — 33 года (на что повлияла гибель девушки репродуктивного периода), мужчин — 41 год. Последнее, возможно, связано с функциональным размежеванием деятельности, ибо мужчи-

ны, как более мобильная группа (воины), могли быть похоронены в других регионах. Детские захоронения отсутствуют, очевидно, из-за небольшой выборки материала. Средний рост погребённых — 165,3 см (женщины — 162,5 см, мужчины — 168,0 см).

Черепной указатель соответствует мезокрании у 3 человек (2 женщины, 1 мужчина), остальные — долихокранны. Форма черепов в 5 случаях (1 женщина, 4 мужчины) овоидная, у 2 оставшихся — элипсоидная. Угол вертикальной профилировки — прогнатный у 1 женщины, мезогнатный тип — у других. Кости грацильны (ажурны). Сравнительный анализ серии показал её типологическую однородность, принадлежность к большой европейской расе, среднеевропейскому варианту. Это дополняет сведения о северянах Лесостепного Днепровского Левобережья, которые в исследуемой местности, по абсолютному большинству признаков, идентичны населению с территории среднего бассейна р. Псёл этого времени, сходны с населением, занимавшим территорию современных Сумской и Курской областей.

Палеопатология проявилась в наличии костных мозолей на черепах и отдельных костях скелета у двух особей (свидетельство перенесённых при жизни травм): дефект лобной и теменных костей женщины; застарелый перелом правого пятого ребра (характер консолидации указывает на получение увечья в период формирования скелета — 18–24 года) мужчины.

Зубочелюстная система: стёртость зубов физиологическая (употреблялась твёрдая пища). Зубные камни отмечены у 2 женщин и 3 мужчин. Доказательство появления камней при жизни: внешний вид, форма, структура, результаты спектрального анализа, цвет (с различными оттенками) одинаков на всех зубах, что позволяет допустить наличие в рационе богатой красителями пищи. Кариес выявлен в 4 случаях: на зубах у 2 женщин и 2 мужчин. При этом интенсивность кариеса у женщин — 1,0 %, мужчин — 3,6 %, всей группы — 2,8 % (очень низкая, средняя и низкая соответственно — классификация ВОЗ). Распространённость этого заболевания 57,2 %. Зависимости патологии от грацильности, значит, большей степени минерализации костей и эмали зубов не отмечено. Характер полостей говорит о проявлениях осложнений кариеса (возможно, пульпита), периодонтита (отмечен у 2 мужчин). Следы пародонтоза обнаружены на челюстях 2 мужчин и 1 женщины. Истончение, резорбция и остеопороз лунок зубов, нося локальный характер, свидетельствуют о слабых пародонтальных явлениях. По современным стандартам в протезировании при жизни нуждались бы 1 женщина и 2 мужчин. Среди зубочелюстных аномалий выявлены: прогнатический дистальный прикус, первичная адентия (недостаток места М3) у женщин; аномалийный нейтральный прикус у мужчины (объясняемый возрастными, приобретенными изменениями).

Итак, многие патологические состояния представлены единичными случаями (но спектр их широк). Население этого микрорегтона 8–9 веков назад страдало теми же их ви дами, что и сегодня, при некоторых исключениях. Предполагемые болезни внутренних органов при данном стоматологическом статусе на костных останках не выявлены. Отмеченные болезни носили компенсаторный характер.

При последующем изучении могильника следует обратить внимание на исследование остеологических находок как носителей подобной информации.

Ю. Ю. Башкатов (Киев)

ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВО КИЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

На поселениях киевской культуры были исследованы различные типы жилых, хозяйственных и производственных построек. Однако наибольший интерес вызывают жилища. На данный момент в Среднем Поднепровье их исследовано 26, в Подесенье – 35, в регионе Днепровского Левобережья – более 35, в Верхнем Поднепровье – более 50. Однако сведения о постройках Верхнего Поднепровья слабо введены в научный оборот, и их использование является довольно затруднительным. В особую группу можно выделить жилища Верхнего Подонья и лесостепного Прихоперья: их раскопано около 20.

В основе своей жилые постройки киевской культуры представляют собой небольшие однокамерные постройки с открытым очагом, квадратной либо подквадратной формы со сторонами 3 х 4 метра. Однако было исследовано достаточно большое количество жилищ с отклонениями от данного стандарта: по форме, размерам, типу отопительного сооружения, степени углубленности, конструкции. Так, если наиболее распространенной формой является квадратная, то встречаются постройки удлиненные (Обухов VII, сооружение 25, Тазово, постройка 4, Букреевка II, постройки 3, 9, Седелки, постройка 1), Также известны дома крупных размеров, например Вишеньки 3,85х6,45 м; Киреевка II 6,8х4,2 м; Букреевка II постройка 9 – 5,5х3,7 м. Часто котлованы имеют закругленные углы или неправильную форму, что в некоторых случаях может обьясняться сыпучес-

тью грунта. В нескольких постройках зафиксировано место входа. Пол жилища был, как правило, утрамбован, в некоторых случаях подмазан глиной (Обухов II, жилище 2). Среди отопительных сооружений преобладают открытые очаги, расположенные в средней части постройки либо в одном из ее углов. Очаги располагались на уровне пола, реже в специальной яме. Они могли быть как глинобитными ((Казаровичи, постройки 2, 5) иногда в несколько слоев с керамической вымосткой (Казаровичи, постройки 1, 3, 4)), так и просто на полу в виде зольника (Глеваха, постройка 3, Ходосовка, постойка 8). Особый тип отопительных сооружений представляют собой печи-камины. Это врезанные в материковую стену постройки купольные печи (Белогородка, постройка 1), либо глинобитные очаги (Букреевка II, постройка 2, Верхнестриженское III, постройка 1). Так же иногда использовались печи-каменки (Гудок). Степень углубленности построек варируется от наземных (Новые Безрадичи, постройка 5, Седелки, постройка 1), до глубоких 1,1–1,5 м от современной поверхности, то есть до 1 м от уровня материка (Вишеньки, Лавриков Лес, Мена V). Конструктивно постройки киевской культуры можно разделить на две группы: полуземлянки и наземные жилища. Полуземляки имели два типа конструкции стен. Каркасно-плетневой, обмазаный глиной (Обухов II, постойки 1, 2, Обухов VII, постройка 16, Погребы, постройка 1), или срубный (Савенки, постройка 1, Бортничи, постройка 1). Довольно часто в жилищах удается зафиксировать столбовые ямки, что иногда позволяет определить некоторые конструктивные особенности. Наиболее распространенный вариант (более 30 жилищ) имеет яму от центрального столба глубиной 0,5–1 м и диаметром 0,3–0,6 м в верхней части (Каменево II, постройка 7, Киселевка II, постройка 1, Букреевка II, постройка 4). Очевидно в ней устанавливался центральный столб, который поддерживал коньковую балку двускатной кровли. Иногда для защиты от огня он обмазывался глиной (Глеваха, жилище 3). Более мелкие, неглубокие столбовые ямки располагались вдоль стен или по углам жилища (Погребы, Глеваха, жилище 3). В постройке 9 поселения Шишино V многочисленные ямки от кольев обнаружены по краю постройки.

Традиции домостроительства киевской культуры сохраняются и развиваются и в более поздних археологических культурах. Так, для колочинской культуры наиболее характерным типом жилища являются квадратные полуземлянки с центральным столбом и открытым очагом. В пражской культуре тот же тип полуземлянок с печью-каменкой в углу. Для пеньковской культуры характерны оба типа. Таким образом, можно говорить о преемственности традиций домостроительства между этими археологическими культурами.

С. А. Безклубая (Москва)

ИСТОРИЯ КИЕВСКОЙ РУСИ В УКРАИНСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Формирование истории Киевской Руси отражалось в параллельно возникающих жанрах фольклора и типах категорий народного творчества («человек», «вера», «мир-действительность», «красота» и т. д.), с помощью которых человек средневековья реализовывал себя в коммуникативных структурах, характеризовал сферу социальных отношений, фиксировал в общей форме исторический опыт индивида. Архаический фольклор славян представляет собой рудимент конфессионально-мировоззренческого синкретизма язычества, ежечасно сосуществующий с мифом как художественная переработка исторического человеческого опыта. Временные и пространственные понятия не даны человеку априорно. Они всегда обозначаются той историей и культурой, которой принадлежат. Славянский фольклор запечатлел мифологическое пространство – матрицу – горизонт подсознания этноса, в пределах которого сформировалась его духовность. В этом жизненном пространстве были слиты воедино географическое положение, природа, история, социокультурное развитие, менталитет этноса. Сложилась мифологизированная модель истории славянского мира, центром которой выступала реальная (зачастую, сельская) пространственная территория как хранилище мифологического времени.

Раннее христианское просвещение изменило путь фиксации славянами собственной истории в фольклоре, создав «творческую» религиозность квазифольклора – единение языческого взгляда на мир с христианским.

Вопросы соотношения киево-русской истории и разных жанров народного творчества (особенно былин) в академической фольклористике активно рассматривались представителями мифологической (А. А. Потебня – песни, А. А. Котляревский – обрядовая поэзия, А. Н. Афанасьев – сказки, О. Миллер – былины) и исторической (А. Н. Веселовский, Л. Н. Майков) школ. Последователи исторического направления, не отрицая наличия в былинах мифологических элементов, стремятся выявить историческую эпоху и те общественные силы, выражением которых явился былинный эпос, опираясь при этом на все датирующие признаки. Былины Киевского цикла сохранили и географию Киевской Руси, не знакомую северорусскому крестьянству, и имена нескольких десятков истори-

ческих лиц X–XII вв., и отображение общей позиции Киевской Руси в ее извечном противостоянии степнякам-кочевникам, и даже архаизмы языка («комони», «шеломя»). Владимиров цикл былин 70–90 гг. X ст. производит впечатление внезапно возникшего жанра. Но ему предшествовали племенные эпические сказания: о смерти Кощея («Иван Годинович»), о Михайле Потоке («Михайле-Птице»), о Дунае, слабые следы в украинских колядках песен о походах Руси на Царьград и др. Содержание их подтверждается археологическими находками (Черная Могила – ритуальный турий рог с изображением вещей птицы, невесты Ивана с колчаном, момент смерти Кощея как олицетворение кочевников; языческие курганы IX–X вв. с обширными срубными могилами под ними и парными захоронениями воинов и женщин как подтверждение былины IX–X вв. о погребении богатыря Михаила Потока с коварной женой Авдотьей Белой Лебедью и т. п.).

Дискуссионным является вопрос об исторических элементах в былинах. Подходить к социально-историческому анализу былин необходимо со стороны их датировки, установив первичный факт, событие или личность, послужившие предметом воспевания, географические названия, жизненные ситуации, совпадающие с летописными, архаичные предметы быта и т. д.

В былинах встречаются следующие исторические имена: киевский князь Владимир Красное Солнышко (в его образе слились Владимир Святославович (980–1015 гг.) и Владимир Мономах (ум. 1125 г.)), «Вольга» (Олег) Святославович (975–977 гг.), Добрыня (980-е годы), «Апракса Королевишна (императрица Евпраксия, сестра Мономаха), Глеб (ум. 1078 г.), половецкие ханы Шарукан («Шарк-великан», «Кудреван»), его сын Отрак и его внук Кончак («Коньшак»), хан Сугра (1107 г.), Тугоркан («Тугарин Змеевич»), татарские ханы Батый и «Калин-царь» (возможно, Менгу – Каан, 1239 г.). Из городов часто упоминаются Киев, Чернигов, Новгород, Муром (возможно, Моровск на Десне); преимущественно южно-русские реки (Днепр, Пучай – река Почайна в Киеве), река «Смородина» (Снепород, левый приток Днепра). Взаимодополняющие детали – это комплекс хронологических примет (былина о победе над Тугарином Змеевичем – реальная женитьба Тугоркана в 1094 г. на дочери Великого князя; характеристика в немецких хрониках Евпраксии Всеволодовны как «Королевской блудницы» и т. д.). Имена исторических деятелей дают нам крайние даты: 975–1240 гг., т. е. исторические былины группируются вокруг двух Владимиров – Владимира I Святославовича «Святого» и Владимира II Мономаха. Былины, по закону эпического единства, уравняли обоих Владимиров, создали условного эпического « Владимира» и других исторических деятелей XI–XII вв. Киевский цикл былин (например, первая былина «Вольга Святославович и Микула Селянинович» о событиях 975–977 гг., о борьбе князя Олега Святославовича с варягом Свенельдом) – отражение смены государственной политики Киева: переход от далеких походов к обороне Руси от печенегов и к изгнанию варяжских наемников, соединение дружинного начала с народным.

Долговечность и география распространения былин Владимирского цикла объясняется конкретными историческими причинами: созданием южных оборонительных линий при Владимире – прототипа застав богатырских и наполнением этих застав гарнизонами из далеких северных славянских земель.

Г. В. Бейдин, М. Н. Григорьянц (Харьков)

НАХОДКИ ПРЕДМЕТОВ ВООРУЖЕНИЯ НА ПАМЯТНИКАХ ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ В БАССЕЙНАХ ВОРСКЛЫ И СЕВЕРСКОГО ДОНЦА

При сборе подъемного материала на разрушаемых многолетней вспашкой и строительными работами памятниках черняховской культуры на территории Харьковской области авторами за последние годы, среди прочих предметов, обнаружен ряд предметов вооружения. Приводим краткое их описание.

1. Фрагмент бронзового навершия рукоятки меча грушевидной формы обнаружен на селище у с. Огульцы Валковского района. Предположительно, это навершие короткого меча римского типа, широко распространенного в Европе до первой половины III в. н.э. включительно, и является, очевидно, военным трофеем. Близкими аналогиями подобному навершию являются навершия мечей у римских легионеров, изображенных на рельефах колонны Траяна.

2. Железный боевой топор размером 7,5 см с расширенным ассиметричным лезвием и прямоугольным обухом найден на этом же селище вместе с обломанной лезвийной частью такого же топора, но большего размера. Обломанные лезвийные части подобных топоров (3 экз.) найдены также на селище Войтенки I Валковского района.

3. Железные наконечники дротиков пиковидной формы с узкими, четырехгранными в профиле остриями обнаружены на селищах Войтенки I (2 экз.), Западенька Змиевского района (1 экз.), а также Малая Даниловка Дергачевс-

кого района (1 экз.). Два наконечника дротиков с листовидным пером найдены на селище Войтенки I.

4. Железные наконечники стрел встречены как черешковые, так и втульчатые. По одному черешковому наконечнику с четырехгранным пером найдено на селищах Войтенки I и Посеки Змиевского района. На селище Бараново Валковского района найден втульчатый наконечник стрелы с листовидным пером, и подобный же наконечник, но с обломанной втулкой, обнаружен на велище Шаровка Валковского района.

Следует также упомянуть о находке на селище у с. Халимоновка Валковского района бронзового черешкового наконечника стрелы с листовидным пером, который мы, предположительно, относим также к предметам черняховского вооружения.

5. Большой однолезвийный нож, найденный на селище Войтенки I, с длиной лезвия более 15 см, учитывая размер и массивность изделия, также мог использоваться как боевое оружие.

6. Из предметов снаряжения всадника встречены две шпоры.

Первая шпора, обнаруженная на селище Войтейки I, железная, с обломанной с одного края дужкой, имеет довольно длинный биконический шип и три крючка (два концевых и один серединный) для крепления на обуви. Данный тип шпоры соответствует типу 3 по схеме А. Коковского. Вторая шпора, из находок на селище Огульцы, бронзовая и сохранилась фрагментарно (отсутствует одна половина дужки и шип), также, очевидно, относится к типу 3, с креплением к обуви при помощи двух концевых крючков.

Следует также отметить довольно частую находку на наших черняховских памятниках небольших железных гвоздей с полусферическими шляпками. По аналогии с находками в западных регионах, похожие гвоздики использовались для крепления умбонов к деревянным щитам, что не исключает их использования с подобной целью и у нас.

ВЫВОДЫ:

1. Заметное типологическое единство обнаруженных в Ворсклинском и Северскодонецком бассейнах предметов вооружения римского времени с предметами вооружения, найденными на аналогичных памятниках в западных регионах, свидетельствует об относительной однородности этой категории материальной культуры у черняховских племен Украины и находит ближайшие аналогии в Центральной Европе, в основном, в памятниках пшеворской культуры.

2. Обнаруженные в довольно значительном количестве наконечники дротиков и наконечники стрел свидетельствуют о преобладании на рассматриваемой территории легковооруженных воинов, ополчения из которых могли собираться во время какого-либо военного предприятия.

3. Вместе с тем, наличие в находках железных топоров, навершия рукоятки меча и шпор свидетельствует о присутствии в местной черняховской общности Ворсклинского и Северскодонецкого бассейнов особой социальной группы воинов-профессионалов, которые, возможно, входили в число военных предводителей и племенных вождей.

Т. М. Власова (Київ)

ВІКЕНТІЙ В'ЯЧЕСЛАВОВИЧ ХВОЙКА – ВИДАТНИЙ УКРАЇНСЬКИЙ АРХЕОЛОГ

Визначне місце серед передової київської інтелігенції кінця XIX–початку XX сторіч займав видатний дослідник історичних пам'яток минулого, археолог Вікентій В'ячеславович Хвойка. Чех за походженням, понад 20 років свого життя він присвятив вивченню пам'яток старовини на теренах сучасної України, що тоді входила до складу Російської імперії.

Народився В. В. Хвойка у 1850 р. у м. Семині у Північній Чехії. Після одержання початкової освіти Вікентій навчався у комерційному училищі у м. Хрудимі, закінчивши яке, в 1864 році чотирнадцятирічним юнаком переїжджає до Праги. Його спеціальністю стає садівництво, але вже тут він захоплюється вивченням стародавньої історії та старожитностей. У 1876 році разом із кількома земляками В. В. Хвойка приїхав до Києва, де й провів решту життя.

У Києві В. В. Хвойка почав вивчати пам'ятки стародавнього міста, збирати археологічні матеріали, а з 90-х років XIX сторіччя він систематично проводить археологічні розкопки. У 1893–1900 роках він досліджує Кирилівську палеолітичну стоянку на Подолі у м. Київ. При дослідженні цієї пам'ятки В. В. Хвойка, на відміну від інших, підійшов до неї як до історичного джерела, розглядаючи її не лише як склад старовинних речей, а побачивши в неї житло первісної людини.

В. В. Хвойка відкрив і почав систематичне дослідження пам'яток землеробської культури IV—III тисячоріч до н. е., яку в 1899 році на XI Археологічному з'їзді у Києві запропонував назвати трипільською.

Важливою заслугою В. В. Хвойки є відкриття так званих полів поховань, пам'яток добре знаних в Центральній Європі і на той час зовсім не відомих у Східній. Перші в Придніпров'ї розкопки полів поховань були проведені В. В. Хвойкою в 1899 році в селах Ромашки та

Зарубинці, а в 1900 році ним був досліджений Черняхівський могильник. Поля поховань археолог розглядає як пам'ятки місцевого населення східних слов'ян і цілком вірно розбиває на дві культури – зарубинецьку, яку датує рубежем нашої ери, та черняхівську, відносячи її до перших сторіч нашої ери.

Проводив В. В. Хвойка також розкопки пам'яток епохи бронзи, скіфського часу та Київської Русі. Хвойка вважав, що пам'ятки Середнього Подніпров'я не належать скіфам, оскільки, ведучи кочовий спосіб життя, останні не могли залишити такі великі городища, як Пастирське та Мотронинське, а також великі могильники. На його думку, це були пам'ятки осілого місцевого населення, яке займалося землеробством, скотарством тощо.

Сенсаційними були і розкопки В. В. Хвойки у центральній частині Києва, де він дослідив руїни князівських палаців, кам'яне капище, фундаменти церков, майстерні та житла давніх киян.

Останніми розкопками В. В. Хвойки були розкопки у літописному Білгородці, які тривали майже до 1914 року і де Хвойка відкрив оборонні споруди та два храми XII сторіччя. Чудове знання пам'яток різних епох дало можливість В. В. Хвойці розробити теорію про безперервність послідовного історичного розвитку населення Середньої Наддніпрянщини від кінця кам'яного віку (трипільська культура) до доби Київської Русі включно. За цією теорією, територія Середнього Подніпров'я, починаючи від кінця кам'яного віку, була заселена одним і тим самим осілим хліборобським населенням. Зміну археологічних культур учений пояснював поступовим розвитком матеріальних умов певної автохтонної групи племен. У цих племенах В. В. Хвойка вірно вбачав східних слов'ян.

В. В. Хвойка залишив багато наукових праць, без яких і зараз не обходиться ні один серйозний дослідник, з різноманітних питань археології з часів палеоліту до середньовіччя. Велика заслуга належить йому і в організації Київського музею старожитностей (зараз це Національний музей історії України). Помер В. В. Хвойка 2 листопада 1914 року і похований на Байковому кладовищі у Києві.

С. А. Горбаненко (Киев)

ФРАГМЕНТЫ СЕРПОВ ИЗ ПОСЕЛЕНИЯ ЗАНКИ

Поселение Занки исследовалось в конце 70-х–80-х гг. XX в. Славяно-русской археологической экспедицией Белгородского педагогического института под руководством А. Г. Дьяченко. Материалы исследования были частично введены в научный оборот руководителем раскопок. Однако некоторые интересные находки остались без должного внимания. Благодаря изучению отчетов о работах на поселении Занки, хранящихся в архиве ИА НАН Украины, были обнаружены изображения фрагментов трёх серпов с отогнутой черешковой рукоятью, связанных, по-видимому, с горизонтом пеньковской культуры. Длина уцелевших частей (обломков лезвий с фрагментами черешкового крепления) – 8; 8,5; 13,5 см. Имеющиеся данные по большому количеству серпов из материалов раннеславянских культур на территории Украины, невзирая на плохую сохранность находок из Занок, позволили установить следующее:

1. Узкие лезвия (ширина 1,6–1,8 см) в целом не характерны для серпов культур последней четверти I тыс. н. э.

2. Графическая реконструкция черешков показала, что их длина невелика (параметры могут колебаться в пределах от 6,2 до 8,5 см). Такие размеры нетипичны для серпов волынцевско-роменского периода.

3. Угол между осью черешка и начальной частью лезвия составляет 20–30°, что в 2–3 раза меньше аналогичных показателей серпов VIII–X вв. лесостепной зоны.

4. Серпы из поселения Занки, очевидно, были ассиметричны, вершина дуги лезвия расположена ближе к рукояти.

5. Ближайшие аналогии следует искать в материалах Правобережья III–VII вв.

Опираясь на вышеизложенное и наиболее близкие по параметрам и конструктивным особенностям аналогии (серпы из материалов культуры карпатских курганов, черняховских и пеньковских поселений: Товмачик, Рипнев–I, Зеленянка, Семенки, Ханск–II и др.), была сделана попытка графической реконструкции серпов из поселения Занки. Она дала следующие результаты: общая длина изделий могла составлять 20–25 см, длина лезвия 13,5–16 см, отношение между отрезком длины от начала лезвия до точки проекции его максимальной высоты и длиной лезвия 0,39–0,4, между высотой изгиба и длиной лезвия 0,25–0,29. Серпы последней четверти I тыс. н.э. имеют, как правило, более прогрессивные параметры.

Таким образом, серпы из поселения Занки несомненно являются более ранними, чем все известные на территории Левобережья черешковые орудия уборки урожая второй половины I тыс. н. э. В то же время их форма более прогрессивна, чем у известных на Левобережье втульчатого (Бельск) и крючкового (Курган-Азак) серпов V–VII вв. На территории Левобережной Украины это пока единственная находка (в отличии от Правобережья), что дает основание предполагать заимствование данного типа орудий у правобережных племён.

М. В. Ельников (Запорожье)

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНИЧЕСКОМ СОСТАВЕ НАСЕЛЕНИЯ НИЖНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ В ЗОЛОТООРДЫНСКИЙ ПЕРИОД

Длительное время считалось, что нижнеднепровский регион в золотоордынский период находился в запустении и лишь во второй половине XV в. здесь появляется население, из состава которого формируется казачество. Археологические исследования в Нижнем Поднепровье в последние десятилетия показали, что наиболее крупные поселения в период монгольского нашествия исчезают, однако значительное число небольших поселений не пострадало и продолжало существовать во второй половине XIII–начале XV в.

А. А. Козловский указывает на значительное преобладание в домонгольский период в среде населения региона славян — выходцев из Среднего Поднепровья, которые смешались с потомками уличей и алано-болгар, а часть населения, возможно, имела половецкое происхождение. О. Б. Бубенок считает, что в тех районах, где письменные источники традиционно фиксируют бродников, культура местного населения во многих чертах наследовала салтовские и среднеднепровские традиции. Во второй половине XIII в. в связи с монгольским нашествием и перемещением значительных людских масс этнический состав региона стал более пестрым, чем в предшествующий период.

Большое значение для решения вопроса этнического состава населения в регионе дают антропологические материалы грунтовых могильников XII–XIV вв. Среди памятников этой группы следует назвать Каменский, Каирский, Благовещенский и Мамайсуркинский могильники. Краниологические серии Каменского могильника, по мнению Т. С. Кондукторовой, находят аналогии среди черепов Зливкинского могильника салтово-маяцкой культуры. Э. А. Симонович считал население, оставившее могильник, потомком степного населения, ассимилированного кочевниками. С. А. Плетнева высказала предположение, что данный некрополь оставлен ясами, потомками салтовского населения Хазарского каганата.

Близким Каменскому является грунтовый могильник у с. Каиры. По исследованиям Г. П. Зиневич, женские черепа имеют сходство с сериями Зливок, а мужчины — с черепами Верхнесалтовского могильника. Антропологические материалы Благовещенского могильника, анализ которых произведен С. И. Круц, показали близость сериям Каменского и Каирского могильников. Исследования могильника Мамай-Сурка в связи с обработкой значительно большей краниологической серии, произведенной Л. В. Литвиновой, показали иную картину.

Население, оставившее могильник, имеет близкие аналогии с оседлым населением Нижнего Поднепровья (Каиры и Каменка), близко населению салтово-маяцкой культуры, аланским сериям Северного Кавказа. Прослеживается некоторая связь со славянскими сериями полян, северян и тиверцев (Бранештский могильник).

Материалы Кучугурского городища, погребальный обряд могильника у с. Верхняя Криница показали, что население, оставившее эти памятники, было пришлым. Памятники этой группы, по мнению И. Р. Тихомоловой, маркируют территорию центра одного из западных регионов Золотой Орды во второй половине XIV в. – Мамая. На отдельных грунтовых могильниках продолжает существовать погребальный обряд половецкой эпохи, что позволяет видеть в этих памятниках остатки кочевого населения домонгольского периода.

Имеются отдельные свидетельства о существовании в регионе генуэзских факторий: находки генуэзских пушек-бомбард около урочища Карайтебень и монет у Каменской пристани, предание о Белозерском городке.

Таким образом, можно говорить о неоднородности оседлого населения Нижнего Поднепровья в золотоордынский период. Поселения и могильники располагались достаточно компактно вдоль транзитного пути “ из варяг в греки, проходившего не по пустынным местам, а по территории, занятой оседлым населением, в составе которого выделяются славяне и потомки салтовского населения. Кочевое население региона представлено тюркоязычными элементами, основную часть которого, как и в предшествующий период, составляли половцы.

Возможно, определенная часть оседлого (и кочевого?) населения региона во второй половине XV в. могла принять участие в формировании запорожского казачества. Этому способствовали конфронтация в регионе христианских и мусульманских элементов, особенно после подчинения в 1478 г. Крымского ханства Турции.

В. В. Колода (Харьков)

КУЛЬТОВЫЕ КОМПЛЕКСЫ МОХНАЧАНСКОГО ГОРОДИЩА

Изучение проблемы восточнославянского язычества, несмотря на значительное число опубликованных работ [Рыбаков Б. А., 1981, 1987; Русанова Н. П., Тимощук Б. А., 1993 и др.], еще далеко до своего завершения. Поэтому любой памятник, способный расширить наши представления об идеологии наших предков, представляет значительный интерес. Он особенно актуален по отношению к славянам Днепровского лесостепного Левобережья, с частности, к северянам, на памятниках которых культовые комплексы до недавнего времени не были известны (исключения составляют памятники погребального культа). В связи с вышеизложенным результаты исследований Средневековой экспедиции ХГПУ на Мохначанском городище вызывают определенный интерес.

Два раннесредневековых культовых комплекса были выявлены в раскопе № 5, расположенном в восточной части южной оконечности городища, который занимает высокий мыс правого коренного берега Северского Донца.

Один из них был изучен в 1999 г. во время исследований самого южного оборонительного вала, возведенного в роменское время. Под насыпью, на глубине 150 см, в слое погребенного чернозема была обнаружена искусственная глиняная площадка диаметром 90 см и толщиной 20 см. Она имела следы сильной прокаленности: монолитная структура и ярко-красный цвет по всей толщине и площади. Рядом, на расстоянии 100 см к югу, на глубине 70–90 см в насыпи вала, которая состояла из смеси чернозема, золы и рваного камня, найдена группа из трех железных предметов. Они выявлены вместе со скоплением крупных фракций древесного угля. В число обнаруженных предметов входили втульчатый асимметричный наральник и два черешковых чересла. Изделия располагались компактно: лезвия чересел были обращены друг к другу, а между ними находилась рабочая часть наральника. Своими остриями орудия были ориентированы на север. Длина наральника составляла 20 см, максимальная ширина лезвия – 15 см, ширина втулки – около 10 см. Оба чересла имели длину по 41 см, а ширина изогнутых лезвий равнялась 14 см.

Интерпретировать описанный комплекс как клад затруднительно по нескольким причинам. Во-первых, клад невозможно поместить у подошвы вала под его гребнем, на котором, безусловно, было какое-то деревянное защитное сооружение. Во-вторых, состав вещей не соответствует магическим обрядам, которые осуществлялись при сокрытии клада у восточных славян и на Руси [Макаров Н. А., 1981]. По всей вероятности, в данном случае мы имеем дело с закладной жертвой, свидетельствующей об определенной обрядности накануне и в процессе строительства данной оборонительной линии. Характер вещей, помещенных в закладную жертву, свидетельствует о земледельческой основе хозяйства жителей городища и соседних селищ. Полных аналогий составу «жертвенных» предметов среди древностей восточных славян нам не известно. Однако в этой связи вызывают интерес «Сравнительные жизнеописания» Плутарха [1961, Т. I]. Здесь в главе «О Ромуле» сообщается про обпахивание территории будущего города и о проведении обрядовых действий над пахотными орудиями.

Второй культовый комплекс был выявлен в 2000 г. при исследовании полуземляночного жилища «В». Обнаруженный здесь материал позволяет отнести его к финальной стадии существования роменской культуры (конец X–первая половина XI вв.). В помещении выявлены остатки жертвенника. Он представлял собой искусственно созданное грунтовое возвышение (50–60 см над уровнем пола), которое имело овальную в плане форму с размерами 85х40–45 см. Его поверхность в значительной степени сохранила остатки слабо обожженной глиняной площадки толщиной 2–3 см. На внешней поверхности она имела орнамент из чередующихся и перекрещивающихся отпечатков стеблей камыша, нанесенных по еще сырой глине. Выявленную искусственную площадку нельзя признать дополнительным открытым очагом ни по своей конструкции, ни по сути. Кроме того, о ее обрядовом предназначении свидетельствует отсутствие пропеченности, а также угольев и золы на площадке или рядом с ней.

В западной части жертвенника поверх остатков глиняной площадки обнаружены остатки двух лепных роменских сосудов с традиционным орнаментом в виде отпечатков зубчатого штампа. Рядом с ними находились верхняя челюсть байбака и кусок чернометаллургического шлака. Следует отметить, что в заполнении жилища рядом с жертвенником, на том же стратиграфическом уровне найдена небольшая глиняная статуэтка байбака в позе чуткого, настороженного внимания.

Еще одна группа находок, возможно, связана с жертвенником. Она выявлена на 20 см выше поверхности искусственной площадки. Это были два фрагмента от правой и левой частей одной и той же нижней челюсти свиньи, а также моляры коровы.

П. С. Михайлов (Киев)

ТЕХНОЛОГИЯ ПРОИЗВОДСТВА ИЗДЕЛИЙ С ПЕРЕГОРОДЧАТОЙ ЭМАЛЬЮ В КИЕВСКОЙ РУСИ XII–XIII вв.

Среди продукции ювелиров Киевской Руси изделия с перегородчатой эмалью занимают особое место. Это объясняется необычайно эффективным видом изделий, сочетающих в себе работу ювелира и мастера — эмальера, создававших вещи, призванные не только служить украшениями, но и подчеркивать социальный статус своих владельцев.

На Русь технику перегородчатой эмали занесли византийские мастера, дав толчок развитию местного эмальерного искусства.

К настоящему времени имеются подробные анализы предметов, украшенных перегородчатой эмалью, проделанные с помощью традиционных археологических и искусствоведческих методов. Однако технология изготовления указанной группы памятников освещена недостаточно, что сильно сужает рамки исследований, посвященных эмалям. Предлагаемые до сих пор технологические схемы, разработанные археологами в ходе визуального ознакомления с вещами, не учитывают технических возможностей средневековых ювелиров и свойств материалов, используемых при создании изделий. В то же время, современные ювелиры не уделяли достаточного внимания детальному ознакомлению с древнерусскими ювелирными изделиями, не критически принимая умозрительные технологические схемы, разработанные археологами. Это объясняется сложностью и неэкономичностью средневековой технологии, в результате чего она и не интересует современных ювелиров. Возникла парадоксальная ситуация, когда исследователь слабо представляет себе, как были изготовлены памятники ювелирного искусства, изучению которых было посвящено множество публикаций.

Исходя из вышеизложенного, автор стремится заполнить лакуну в наших знаниях о ювелирном деле Киевской Руси, уделяя максимальное внимание конструктивным особенностям и технологии изготовления некоторых категорий украшений с перегородчатой эмалью, бытовавших в княжеско-боярской среде Киевской Руси. Попутно автором успешно осуществлялось экспериментальное моделирование некоторых технических операций, применяемых средневековыми ювелирами при работе с цветными металлами, что дало возможность существенно дополнить и уточнить технологические схемы, разработанные на основе визуального изучения материала. Такой подход к работе с материалом позволяет сделать следующие выводы:

1) Нет никаких достоверных данных о развитии в Киевской Руси техники перегородчатой эмали ранее первых десятилетий XII века. Таким образом, перегородчатая эмаль является последним из ремесел, импортированных из Византии в домонгольский период.

2) Основной технологической операцией при изготовлении вещей с перегородчатой эмалью являлась выделка углублений-лотков для заполнения эмалевой массой, образующих изображение на золотом фоне. Лотки получали с помощью шаблона, что свидетельствует о массовом производстве определенных категорий украшений парадного убора.

3) Первые эмальерные мастерские являлись греко-русскими по составу и принадлежали к княжескому и монастырскому хозяйствам.

4) Есть несомненные признаки существования эмальерного ремесла на раннем этапе его развития как самостоятельного, независимого от традиционного ювелирного дела, генетически связанного с ремеслом дофеодального периода. Предметы, в которых сочетается перегородчатая эмаль с оправой, выполненной с применением скани, зерни и других технических приемов, выполнялись двумя мастерами, где окончательную сборку изделия осуществлял ювелир.

5) Рассматривая эмальерное дело Киевской Руси, мы видим, что наряду с массовым производством (колты, рясны) эмальеры выполняли индивидуальные заказы (княжеские венцы, бармы) и экспериментировали с целью упростить основные технические операции.

В то же время ювелиры-златокузнецы все шире использовали вставки с эмалью в качестве основного украшения вещи, обрамляя вставки все более пышной и совершенной оправой (колты с многолучевой каймой, бармы). Эти процессы характерны для ремесла, находящегося в непрерывном развитии, которое было прервано лишь нашествием Батыя.

6) Непрерывное производство в киевских мастерских пышных и дорогих предметов с перегородчатой эмалью подтверждает сохраняющуюся за Киевом на протяжении XII–начала XIII вв. роль крупнейшего экономического и культурного центра Руси.

О. В. Сухобоков (Киев)

К СТОЛЕТИЮ РОМЕНСКОЙ КУЛЬТУРЫ: НОВЫЕ РАСКОПКИ ГОРОДИЩА МОНАСТЫРИЩЕ

Минуло 100 лет со времени обследования Н. Е. Макаренко группы посульских городищ со своеобразной керамикой, интуитивно трактованной им в качестве славянской. Одним из таких было городище в пойме р. Ромен в окрестностях одноименного местечка б. Полтавской губ. в уроч. Монастырище. Именно оно стало эпонимным для памятников роменского типа (роменской культуры), которые в процессе дальнейшего изучения (П. Н. Третьяков, И. И. Ляпушкин, Д. Т. Березовец и др.) получили интерпретацию археологического эквивалента северян–племенного союза славян Днепровского Левобережья.

Н. Е. Макаренко неоднократно производил раскопки на этом городище (в последний раз в 1924 г.) и получил интересные материалы, которые и ныне составляют значительную коллекцию местного музея и которые частично были опубликованы в различных изданиях до 1930 г.

Работы на городище Монастырище были возобновлены силами Левобережной славяно-русской экспедиции ИА НАН Украины в 1999 г. по инициативе и на средства администрации г. Ромны. Нам удалось получить новые данные, позволяющие не только уточнить культурно-хронологическую характеристику эпонимного памятника, но и проясняющие динамику исторических процессов, приведших к возникновению древнерусских городов на территории Левобережной Украины (в данном случае, летописного города Ромен).

Так, в частности, исходя из публикаций Н. Е. Макаренко, И. И. Ляпушкин относил данный памятник к группе многослойных городищ смешанного славяно-русского облика. Полученные нами материалы, а также стратиграфические наблюдения позволяют не согласиться с такой трактовкой данного поселения: обломки древнерусской посуды, как, впрочем, и керамики раннего железного века, равно как и эпохи бронзы, присутствуют в культурном слое спорадически и не составляют сколько-нибудь значительных культурных напластований, не говоря уж о наличии каких-либо объектов; это дает основания рассматривать их лишь в качестве хронологических индикаторов. Таким образом, можно говорить о чисто роменском характере городища Монастырища.

В сезон 1999 г. экспедиция осуществила разрез вала с напольной стороны (44 кв. м), заложен раскоп на площадке самого городища (172 кв. м), мощность культурного слоя в котором составила от 1,8 до 2,2 м. В раскопе выявлены две жилые постройки (№ 1,3), одна (№ 2) производственного, одно (№ 4) хозяйственного назначения и 11 хозяйственных ям различной конфигурации. Культурный слой гомогенный, гумусированный умеренно, с золисто-угольными вкраплениями, кусочками обожженной глины; в нем встречается преимущественно лепная керамика роменского типа и единичные обломки керамики более раннего времени. Фрагменты гончарной древнерусской посуды также встречаются в исключительных случаях.

Не останавливаясь здесь на характеристике объектов и анализе массового материала, позволю себе ограничиться изложением основных результатов наших исследований.

Стратиграфические наблюдения, сделанные в процессе разреза вала, как и раскопа на площадке останца, наряду с анализом керамических находок, среди которых начисто отсутствуют материалы салтовской культуры, равно как и гончарная посуда волынцевкого типа, дают основания предполагать, что поселение – поначалу неукрепленное – возникло в к. IX в. Вал был насыпан позднее.

Небольшие размеры площадки (0,717 га) склоняют к мысли о том, что поселение было основано небольшой группой близкородственных семей; со временем часть их была вынуждена отселиться. Ввиду отсутствия вблизи пригодных для поселения мест, они вынуждены были занять один из мысов коренного берега, положив тем самым начало еще одному роменскому городищу в пределах территории современного города. Это произошло, вероятно, где-то до сер. X ст., поскольку в 1992 г. в ур. Соборная площадь нами с группой московских археологов были выявлены остатки построек с позднероменской керамикой в заполнении, встречаемой совместно с гончарной посудой древнерусской культуры X–XI вв.

Исторически возникновение роменских поселений в окрестностях г. Ромны следует связывать с деятельностью первых Рюриковичей. Так, еще в 884 г. Олег подчинил себе западную группу северян. Это не могло не вызвать определенной перегруппировки в северянском племенном союзе в целом, необходимого размежевания огосударствленных киевской властью, с одной стороны, и продолжавших платить дань Хазарскому каганату, с другой. Вполне допустимо, что таким маргинальным регионом было Посулье, разделяющее западных и восточных (до сер. 60-х гг. X века); естественно предполагать здесь наличие гарнизонов, погостов ве-

ликокняжеской администрации с присущей им древнерусской культурой. Элементы последней постепенно проникают в роменскую культуру северян где-то с середины X в. И такая картина хорошо фиксируется материалами наших раскопок.

Есть основания полагать, что сооружение вала в ур. Монастырище определенным образом связано с реконструкцией Владимиром I посульских городищ, в т. ч. и роменского поселения на Соборной площади, в котором, видимо, с сер. X в. существовал погост с представителем великокняжеской администрации. С этого времени допустимо и начинать историю города, в то время как история северянского городища в ур. Монастырище является более ранней – по крайней мере, с рубежа IX–X вв.

С. Тараненко (Киев)

К ПРОБЛЕМАМ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО СТЕКЛОДЕЛИЯ ПО МАТЕРИАЛАМ КИЕВА

Стеклоделие как отрасль производства является составной частью ремесленной жизни средневекового города с высокой материальной культурой. Изучение изделий из стекла – а это бусы, браслеты, перстни, вставки в перстни, посуда, оконницы, а также мозаика, глазури и эмали – процес многосложный, поднимающий огромное количество проблем, к настоящему времени не разрешенных.

В первой половине XX столетия древнерусское стеклоделие уже исследовалось (А. А. Спицын, А. В. Арциховский), но многообразие форм, а также массовость и археологически улавливаемая серийность некоторых изделий (особенно бус), скорей всего, создавали соблазн ограничиться визуальным осмотром, тем более такой подход, безусловно информативный, отличается общедоступностью и дешевизной. Поэтому очевидно, что по настоящему к изучению данного вопроса археологи приступили во II половине XX столетия после работ М. А. Безбородова (1950), когда он опубликовал химический анализ стеклянного браслета из Гродно, и Б. А. Колчина (1953), который использовал технические сведения для решения конкретных исторических проблем. Также огромный вклад в изучение древнерусского стеклоделия внесли З. А. Львова, В. А. Галибин, Ю. Л. Щапова и др., издав ряд работ, которые до сих пор являются основополагающими в этой области.

Одной из основных проблем в изучении древнерусского стеклоделия Киева (шире: Южной Руси), как ни странно, является источниковедческая лакуна, которая возникла за последние 30 лет. Последняя работа, которая затрагивает археологический материал Киева, – это монография 1972 г. Ю. Л. Щаповой «Стекло Киевской Руси». Исследователи нового поколения Я. В. Френкель, О. М. Олейников, Т. И. Олейникова представляют Москву и Санкт-Петербург и, естественно, они работают на материалах севера Руси, пользуясь Новгородской шкалой древностей (Колчин, 1982). Но, как замечает Тимощук В. Н. (1997, 43), «существующая Новгородская шкала древностей остается почти единственным эталоном для аналогий, и это при значительной отдаленности северного региона, а также при невыясненности моментов запаздывания или опережения в появлении и бытовании отдельных вещей». Сейчас же появилась реальная возможность создания относительной хронологии Киевских древностей в связи с проведением широкомасштабных археологических работ в Киеве, и в частности на Подоле, за последние десятилетия. И сегодня можно с уверенностью говорить, что начальный этап накопления археологического материала завершен, и должен наступить этап углубленного анализа источников и введение их в научный обиход. А Киевский Подол, «являясь эталонным памятником с вертикальной стратиграфией, может стать основной базой для разработки хронологической (в первую очередь относительной) шкалы киевских древностей X–XIII вв.» (Сагайдак М. А., 1991).

Именно неравномерностью исследования в разных регионах и недостаточностью источниковой базы можно объяснить разнообразие мнений о происхождении древнерусского стекла. В Древней Руси прослежено 4 основных состава стекла: свинцово-кремноземный, калиево-свинцово-кремноземный, натриево-кальциево-кремноземный, калиево-кальциево-кремноземный. (Щапова, 1972, 18). Если о калиево-свинцово-кремноземной рецептуре можно говорить как о характерной для Древней Руси, то о свинцово-кремноземной однозначно сказать нельзя:

— Ю. Л. Щапова (1978, 75) считает, что определяющей ролью в развитии древнерусского стеклоделия явилось византийское влияние на уровне «мастер–ученик (подмастерье)». Несмотря на то, что свинцово-кремноземная рецептура не свойственна византийскому стеклоделию.

— О. М. Олейников (1993, 32) считает, что происхождение данной рецептуры следует искать в Западной Европе (Франция, Германия, Польша) и датирует ее появление в X в.

— В. Б. Ковалевская (1984, 158) пишет о проникновении свинцово-кремноземного состава в Древнюю Русь с территории Хазарского Ка-

ганата (Северокавказского, Донского или иного региона).

— Существует мнение о возможном дальневосточном варианте появления данной рецептуры (Р. Брилл, 1989, 22). Хотя, как отмечает Я. В. Френкель (1996, 88), «характер дальневосточного стеклоделия, японский и чжурченский варианты настолько сложны и дистанцированы географически и по номенклатуре изделий, что являются, скорее, исключением, подтверждающим правило».

— М. А. Безбородов (1956, 5, 258) считает, что появление на Руси своего стеклоделия необходимо рассматривать как естественный ход развития и распространения технического прогресса, не признающего никаких границ, в русле поступательного процесса технической эволюции.

Все вышеуказанные мнения основаны на химическом анализе стекла. Их существует несколько. Наиболее распространенными являются качественный спектральный анализ и микрохимический анализ. Каждый из методов имеет свои преимущества и недостатки. Качественный спектральный анализ делается более быстро, сравнительно недорог и требует небольшой навески – 50 мг, но при этом определение количественного содержания элементов (стеклообразующих и примесей) можно назвать условным. Приверженцем этого метода является Щапова Ю. Л. (1972, 16). Микрохимический анализ, требующий больше затрат и навеска в 5 г (что, конечно, является отрицательной стороной, поскольку невозможно провести анализ малых вещей, не повредив их), дает точное знание всех микропримесей. Именно это позволяет узнать из состава золы регион произрастания растения, т. е. определить откуда она поступила в виде полуфабриката либо изделия из стекла. «Этот метод кажется более прогрессивным в определении места изготовления» (Олейников О. М., 1993, 38).

В данное время основная задача в изучении древнерусского стеклоделия Киева (шире: Южной Руси) состоит в оформлении корпуса источников. Накопленный киевскими экспедициями материал позволит в первую очередь пользоваться археологическими методами для создания типологий и хронологий изделий из стекла.

Р. М. Чайка (Львів)

ПРОБЛЕМИ ПОСЕЛЕННЯ ДУЛІБІВ В ТВОРЧОСТІ М. ГРУШЕВСЬКОГО

Досить значне місце в науковій спадщині М. Грушевського відведено вивченню ранньослов'янської історії. Вчений досліджує різні проблеми із життя кривичів, уличів, тиверців, дреговичів, полян та інших племен, але чи не найбільше уваги надає дулібам. Такий інтерес пов'язаний із походженням, межами поселення та іншими важливими проблемами одного з найбільш сильних та впливових племен, які в VI–VII ст. стояли на чолі міжплемінного східнослов'янського об'єднання, але на час формування Давньоруської держави майже повністю втратили свої позиції.

Опираючись на археологічні матеріали та найдавніші письмові джерела, М. Грушевський намагається реконструювати загальну картину поселення племен ще до утворення Київської Русі. Результати цієї праці він виклав у І томі «Історії України-Руси».

Визначаючи місце поселення дулібів, Грушевський посилається на важливе історичне джерело «Повість временних літ», де її автор пише «Дулъби же живяху по Бугу, кде нынъ Волыняне», «Бужане зань съдять по Бугу, после же Волиняне». Ця теза стала вирішальною не тільки у встановленні географічного простору поселення дулібів (тобто в Побужжі), але й у іншому важливому висновку, до якого прийшов дослідник. Він відкинув існуючу версію про одноосібність згаданих племен, які нібито почергово, під впливом різних факторів та процесів, змінювали одне одного. Проте вченим допускається думка про можливість зміни старої назви племені на нову, яка відбувалася під впливом певних причин. Однією з таких причин, яка мала привести до зміни старих історичних назв, стало виникнення нових політичних та економічним центрів (міст), котрі стали відігравати домінантну роль в суспільному житті. Для бужан таким центром став Бужськ. Події під 1018 р., які до нас доносить автор «Повісті», свідчать про існування в той час міста Волинь (або Велинь). На думку Грушевського, це місто і було центром колишніх дулібів, що отримали нову назву — волиняни.

Розширюючи географічній простір поселення дулібів, Грушевський посилається також на існування до наших днів сіл дулібів біля Ходорова, Стрия та Бучача. Проте, цим назвам він не надає особливого значення. Щоб доказати що це старе праслов'янське ім'я племен дуліби, вчений проводить певні паралелі, посилаючись на хорватських, чеських та моравських дулібів.

Верхньою, тобто північною, границею «побужських дулібів» М. Грушевський вважає Берестейську волость (сьогодні Брестська обл.). На півдні етнографічна границя закінчується р. Стир, де племена дулібів межували з лучанами. Окреслюючи східні кордони, вчений говорить про сусідство іншого слов'янського племені – древлян, межа між якими в часи Київської Русі стала межею суперечностей між волинськими та київськими князями. Річка Горинь для

Грушевського стає своєрідним розмежуванням між племенами. Найбільша складність виявилась окреслити західні кордони дулібів. За повідомленнями арабських авторів (зокрема, Аль Масуді), дуліби на заході межували з білими хорватами. Згадує про «карпатських» хорватів в своїй хроніці і Константин. Проте в силу труднощів, які виникли у визначенні території проживання білих хорватів, це питання залишилося відкритим.

Таким чином, на період створення Давньоруської держави старе праслов'янське племінне об'єднання дулібів не зникло. На тій же території під впливом різних історичних подій та причин (можливо, і не останню роль відіграло нашестя аварів, а особливо утворення нових політико-адміністративних центрів, які взяли на себе переважаючу більшість проблем суспільно-політичного життя) вони трансформувалися в племінні об'єднання бужан та волинян.

О. А. Щеглова (Санкт-Петербург)

«АНТСКИЕ» КЛАДЫ ХАРЬКОВЩИНЫ. ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ

Предлагаемая вниманию читателя работа выполнена в рамках совместного исследования специалистов Харькова (Л. А. Грубник-Буйнова, В. С. Аксенов), Белгорода (А. Г. Дьяченко) и С.-Петербурга (О. А. Щеглова и А. Н. Егорьков), посвященного исследованию состава сплавов металлических изделий из числа т. н. «древностей антов», найденных на Харьковщине. Это – источниковедческие замечания, которые представляют интерес для идентификации состава комплексов, вещи из которых были большей частью утрачены, депаспортизованы и на долгое время выпали из поля зрения специалистов.

В начале 20-х годов XX века на территории Харьковской губернии были сделаны находки «древностей антов» – ювелирных украшений третьей четверти I тыс. н.э., сведения о которых почти сразу же вошли в научный оборот благодаря упоминанию в «эпонимной» для этой группы археологических источников статье А. А. Спицина *(Спицин А. А. 1928. Древности антов// Сборник статей в честь академика А. И. Соболевского. Л.)*, где в числе наиболее представительных и интересных комплексов были поименованы Козиевский и Новоодесский клады из Богодуховского уезда и Зайцевский – из Змиевского. Материалы этих находок фиксировались, обрабатывались и готовились к изданию профессором ХГУ, директором Археологического музея при Харьковском университете А. С. Федоровским, однако рукопись его работы не сохранилась. О серьезном намерении опубликовать клады свидетельствует переписка с А. А. Спициным и большая серия отлично выполненных графических иллюстраций, по-видимому, в полном объеме воспроизводящих вещи круга «древностей антов», хранившиеся в Археологическом музее, но, к сожалению, не всегда аннотированных *(Научный архив ИА НАНУ, Личный фонд А. С. Федоровского / №7/)*.

Судьба же самих находок оказалась весьма драматичной. Во время Великой Отечественной войны часть их была экспонирована в оккупированном Харькове в так называемом «готском» зале музея, устроенного немцами на ул. Сумской, д. 33. Скорее всего, судя по названию зала, туда могли попасть пальчатые и птицеголовые «готские» фибулы, родственные синхронным вещам Центральной и Западной Европы. Этот временный музей, также как и сам Харьковский Государственный Исторический музей им. Г. Сковороды, пострадал от огня, экспонаты и инвентарные книги погибли.* В 1949 г. Б. А. Шрамко обнаружил в подвале здания Исторического музея пакет с 43-мя предметами, на котором была надпись «Новая Одесса» и адрес музея на Сумской ул. Сведения о находке Б. А. Шрамко сообщил Б. А. Рыбакову и Г. Ф. Корзухиной. Однако исследователи интерпретировали их по-разному. Б. А. Рыбаков отнес все сохранившиеся предметы к одному Ново-Одесскому кладу *(Рыбаков Б. А. 1953. Древние русы // Советская археология, т. XVII, с. 67)*. Г. Ф. Корзухина, напротив, разделила пережившие войну вещи и часть из них отнесла к Козиевскому, а часть – к Ново-Одесскому кладам *(Корзухина Г. Ф. 1996. Клады и случайные находки вещей круга «древностей антов» в Среднем Поднепровье. Каталог памятников. // МАИЭТ. Вып. V. Симферополь, с. 395–402)*, опираясь, кроме таблиц А. С. Федоровского, на данные из знаменитых «Корочек Спицина», т. е. на подборки материалов, пополнявшиеся ученым в течение всей жизни и содержащие самые разнообразные сведения об археологических находках, организованные по тематическому и территориальному принципам *(Рукописный Архив ИИМК РАН, Личный фонд А. А. Спицина /Фонд № 5/)*. На тех же источниках была основана и реконструкция состава Зайцевского клада, также утраченного в годы войны (*Корзухина, 1996: 420*). В хрестоматийной работе

* Здесь мы опираемся на консультацию зав. отделом археологии Харьковского Государственного Исторического музея им. Г. Сковороды В. С. Аксенова, который любезно предоставил возможность ознакомиться с вещами на экспозиции и документацией.

И. И. Ляпушкина «Днепровское Лесостепное Левобережье в эпоху железа» (МИА № 104. М.– Л. 1961: 186–187) упомянуты две находки кладов: в Козиевке (№ 5) и в Новой Одессе (№ 9). Однако при составлении справочника по археологии Харьковской обл. авторы-харьковчане Б. А. Шрамко, В. К. Михеев и Л. П. Грубник-Буйнова, знающие топографию археологических памятников своего края не понаслышке, поместили сведения только об одном кладе, привязав его к хутору Новая Одесса на окраине с. Козиевка, который в настоящее время слился с селом (*Справочник по археологии Украины. Харьковская область. К. 1977: с. 105–106*). Зайцевский клад в этих двух публикациях уже не фигурирует.

В недавней работе О. М. Приходнюка приведена таблица из Фонда А. С. Федоровского, на которой состав Зайцевского клада выглядит не так, как у Г. Ф. Корзухиной (*Приходнюк О. М. 2000. Фибулы Пастырского городища//Евразийская степь и лесостепь в эпоху раннего средневековья. Археология восточноевропейской Лесостепи. Вып. 14. Воронеж, с. 68*). Помимо удвоения некоторых мелких предметов, полного исчезновения бус и раковин, в состав Зайцевского клада оказывается включенной хорошо известная задолго до находок 20-х гг. пальчатая фибула из Березовки и трехрогая лунница, ранее относимая к составу Козиевского клада, где имелись еще две такие же. Сочетание этих вещей как нельзя лучше иллюстрирует положение О. М. Приходнюка о совстречаемости пальчатых литых и кованых пластинчатых застежек в одно и то же время. Нет оснований сомневаться в том, что приведенная им таблица действительно имеется в Фонде Федоровского в Киеве. Однако почему иного мнения относительно состава кладов Харьковщины придерживались такие знаменитые своей скрупулезностью исследователи, как Г. Ф. Корзухина и А. А. Спицин?

В нашем распоряжении в Рукописном архиве ИИМК РАН имеются следующие источники о составе находок «древностей антов» на Харьковщине: 1) наиболее близкое хронологически ко времени находок 1920 г. письмо А. С. Федоровского А. А. Спицину от 07.08.1920, содержащее перечень предметов клада из Богодуховского уезда, который попал в руки исследователя летом того же года, и упоминание о находке, сделанной ранее примерно в том же районе (*Ф. 5, дело № 334, лл. 97–98 и об.*). К сожалению, упоминающееся в тексте документа первое письмо А. С. Федоровского А. А. Спицину по поводу «готских древностей» на Харьковщине нам найти не удалось, однако вместе с письмом А. С. Федоровского лежит:

2) записка А. А. Спицина, озаглавленная им «А. С. Федоровский 1920 I», содержащая перечень вещей с пометкой «Харьк. Университет, Муз. Древностей *нрзбр.* коллекц. б. Богодухов» (*Ф. 5, дело № 334, л. 99*).

3) серия карандашных набросков, сделанных рукой А. А. Спицина и подписанных «Клад пс. Кантемира из Богодухова» или «раскопки псаломщика Кантемира из Богодухова» (*Ф. 5, дело № 334, лл. 84–85.*).

4) серия набросков пером, сделанных фиолетовыми чернилами тоже рукой А. А. Спицина, с подписью «Козівка Богодух. у.» (*Ф. 5, дело № 334, лл. 81–83 и об.*).

Все эти материалы объединены в подборку «Харьк.» в папке (т.н. «корочке») «Анты» в Фонде А. А. Спицина, и именно их Г. Ф. Корзухина считала исходными для выделения двух кладов – Ново-Одесского и Козиевского, хотя отмечала, что название пункта Новая Одесса в этих архивных материалах отсутствует и появляется только в публикации 1928 г.

Вторая подборка с названием «Анты» находится уже в другой «корочке» А. А. Спицина, озаглавленной «Раннее русское» (*Ф. 5, дело № 329, лл. 1–12 и об.*). Здесь мы снова встречаем карандашные наброски и выписки из писем.

5) серия карандашных набросков, сделанных рукой А. А. Спицина и подписанных «1923 Харьк. Муз. Хут. Зайцев под Зміевым» (*Ф. 5, дело № 329, лл. 6 и об.*).

6) серия набросков пером, сделанных фиолетовыми чернилами тоже рукой А. А. Спицина, и перечень предметов клада с подписью «Тесленко 1924 III/28 Змиевск. у., Зайцевск. хутор (*Ф. 5, дело № 329, лл. 7–8 и об.*).

Галина Тесленко была заместителем А. С. Федоровского в Археологическом музее с января 1920 г. Она, в частности, оставила любопытные воспоминания о своей дружбе с замечательной художницей Зинаидой Серебряковой, которая в 1920 году работала художником музея (*В. П. Князева /сост./ Зинаида Серебрякова. Письма. Современники о художнице. М., 1987: 232*). Так что сведения А. А. Спицина были получены из первых рук. По-видимому, систематизируя материалы «Корочек», он переписал перечни находок из писем своих корреспондентов (А. С. Федоровского от I.1920 и Г. И. Тесленко от 28.III. 1923), сохранив оригинал лишь публикуемого нами действительно наиболее интересного письма А. С. Федоровского.

К сожалению, у меня не было возможности обратиться непосредственно к личному фонду А. С. Федоровского, хранящемуся в Архиве ИА НАНУ в Киеве, специально для проверки возникших сомнений по поводу правильного определения состава кладов Харьковщины. Однако в архиве ИИМК РАН мне удалось разыскать в личном фонде Г. Ф. Корзухиной, среди массы подготовительных материалов, черновиков и рисунков, серию аннотированных подборок материалов, содержащих фотографическое воспроизведение графических таблиц и фотографий из

трех дел Фонда № 7 в Киеве – дел № 3, 4 и 6 (*Ф. 77 /Личный фонд Г. Ф. Корзухиной/, дело № 145 «Среднее Поднепровье... Ил. ко II части. 589 л.)*. Гали Федоровна Корзухина сама заведовала Рукописным архивом ЛО ИА (ныне ИИМК РАН), поэтому в ее подборках на обороте фотографий, сделанных И. Папером с листов архивных дел из Киева, помечено не только, какой лист архивного дела они воспроизводят, но и все пометки, подписи и даты, проставленные на обороте оригиналов, с указанием на возможного автора. Таким образом, в Санкт-Петербурге мы имеем дубли нескольких дел из фонда А. С. Федоровского в Киеве, где нумерация таблиц такова, какой она была на момент съемки в начале 60-х гг.

7) Рукописный Архив ИИМК РАН, *Ф. 77, дело № 145, лл. 298–305* — Архив ИА НАНУ, *Ф. № 7, дело 3, табл. 1–17 и одна б\№*.

8) Рукописный Архив ИИМК РАН, *Ф. 77, дело № 145, лл. 236–260* — Архив ИА НАНУ, *Ф. № 7, дело 4, табл. 18–28 и 33–34*.

9) Рукописный Архив ИИМК РАН, *Ф. 77, дело № 145, лл. 261–266* — Архив ИА НАНУ, *Ф. № 7, дело 6, 6 непронумерованных снимков А. С. Федоровского с пометкой «подлинные»*.

Всего по таблицам А. С. Федоровского Г. Ф. Корзухина сделала 385 рисунков вещей, приведя их к одному масштабу, убрав дубли, выбрав наиболее качественные изображения. Все они приведены в ее работе, увидевшей свет в 1996.

10) В том же деле находится и вложение в письмо Б. А. Шрамко Г. Ф. Корзухиной, содержащее перечень 43-х предметов, обнаруженных им в подвале сгоревшего музея. *Ф. 77, дело № 145, л. 198 и об.*

Сопоставив в таблице все доступные нам материалы этих 10-ти документов по каждому предмету рассматриваемых кладов, мы пришли к выводу, что разделение комплекса «древностей антов», найденного не позднее зимы 1919–1920 гг. в районе с. Козиевка Богодуховского уезда на два клада необоснованно. Речь идет о двух поступлениях в Археологический музей Харьковского Университета, одно из которых было приобретено от Богодуховского псаломщика Кантемира в начале 1920 г., а второе – летом, от неизвестного лица. Название хутора Новая Одесса всплывает в материалах по находке не ранее 1924 г., причем нигде не надписано рукой А. С. Федоровского, который аннотировал те же самые вещи «Богодухов» (ср. *табл. 1 и 2 в деле № 3 Фонда Федоровского*). Так в разные клады искусственно попали совершенно одинаковые квадратные тисненые пластинчатые подвески, составляющие уникальную серию. Однотипные бубенчики, нашивные бляшки из свинцово-оловянного сплава, ворворки, цепочки, трапециевидные подвески достаточно часто встречаются в антских кладах, и их присутствие в составе обоих поступлений, в общем-то, ни о чем не свидетельствует. Но вот тот факт, что обе сохранившиеся от разных кладов фибулы на самом деле оказались шаблонами для изготовления лицевой створки литейных форм, не может не привлечь внимания. Эти шаблоны – единственные находки прямых свидетельств местного производства пальчатых фибул на Днепровском Лесостепном Левобережье. Еще А. С. Федоровский отмечал, что второе поступление из Козиевки — клад ювелира. Маловероятно, чтобы из одного пункта происходили сразу два клада мастеров, да еще и содержащие одновременно не только редкие инструменты, но и вещи уникальных серий. К такому же выводу независимо пришла, исследуя фибулы с каймой из птичьих головок, и В. Е. Родинкова.

Что касается Зайцевского клада, то его уточненная публикация появилась в результате недоразумения. О. М. Приходнюк воспроизвел *табл. 17 из дела № 3 Ф. 7 в Архиве ИА НАНУ*, соответствующую *л. 297. д. №145, Ф. 77 в архиве ИИМК РАН*. Таблица эта – черновая, неаннотированная, из нее вырезан какой-то рисунок, три изображения тисненых полусфер вычеркнуты художником как неудачные, а два нижних правых изображения вклеены, причем одно – перевернуто. При подготовке к публикации в воронежском сборнике таблица была «почищена», поэтому в изданном варианте зачеркиваний и вклеек не видно, но они явно читаются на фотографии. Среди таблиц А. С. Федоровского многие представляют собой варианты компоновки иллюстраций. Так, фибула из Березовки воспроизведена также и в *табл. 16, и в табл. 7*. На *табл. б/№* в том же деле 3 представлены бусы и раковины из Зайцевского клада, а полый браслет нарисован повторно. Состав комплекса устанавливается путем сравнения иллюстраций А. С. Федоровского с набросками А. А. Спицина и перечнем вещей клада, представленным ему Г. И. Тесленко. Именно так поступала Г. Ф. Корзухина, и оснований оспаривать ее реконструкцию состава Зайцевского клада нет.

Таким образом, в коллекциях Археологиче ского музея Харьковского университета находились два чрезвычайно интересных «антских» клада: Козиевский (в двух поступлениях) и Зайцевский. Оба этих комплекса остались до ступны для исследования исключительно благодаря высокому профессионализму археологов «старой школы»: А. С. Федоровскому, А. А. Спицину и Г. Ф. Корзухиной, которые, по разным причинам не имея возможности опубликовать эти находки при жизни, сделали все возможное для того, чтобы они остались в арсенале археологической науки.

ИСТОРИЯ СЛОБОДСКОЙ УКРАИНЫ

Т. М. Безрукова (Харків)

КЛЕЙМА «ХАРЬКОВСКОЙ ФАБРИКИ «ТОВАРИЩЕСТВА ФАРФОРОВЫХ И ФАЯНСОВЫХ ИЗДЕЛИЙ М. С. КУЗНЕЦОВА» В БУДАХ»

Позитивні зміни у ставленні держави до підприємців і меценатів минулого активізували вивчення історії відомих підприємств України. Почалася робота по поверненню з небуття імен промисловців, доля яких була пов'язана з Слобожанщиною. Це стосується і М. С. Кузнєцова — засновника великого фаянсового підприємства в с. Буди Харківської області, наприкінці XIX ст.

Розвиток фарфоро-фаянсової промисловості Росії в XIX ст. тісно пов'язаний з діяльністю підприємств, які належали родині Кузнєцових. Розпочавши виробництво у 1810 р. з кустарного заводу в Гжелі, Кузнєцови перетворилися у другій половині XIX ст. у найбільших на російському та світовому ринку постачальників фарфору, фаянсу та інших видів керамічних виробів. На межі XIX– XX ст. вони володіли 8 підприємствами у різних районах Російської імперії. Діяльність Сидора і, особливо, Матвія Кузнєцових співпала з періодом інтенсивного розвитку капіталістичного виробництва та зростанням конкурентної боротьби у керамічній промисловості, що призвело до краху багатьох підприємств. Але Кузнєцови вдало пристосувалися до нових умов.

У 1870 р. М. С. Кузнєцов взяв в оренду фаянсову фабрику белгородського купця 1-ї гільдії І. І. Нікітіна у селі Байрак біля м. Люботин. Тогочасна продукція маркувалася готичним клеймом (1870–1886 рр.). У зв'язку з відкриттям залізничної колії Мерефа-Люботин, яка пройшла через Буди, вирішено було перенести виробництво. На місці винокурні поміщика Т. Г. Котляра у 1887 р. розпочала роботу «Ново-Харьковская фабрика М. С. Котляра в с. Буды». На клеймі цього періоду було зображення герба з фантастичними істотами по бокам, знизу великий щит з двома медалями і написом «Manufactury M.C.K.» «Въ Харьковъ» (приблизно 1887–1893 рр.).

У 1893 р. фабрику було реорганізовано в «Харьковскую фабрику «Товарищества фарфоровых и фаянсовых изделий М. С. Кузнецова» в Будах». На клеймі було зображення герба Росії і напис «Т^ва М. С. Кузнецова» Б. Ф. (1893–1903 рр.).

За період з 1903 до 1918 рр., відомо три клейма з державним гербом Росії. Відмінність лише в розташуванні написів «Т^ва М. С. Кузнецова в Будах». Точно хронологічна послідовність цих клейм, на жаль, доки що не виявлена.

І. В. Бондаренко (Донецьк)

ОГЛЯД ПУБЛІКАЦІЙ ТОПОГРАФІЧНИХ ОПИСІВ ХАРКІВСЬКОГО НАМІСНИЦТВА ОСТАННЬОЇ ЧВЕРТІ XVIII ст.

Одним з найважливіших напрямків розвитку історичної науки на нинішньому етапі є пошук, публікація та адаптація нових видів рукописних джерел до сучасних потреб науки і духовного розвитку суспільства. До них цілком можливо віднести і топографічні описи намісництв та губерній Лівобережної і Слобідської України кінця XVIII–початку XIX ст.

На сьогодні відомі три описи Харківського намісництва: 1) «Топографічний опис Харківського намісництва 1785 р.», складений під керівництвом секретаря намісницької канцелярії В. Антановича відповідно до Соймоновської анкети (1784 р.); 2) «Топографічний опис Харківського намісництва з історичною передмовою», підготовлений директором Харківського народного училища І. Переверзєвим; 3) «Топографічний опис Харківського намісництва 1787 р.» — упорядкований в намісницькій канцелярії на підставі попередніх описів у зв'язку з подорожжю Катерини II в 1787 р. до Криму.

«Топографічний опис Харківського намісництва з історичною передмовою» І. Переверзєва протягом XVIII–XX ст. перевидавався декілька

разів (ми не враховуємо публікацію тематичних уривків з опису у «Новому та повному географічному словнику російської держави» в 1789 р.). Вперше опис було опубліковано в 1788 р. у Москві в «Компании типографической», що належала відомому російському просвітнику М. І. Новікову. Друге видання цього опису було здійснено в 1865 р. у газеті «Харков» (Додаток до «Харьковские губернские ведомости») в рубриці «Харківська писемна та словесна старовина». У спеціальній передмові до видання головний редактор Негіловський визначив основні завдання та принципи публікації цієї історичної пам'ятки: «ми вирішили передати її нашим читачам як вірний фотографічний знімок, у буквальному передруці із зберіганням його орфографії. До цього нас спонукає інтерес до самої книги та її рідкість». На жаль, проголошені у передмові принципи та методи відтворення пам'ятки не були технічно реалізовані укладачами публікації. Текст опису був переданий згідно з правилами правопису XIX ст., і тому наявні в авторському оригіналі великі літери у словах «Намісництво», «Хозари», «Печеніги» та інші були замінені на малі.

Наприкінці XIX ст. до справи видання топографічних описів Харківського намісництва були залучені наукові товариства Харківщини. У 1888 р. під егідою Історико-філологічного товариства при Харківському університеті в «Харьковском сборнике» був надрукований топографічний опис Харківського намісництва 1788 р. з історичною передмовою. Підготовку тексту документу до друку, його звірку з першою публікацією та археографічне опрацювання здійснив Д. Багалій.

«Скорочений опис Харківського намісництва 1787 р.» став доступний дослідникам завдяки публікації його Ю. Морозовим у 1878 р. в Харківських губернських відомостях (№ 15–16). Видання опису було здійснено за списком, що перебував у власності голови Харківської міської думи Є. Урюпіна, після його смерті рукопис було доставлено до бібліотеки Харківського університету учителем 3-ї Харківської гімназії А. С. Гаєвським. Друге видання цього опису побачило світ лише у 1902 р. Воно було здійснено Харківським губернським статистичним комітетом під редакцією В. В. Іванова у типографії М. Зільберберга.

Новий етап науково-дослідної та едиційної роботи у галузі вивчення текстів топографічних описів Лівобережної та Слобідської України пов'язаний вже з відновленням у 1987 р. роботи Археографічної комісії (пізніше з 1991 р. Інституту української археографії та джерелознавства ім. М. С. Грушевського). У грудні 1988 р. на республіканській нараді «Українська археографія: сучасний стан та перспективи розвитку» провідними вченими — археографами нашої країни була представлена перспективна програма видання пам'яток історіографічної та культурної спадщини нашого народу. Відповідно до цієї програми Археографічною комісією, Інститутом історії НАН України в 1991 р. у співтоваристві з видавництвом «Наукова думка» (серія «Описово-статистичні джерела») були опубліковані описи Харківського намісництва. До збірника увійшли «Топографічний опис Харківського намісництва 1785 р.», «Топографічний опис Харківського намісництва 1787 р.», «Топографічний опис Харківського намісництва з історичною передмовою» І. Переверзєва. Видання всіх включених до публікації пам'яток було здійснено згідно з «Правилами видання історичних документів в СРСР» та «Методичними рекомендаціями по передачі текстів XVIII–XIX ст. (Єдлінська У. Я., Страшко В. В.) зі збереганням основних мовних та стилістичних особливостей XVIII ст. При поданні та зовнішньому оформленні тексту опису І. Переверзєва була врахована третя публікація 1888 р., попередньо звірена з першим виданням опису у Москві у 1788 р. Опис Харківського намісництва 1785 р. був виданий відповідно до білового варіанту документу, що нині зберігається у фонді ВУА Російського державного військово-історичного архіву. Останній опис був опублікований за списком, що зберігається як текстове пояснення до Атласу Харківського намісництва у фонді рідкісних книг Держаного архіву Харківської області та РДВІА у Москві. Книга оснащена науково-довідковим апаратом, до складу якого входять передмова, «Від упорядника» (Пірко В. О.), додатки (текстові примітки та географічний, іменний, предметний, термінологічний покажчики). Цінним доповненням до видання є матеріали, що дають можливість ознайомитися з ходом підготовки топографічних експедицій, станом справ у Харківському намісництві за весь час його існування.

Завершуючи огляд означеної проблеми, можна констатувати, що робота по вивченню текстів топографічних описів Слобідської, Лівобережної та Правобережної України продовжується. Надалі Інститутом української археографії та джерелознавства ім. М. С. Грушевського планується видання опису Волинської губернії 1798 р., Описів Катеринославського намісництва останньої чверті XVIII ст.

М. С. Вороніна (Харків)

ЖІНОЧА ПРОФЕСІЙНА ОСВІТА В ХАРКІВСЬКІЙ ГУБЕРНІЇ У ДРУГІЙ ПОЛОВИНІ XIX–НА ПОЧАТКУ XX ст.

У другій половині XIX ст. в Російській імперії спостерігався бурхливий розвиток промисловості: Збільшувалася кількість підприємств традиційних галузей та з'являлися зовсім нові. Останні потребували кваліфікованих робітників. Традиційні галузі виробництва також були змушені скористатися здобутками наукового прогресу. Після відміни кріпацтва у підприємців Харківської губернії, які володіли кріпаками, зникла можливість використовувати дарову робочу силу. Більш вигідно стало купувати новітнє обладнання й приймати на роботу кваліфікованих робітників, яким, у свою чергу, платити вищу заробітну плату, ніж чорноробам.

Розвиток капіталістичних відносин поставив уряд Російської імперії і суспільство в цілому перед необхідністю утворення мережі професійних навчальних закладів.

У Харківській губернії досить повільно засновувались спеціальні училища та різноманітні курси, що було характерне для всіх регіонів Російської імперії. Як свідчать дані Міністерства торгівлі та промисловості, в Харківській губернії на розвиток освіти уряд спрямовував вдвічі менше коштів, ніж земські та міські органи самоврядування й громадськість губернії.

Жіноча професійна освіта в Харківській губернії була на дуже низькому рівні. До матеріальних проблем додавалось ще й відповідне ставлення з боку держави та суспільства до жінок. Стосувалось це навіть жінок із заможних прошарків населення, не говорячи вже про найбідніші. Перший професійний жіночий навчальний заклад у Харківській губернії виник у 1877 році. Це була жіноча ремісниче школа, заснована Харківським товариством грамотності. У 1910 р. з 55 установ середньої та нижчої спеціальної освіти, які діяли в губернії, жінки мали право навчатися лише в шістнадцяти з них.

Підхід до жіночої освіти за гендерною ознакою характеризує не лише обмежена чисельність навчальних закладів, у яких жінки могли отримувати спеціальні знання, а й співвідношення кількості учениць та учнів. Так у тому ж 1910 р. в середніх та нижчих професійних закладах Харківської губернії жінки становили 23 %, а чоловіки — 77 %. Безумовно, це не відповідало відсотку чисельності жінок у суспільстві.

Жіноцтво не мало доступу до багатьох спеціальностей. Наприклад, у 1884 р. Харківське товариство грамотності відкрило в жіночій ремісничій школі спеціалізацію з черевичного ремесла (виготовлення жіночого та дитячого взуття). Однак у 1885 р. з 10 учениць, що навчалися цієї спеціальності, залишилось лише дві. Дівчата пояснювали свій ухід тим, що суспільне оточення негативно сприймало цю професію. Крім того, вони побоювалися в майбутньому залишитись без замовлень та заробітку. Хоча, слід зазначити, що в цей час черевичне ремесло було набагато вигіднішим, ніж інші спеціальності, які надавала Харківська жіноча ремеснича школа (наприклад, крій та шиття). Справа не тільки в тому, що до певних професій жінки, можливо, фізично нездатні, а в тому, що вони не мали право на власний вибір професії, навіть хибний.

У вищій технічній освіті становище було ще гіршим. Лише в ході революційних подій 1905–1907 рр. у Російській імперії жінкам було дозволено навчатися у вищих технічних закладах. Однак одразу після революції жінки втратили таке право.

Отже, в Російській імперії у другій половині XIX—на початку XX ст. не було створено достатніх умов для отримання жінками професійної освіти. Харківська губернія не стала виключенням. Гендерний підхід призводив до того, що в промисловісті жінки вимушені були виконувати некваліфіковану роботу і тому отримувати низьку заробітну платню.

И. В. Заика (Харьков)

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПЕЧНЫХ ИЗРАЗЦОВ ВЕРХНЕСАЛТОВСКОГО ГОРОДИЩА И СЕЛИЩА

С 90-х годов прошлого столетия и до сих пор продолжаются археологические исследования Верхнесалтовского комплекса. На селище работала экспедиция Харьковского госпедуниверситета, а на городище проводит исследования Харьковский национальный университет. Значительная часть находок, полученных в ходе раскопок, относится к позднему средневековью*. Среди керамических изделий привлекают внимание печные изразцы. Коллекция кафеля селища более многочисленна и включает, кроме большого числа фрагментов, несколько целых изделий. На городище целых изразцов не найдено, но, несмотря на это, уда-

* В катакомбных могильниках Верхнего Салтова материалы позднего средневековья отсутствуют.

лось произвести их графическую реконструкцию.

В Верхнем Салтове преобладают терракотовые изразцы песочного, красного, серого, и светло-серого цветов. Но встречаются отдельные части поливных изразцов. На селище был найден лишь один такой фрагмент с изображением человеческого лица, на городище — пять, украшенных растительным орнаментом. Интересно отметить то, что на городище было найдено два одинаковых по форме и орнаментальному сюжету фрагмента, но один из них поливной, а второй — без поливы.

По форме все изразцы коробчастого типа. Архаические (горшкоподобные и мископодобные) не найдены, что объясняется поздним основанием Верхнего Салтова — по письменным источникам в 1639 году. Лицевые изразцы похожи по форме. Встречаются как квадратные, так и прямоугольные, но на городище было обнаружено несколько фрагментов больших по площади лицевой пластины, чем остальные. Судя по реконструкциям печей, такой кафель располагался в центре печи. Карнизные изразцы на селище имеют выпуклую форму, а на городище практически прямые. Изразцы-перемычки также различаются по форме: на селище слегка выпуклые, а на городище они имеют как сильно выпуклую, так и сильно вогнутую форму. Необходимо отметить наличие ажурного и углового кафеля на селище и его отсутствие на городище, отсутствие последнего, возможно, объясняется его фрагментарностью.

В орнаментации кафеля Верхнего Салтова выделяется несколько типов: геральдический, геометрический, растительный и растительно-геометрический.

К первому типу на селище относятся несколько сюжетов: всадник на коне с саблей в руке, изображение святых с христианскими символами, львы в геральдической позе и единственный поливной фрагмент с изображением лица. На городище найден лишь один неполный образец этого типа с изображением хищного четырёхпалого животного.

К элементам орнамента геометрического типа на селище относятся: треугольники, шестиугольники, квадраты, ромбы, круги, мелкая сетка, кресты, прямоугольники и штриховка. На изразцах городища отсутствуют изображения мелкой сетки и прямоугольников, но встречается овал. Кафель этого типа был найден на селище в большом количестве, а на городище изразцы этого типа — малочисленная группа. Лишь один орнаментальный сюжет встречается как на селище, так и на городище, он содержит круги, треугольники и штриховку. Это традиционный народный сюжет того времени, он встречается и в резьбе по дереву.

Если на селище растительный орнамент встречается редко (небольшое число фрагментов и два целых образца: один с изображением шестилепесткового цветка, а второй — листьев), то на городище — это преобладающий тип. Орнаментальные сюжеты изразцов Верхнего Салтова практически одинаковы, но на городище было найдено больше образцов этого типа как по количеству, так и по сюжетному разнообразию. Привлекает внимание кафель с растительным орнаментом, больший по площади лицевой пластины, чем остальные лицевые изразцы. Этот орнаментальный сюжет не имеет аналогий на селище не только по размерам, но и содержит помимо растительных элементов и буквы. В целом сюжетные композиции схожи и имеют ряд общих элементов: четырёх- и шестилепестковые цветы, различные листья (зубчатые и акант), стебли, виноградные грозди.

Элементы растительно-геометрического типа орнамента городища и селища схожи. В изображениях на кафеле присутствуют шестиугольники, квадраты, цветы, листья. Но сюжетные композиции орнамента совершенно различны за исключением одного сюжета, встречающегося на селище и на городище, он содержит такие элементы как четырёхлепестковые цветы, листья, квадраты, шестиугольники и штриховка.

Орнаментальные сюжеты рассматриваемых памятников в большинстве случаев различны, но элементы орнамента одинаковы. Изразцы имеют как статический, так и ковровый орнамент. Практически весь кафель терракотовый коробчастого типа.

Основную массу изразцов Верхнего Салтова следует отнести ко второй половине XVII–XVIII вв., так как они уже не имеют высокой рамки, характерной для первой половины XVII в., но сохраняет традиционные виды орнамента: четырёхчастные композиции, растительные элементы в стиле Возрождения и геометрический орнамент в народных традициях. Уже заметны барочные тенденции: его измельчение, подвижность, выход орнамента за пределы одного изразца (ковровый). Керамический комплекс позднего средневековья нуждается в дальнейшем изучении.

О. В. Коваленко (Полтава)

ЗАКОНОМІРНОСТІ РОЗПЛАНУВАННЯ ВУЛИЦЬ ПІЗНЬОСЕРЕДНЬОВІЧНОГО МІСТА (ЗА МАТЕРІАЛАМИ ПОЛТАВИ XVII–XVIII ст.)

Сітку вулиць пізньосередньовічних українських міст прийнято вважати заплутаною та алогічною. Але це не так, адже у трасуванні, забудові, поширенні назв вулиць міста козацької доби можна виділити закономірності. Доцільним, буде виокремити головні, найтиповіші фактори щодо формування сітки вулиць пізньосередньовічної Полтави:

1) *Гео-ландшафтна, гідрологічна ситуація та рельєф місцевості.* Крутосхили правого корінного берега р. Ворскла визначали поширення забудови фортеці та низових, долинних околиць. Впливала й розгалужена балково-яружна система на території Полтави. Так, на планах фортеці XVII–XVIII ст. позначено Мазурівську балку. Частина міста навколо неї не мала чіткого планування, забудова підлаштовувалася під її стрімкі схили та заболоченість берегів р. Полтавка. Аналогічна ситуація фіксується на планах XVIII–XIX ст. стосовно ярів та балок: Панянки, Рогізної, Кобищанської, Здихального, Бойкового та ін.

2) *Оборонні споруди та міркування військового характеру.* Вулиці, на перший погляд, трасовані за рельєфом, були закладені так, щоб забезпечити швидкий доступ до оборонних споруд. Ділянка міста вздовж північно-західних та західних рівнинних відрізків оборонної лінії була щільно забудована, що посилювало укріплення фортеці. Вулиці основної частини міста проходили двома майже паралельними рядами від північно-західних відрізків огорожі до північно-східної стіни. Від Соборного майдану на північний захід розходилися дві вулиці. Головна — Мостова (частина сучасної вул. Жовтневої) вела до Київської фортечної брами. Інша (Паризької комуни) — до Спаської брами. Перетинало їх п'ять рівнобіжних північно-західній ділянці фортечного валу вулиць. Отже, оборонні споруди відіграли провідну роль у формуванні розпланувальної мережі середмістя.

3) Фактор архітектурно-домінантної ситуації. В. В. Вечерським простежена орієнтація головних вулиць на архітектурні домінанти першої групи, другорядних — на домінанти другої групи. Це явище не було наслідком губернського перепланування Полтави, адже складена за добу пізнього українського середньовіччя, живописна система вулиць, контрасти в розмірах і принципах забудови кварталів чітко простежувались на всіх кресленниках, якими передбачалась реконструкція міста.

4) *Роль торгівельно-економічного чинника та трасування шляхів.* Ці фактори певною мірою взаємопов'язані. Умовно вулиці тогочасного міста можна поділити на зовнішні та внутрішні. Зовнішні — своєрідні торгівельні артерії, йшли від брам до брам, перетинаючи ринок. Ці вулиці були продовженням шляхів, що з'єднували базар з іншими полковими або сотенними містами. Об'їзних доріг за містом не було. А та дорога, що йшла через місто й з'єднувала найважливіші шляхи була головною вулицею. Через Полтаву проходив, окрім шляхів до сотенних містечок, шлях Полтава — Лубни — Пирятин — Київ. Цей фактор позначився на забудові — вони переважно забудовувалися об'єктами торгівельного та господарсько-ремісничого спрямування — коморами, торгівельними рядами, шинками (гуральництво заполонювало міста Лівобережжя, адже продаж горілки та пива приносив колосальні прибутки), цеховими будинками. Так, на Мостовій вулиці знаходився «цех шевскій». Внутрішні вулиці призначалися для обслуговування потреб мешканців міста: під'їзду до дворів, виходів до валу. Часто, розраховувалися лише на пішоходів і вели до вилазок, чи до води. Документи цього періоду свідчать про відсутність у межах Полтавської фортеці надійного джерела водопостачання. Це зумовлено специфічною геологічною ситуацією та стратиграфією відкладів мису берега р. Ворскла, на якому розміщувалася фортеця. Перший водоносний шар тут залягає на глибині 7–8 м, але для постійного використання непридатний, тому колодязі мали пробиватися до другого шару, який залягає на глибині 15–20 м, під шаром щільного темно-жовтого суглинку, який прокопувати в тогочасних умовах було надзвичайно важко. Окрім вулиць центральних та внутрішніх, в системі розпланувальної мережі була ще значна кількість провулків. Вони з'єднували головні вулиці з другорядними, з базаром, брамами, вели до вилазок, сполучали громадські установи чи культові споруди міста. Найчастіше в провулку розміщувалася одна господа, рідше — кілька.

5) Міркування протипожежної безпеки. Історично складена забудова переважно сільських населених пунктів у вигляді кутків, за часів пізнього середньовіччя у міських умовах мала додаткову позитивну якість. Ця хаотична забудова не сприяла поширенню пожеж на значні райони міста, адже будинки були розділені садками, городами. Якщо будинки стояли прямою вулицею, то під час пожеж виникав сильний жаркий і сухий вітер, який сприяв поширенню пожежі.

На відміну від західноєвропейських міських вулиць, що мали ширину 5–7 метрів, вулиці пізньосередньовічного українського міста були ширшими, характер забудови вільний, місто, як і сучасне потопало у зелені (про, що свідчать численні тяжби через фруктові дерева між мешканцями Полтави, зафіксовані у Актах городового стану).

Спираючись на наведені факти, можна стверджувати, що забудова вулиць, розселення мешканців та функціональне призначення провулків і вуличок підкорялося закономірностям. Обличчя міста було сформоване саме за доби Гетьманщини і незважаючи на перепланування XIX та XX століть, зберегло досьогодні історично складену сітку вулиць.

О. В. Кравченко (Харків)

ЗВІТИ ПРО СТАН ХАРКІВСЬКОЇ ЄПАРХІЇ ЯК ДЖЕРЕЛО З ІСТОРІЇ ПРАВОСЛАВНОЇ ЦЕРКВИ (друга половина XIX–поч. XX ст.)

Важливе інформаційне значення для вивчення історії православної церкви в Харківській єпархії мають звіти про стан єпархії, які зберігаються у Дуржавному архіві Харківської області (Ф. 40) та Російському державному історичному архіві (Ф. 796).

Звіти складалися з 1856 до 1917 рр. високопреосвященними архіпастирями Харківської єпархії на підставі свідоцтв, які надсилалися благочинними повітових округів, і щорічно відправлялися до Канцелярії Св. Синоду.

Звіти, як правило, мають чітку структуру та поділяються на декілька розділів, в яких характеризується устрій і стан єпархіального управління (особистий склад та діяльність Духовної Консисторії та Єпархіального Піклування про бідних духовного звання), вміщують щорічний огляд церков та монастирів єпархії високопреосвященними архієпископами, дані про новоутворені хресні ходи, святкові богослужіння. Характеризується матеріальний стан діючих на той час монастирів та общин (майно, земля, прибутки, пожертвування та заповіти на їх користь), визначається кількість монахів та монахинь, моральний стан мешканців обителей, їх благодійна діяльність. Аналізується стан церков (кількість існуючих та знову побудованих, відкриття нових парафій, стан благочинного нагляду та церковного письмоводства, збори та пожертвування в церквах). Характеризується стан освіти серед духовенства, виконання ним пастирських обов'язків, його моральний та матеріальний стан, кількість парафіяльного духовенства, взаємовідносини з паствою. Розділ «Паства» вміщує дані про кількість православного населення в єпархії, приєднання чи відлучення від православної церкви, аналізується стан розколу в єпархії, відмічаються найвидатніші пожертвування на корить церкви та причту. Окремий розділ присвячений катихизичному повчанню. Також у звітах розглядається стан церковно-парафіяльних шкіл (кількість їх при церквах та монастирях, відкриття нових, кількість учнів та вчителів в школах, джерела фінансування, виховання та навчання). З 1866 р. з'являється розділ про діяльність церковно-парафіяльних піклувань, з 1869 р. — про єпархіальний свічковий завод, з 1876 р. — про Харківський комітет православного місіонерського товариства, з 1891 р. — про діяльність Харківської місіонерської Ради. Звіти вміщують матеріали про організацію православно-релігійних братств і благодійних установ і товариств в єпархії (Єпархіального сирітського притулку з 1898 р., емеритальної (з 1895 р.) та поховальної (з 1906 р.) кас, про діяльність училищних братств взаємодопомоги при Сумському училищі, Єпархіальному жіночому училищі та Духовній Семінарії. Аналізується внесок монастирів та церков під час війн (Кримської, російсько-турецької, російсько-японської та першої світової) та стихійних лих, їх діяльність на користь духовно-навчальних закладів в єпархії.

Архієпископи, складаючи звіти, надавали не тільки статистичний матеріал, а й намагалися аналізувати причини тих чи інших явищ, які відбувалися в єпархії (виникнення церковно-парафіяльних шкіл та шкіл грамоти, поява сектантства, взаємовідносини духовенства з паствою, причини занепаду церковно-парафіяльних піклувань та відродження духовного життя на поч. XX ст.).

Отже, звіти охоплюють всі сфери життєдіяльності єпархії, надають можливість науковцям детальніше вивчати церковну історію Харківщини, церковне будівництво, з'ясовувати роль монастирів і духовенства у громадському житті.

Н. С. Мартем'янова (Харків)

ПРОБЛЕМИ ОХОРОНИ ПАМ'ЯТОК ЦЕРКОВНОЇ СТАРОВИНИ В УКРАЇНІ (XVII – поч. XX ст.)

Пам'ятки церковної старовини — найтонший шар матерії, що зберігає та передає досягнення та дух тієї епохи, яка його породила. Це свого роду «передавачі» пам'яті минулих століть, яку людство вчилося зберігати з найдавніших часів. Спочатку пам'яткам церковної старовини поклонялися виключно як святиням і оберігали їх як культові релікти. Проте, в міру перетворення церков і монастирів на центри, де зосереджувалися унікальні пам'ятки культури, виникає й проблема їх охорони. Вона стає об'єктом уваги окремих представників клерикальних кіл, прогресивної української громадськості, які стимулювали виникнення та розвиток різних форм пам'яткоохоронного руху.

Вже до початку XX ст. в Україні цей рух пройшов тривалий шлях розвитку – від найпростішого збирання окремих старовинних предметів християнського культу до утворення наукових і громадських організацій, що ініціювали цілеспрямований пошук і вивчення пам'яток церковної старовини.

Про більш або менш усвідомлені кроки із зберігання старовинних пам'яток християнського культу в Україні можна говорити вже стосовно до XVII ст. Саме в цей час за ініціативою найвидатніших діячів церкви та археологів-аматорів проводяться розкопки на місцях зруйнованих церков, здійснюються спроби їх реставрації. Яскравим прикладом цього була діяльність Митрополита Київського Петра Могили, який виділив кошти на реставрацію Св. Софії Київської, ініціював реконструкцію печер Києво-Печерської Лаври, а в 1633 р. організував розкопки найдавнішої Десятинної церкви.

Рух з охорони пам'яток християнського культу набуває нових, більш широких масштабів наприкінці XVII – на поч. XIX ст., коли до нього залучаються не лише нові кола церковної громадськості, а й найкрупніші наукові заклади. Одним з найактивніших його учасників стає Петербурзька Академія Наук. За її ініціативою до України було направлено наукові експедиції Зуєва, Гільденштедта, Гмеліна та ін. Готуючи матеріал для опису краю, вони зібрали не лише багатющий матеріал з його історії та економіки, а й унікальні відомості про культурну спадщину християнської церкви. Ці матеріали було істотно збагачено в XIX ст., коли з'явилися «Описи» та «Історії» найкрупніших єпархій України. Наприклад, в «Історії Харківської єпархії» Преосвященний Філарет наводить багато цікавих відомостей про найдавніші пам'ятки християнського культу, старовинні богослужебні книги, рідкісні пам'ятки українського церковного живопису в церквах і монастирях Харківщини.

У другій половині XIX – на початку XX ст. з ініціативи видатних учених і церковних діячів створюються товариства з охорони та вивчення пам'ятників старовини та мистецтва, церковно-археологічні товариства, важливими функціями яких стали організований пошук, вивчення та пропаганда пам'яток християнського культу. Так, у 1872 р. було створене церковно-археологічне товариство при Київській духовній академії, а в 1913 р. таке ж товариство з'явилось у Харкові. Вони організували експедиції з метою розшуку та обстеження стану пам'яток церковної старовини, привертали увагу міських властей до проблем їх охорони, всебічно досліджували окремі важливі пам'ятки християнської культури. З ініціативи цих товариств у Києві та Харкові були створені музеї церковних старожитностей.

Таким чином, справа охорони пам'яток церковної старовини має глибокі корені у минулому України, і саме в ті часи було закладено справжній фундамент традицій, які завдяки новим поколінням ентузіастів, незважаючи на численні труднощі, збереглися до наших днів.

В. В. Мирошниченко, Э. Е. Кравченко (Донецк)

ИЗРАЗЦЫ С ПОСЕЛЕНИЙ СРЕДНЕГО ПОДОНЦОВЬЯ II пол. XVII века (ПОСЕЛЕНИЕ В УР. ЯВИР И СВЯТОГОРСКИЙ МОНАСТЫРЬ)

Из комплекса изразцов с памятников Среднего Подонцовья были введены в научный оборот только материалы поселения Казачья Пристань, которым посвящена небольшая заметка. Хронологические рамки их ограничены временем существования поселения (1684–1738 гг.). Поэтому особый интерес представляет публикация материалов более раннего и более позднего периодов. Материалы II половины XVII в. представлены комплексами двух памятников: находками из первых наземных помещений Святогорского монастыря (г. Славяногорск Донецкой обл.) и материалами пос. Явир (у с. Дробышево Краснолиманского района Донецкой обл.). Датировка первых монастырских наземных помещений обусловлена наличием письменных данных о времени их сооружения (70-е гг. XVII в.), находкой в котлованах монет европей-

ского образца, и свидетельством (рубеж XVII–XVIII вв.) о строительстве нового комплекса на другом месте.

На пос. в ур. Явир, в подполе разрушенной постройки, были найдены два типа изразцов, встреченные только в Святогорском монастыре. Кроме этого, в слое, перекрывающем заплыв подпола была полушка образца 1718 г. Абсолютно идентично и стекло из указанных комплексов. Все это позволяет датировать оба комплекса второй половиной XVII в.

В комплексе указанных памятников представлены карнизные, стенные и угловые изразцы. Карнизные изразцы немногочисленны и однообразны. В орнаментальном плане они беднее, чем карнизы Казачьей Пристани и стенные изразцы. Обычно плитка разделена на 2–3 горизонтальных пояса чередующихся геометрических фигур. Карнизы Явора представлены одним типом, близкий аналог которому встречен в Святогорском монастыре. В монастырских же материалах предетавлены 3 типа карнизов, один из которых имеет аналоги на Казачьей Пристани.

Стенные и угловые изразцы разнообразны по композиционному решению, и в плане типологическом.

Среди стенных изразцов выделяются две группы — с двух- и четырехсторонней симметрией. Сюжетные композиции не представлены, что не значит, что их не было. Некоторые предметы имеют на плитке выделенный композиционный центр, в то время, как у других есть лишь центральная точка симметрии.

Изразцы с четырехсторонней симметрией имеют несколько орнаментальных типов, встреченных как на Яворе и Святогорском монастыре, так и на Казачьей Пристани. Характерным элементом орнаментации их являются композиции с S-видными завитками. Так, монастырский комплекс насчитывает 8 их разновидностей, одна из которых абсолютно идентична изразцу с пос. Явир. На последнем есть разновидности изразцов этого типа, аналогичные найденным на Казачьей Пристани.

Другой тип изразцов этой группы представлен предметами, с крестообразными композициями на плитке, построенные при помощи элементов геометрического и растительного орнамента. Из четырех разновидностей этого типа две присутствуют в материалах Казачьей Пристани.

Реже встречаются другие типы этой группы. К ним относятся изразец со стилизованным растительным в комбинации с геометрическим орнаментом, встреченный только в материалах монастыря, а также фрагментарно представленный на Яворе изразец с композиционным центром в виде цветка. Особняком стоит большой (25,2х25,5 см) изразец с пос. Явор, орнаментированный стилизованными цветами и «цветком репейника». Близкие размеры и орнаментальные мотивы имеют поливные изразцы Турции.

Изразцы с двухсторонней симметрией представлены на Яворе и в монастырских материалах одинаковыми типами. Один из них (с изображением стилизованного дерева), по стилю близок русским. Другой тип имеет изображение сильно стилизованных цветов, заключенных в круги, соединенные между собой арочными линиями. В Святогорском монастыре встречен и поливной вариант этого типа.

Рассмотрение орнаментальных композиций изразцов Среднего Подонцовья показывает, что формирование местных разновидностей представляло сложный процесс. Наряду с представленными в изразцовом деле Европы и Украины здесь есть мотивы характерные для русского изразцового искусства, а также для художественного творчества Востока. Особенно рельефно, дифференцировано прослеживается наличие этих влияний на изразцах XVII в.

Еще одной характерной деталью ранних изразцов из Подонцовья является их квадратная, или почти квадратная форма. Уже в материалах Казачьей Пристани наблюдается тенденция к увеличению вертикальных пропорций изразца, находящая свое завершение в комплексе пос. Зливки (XVIII в.), где все экземпляры имеют прямоугольную форму.

Я. В. Мотенко (Харків)

РАДИКАЛІЗАЦІЯ СЕЛЯНСЬКОГО РУХУ ХАРКІВЩИНИ ЯК НАСЛІДОК ПОЛІТИЧНОЇ КРИЗИ 1917–1920 рр.

Актуальність обраної теми дослідження пов'язана з недостатньою розробленістю її в історичній літературі та необхідністю деідеологізованого вивчення даного питання в цілому.

Значною мірою поза увагою науковців й зараз залишаються питання пов'язані з встановленням визначальних орієнтирів періодизації історії селянського руху в Харківській губернії в період революцій та громадянської війни. В зв'язку з цим було б доцільно розкрити зв'язок процесу радикалізації селянського руху Харківщини з соціально-політичними трансформаціями в регіоні протягом 1917–1920 рр., як один з напрямків розробки цієї проблеми.

Розглядаючи селянський рух Харківської губернії, як низку спроб самоорганізації найініціативнішої частини населення з метою захисту власних економічних інтересів, слід відзначити, що його специфічною рисою була прогресуюча радикалізація – схильність се-

лянського загалу до застосування силових методів у вирішенні нагальних проблем.

Оскільки аграрне питання на Харківщині стояло досить гостро, антифеодальна фаза революційних подій 1917 року, викликавши відповідний резонанс серед селянства Харківщини, зумовила його прагнення до негайного розподілу поміщицької власності. Намагання Тимчасового уряду й Генерального Секретаріату Центральної Ради знайти компромісний шлях вирішення земельного питання було розцінено місцевим селянством, як ігнорування владою його потреб. Бажання українського селянина поліпшити власне матеріальне становище, підсилене екстремістськими закликами анархістів і більшовиків, стало причиною самовільного розподілу поміщицьких земель і нищівного грабунку маєтків в усіх 11 повітах губернії восени і взимку 1917 року.

Дезорганізація суспільства внаслідок активізації воєнних дій у 1918 році, мінливість військово-політичних режимів, що будували свій внутрішньо-економічний курс переважно на застосуванні силових методів з частковим врахуванням потреб селянства — все це провокувало селянство до радикальних заходів з метою забезпечення власного добробуту. Тому в січні 1918 р. загонам Червоної гвардії довелося стати на перешкоді розгрому поміщицьких економій, а протягом червня-серпня про потраву селянською худобою поміщицьких угідь і безконтрольні вирубки лісу в губернії повідомляли інформаційні зведення гетьманської адміністрації. Саме на цей період припадають перші повідомлення про виникнення озброєних селянських загонів, що намагалися перешкодити продовольчим реквізиціям.

Перетворення селянського руху Харківської губернії на збройну форму самозахисту, як крайнє радикального засобу реагування на спроби ущемити інтереси селянства, відбулося у 1919–1920 рр. Як свідчать джерела, селянство Харківщини не знайшло повного задоволення своїх потреб у політичних програмах Особливої наради при штабі генерал-лейтенанта А. І. Денікіна і урядів Української Соціалістичної Радянської республіки. Масові повстання хліборобського населення в краї засвідчили його негативне ставлення як до ідеї створення великих приватних сільських господарств, так і до одержавлення аграрного сектору шляхом воєнно-комуністичних заходів.

Таким чином, слід визнати, що саме загострення політичної кризи у 1917–1920 рр., стало причиною швидкої радикалізації селянського руху Харківської губернії. Розпочавшись, як спонтанний імпульс широких народних мас самостійно задовольнити нагальну потребу у вирішенні земельного питання, цей процес в умовах громадянської війни сприяв перетворенню селянського руху в регіоні на збройну форму самозахисту.

С. О. Наумов (Харків)

ХАРКІВ ЯК ОСЕРЕДОК ПОЛІТИЧНОГО РУХУ В РОСІЇ (кін. XIX – поч. XX ст.)

На межі XIX–XX ст. Харків явно виділявся серед губернських міст Росії своєю роллю у визвольному русі. Переважна більшість їх була тоді справжньою політичною периферією: тут у кращому разі діяли окремі малопомітні нелегальні гуртки і групи. Натомість з Харковом було безпосередньо пов'язане становлення загальноросійських і українських партій і організацій якнайширшого спектру, він був вузловим пунктом політичного руху. Це, зокрема, стосується всіх основних політичних течій Росії: соціал-демократичної, соціал-революційної, ліберальної та монархічної.

Соціал-демократичні гуртки існували в Харкові ще з 80-х рр. XIX ст. У 1898 р. вони оформились у організацію з комітетом не чолі — одну з перших у Росії, яка до того ж претендувала на роль лідера в загальноросійському марксистському русі. Місцеві соціал-демократи мали власний план будівництва РСДРП — шляхом «брунькування» нових організацій від уже існуючих, материнських,– і намагалися втілити його в життя. Проте він не знайшов підтримки в інших організаціях, унаслідок чого харків'яни не взяли участі в I з'їзді РСДРП. Видатною подією революційного руху стала харківська маївка 1900 р. — одна з перших і найбільш масова акція такого роду в Росії. Харківський комітет рішуче виступив проти спроб ленінської фракції підпорядкувати собі партію. Його делегати на II з'їзді РСДРП (до речі, оргкомітет по скликанню з'їзду працював у Харкові). Є. Левіна і Л. Ніколаєв зайняли центристську позицію («болото» за ленінською термінологією). Після з'їзду комітет відмовився визнати повноваження більшовицького ЦК. Як зазначалось у радянській історіографії, Харків «перетворився в один із основних опорних пунктів опортунізму в партії».

З Харковом було пов'язане і зародження партії есерів. Частина дослідників, очевидно, вслід за О. Свиридовичем, вважала, що її установчий з'їзд відбувся саме в Харкові, що не відповідає дійсності. Місцева есерівська група, котра існувала з 1895 р., була представлена на Воронезькому з'їзді 1897 р., де була заснована т. зв. Південна партія есерів. Рішення про створення загальноросійської партії було прийняте в 1901 р. в Берліні. Харківська організація була

однією з найпотужніших — за оцінками, 400–500 членів у 1904 р. Через це, а також у зв'язку з аграрними заворушеннями в регіоні, на Харків покладались особливі надії. Тут відбувся з'їзд ПСР, у 1901–1902 рр. перебувало ядро Бойової організації — її (а фактично і всієї партії) керівники Г. Гершуні й П. Крафт, терористи С. Балмашов (убивця Д. Сіпягіна), С. Клитчоглу (готував замах на В. Плеве), Х. Качура, який 27 липня 1902 р. здійснив замах на харківського губернатора Оболенського.

Активно включились до опозиційного руху діячі Харківського земства й міської думи. Вони неодноразово вступали в конфлікт з місцевою адміністрацією, взяли участь у петиційній і банкетній кампаніях. У вересні 1903 р. в Харкові збирались представники ліберальної інтелігенції Росії, які ухвалили рішення про проведення установчих з'їздів Союзу визволення і Союзу земців-конституціоналістів. Харків'яни були учасниками обох з'їздів, причому М. Ковалевський став членом Ради Союзу визволення. Вагомою складовою ліберального руху були й студентські виступи 1899–1901 рр., що переросли в загальноросійський студентський страйк.

Нарешті, Харкову належить пріоритет щодо організаційного оформлення на периферії консервативно-монархічних сил. Тут виник перший провінційний відділ «Русского собрания» (листопад 1903 р.). Незмінним головою відділу був один з чільних діячів правого руху в Росії А. Вязігін.

Харкову судилося стати колискою українського політичного руху. У 1891 р. тут розпочала діяльність перша загальноукраїнська політична організація — Братство тарасівців. Харківському гуртку до його розгрому в 1893 р. належало лідерство в Братстві. У 1897 р. була заснована Харківська Українська студентська громада, з якої виросла перша на Наддніпрянщині Революційна українська партія. Протягом 1900–1901 рр. Харківська організація, очолювана Д. Антоновичем, була кістяком РУП і до 1904 р. утримувала в ній лідируючі позиції.

У Харкові в 1902 р. виникла й праворадикальна Українська народна партія М. Міхновського. Місцева організація на всьому протязі існування УНП була основою партії. Ту же в 1904 р. була створена бойова група УНП під назвою «Оборона України». Її, здається, єдиною і доволі нерозважливою акцією була спроба підірвати пам'ятник О. Пушкіну в Театральному сквері Харкова.

Причини такого становища навряд чи варто шукати в якихось особливостях складу, менталітету населення Харкова тощо. Можна висловити припущення, що одним із головних чинників було поєднання в Харкові ознак великого культурного (зокрема, вузівського), промислового, транспортного й адміністративного центру, який до того ж був місцем висилки політично неблагонадійних з центральних районів імперії.

І. С. Панченко (Харків)

ДІЯЛЬНІСТЬ ХАРКІВСЬКОГО УНІВЕРСИТЕТУ ТА РОЗВИТОК МУЗЕЙНОЇ СПРАВИ (XIX–поч. XX ст.)

Бурхливий розвиток музейної справи в другій половині XIX–на початку XX сторіччя був пов'язаний з глибинними процесами, що відбувалися в житті країни. Це привертало увагу передової інтелігенції, що усвідомлювала виховне, просвітнє значення музеїв – справжніх хранителів культурного національного надбання.

Заснування в місті університету, в січні 1805 р., стало точкою відліку в справі музейного будівництва на Харківщині. Саме колекції, що були придбані для навчальних цілей університету, у подальшому перетворились на окремі музеї, або стали основою музейних експозицій. Про важливість та цінність музейних зібрань університету свідчить згадка про нього поряд з іншими музеями світу в енциклопедії Britannica за 1911 рік. Так історія заснування унікального анатомічного музею починається, майже одночасно, з організацією кафедри анатомії при медичному факультеті в 1805 р. Зоологічна колекція Четті лягла в основу Зоологічного кабінету, що мав тоді назву натурального і виник у 1807 р. Протягом багатьох років колекція поповнювалась і це дало можливість у 1863 р. від зоологічного музею відокремити зоотомічний. Приблизно до цього часу відноситься і заснування нумізматичного кабінету, завдяки щедрим пожертвуванням графа С. Й. Потоцького в 1806 р. Впродовж років колекція зростала переважно завдяки дарункам, серед яких найбільш цінний було зроблено 9 лютого 1813 р. адміралом П. В. Чичаговим. У ході бойових дій він взяв замок князів Радзивілів у Мінській губернії, саме звідти надійшла до Харківського університету колекція золотих та срібних медалей і монет Польщі та інших країн Заходу, що налічувала 13 271 екземпляр. Деякі з них були унікальними. Крім того, за проектом В. Н. Каразіна, в Харківському університеті передбачалось відкрити дев'ять факультетів, серед яких мало бути відділення красних мистецтв. На превеликий жаль цей задум не втілився в життя, університет було відкрито з чотирма відділеннями, але одночасно з його заснуванням відкрився кабінет малюнку та живопису. З цією метою Каразін придбав у Петербурзі в проф.

Фрідріха Аделунга відому колекцію, яка налічувала 2477 екземплярів, серед яких 1297 гравюр та 59 акварельних малюнків різних художніх шкіл. Пізніше, у 1857 р., І. Е. Бецький подарував університету свою колекцію, що налічувала 170 картин різних італійських майстрів. Через два роки кабінет було зачинено, а всі його предмети передано до музею красних мистецтв та старожитностей. Початок роботи музею тісно пов'язаний також з діяльністю мюнц-кабінету, архітектурного кабінету.

Поява музею красних мистецтв та старожитностей відноситься до 1837 р. На його утримання було призначено 2000 крб. на рік. Музейні колекції поступово зростали, що потребувало розширити штат працівників. Отже, з 1860 р. з'являються помічники завідуючого музею, тобто фахівці з музейної консервації та зберігання. У 1861 році музей стає відкритим для публіки, крім того, через два роки він працює і як учбово-допоміжна установа при щойно відкритій кафедрі теорії та історії мистецтв. Художні зібрання продовжували поповнюватись, зокрема, в 1873 р. було передано колекцію А. М. Алфьорова.

Неоціненний внесок у справу становлення музейного будівництва внесли вчені університету: Є. К. Рєдін, М. Ф. Сумцов, Д. І. Багалій.

Вже з перших років радянської влади, незважаючи на голод, розруху, починають вирішуватися питання музейної справи, охорони пам'ятників культури. У 1919 р. проф. Ф. І. Шміт, разом з вченими і співробітниками музею красних мистецтв університету, що був проголошений сховищем Музейного фонду, вивозив з покинутих або реквізованих, на державні чи військові потреби, особняків художні цінності. З лютого 1919 р. у Харкові почав працювати Губернський комітет охорони пам'яток мистецтва і старовини (Гукопмис). Складався він з п'яти секцій. Завідуючим археологічної секції був О. С. Федоровський, етнографічної – М. Ф. Сумцов, архітектурно-монументальної – С. А. Таранушенко, музейної – Ф. І. Шміт та архівної – Д. І. Багалій. У зв'язку з тим, що приміщення музеїв перетворились на склади, перш за все необхідно було провести реорганізацію саме музейних закладів. Університетський музей стає Центральним художньо-історичним і розташовується на верхньому поверсі головного корпусу університету. Він мав відділи: далекосхідний, історичний, живопису та скульптури, порцеляні. Завідуючим на той час був Б. В. Порай-Кошиць. У математичному корпусі університету розташувався Археологічний музей. Завідував ним О. С. Федоровський. У цьому ж будинку знаходився Геологічний музей. Неподалік з новим юридичним корпусом по вулиці Університетській діяли Мінералогічний музей та Музей Географічного кабінету. У приміщенні колишнього Актового залу Університету існував музей килимів, меблів, та старовинної зброї, хоча фактично він так і залишився складом Музейного фонду. В цей же час створюється багато інших музеїв. Всього на 1921 рік у Харкові існувало близько двадцяти чотирьох музеїв. Крім того, зростає музейна мережа в Харківському окрузі. М. В. Сібільов, директор Ізюмського музею, В. А. Бабенко, директор Вовчанського музею тісно співпрацювали з археологами університету, зокрема з відомим вченим О. С. Федоровським. Вони організовували археологічні розкопки та брали в них участь.

Зростання музеїв у перші післяжовтневі роки, насамперед, було обумовлено потребами суспільства, яке отримало новий імпульс в інших політичних умовах. Розмаїття музеїв, розвиток уявлень про музеєзнавчу науку, популярність музейної діяльності – все це ознаки музейного ренесансу. Етап національного відродження початку XX ст. був логічним продовженням процесу, започаткованого наприкінці XIX ст. і тісно повязаного з утворенням національної державності.

А. И. Папков (Белгород)

«ИЗМЕНА» КУРСКИХ ЧЕРКАС 13 августа 1641 года

Определенное влияние на образование Слободской Украины в рамках Российского государства второй половины XVII в. сыграло переселение украинцев («черкас» — по терминологии того времени) в Россию, развернувшееся в первой половине упомянутого столетия. Этот процесс протекал не всегда гладко, имели место попытки возвращения черкас обратно, на территорию Речи Посполитой.

Первый широкомасштабный побег связан с Чугуевым, откуда черкасы ушли 26 апреля 1641 г. Разрядный приказ предпринял ряд мер для успокоения служилых черкас, остававшихся в России после «измены» чугуевцев. По городам были разосланы царские грамоты, содержавшие указание воеводам собрать черкас и объявить им царскую милость, и гарантировавшие, что «измена чугуевцев» никак не скажется на отношении к остальным черкасам. Подобную грамоту получил курский воевода, строго выполнивший все содержавшиеся в ней предписания.

Черкасы в Курском уезде были устроены на жительство в 1638 г. У переселенцев возник ряд проблем, основная причина которых указана в челобитной, поданной осенью 1640 г. В ней говорится о спорах между черкасами и русскими

помещиками по поводу земельных наделов. Причину челобитчики сформулировали так: «А мы, холопи твои, люди новыя, русково обычая не знаем и не приобычимся...» В ответной грамоте из Разряда воеводе было приказано оберегать черкас от притеснений. Конфликт был исчерпан, и не он послужил причиной ухода курских черкас «в Литву», ею стала информация, распространенная И. Холоденко. Вернувшийся из Москвы черкасский сотник Иван Холоденко, распустил слух, что всех курских черкас собираются побить на Успеньев день, и соответствующий указ из столицы уже послан. Холоденко был отправлен в столицу с челобитной от черкас и, будучи в Москве, слышал, как многие русские служилые люди жалуются на то, что им за несколько лет не выплачено жалованье, в то время как «иноземцам» черкасам оно выдается регулярно. Сотник утверждал, что, если черкасы останутся в России, то «за то им от русских людей быть побиту». Речам Холоденко придавало убедительности то обстоятельство, что после «измены» чугуевцев воевода изъял у курских черкас казенные пищали. 8 июня 1641 г. в Курск пришло распоряжение о возвращении оружия, но последующие события позволяют предположить, что это указание не было выполнено своевременно.

В 1641 г., 13 августа, черкасы покинули службу и направились в сторону Речи Посполитой. «Изменили» не все, часть, «лучшие люди», осталась. Воевода поднял всех служилых людей Курска и бросил их в погоню. Немедленно были поставлены в известность воеводы близлежащих российских крепостей. Хотмыжский воевода сообщал 13 августа 1641 г. о том, что отправил голов с ратными людьми, чтобы «изменников» не пропустить в «Литовскую сторону». Кроме хотмыжан, на «изменников» посылали ратных людей из г. Вольный. Беглецов настигли 16 августа на Бокаевом шляхе, в 20 верстах от Хотмыжска. Вернуться они не согласились. Завязался бой, прекратившийся в сумерках из-за дождя. Благодаря этому обстоятельству, части черкас удалось скрыться налегке.

Вечером 16 августа, в 7 часов, служилые люди, присланные из Вольного, сообщили путивльскому воеводе П. Волконскому об «измене» курских черкас. Из Путивля было немедленно послано 200 чел. К сражению они не успели, но перехватили черкас, бежавших по Сагайдачному шляху. Десять пленных привели с собой. На допросе последние сообщили, что из-под Курска ушло их около 150 чел., а если считать с семьями, то, примерно, 700.

В конце августа курский воевода Григорий Образцов составил списки «изменивших» и оставшихся верными черкас. «Изменили» жители двух черкасских слобод — ближней и дальней (возможно называвшейся Рождественской), располагавшейся в 20 верстах от города. Из дальней слободы ушли: атаман Михаил Дерята, шесть сотников, пять есаулов и 138 рядовых. В слободе остались: поп Василий и три атамана, имевших жалованье 250 четей и 9 руб. деньгами (причем двое их них были ранены при бегстве своих товарищей), два сотника (жалованье — 200 четей и 6 руб.), один есаул и десять рядовых с жалованьем как у сотника, трое рядовых, имевших по 150 четей и 5 руб. и четверо с жалованьем в 100 четей и 4 руб., всего 23 чел. Список бежавших из ближней слободы пока обнаружить не удалось, имеется только перечень черкас, оставшихся верными: один сотник (200 четей и 6 руб.), 38 рядовых с таким же жалованьем, 25 — получавших по 150 четей и 5 руб., 25 — имевших по 100 четей и 4 руб. деньгами, всего 89 чел. (по подсчету документа — 87).

Виновные понесли наказание, некоторых для острастки повесили, остальных с семьями и имуществом выслали через Москву в Сибирь и понизовые города. Причем, изменников высылали в столицу как сразу после побега (например: из Хотмыжска — 12 чел., из Вольного — 9 чел., из Путивля — 12 черкас с 8 женами и детьми), так и на протяжении всего следующего 1642 г. Объясняется это тем, что захвачено было довольно много беглецов, для размещения их всех городских тюрем не хватало, поэтому часть из них отдали под охрану служилым людям указанных городов. После получения приказа «о высылке изменников в Москву» местным воеводам приходилось разыскивать последних, а это не всегда было легко. Отмечены случаи продажи и попытки закрепощения пленных. Черкасы, сохранившие верность государю, продолжали жить и нести службу на прежнем месте, правда, к ним стали относиться более настороженно. В свою очередь, последние всячески старались доказать свою преданность. Например, спустя год, 8 апреля, двое «изменников» пришли в Черкасскую слободу под Курском за своими семьями, но были опознаны служилыми черкасами, выданы воеводе, допрошены и отправлены в Москву.

Особо следует остановиться на действиях курского воеводы, связанных с распоряжением имуществом «изменивших черкас». Сам по себе подобный случай неординарен и не имел прецедентов. Бежавшие оставили свое имущество, по первоначальным подсчетам воеводы: 109 быков и коров, 33 теленка, 54 овцы, 160 ягнят, 13 свиней, 37 поросят. Следовательно, встал вопрос сохранности брошенного скота и ухода за ним. Имеется роспись имущества, оставленного в дальней слободе. В этом документе воевода Г. Образцов приводит уточненные данные. Всего осталось пустыми 122 двора, в течение некоторого времени после побега была собрана вся скотина, оставшаяся во дворах и брошенная по дороге. В «Росписи...» числится 118

быков, коров и двухлетних телят, 33 годовалых теленка, 249 овец и ягнят, 70 коз — эту скотину воевода раздал курским посадским и жилецким людям «беречь до государева указу». О своих действиях Г. Образцов донес в Разряд, подчеркнув, что у жителей курского посада нет возможности содержать скот зимой, после того как кончится трава на летних пастбищах. Кроме того, после изменников осталось 110 свиней, из которых две трети были поросята возрастом в полгода и меньше. Все они были проданы, за них выручили 14 руб. 3 алтына 4 деньги. Помимо сохранения скота, воеводе пришлось организовывать уборку урожая на брошенных участках. В общей сложности было сжато 139 копен ржи, 182 копны овса и 23 копны пшеницы. Зерновые были обмолочены, при этом получили: ржи — пол-осьмины из копны, овса — осьмину с верхом, пшеницы — неполную осьмину из копны.

Урожай пошел в казенную житницу, а скот, по распоряжению Разряда, был роздан курянам, яблоновцам и чугуевцам в собственность. Куряне получили 83 коровы и 20 телят, чугуевцы — пять коров, по одной корове получили стрелецкий пятидесятник из Яблонова и курский черкашенин Василий Лебедянченко. Конец списка розданной скотины не сохранился, поэтому нельзя установить, как были распределены овцы и козы. Известно только, что часть скота осталась и была продана на сумму 51 руб. 15 алтын 2 деньги.

Приведенные факты свидетельствуют, что черкасы перед побегом уже обзавелись хозяйством, обрабатывали землю. Уход с обжитого места, сопровождавшийся оставлением ценного имущества, был вызван серьезными опасениями за свою безопасность. На это обстоятельство не могли не обратить внимание российские власти. Следствием этой и подобных «черкасских измен» стало изменение политики центральной и местной российской администрации в отношении черкас, что позволило обеспечить укоренение последних на территории юго-западных уездов Российского государства, а в дальнейшем — заселить выходцами из Украины обширную территорию, получившую название Слободская Украина.

В. О. Пірко (Донецьк)

КУЛЬТУРА СЛОБОЖАНЩИНИ КІНЦЯ XVIII ст. У ТВОРЧІЙ СПАДЩИНІ І. О. ПЕРЕВЕРЗЄВА

Відродження та розбудова Української незалежної держави створює необхідне підґрунтя для відновлення національної культури. Оскільки Україна характеризується регіональними особливостями в розвитку культури, то відродження культурних традицій регіонів немислиме без уважного вивчення процесу їх формування та стану в минулому.

Як окремий регіон Слобожанщина сформувалася в другій половині XVII–XVIII ст. Стан її культури наприкінці XVIII ст. найкраще відтворений у творчій спадщині одного з її представників — І. О. Переверзєва. Нині вже ніхто не сумнівається, що йому належать дві важливі писемні пам'ятки, на підставі яких можна зробити висновки про процес формування та стан тогочасної культури Слобожанщини («Краткия правила российского правописания из разных грамматик выбранныя и по свойству украинского диалекта для употребления малороссиянам дополненныя в Харькове» та «Топографическое описание Харьковского наместничества с историческим предуведомлением о бывших в сей стране с древних времен переменах...»

В останній з них автор зазначає, що під час монголо-татарського завоювання мешканці краю змушені були залишити прабатьківські місця і податися на захід. Після чого ця територія майже 400 років перебувала в запустінні. Невдачі в Національно-визвольній війні під керівництвом Б. Хмельницького спричинилися до масового переходу людності з Правобережної України на Лівобережну й швидкому заселенню межиріччя Сіверського Дінця та Дону. Автор підкреслює: «Сии переселенцы, добровольно возвратясь на опустевшее своих праотцев наследие, составили новый в Российской державе гражданский и воинский корпус... — Слободские полки». Однак тривале їх перебування у складі Польсько-литовської держави відбилося на їх мові та на всьому укладі життя: «...из того явилась как-будто бы иноплеменная нация».

Автор відмічає, що переселенці принесли з собою чимало вдосконалень у всі сфери життя. У будівництві поширилася практика розрізати, а не тесати дерево. Завдяки чому з однієї колоди можна було зробити декілька брусків. Для покриття будинків вживалися гонти. Замість жорен для помолу зерна будували водяні млини. Описуючи нові прийоми в різних сферах життя, котрі вживали переселенці на Слобожанщині, автор підкреслює, що всім цим вони відрізнялися від росіян і називає їх українцями та малоросіянами.

Позитивно оцінює Переверзєв поширення серед поселенців трипілля та надання переваги посівам ярових культур перед озимими, котрі через несприятливі кліматичні умови часто доводилося пересівати. Високо оцінює він також стан скотарства, відмічаючи, що воно не таке як у «степных народов». Воно дає їм більший прибуток, ніж землеробство.

Багато місця автор відводить опису обрядів та свят. Він підкреслює нахил українців до забав: «Главная забава вообще... украинцев состоит в игральных орудиях. Самый скудный человек без скрипиц свадьбы не играет. Украинцы наигрывают свои песни и на других ... инструментах.» Говорячи про вживання на святах спиртних напоїв, Переверзєв підкреслює, що українці ніколи не напиваються і справа не доходить до бійок. Також він відмічає, що найбільше вони люблять святкувати храмові свята та хрещення дітей. Іменин майже не відзначають. Описуючи весільні обряди, зазначає, що вони «много отъемлют у людей здоровья, имущества и работ... и для родительских домов весьма убыточны». В той же час він підкреслює, що вони згідні нести ці збитки, але щоб не порушити усталених традицій.

Таким чином, відроджуючи нині традиції Слобожанщини, зруйновані в роки панування тоталітарної системи, варто звертатися до писемних пам'яток минулого, в яких вони описані.

С. І. Посохов (Харків)

ПОЖЕРТВУВАННЯ І. Г. ХАРИТОНЕНКА НА СТУДЕНТСЬКИЙ ГУРТОЖИТОК: ЕПІЗОД З ІСТОРІЇ ХАРКІВСЬКОГО УНІВЕРСИТЕТУ

Іван Гаврилович Харитоненко (1820–1891) відомий не лише як один з головних членів синдикату цукрозаводчиків, а й як меценат. Серед його значних пожертвувань є й таке, що пов'язано з історією Харківського університету. У 1879 р. він пожертвував сто тисяч рублів на влаштування гуртожитку для «недостатніх» студентів університету, у 1884 р. ще п'ятдесят тисяч з тим, щоби з сум державного казначейства щорічно виплачувалися відсотки у розмірі 6 тисяч руб. для утримання при університеті 20-ти студентів (одна стипендія імені імп. Олександра II, одна — імені імп. Олександра III і 18 — імені жертводавця).

У літературі дорадянського періоду стверджувалося, що на відкритті гуртожитку для студентів («з дисциплінарною метою») наполягав міністр освіти Делянов, в той час як попечитель Харківського учбового округу Максимовський всіляко прагнув віддати збудований на пожертвування гуртожиток для потреб медичного факультету задля того, аби зберегти свою квартиру у центральному корпусі університету. В решті-решт, цей будинок було передано медичному факультету для його аудиторій, лабораторій та кабінетів (Див: Краткий очерк истории Харьковского университета.– Харьков, 1906.– С. 189).

У радянські часи відома дослідниця історії університетів Г. І. Щетініна відзначила, що верхи заохочували надання студентам місць у гуртожитках, де їх було легше контролювати, харківські ж студенти «майже ворожо» зустріли побудований для них у 1882 р. гуртожиток (Щетинина Г. И. Студенчество и революционное движение в России. Последняя четверть XIX в.– М., 1987.– С. 21).

З'ясувати історію з студентським гуртожитком дозволяють архівні матеріали, які зберігаються у Центральному державному історичному архіві України (Ф. № 1191. Оп. 1 Спр. 90).

Звернення І. Харитоненка до тимчасового харківського генерал-губернатора графа М. Т. Лоріс-Мелікова з проханням прийняти сто тисяч рублів «у повне розпорядження» датоване 4 вересня 1879 р. Вже у цьому листі жертводавець пропонує використати ці гроші на будівництво гуртожитку: «...для предоставления недостаточной учащейся молодежи способов спокойно продолжать учение, без необходимости отвлекаться посторонними заботами, мне казалось бы полезным скромное пожертвование мое обратить на устройство в Харькове общежития для недостаточных студентов здешнего Университета, где за возможно дешевую цену или даже бесплатно они могли бы находить удобный приют». Лоріс-Меліков погодився з можливістю такого використання коштів і запропонував попечителю Харківського учбового округу створити особливу комісію, до складу якої б увійшли віцегубернатор, предводитель дворянства, голова губернської земської управи, міський голова, ректор, інспектор університету та декілька професорів «близко знакомых с нуждами и потребностями учащихся и вообще условиями студенческого быта». Мета комісії бачилася «в изыскании способов к осуществлению благой мысли г. Харитоненко..., установлении правил по заведыванию будущим общежитием и управлению им в хозяйственном и других отношениях...». З часом така комісія була сформована. Від університету до її складу увійшли окрім ректора Пітри також професори Надлер, Масловський, Зарубін, Стоянов, Щелков, Шимков, Рогожин, Леваковський. Очолив її попечитель Максимовський, вона отримала назву «Комітет з влаштування студентського гуртожитку у м. Харкові». Перше засідання означеного комітету відбулося 16 вересня, о 7-й вечора, у приміщенні університету на квартирі попечителя Максимовського. Невдовзі розпочалися будівельні роботи. За проектом архітектора Б. Г. Михаловського у наступному році в основному було збудовано трьохповерховий корпус гуртожитку (вул. Сумська, 41), розрахований на 150 місць. 14-го березня 1880 р. з міністер-

ства внутрішніх справ прийшло повідомлення про нагородження І. Г. Харитоненка орденом св. Володимира III ступеня.

Однак на цьому історія з студентським гуртожитком не завершилася. На своєму засіданні 28 лютого 1881 р. Комітет товариства нужденних студентів Харківського університету відмовився прийняти на своє утримання зазначений будинок. Мотивувалося це тим, що товариство не має відповідних коштів, а належне надходження плати від студентів навряд чи можливо, що є чимало інших потреб студентів, про які товариство мусить піклуватися. В решті-решт, у листі голові Комітету з влаштування студентського гуртожитку з цього приводу відзначалося, що кількість студентів, які мають потребу у житлі, становить 15–20 осіб, а для цього достатньо 5–6 кімнат. У зв'язку з цим пропонувалося передати будинок гуртожитку у повне розпорядження Товариства допомоги нужденним студентам з тим, щоб прибутки з нього могли використовуватися на потреби студентів. Однак окрім фінансових міркувань на таке рішення товариства ймовірно вплинули також плани щодо принципів існування гуртожитку. Вже з самого початку планувалося влаштувати гуртожиток на наступних принципах: 1. розмістити у гуртожитку казенних стипендіатів; 2. на їх утримання, а також на утримання будинку, використати всі казенні стипендії; 3. студентів, які отримують приватні стипендії, не примушувати жити у гуртожитку, але дозволити це за відповідну плату.

Міністр народної освіти граф Толстой в цілому погодився з цими принципами, але додав таке: «1. С открытием общежития прекратить окончательно выдачу правительственных стипендий на руки; 2. Подвергнуть студентов общежития более строгому режиму в полицейском отношении, чем предполагал комитет, обсуждавший этот вопрос». Влітку, а потім восени 1880 р. попечитель повідомив міністерство про неможливість одразу припинити надання всіх урядових стипендій і посилити поліцейський нагляд. Свою позицію він аргументував так: «С осени прошлого года между студентами университета стала обнаруживаться агитация против тех оснований, на которых предполагалось устроить общежитие; дальнейшие наблюдения по этому поводу привели к решительному убеждению, что студенты относятся к предполагаемой системе вполне враждебно». Міністр погодився з тим, що такі дії можуть викликати незадоволення, а то й заворушення серед студентства. Однак ідея гуртожитку на значну кількість студентів, які б «находясь под влиянием известного режима, принятого для общежития, образовали бы из себя ядро более дисциплинированной молодежи», не була відкинута. Однак при цьому постало питання — як зробити проживання в гуртожитку більш дешевим для студентів. Саме тоді вирішили передати завідування будинком гуртожитку Комітету товариства нужденних студентів.

Студентство відреагувало негативно. Інспектор проінформував, що йому відомо про домовленість студентів не допускати до гуртожитку студентів, які користуються стипендіями, про те, що студенти вимагають права поселення до гуртожитку студентів, які не користуються будь-якими стипендіями, що студенти-стипендіати рішуче заявили про небажання замінити видачу стипендій на руки на поселення до гуртожитку. У вересні 1880 р. студентам було запропоновано створити особливий комітет з обраних ними ж депутатів для попередньої розробки правил гуртожитку, які потім планувалося обговорити у комітеті з влаштування студентського гуртожитку. Студенти категорично відмовилися від участі у цій справі.

В решті-решт комітет з влаштування гуртожитку дійшов висновку, що система дарових або дешевих квартир у гуртожитку можлива лише за умови, якщо університет даватиме на ці потреби не менше 8000 руб. на рік.

Але, до того ж, одноголосно заявив, що створення такої системи небажано. На думку комітету «централизация молодежи в числе до 150, а быть может и более, человек, привыкших к совершенной свободе, представляется далеко небезопасной; подвергнуть их какому-либо, более или менее строгому, режиму будет невозможно, так как в руках университетского начальства не будет никакого серьезного средства для обуздания провинившихся или отступающих от принятых для общежития правил, кроме общих полицейских мер, надежда на которые весьма сомнительна; помещение казенных стипендиатов в здании общежития в этом отношении представляло бы более удобств, так как для содержания их в массе, в руках университетского начальства был бы весьма важный рычаг – лишение стипендии, при системе же дешевых или даровых квартир этого средства университет в своем распоряжении иметь не будет, а простое удаление из здания общежития может только повести к перемене жильцов, но еще не настроения оных».

Загальний висновок комітету був таким, що краще цей будинок передати на потреби університету, тим більше, що розширення університетських приміщень забезпечує прямі інтереси студентства. Було вирішено звернутися до жертводавця та колишнього генерал-губернатора Лоріс-Мелікова з цією пропозицією. Пропозиція була прийнята і невдовзі у зазначеному будинку розташувався медичний факультет університету. Так закінчився вельми показовий для історії студентства др. пол. XIX ст. епізод – спроба влаштування студентського гуртожитку у Харкові.

В. В. Приймак (Суми)

ПУТИВЛЬСЬКИЙ ХРАМ (ЗА РОЗКОПКАМИ В. А. БОГУСЕВИЧА)

Кам'яні храми Чернігово-Сіверщини споруджувались у столицях — Чернігові, Новгород-Сіверському, а також удільних центрах — Трубчевську, Вщижі, Путивлі. В нероздробленій на уділи Переяславщині кам'яні храми також зводились поза межами столиці — в Остерському городку й Льті, однак лише перший з названих центрів можна вважати регіональним центром. На Льті Борисоглібський собор з'явився в один час з таким же собором у Вишгороді й монастирем в околицях Смоленська. Принаймні до двох із цих будов був безпосередньо причетним Володимир Мономах одноосібно, а у Вишгороді — разом з іншими князями (Хорошев О. С.). Є підстави очікувати відкриття кам'яного храму в одному з центрів Посулля і Лтаві.

В 1959–60 рр. В. А. Богусевичем було досліджено фундаменти кам'яного храму на дитинці Путивля. Він розташовувався в центральній частині дитинця. Храм мав 20 м у довжину з притвором і 16,6 м у ширину з притворами та 12 м без них. Саме форма бокових притворів довгий час вирізняла храм серед інших, близьких за формами фундаменту і розмірами. Пізніше з'ясувалося, що у Новгород-Сіверську храм був аналогічним, хоча дещо ширшим. (Куза А. В., Коваленко В. П., Моця О. П.) Досі не вдалося вирішити питання про назву храму, що пояснюється кількома причинами. В літописному повідомленні про захоплення дитинця Путивля 1146 р. йде мова про церкву Вознесіння, а тому Г. К. Вагнер і собор, який досліджувався В. А. Богусевичем і Б. О. Рибаковим, іменує так само. Проте Ю. С. Асєєвим висловлено припущення, що даний храм називався Спаським, за прикладом головного храму землі. Показовим є те, що П. О. Раппопорт ухилився від найменування дослідженого собору Вознесенським. Між літописною згадкою про церкву Вознесіння і датою спорудження кам'яного храму (кінець XII—перша половина XIII ст.) — часовий проміжок у 40–90 років. Якщо ця, швидше за все, дерев'яна церква була зведена ще в XI ст., то її могли розібрати і поставити на новому місці. Разом з тим, відомі випадки співіснування на дитинці міста двох церков, і не тільки в столицях, а й у Білгороді, який мав близький до Путивля статус у Київському князівстві. Хронологія храму, про який іде мова, також не визначена. Виходячи з того, що він є спрощеною і дещо меншою копією новгород-сіверського, очевидним стає їх взаємозв'язок. В дискусії щодо хронології позиції дослідників також різні. Г. К. Вагнер вважав, що путивльський храм звели на замовлення Ігоря Святославича і його сина Володимира, які разом були в горезвісному поході 1185 року на половців, разом би мали й будувати храми після щасливого для них завершення епопеї. Відомий дослідник стверджує, що спільність композицій свідчить не лише про загальний задум, а й не виключає зведення обох храмів однією артіллю. При цьому Г. К. Вагнер брав до уваги аргументи Б. О. Рибакова щодо датування храму передднем монголо-татарської навали, на що вказує неоштукатуреність церкви і відсутність там фресок. Водночас слід мати на увазі, що в Смоленську відомий храм без фресок і штукатурки — П'ятницька церква, яка датується між кінцем XII — серединою XIII ст. і — що особливо важливо — пережила ремонт. В тому ж Смоленську не був розписаним храм Троїцького монастиря, але аркосольні ніші, вирубані в стінах його притворів — північного і західного — були прикрашені фресками. Через це не можна виключати подібної ситуації і в Путивлі: храм міг стояти і неоштукатуреним та нерозписаним доти, доки комусь із путивльських князів не заманулось здійснити цю роботу. У смоленському й путивльському зодчестві існує ще одна паралель: при дослідженнях пізньосередньовічного кам'яного приміщення Троїцького монастиря (Є. М. Торшин) було відкрито закладний камінь з викарбуваним князівським знаком. Камінь було використано повторно, швидше всього, із зруйнованого давньоруського собору цього монастиря. Князівський знак подібний до половини знаку з плінфи путивльської церкви. Мабуть, мова може йти про хронологічну подібність знаків. Близькі знаки відомі у Новгороді й Смоленську. Як гадають В. Л. Янін і П. Г. Гайдуков, вирішення питання атрибуції князівських знаків полягає в поєднанні їх класифікації з топографією знахідок. Цегла з двома князівськими знаками, розташованими поряд, цікава і наявністю написів. Вони, як і в більшості випадків, лаконічні й скорочені. Шляхом порівняння кількох плінф, на яких збереглися відбитки тексту (останній наносився не менш, ніж двома формами), вдається відтворити літери з обох боків знаків. Вони виконані у віддзеркаленому положенні: ліворуч – «АГ», праворуч – «ГАН», які можна прочитати як «Архангел Гавриїл», Формула «АГ» вживалась як скорочення «агіос» (святий), але відомі й інші варіанти, зокрема «ГИН АГЛЫ». Остання зафіксована в кам'яній іконці з Рибінська. Формула «БОГЬ ДА» читається нижче, також з обох боків знака, вона у написах не трапляється, хоча поодинці вживалася, наприклад, у написі № 314 Софії Київської. Проте «Житіє Феодосія Печорського» таке словосполучення знає — це початок фрази «Богъ да благословить, тя, брате» у діалозі Феодосія з великим київським князем Ізяславом, де йдеться про випікання хліба в монастирі. За умови

правильного прочитання напису як «Архангел Гавриїл» постає питання щодо його значення. Це не може бути ім'я небесного покровителя Миколая-Святослава — сина Олега Святославича — Гориславича (в чернецтві Гавриїла), оскільки його вже не було серед живих. В той же час, серед сучасників Ігоря Святославича відомий митрополит київський Гавриїл, який очолював церкву Русі між 1198 і 1210 роками. В 1201 році Ігор Святославич, який в 1198 році став чернігівським князем, помер. Тому період між 1198 і 2001 роками видається найбільш прийнятним для часу закладання храму в Путивлі, на якому міг бути присутнім глава руської церкви. Плінфа могла відігравати роль закладного каменя. На той час інтенсивне кам'яне будівництво охопило не лише Чернігів (П'ятницька церква), а й Новгород-Сіверський, Трубчевськ. Тому і поява кам'яного храму в Путивлі виглядає цілком логічною. Те, що знаки на торцевих частинах цегли з путивльського храму, а також щойно названих в межах Чернігово-Сіверщини, мають багато спільного, очевидно, є відображенням виробничих особливостей, «почерком» діяльності однієї артілі зодчих. Кореляція знаків із товщиною плінфи не показала істотних відмінностей між групами знаків. Ймовірне прочитання літер як цифрових позначень, тим більше, що на них простежуються явні ознаки їх написання як цифр. Вони могли означати номери партій або кількість цегли (сотень — ?). Втім, це питання потребує комплексного архітектурного аналізу, з врахуванням техніки кладки, матеріалу, інших особливостей тих церков, де аналогічні путивльським знаки застосовувались, а до датування храму воно має опосередковане відношення.

В. В. Скирда, С. В. Тарасенко (Харьков)

ВКЛАД СВЯЩЕННИКОВ ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХИИ В РАЗВИТИЕ АРХЕОЛОГИИ КРАЯ

С начала XIX века на территории Слободской Украины растет интерес к археологии родного края. Все большее число любителей и археологов занимаются поисками и исследованиями археологических памятников, существовавших на данной территории. При этом определенная роль в нахождении и описании древних городищ и стоянок, а также в сборе археологического материала принадлежала священникам Харьковской епархии.

Так, архиепископ Харьковский и Ахтырский Филарет был одним из первых, кто составил подробное описание археологических памятников Слобожанщины. Он проявлял глубокий интерес к изучению исторической науки и археологии и поэтому в 1856 году был избран почетным членом Императорского Русского археологического общества. Для нас интересен труд Филарета, имеющей отношение к истории и археологии Слободской Украины — «Историко-статистическое описание Харьковской епархии» в пяти отделениях, изданный в Харькове и в Москве в 1852–1859 годах. Это сочинение является ценным источником по археологии Харьковской губернии и было высоко оценено как современниками, так и последующими поколениями ученых. В нем было дано подробное описание большого числа археологических памятников — в основном курганов и городищ — с указанием их точного месторасположения, размеров и т.п. Также следует отметить, что, начиная с 1888 года, сведения о местных древностях при помощи священников собирал архиепископ Харьковский и Ахтырский Амвросий. Именно поэтому профессор Д. И. Багалей во время своей подготовки к VIII Археологическому съезду в Москве и при составлении археологической карты Харьковской губернии, подготовленной им к XII Археологическому съезду в Харькове, привлекал сведения, собранные Филаретом и Амвросием, а также священниками, присылавшими ему сведения о местных археологических памятниках.

Большой вклад в дело изучения культурного прошлого внес отец Василий Спесивцев, священник села Райгородка Изюмского уезда. Он собрал значительную коллекцию древностей, состоящую из кремневых наконечников, ножей, скребков, бронзовых изделий и большого количества медных и серебряных золотоордынских монет, среди которых оказалась серебряная аббасидская монета IX века. В 1891 году о. Спесивцев отослал собранный материал профессору Д. И. Багалею, сопроводив его письмом, в котором описывал как местность, где были сделаны находки, так и сами находки. Текст письма был зачитан на заседании Харьковского историко-филологического общества (ХИФО), где его выслушали с большим вниманием. Сообщение о. Василия Спесивцева было опубликовано в «Харьковском сборнике» за 1892 год под названием «Случайная археологическая находка». Найденные и приобретенные предметы древности были им безвозмездно переданы Музею изящных искусств и древностей Харьковского университета. В 1892 году о. Василий Спесивцев становится действительным членом ХИФО.

О. Василий Спесивцев принял активное участие в деятельности Харьковского Предварительного комитета по устройству XII Археологического съезда. Он исследовал места поселе-

ний каменного века и собрал еще одну коллекцию древностей. В частности, исследователем были найдены многочисленные древние железные предметы земледельческого и военного быта: плужки, косы, топоры, сверла, стремена, удила, колокольчики, ножи и фрагменты кольчатого панциря. В. Спесивцев высказал предположение, что указанные предметы принадлежат золотоордынским и азовским татарам. Все находки также были пожертвованы им в Музей Харьковского университета. Летом 1901 года о. Спесивцев принимал участие в археологической экспедиции В. А. Городцова, проводившей раскопки курганов с каменными бабами. Кроме того, в «Трудах Харьковского Предварительного комитета по устройству XII Археологического съезда», изданных в 1902 году, были опубликованы сообщения о. В. Спесивцева по результатам произведенных археологических изысканий.

На XII Археологическом съезде был прочитан доклад о. В. Спесивцева (сам он присутствовать не мог) о его многолетней работе в окрестностях Райгородки, где подводился итог этих археологических изысканий. Автором отмечалось наличие на данной территории различных археологических памятников, начиная от каменного века и заканчивая периодом существования татарских улусов XVI века. В частности, исследователь указывает на наличие в регионе нескольких стоянок и одной мастерской неолитического периода, захоронений поздних кочевников, остатков горнов для плавки меди, татарского селища, на котором были обнаружены кирпичи от построек и монеты Азовской орды. Доклад был опубликован в «Трудах XII Археологического съезда».

Таким образом, нужно отметить, что священники Харьковской епархии внесли определенный вклад в развитие археологии нашего края. Во-первых, большую роль в развитии археологии Слобожанщины на протяжении нескольких десятилетий играл труд Филарета «Историко-статистическое описание Харьковской епархии». Многие священники собирали сведения о местонахождении археологических памятников и сообщали их ученым. Особую роль в развитии археологии края сыграл отец Василий Спесивцев, которого с полной уверенностью можно назвать археологом-любителем — он не только собирал коллекции древностей, но и проводил самостоятельные раскопки.

Л. А. Чувпило (Харьков)

ПРЕПОДАВАНИЕ ВОСТОЧНЫХ ЯЗЫКОВ В ХАРЬКОВСКОМ ИМПЕРАТОРСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ (1805–1917 гг.)

Место университета в системе востоковедческого образования, равно как и его вклад в развитие ориенталистики, определялись в Российской империи, в первую очередь, успехами этого университета в области преподавания изучения восточных языков. Поэтому в данном докладе предпринята попытка восстановить систему организации и проследить историю преподавания восточных языков в Харьковском императорском университете.

Первым университетским уставом 1804 г. преподавание восточных языков предполагалось сосредоточить на специальной кафедре словесного отделения. В Харькове эта кафедра была замещена на несколько лет раньше, чем в Москве и Казани выпускником Геттингенского университета И. Г. Барендтом. Сразу же по открытии университета в январе 1805 г. он, в звании адъюнкта, начал проводить занятия по древнееврейскому языку, восточной филологии и переводу псалмов. Архивные документы показывают, что И. Г. Барендт был отнюдь не местным лютеранским пастором, как это считают многие современные исследователи, а специально приглашенным из Германии дипломированным специалистом, которому только ранняя смерть в конце 1805 г. не позволила поставить харьковское востоковедение на должный уровень.

После смерти Барендта харьковская кафедра восточных языков пустовала на протяжении четверти века. Приглашения в Харьков немецких ориенталистов и введение в 1811 г. должности лектора маньчжурского языка не принесли желаемых результатов. Только в 1829 г. кафедра была замещена немецким профессором Б. А. Дорном. Работая в Харькове более пяти лет, Дорн вел обязательные трехгодичные курсы арабского и персидского языков и факультативы по санскриту, древнееврейскому, турецкому и, впервые в Европе, эфиопскому языкам. В своей преподавательской деятельности Дорн стремился совмещать традиции российского и западноевропейского востоковедения, дополняя их собственными новациями.

После ухода Дорна в 1835 г. кафедру восточных языков более так и не удалось заместить, и в 1854 г. она была упразднена. Преподавание восточных языков возобновилось в Харьковском университете только в 1869 г. на открытой по уставу 1863 г. кафедре сравнительного языкознания и санскрита. Восточные языки на этой кафедре с 1869 по 1917 гг. преподавали В. И. Шерцль (1869–1885), А. В. Попов (1881), Э. М. Диллон (1883–1887), А. И. Александров (1887–1889), Д. Н. Овсянико-Куликовский (1888–1905), П. Г. Риттер (1899–1917),

И. М. Эндзелин (1907–1917). С 1869 г. на кафедре постоянно читались обязательные курсы санскрита и ведийского языков, а с середины 80-х гг. XIX в. — также авестийский язык. Кроме того, в отдельные годы читались курсы древнеперсидского (Д. Н. Овсянико-Куликовский, И. М. Эндзелин) и армянского (И. М. Эндзелин и, очевидно, Э. М. Диллон) языков. В. И. Шерцль намеревался организовать на кафедре официальное преподавание японского и китайского языков, но инициатива не встретила поддержки в министерстве. На практических занятиях студенты занимались разбором и переводом вед, индийских басен, эпических и философских текстов, романов Дандина, элегий и поэм Калидасы, а также Авесы, древнеперсидских надписей и армянских литературных произведений. В. И. Шерцлем были изданы первые в России пособия по древнеиндийской грамматике и синтаксису. Одни из лучших учебников по санскриту был написан также П. Г. Риттером. В целом, преподаванию восточных языков на харьковской кафедре сравнительного языкознания уделялось значительно больше внимания, чем на аналогичных кафедрах других российских университетов. Выпускниками и слушателями кафедры был ряд видных российских и советских востоковедов.

Помимо кафедры сравнительного языкознания, восточные языки (ассирийский и древнееврейский) в 90-е годы XIX в. преподавались на кафедре всеобщей истории в рамках курса истории древнего Востока доцентом В. В. Лапиным.

Таким образом, в Харьковском императорском университете в разное время преподавались в общей сложности одиннадцать восточных языков. Подобного разнообразия не было ни в одном российском университете, не имевшем в своей структуре восточного подразделения. Главной особенностью преподавания восточных языков в Харькове был упор на научно-теоретические, а не на практические, как в других университетах, задачи.

О. О. Шкрібітько (Донецьк)

РОЗВИТОК ГОСПОДАРСЬКОЇ БАЗИ СВЯТОГІРСЬКОГО МОНАСТИРЯ наприкінці XVI–XVIII ст.

Однією із сторін монастирського життя є господарська діяльність. Саме вона дає чітку уяву про розвиток монастирів, їх доходи та загальний добробут. Тому, на наш погляд, є доречним звернення до висвітлення і оцінки комплексу питань, відображених в історичній літературі і пов'язаних з розвитком наприкінці XVI–XVIII ст. господарської бази Святогірського Свято-Успенського чоловічого монастиря, розташованого нині на території Донецької області.

Головна увага акцентується на наступних аспектах:

— стан дослідження проблеми;

— види, розміри та місцезнаходження володінь обителі;

— характеристика форм господарювання;

— управління монастирськими володіннями.

Коротко характеризуючи перший аспект, необхідно відмітити, що господарство монастиря в літературі більш повно відображено тільки з останньої чверті XVII ст., в той час як про ранній період (кінець XVI–перша половина XVII ст.) відомі лише окремі факти, слабо підкріплені джерелами. При цьому ця тенденція спостерігається як в дореволюційній, так і в радянській історіографії. Певною мірою це пояснюється тим, що до сьогоднішнього часу господарство Святогірського монастиря не було об'єктом спеціальних досліджень. Мабуть, серед значних публікацій спеціальної літератури описового характеру, найбільшим внеском у вивчення проблеми можна вважати грунтовні дослідження харківського архієпископа Філарета (Гумелівського) та директора Слов'яногірського державного історико-архітектурного заповідника В. М. Дєдова. Автори ретельно дослідили такі питання як: власність обителі першої половини XVII–XVIII ст.; сутність конфліктів монастиря і місцевого населення у XVIII ст.; кількість підданих та їх повинності. Такий стан вивчення проблеми пояснюється обмеженістю джерельної бази з даної проблеми та недостатнім її вивченням. Окремі церковні документи були опубліковані в рідких виданнях, частково зберігаються в фондах архівів: РДАДА (м. Москва), ЦДІАУ (м. Київ), ДАХО (м. Харків).

Другий аспект роботи можна розбити на дві частини. Спочатку перелічимо види монастирських володінь та майна, їх місцезнаходження: паро́м на Сіверському Донці та переправа через нього на Торські соляні озера солепромисловців (користувалися ним до 1664 р.); землі понад річкою Мокрим Ізюмцем біля м. Ізюма (державне пожалування 1626 р.); міста та поселення: Богородичне, Студенок, Банне, Ярова та інші; вітряк з земельним наділом на р. Уди; п'ять соляних колодязів у м. Слов'янську; водяний млин на р. Осколі під м. Куп'янськом тощо. В цілому, до 60-х рр. XVII ст. земельні угіддя монастиря простягалися на 50 верст, а після розмежування (1666 р.) зменшилися в десять разів.

В основі монастирської власності лежали державні пожалування (земля, угіддя, ін.) за охорону південних кордонів Москви від татарсь-

ких набігів. Однак, після азовських походів Петра I напади зменшилися, і обитель, втративши воєнне призначення, поступово переростає у багатогалузеве феодальне господарство. Держава припиняє дотаційну політику, і прибуткова частина монастиря все більше складається з приватних пожалувань. Тільки під час секуляризації (80-ті рр. XVIII ст.) економічна база монастирського господарства була послаблена і церква знову стала слухняним знаряддям у руках самодержавства та поміщиків.

У XVIII ст. на Слобожанщині поступово зростало кріпосне господарство. В 1774 р. за Святогірським монастирем нараховувалося 1884 підданих, в 1780 р. — 1221 чол., на червень 1788 р. — понад 2 тис. кріпаків. Вони відробляли на користь монастиря панщину, яка досягала 5–6 днів на тиждень (ЦДІАУ.– Ф. 1710.– Оп. 2.– Спр. 1201, 2281).

Таким чином, в XVI ст. монахи-відшельники, переважно на перших порах, займалися рибною ловлею, полюванням, бортництвом та добували сіль на Торських озерах. В другій половині XVII ст. ці заняття поступово втрачають своє значення і на зміну їм приходять — тваринництво, землеробство (хліборобство). З'являються підприємства з переробки сільськогосподарської продукції, а з початку XVIII ст. — цегельний, скляний та свічковий заводи, сукновальня. Монастир перетворюється в одне з багатогалузевих господарств Слобідської України.